This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

WID-LC
M55
Vol. 1904
No. 9

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

A
WID-LC
AP
30
.M55
Vol. 1904
No. 9

Минский Труд

34

HARVARD UNIVERSITY
LIBRARY
FEB 2 1983
FAS-130 PM

№ 9.

1904.

Въ редакціи журнала Мирный Трудъ (Харьковъ. Дѣвичья, № 14-й) и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени" продаются слѣдующія изданія Харьковскаго Отдѣла Русскаго Собранія.

Альбицкій В И. проф. „Объ устройствѣ судоходства на Днѣпровскихъ порогахъ". Цѣна 20 коп. съ пер. 25 к.

Бородкинъ М. М. Памяти В. Л. Величко (о его поэзіи). Цѣна 20 к. съ пер. 25 к

Бородкинъ М. М. „О поэзіи Ѳ. И. Тютчева". Цѣна 20 коп. съ пер. 25 коп.

Бородкинъ М. М. „О литературныхъ заслугахъ гр. А. К. Толстого". Цѣна 20 коп.

Буцинскій П. Н. проф. „Предпріимчивость русскаго человѣка". Цѣна 20 коп. съ пер. 25 коп.

Буцинскій П. Н. проф. „Восточные вопросы". Цѣна 10 коп.

Вицинскій В. П. „Санитарныя нужды нашей арміи на Маньчжурскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій". Цѣна 25 к. съ пер. 30 к.

Завитневичъ В. З. проф. „Мѣсто Алексѣя Степановича Хомякова въ исторіи русскаго самосознанія". Цѣна 25 коп. съ пер. 30 коп.

Праздникъ русскаго самосознанія (открытіе Харьковскаго Отдѣла Русскаго Собранія). Цѣна 20 к. съ пер. 25 к.

Савиновъ. „О замѣнѣ иностранныхъ словъ русскими". Выпускъ I. Цѣна 20 к съ пер. 25 коп. Выпускъ II. Цѣна 20 коп.

Стефанъ, епископъ Сумскій. „Памяти В. Л. Величко". Цѣна 10 к. съ пер. 15 коп.

Страховъ. „Кантъ, какъ учитель нравственности". Цѣна 20 коп. съ пер. 25 коп.

Шаховской М. Л. князь. „Мелкая земская единица". Цѣна 20 коп. съ пер. 25 коп.

Ф. В. „Мечты русскаго патріота". Цѣна 20 коп

Выручка отъ продажи изданій Отдѣла жертвуется на военныя нужды.

Кромѣ вышеупомянутыхъ изданій Харьковскаго Отдѣла Русскаго Собранія въ редакціи продается книжка: **Таубе М. Ф. баронъ** „Всеславянское значеніе Руслана и Людмилы". Цѣна 20 коп. Чистый доходъ предназначается на усиленіе русскаго флота.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

МИРНЫЙ ТРУДЪ.

(Повременное научно-литературное и общественное изданіе).

№ 9.

(Ноябрь).

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., домъ № 17-й.
1904.

ДОЛГ ВТОРОЙ.

МИРНЫЙ ТРУД.

Дозволено цензурою. г. Харьковъ, 10 Ноября 1904 года.

(ПОВЕСТЬ).

ХАРЬКОВЪ
1904.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ноябрьской книжки журнала „Мирный Трудъ".

Стр.

„Кащей", сказка въ 4 дѣйств. и 7 картин. кн. Д. П. Голицына (Муравлина). . . . . 1—40

„Митрополитъ Филаретъ Московскій о Православіи и Самодержавіи", Ивана Кошкарова . . . . . 47—56

„Уваровскій Университетъ", Н. Н. Родзевича . . . . 57—80

„Изъ исторіи Крымской кампаніи", проф. П. Буцинскаго 81—101

„Обозрѣніе духовныхъ журналовъ", В. З. . . . . 102—119

„Памяти кн. С. В. Шаховского", стих. П—въ 119

„Россія и революція", А. Вязигина . . . . . 120—130

„Отзывъ Э. Фагэ о книгѣ Мережковскаго и современной прессѣ", Д. Людвинскаго . . . . . 131—137

Дѣятельность обществъ. „Въ обществѣ для распространенія коммерческихъ знаній", „Въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ", В. Смѣлкова. „Въ Харьковскомъ Отдѣлѣ Русскаго Собранія", П. Хорсова . . . . . 138—166

„20-е октября 1894—1904", стих. В. Иванова . . . . 167—168

„Проглотилъ", этюдъ съ натуры В. П. Карпова . . . 169—181

„Изъ записной книжки русскаго монархиста", CIX—CXXII. Н. Черняева . . . . . 182—197

„Священной памяти Царя-Миротворца", стих. Ф. Пестрякова. 198

„Незабвенной памяти Императора Александра III", С. Ф. Д. . . . . 199—22
По поводу студенческихъ безпорядковъ . . . . . 226—22
Военное обозрѣніе, Н. Черникова . . . . . 234—24
Библіографія: Мончаловскій О. А. „Главныя основы русской народности" и „Участіе малороссовъ въ общерусской литературѣ" П. Хорсова. *Кузинъ*, „Война въ мнѣніяхъ передовыхъ людей" Н. Черникова. . . . . 244—24
Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію по 1-е ноября 24
Объявленія.

КАЩЕЙ

сказка въ 4 дѣйствіяхъ и 7 картинахъ

Князя Д. Л. Голицына (Муравлина).

(Исполнена въ 1-й разъ на сценѣ театра Литературно-Художественнаго Общества, въ С.-Петербургѣ, 10 октября 1903 г.).

ДѢЙСТВІЕ I.

Картина I. У Кащея.

Дѣйствующія лица:

Кащей безсмертный.	Панъ.
Правда.	Кѣмчинъ.
Кривда.	Черный бѣсъ.
Ханъ.	Рыжій бѣсъ.

Всякіе уроды.

Мрачное и богатое жилище Кащея. Самъ Кащей полулежитъ, угрюмый, на высокомъ ложѣ, къ которому ведутъ ступени. На ступеняхъ сидятъ *Черный* и *Рыжій бѣсы*. Въ разныхъ углахъ сидятъ и корчатся *уроды*. Двое изъ нихъ разводятъ огонь въ причудливыхъ печахъ. Отъ печей идетъ яркій красный свѣтъ.

Уродъ 1-й (*нараспѣвъ, мрачно*).
Чѣмъ потѣшить намъ Кащея?

Уродъ 2-й. Что ни новая затѣя,—
Все не нравится ему...

Уродъ 3-й. Что ни сдѣлаемъ,—не дѣло.

Уродъ 4-й. Все Кащею надоѣло
Въ недоступномъ терему.

Кащей. Который годъ живу я?

Черн. бѣсъ. Въ преисподней
Записано.

Кащей. Ну, бѣсы—и народъ!
Одинъ другого гаже и негоднѣй!
Записано!.. Ты долженъ знать, уродъ.
А долго-ль жить мнѣ?

Рыж. бѣсъ. Жить ты будешь вѣчно.
Ты злоба.

Кащей. Ну?

Черн. бѣсъ. Не можетъ быть земля
Безъ злобы.

Кащей. Такъ.

Рыж. бѣсъ. Живи себѣ безпечно.
И злобствуй.

Черн. бѣсъ. Духъ свой гнѣвомъ окрыля,
Пусти его по весямъ и по градамъ.

Рыж. бѣсъ. Гдѣ домъ стоитъ,—пусть тамъ запахнетъ адомъ.

Черн. бѣсъ. Гдѣ человѣкъ,—пусть раздается плачъ.

Рыж. бѣсъ. Терзай народъ, пусть слезы льются градомъ!

Черн. бѣсъ. Гдѣ горе,—тамъ надъ всѣми ты палачъ.

Кащей. Охъ! Скучно мнѣ... Хочу пойти походомъ,
А на кого—не знаю.

Рыж. бѣсъ. Ты жену
Возьми себѣ.

Черн. бѣсъ. Царевну. Чтобъ съ народомъ
Своимъ она у насъ всѣхъ въ полону
Была.

Рыж. бѣсъ. Тогда душѣ твоей привольно!
Боль вызывай въ народѣ цѣломъ.

Кащей. Ну?
Я съ васъ начну.
(*Вонзаетъ когти въ обоихъ*).

Рыж. бѣсъ. Ой! Нѣтъ! Оставь же!

Черн. бѣсъ. Больно!

Кащей. Скажи еще!

Черн. бѣсъ. Ой!

Рыж. бѣсъ. Больно!

Кащей. Хороша
Чужая боль... Въ ней грѣется душа
Моя... Еще!.. На славу!.. Ну, довольно.
О чемъ кричать? (*Черному бѣсу*). Узнай и разскажи.

(*Черный бѣсъ выбѣгаетъ. Шумъ растетъ*).

Уродъ 1-й. Чѣмъ потѣшить намъ Кащея?

Уродъ 2-й. Что ни новая затѣя,—
Все не нравится ему.

Уродъ 3-й. Что ни сдѣлаемъ—не дѣло!

Уродъ 4-й. Все Кащею надоѣло
Въ недоступномъ терему.

Кащей. Ишь, какъ шумятъ! А то не кутерьма ли
Напрасная!

Черн. бѣсъ (*возвращается*). Кащей, ты не тужи!
Забава есть! Двухъ путниковъ поймали.

(*Толпа бѣсовъ и уродовъ вводитъ Правду и Кривду*).

Уродъ 1-й. Мы сейчасъ растопимъ печи.

Уродъ 2-й. Разгорайтесь, печи, ярче!

Уродъ 3-й. Мы растопимъ печи жарче!

Уродъ 4-й. Заклеймимъ пришельцамъ плечи!

Уродъ 1-й. Одному мы для забавы
Очи выжжемъ!

Уродъ 2-й. То пустое!

Уродъ 3-й. А другому всѣ суставы
Мы растянемъ сразу вдвое.

Кащей. Вотъ каковы! Откуда и куда?

Кривда. Мнѣ страшно, Правда...

Правда. Полно, не бѣда!
Авось, не съѣстъ. Убить насъ невозможно.
Мы—вѣчныя. А вотъ помучить, да!

Кривда. Я говорила, что неосторожно
Идти открыто.

Правда (*смотритъ на Кащея*).
Рожа-то противна.

Кривда (*испуганно*).
О! Нѣтъ. Прекрасна!

Правда. Препротивна.

Кривда. Дивна.

Кащей. Ну, долго-ль ждать? Откуда и куда?

(*Останавливаетъ знакомъ бѣсовъ и уродовъ, надвигающихся на Правду и Кривду*).

Кривда (*подобострастно*).
Шли мы, дяденька, оттуда.
А идемъ теперь туда,
Но нигдѣ такого чуда
Не видали никогда.
Какъ ни взглянешь,—все тутъ диво!
Все чаруетъ око мнѣ.
И сидишь ты такъ красиво
На богатой вышинѣ!

Правда. Это Кривда,—судитъ криво.
Ей не долженъ вѣрить ты.
Я же Правда. Все тутъ диво,
Но совсѣмъ безъ красоты.
А тебя на свѣтѣ гаже
Не увидѣть никому.
Охъ, тошнехонько мнѣ даже
Въ этомъ смрадномъ терему!

Уродъ 1-й. Мы сейчасъ растопимъ печи!

Уродъ 2-й. Мы растопимъ печи жарче!

Уродъ 3-й. Разгорайтесь, печи, ярче!

Уродъ 4-й. Заклеймимъ пришельцамъ плечи...

Кащей. А! Правда съ Кривдой! Слышалъ. Бѣсы, ну-ка
Рѣшайте вы, кому какая мука!

Кривда. А мнѣ за что? Тебѣ служить всегда
Я рада...

Кащей. Ишь ты!

Кривда. Пригожусь на славу!
Вотъ Правда—точно... Съ нею лишь бѣда!
Ее возьми, красавецъ, на расправу.

Кащей. Ты помолчи... А шли-то вы куда?

Кривда. Вѣдь я сказала... Ты же слышалъ, право...

Правда. Сказала плохо... Криво, какъ всегда!

Кривда. Шли мы, родимый, въ далекое царство.

Правда. Русь называется то государство.

Кривда. Шли, да не чаяли зла!
Охъ, кабы вѣдать намъ! Охъ, если знать бы!

Правда. Къ празднику свѣтлому радостной свадьбы
Насъ Царь-Дѣвица звала!

Кривда. Шли мы лѣсами, да плыли чрезъ море,
Словно на свадьбу, а то и на горе...
Всякій спѣшитъ, коли званъ.

Правда. Въ жены пріемлетъ красу Царь-Дѣвицу,
Странъ молодыхъ молодую царицу,
Славный царевичъ Иванъ.

Кащей. А хороша собою-то невѣста?

Правда. Красавица. Другой на свѣтѣ нѣтъ.

Кащей. Русь велика?

Кривда. Какъ слышно, много мѣста...
А гдѣ намъ знать? Великъ раскинутъ свѣтъ.

Кащей (*Правдѣ*). Ты говоришь: красавица?

Правда. На диво.

Кащей. Женился-бъ я. Мнѣ скучно одному.

Правда. Что-жъ, поскучай. Понравишься кому,—
На той женись. Лицо-то больно криво.
Отъ жениха такого смерть спаси!
Охъ, не ищи невѣсты на Руси!

Кривда. Все вретъ она! Да каждая невѣста
Себѣ такого ищетъ жениха.
Богатъ! Могучъ! Да не сойти мнѣ съ мѣста,
Коль не пойдетъ.

Правда. Польстить ты не плоха!
Женихъ—Иванъ-Царевичъ!

Кащей. Ну, и ладно!
Пусть онъ женихъ. А мужемъ быть-то мнѣ,
Коль захочу. Скучненько, безотрадно
Быть безъ жены. А женщины—онѣ
Подчасъ годятся, чтобъ разсѣять скуку.
Женюсь. На Русь тѣмъ наложу я руку.
А вотъ, каковъ народецъ въ той странѣ?

Кривда. Тамъ народецъ непутевый, безтолковый онъ,
хоть брось!
Ничего не понимаетъ и живетъ онъ на авось.
Всякій строитъ хату съ краю и твердитъ
всегда одно:
„Ничего-то я не знаю, будь, что будетъ,
все равно“.
Кто захочетъ, завладѣетъ тѣмъ народомъ
безъ труда.
Пѣшій, конный, хромый, ходкій—устремляются туда.
Гостю всякому раздолье, а простору хоть
убавь.
Ты пойди туда, красавецъ, и народомъ этимъ
правь.

ПРАВДА. Русь велика, что глубокое море.
Взгляду до дна не дойти.
Знала она и великое горе.
Стону и плачу на дальнемъ просторѣ
Мѣсто не трудно найти.
Горемъ рожденная свѣтлая сила,
Русь закалилась въ бою.
Кровью, слезами свой домъ оросила,
Но о пощадѣ врага не просила,
Муку лелѣя свою!
Русскій народъ только правдою понятъ,
Русь вдохновеньемъ сильна!
Пусть чужаки въ свою сторону клонятъ...
Русь, точно дерево, въ бурю застонетъ,
Но не погибнетъ она.

КАЩЕЙ. Не слушалъ бы совсѣмъ такихъ рѣчей.

ПРАВДА. А самъ ты кто?

КАЩЕЙ. Безсмертный я Кащей.
Такая есть, для сказокъ, прибаутка,
Что въ сундукѣ былъ заяцъ, въ зайцѣ утка,
А въ ней яйцо... въ яйцѣ же смерть моя!
Смѣшно подумать, право. Вѣченъ я!

КРИВДА. Я тоже.

ПРАВДА. Да и я.

КАЩЕЙ. Сошлись мы трое!
Да только съ Кривдой, кажется, мы двое,
А ты одна!
Ну, Кривда, ты скачи
Впередъ на Русь. Поболѣе развѣдай,
Пріуготовь... Гдѣ нужно, помолчи,
А гдѣ—солги... Тому велѣнью слѣдуй,
Чтобъ быть тебѣ мнѣ ревностнымъ слугой.

КРИВДА. Тебѣ раба, а ты мнѣ вождь благой.

КАЩЕЙ. А женихомъ я нынче же поспѣю.
Мнѣ Правда путь укажетъ.
(*Кривда быстро уходитъ*).

ПРАВДА. Не солгу.
А правду слышать можешь?

Кащей. Да, могу.
Знать правду надо.

Правда. Даже и Кащею?

Кащей. Да, правду знать, чтобъ ею обладать.
А поступить по своему сумѣю.

(*Бѣсы и уроды хохочутъ*).

Тише, бѣсы... тише, чу!
Чую духовъ приближенье...
Кто-то просится ко мнѣ.

(*Сходитъ съ ложа*)

Голосъ. Въ дверь тяжелую стучу,
Допусти мое явленье,
Истомился я въ огнѣ.

Кащей. Сколько васъ?

Голосъ. Стучатся трое.

Кащей. И откуда?

Голосъ. Мы въ аду.

Кащей. Нужно что?

Голосъ. Съ тобой свиданье.

Кащей. Появитесь. Я васъ жду.
Начинаю заклинанье.

Бѣсы и уроды. Пламя злое, землю жги!
Прожигай дыру большую.

Кащей (*очерчиваетъ круги огнемъ*).

Въ эти яркіе круги
Выходи, кого я чую.

Бѣсы и уроды. Сила мрака, повели,
Чтобъ свершилося явленье.
Пусть предъ нами изъ земли
Выростаетъ привидѣнье.

Кащей. Будь, земля, легка, что пухъ!
Разверзайся, будь покорной,
Чтобъ изъ нѣдръ явился духъ,
Духъ загадочный и черный.

Птицы вѣщія, сычи,
Воронье лихое, совы,
Міръ ночной,—со мной кричи,
Чтобы адъ свои засовы
Отодвинулъ и въ ночи
Снялъ съ трехъ узниковъ оковы.
Змѣи, черви и кроты,
Гады, тайные уроды,
Изъ подземной темноты
Ройте темные проходы.
Тайный духъ, кто-бъ ни былъ ты,
Выходи подъ эти своды.

(*Изъ земли выходятъ Ханъ, Панъ и Нѣмчинъ*).

Правда. Красавцы, право... Словно на подборъ.

Кащей. А! Новички! Навѣрно скажутъ вздоръ.

Ханъ. Лишь одному тебѣ покорна злоба!
Ты раздаятель горестей земли.
Ты сила! Нѣтъ тебѣ конца, ни гроба.
Слугой Кащея быть мнѣ повели.

Кащей. Зачѣмъ тебѣ въ рабы проситься?

Ханъ. Чтобы
Идти на Русь, идти на Русь съ тобой!
Возьми меня! О, лютый грянетъ бой!
Сломлю я духъ безсмысленной гордыни
Того народа. Всѣ его святыни
Разрушу я. Сломить его берусь.
Возьми меня, безжалостный, на Русь!

Кащей (*Пану*). А ты?

Панъ. Мнѣ край тотъ также очень гадокъ.
Тамъ заведенъ преварварскій порядокъ.
На справу дай мнѣ этотъ дикій край.
Пошли меня на Русь и силу дай!

Кащей (*Нѣмчину*). А ты?

Нѣмчинъ. И мнѣ хотѣлось бъ это царство
Взять въ руки. Ты пусти меня на Русь.
Тамъ отъ меня, повѣрь, пойдутъ мытарства.

Ханъ. На Русь!

Панъ. На Русь!

Кащей. Самъ справиться берусь.
Я мужемъ стану Царь-Дѣвицы. Буду
Хозяйничать на славу на Руси.

Правда. Ой, въ жены, старый, лучше не проси
Дѣвицы. Вѣрь, откажетъ.

Кащей (*Хану, Пану и Нѣмчину.* Не забуду
Тогда я васъ...
Въ походъ! На Русь иду!
Съ собою моръ и горе поведу.

Бѣсы и уроды (*поютъ*).
Мы на гадахъ поколдуемъ,
Вихремъ смерти духъ задуемъ,
Духъ гордыни на Руси.
Русь, покорна будь Кащею,
Покорися ты злодѣю
И пощады запроси!

Кащей (*поетъ*).
Русь я злобой одолѣю,
Горестью залью.
Покорися, Русь, Кащею,
Власть признай мою.

Хоръ стихійныхъ силъ Руси (*за сценой*).
Годины темныя унынья и мученья
Пошлетъ на Русь судьба,
Но не познаетъ Русь стыда порабощенья,
Спасетъ ее борьба.
Она, покорная велѣньямъ вдохновенья,
Земному не раба.
(*Кащей смущенъ*).

Правда. Стихійныхъ свѣтлыхъ силъ Руси ты слышишь пѣнье.
Страшись идти на Русь. Она тебя сильнѣй!
Въ любви она найдетъ надъ злобой одолѣнье,
Ни мечъ, ни колдовство не властвуютъ надъ ней.

Кащей (*осиливая смущенье, поетъ*).

Русь я злобой одолѣю,
Горестью залью...
Покорися, Русь, Кащею,
Власть признай мою.

(*Хоръ стихійныхъ силъ Руси постепенно заглушаетъ пѣніе Кащея. Внезапная темнота. Слышенъ хоръ. Внезапно—яркій дневной свѣтъ*).

Картина II. У Царь-Дѣвицы.

Дѣйствующія лица:

Царь-Дѣвица.	Конекъ-Горбунокъ.
Иванъ-Царевичъ.	Золотая Рыбка.
Кащей Безсмертный.	Добрый молодецъ.
Правда.	Красная дѣвица.
Кривда.	Старикъ.
Сѣрый Волкъ.	Старуха.

Няня.

Красныя дѣвицы, добрые молодцы, старики, старухи, татары, ляхи, нѣмчины и Кащеевы люди.

Сказочный садъ передъ теремомъ Царь-Дѣвицы. На широкомъ крыльцѣ, на возвышеніи, пріуготовлены мѣста для жениха и невѣсты. По бокамъ, на скамьяхъ, вдоль терема, сидятъ *старики* и *старухи*. На серединѣ—*красныя дѣвицы* и *добрые молодцы*.

Красныя дѣвицы (*поютъ*).

Чистымъ полемъ долго шли мы.
Солнцемъ были мы палимы.

Добрые молодцы (*поютъ*).

Насъ искали—не нашли.

Красныя дѣвицы (*поютъ*).

Шли мы лѣсомъ...

Добрые молодцы (*поютъ*). Насъ искали!

Красныя дѣвицы (*поютъ*).

Отдыхали...

Добрые молодцы (*поютъ*). Насъ вы ждали!

Красныя дѣвицы (*поютъ*).
И вѣночки мы плели.

Кривда (*выходитъ изъ толпы*).
Честной народъ! Поклономъ до земли
Я кланяюсь. Знать, ножки привели
Въ завѣтный край... Веселье да раздолье!
И дѣвицы нарядны—что цвѣты...
Чьи будете?

Добрый мол. Царь-Дѣвичьи. А ты?

Кривда. Я дальняя. А здѣсь у васъ приволье...
Чай, праздникъ?

Красная дѣв. Да, красавицу свою
Мы выдаемъ за славнаго Ивана
Царевича.

Кривда. Сегодня?

Добрый мол. Нынче.

Кривда. Мню,
Царевичу жениться, словно, рано.
Я слышала отъ добрыхъ отъ людей,
Что молодъ онъ...

Красная дѣв. Чего еще моложе!

Добрый мол. Да Царь-Дѣвица не старуха тоже.

Кривда. Охъ, молодость, сама себѣ злодѣй.

Добрый мол. Молчи, кума... пришла ты издалече,
Да по дорогѣ разумъ растрясла!

Красная дѣв. Про молодость, да вдругъ такія рѣчи?
Себѣ въ мужья ты-бъ старика взяла?

Кривда. Да, молодъ онъ, а вами править станетъ!
Иль нѣтъ другихъ, степенныхъ да видныхъ?

Добрый мол. Зато онъ свой, своихъ онъ не обманетъ!
Онъ землю знаетъ, выросъ онъ на ней,
Землѣ родной нужна родная сила,
Всѣ отъ одной землицы мы пошли.

Кривда. Да что земля, въ ней роется могила.
Вы-бъ жениховъ пригоднѣе нашли
Въ чужихъ краяхъ.

Красная дѣв. Чужого намъ не нужно.
Свое дороже сердцу своему.
Мы оттого живемъ доселѣ дружно,
Что чтимъ свое, что вѣримъ мы ему.

Кривда. Люби свое, да забирай чужое!
Ты оттого богаче станешь вдвое.
Что спорить намъ! Толкуемъ не о томъ.
Я говорю: даетесь вы Ивану
Царевичу, пируете, потомъ
Наплачетесь...

Добрый мол. Ну, плакать я не стану,
А вотъ тебѣ заплакать бы не жаль,
За то, что насъ пугаешь.

Красная дѣв. Мы едва-ль
Заплачемъ...

Кривда. Коль играть, да пировать,—
Свой и милъ, и дорогъ.
А какъ станешь разбирать,
Какъ заботы отгонять,
Онъ, пожалуй, ворогъ.
Будетъ по сердцу ему
Лишь свое родное.
Не научитъ ничему,
Не укажетъ, почему
Выгодно иное.
Кто пришелъ издалека,—
Шелъ по многимъ странамъ.
Съ нимъ поспорить не рука.
Посравните чужака
Со своимъ Иваномъ.

Гол. въ толпѣ. Что-жъ... Оно, пожалуй, такъ...
А все-жъ таки не по сердцу чужакъ.

Кривда. Жениха бы я нашла
Дорогой невѣстѣ,
Я не даромъ долго шла,
Я знакомство завела
Въ очень дальнемъ мѣстѣ.
Тамъ владѣлецъ грозныхъ странъ,
Сильный и богатый
(Побогаче, чѣмъ Иванъ).
Міру онъ на славу данъ,
Диво—тароватый.
Груды всякаго добра
Держитъ въ подземельѣ.
Тамъ алмазовъ, серебра,
Почитай лежитъ гора...
Покупай веселье!
Какова его страна,
Разскажу вамъ,—диво!
Не чета Руси она.
Рѣки тамъ текутъ вина,
А въ озерахъ пиво.
Заведетъ вамъ на Руси
Онъ такой порядокъ,
Что кубышку припаси,
Да домой деньгу носи,
Кто до денегъ падокъ!

Добрый мол. Да какъ-же такъ?.. И все безъ колдовства!

Красн. дѣв. Никакъ старикъ?

Добрый мол. А какъ ему прозванье?

Кривда. Прозванье что! Прозванія—слова.
То дѣло, что въ богатствѣ ликованье.

Голосъ въ толпѣ.
Что-жъ... такъ оно... Вѣстимо... Вѣдь у нихъ...
Въ чужихъ краяхъ богаты всѣ... Поди-ка!
А какъ тутъ быть... Царевичъ-то женихъ...
Женихъ—не мужъ... А какъ дойдетъ до
крика,
То крикнемъ всѣ: „Ивана не хочу!...“

Ты первый... Нѣтъ... Ужъ лучше промолчу...
Пусть всѣ кричатъ, отъ мала до велика!
(*Изъ сада выходитъ Иванъ-Царевичъ*).

Иванъ-Цар. Народъ честной, ребята-молодцы,
Да дѣвицы, что рано день почали?
Примолкли?.. Аль наслышались печали
Какой?
Молчатъ... Вы, старики-отцы,
Повѣдайте... Какъ, даже и старухи
Не говорятъ... должно быть, что бѣда!
Старикъ, скажи...

Старикъ. Да вотъ пришла сюда
Незнамая. Съ нея пошли и слухи
Недобрые. Идетъ женихъ другой,
Могучѣе тебя, да побогаче.

Иванъ-Царевичъ (*Кривдѣ*).
Привѣтъ тебѣ, родимая, а паче
Твоимъ рѣчамъ. Кого же въ женихи
Ты прочишь Царь-Дѣвицѣ?

Кривда. Милый, что ты!
Да никогда! Да развѣ... Охъ, грѣхи!
Немало врать у стариковъ охоты.
Да чтобъ мои полопались глаза!
Чтобъ въ мигъ одинъ рука моя изсохла.
Чтобъ провалиться мнѣ...

Старуха. Ты, егоза,
Потише будь! кажись, я не оглохла...
Я слышала...

Добр. мол. Мы слышали.

Красн. дѣв. Да мы!
(*Кривда исчезаетъ въ толпѣ*).

Иванъ-Царевичъ (*весело*).
Чтожъ, молодъ я?

Старикъ. Сказала: молодъ дюже!
Надѣлала великой кутерьмы.

Ив.-Царев. Скажи ты мнѣ по правдѣ, было хуже
Тебѣ, когда ты молодъ былъ?

Старикъ. Да что.
Смѣешься ты?! Какъ былъ я помоложе,
Такъ былъ сильнѣй и крапче.

Ив.-Царев. Я про то
И говорю. А ты, старуха?

Старуха. То-же
И я скажу.

Ив.-Царев. Корить меня не гоже
За молодость. Небось какъ по веснѣ
Я на хозаръ повелъ бойцовъ удалыхъ,
Никто изъ васъ тогда не крикнулъ мнѣ,
Что молодъ я...

Гол. въ толпѣ. Помилуй! Даже малыхъ
Спросить, всякъ скажетъ, ты одинъ угналъ
Разбойниковъ. Разбилъ врага нещадно.

Ив.-Царев. А кто годовъ моихъ тогда не зналъ?
Съ чего-жъ теперь толкуете неладно?
И молодой невѣстѣ старика
Вы прочите...

Старикъ. Твердила: онъ богатый
А кто богатъ, такъ за того просватай...
Знать, у него казна-то велика!

Ив.-Царев. Своей казнѣ не вѣдаю я счета!
Народнымъ духомъ правящій богатъ.
Онъ съ высоты орлинаго полета
На всякаго, кто краю супостатъ,
Ниспосылаетъ царственный булатъ,
Но не творитъ казною онъ побѣды,
Когда ведетъ дружину на войну.
Съ чужой деньгой придутъ чужія бѣды.
Не промѣняйте духа на казну.

Голосъ въ толпѣ.
Что говоритъ... булатъ деньги дороже...
Чужой казны не надо... Погоди,
Дай старику сказать...

Старикъ. Сказала тоже,
Что свой своихъ лишь знаетъ; что, поди,
Отъ чужака пойдетъ у насъ ученье
И всякая добыча для ума...

Ив.-Царев. А что же вы?

Старикъ. Нашло на насъ затмѣнье...
Повѣрили.

Ив.-Царев. Да гдѣ-жъ она сама?
Никакъ ушла! Подбросила вамъ слово,
Да на утекъ...
Для васъ чужое—ново,
Въ забаву будетъ, точно. Да чужимъ
Не проживешь. Насъ создало родное,
А чѣмъ сильнѣй роднымъ мы дорожимъ,
Тѣмъ больше силъ даемъ ему. Иное
Заморское понравится, потомъ
Оскомину набьетъ.

Старуха. Твердила о пустомъ
И спряталась, накрылася хвостомъ.

Ив.-Царев. Что чужакамъ заботиться о нашемъ!
Изъ тѣсноты бѣгутъ на нашу новь!
Своей сохой свое мы поле вспашемъ,
На полѣ томъ лилась родная кровь!
Лишь та душа народная всесильна,
Которая, отечеству служа,
Завѣтами своими дорожа,
Довѣріемъ къ самой себѣ обильна!
Творя черту родного рубежа,
Своимъ мечомъ пути мы пробивали
Исконнымъ силамъ матушки земли.
Когда въ борьбѣ съ врагомъ мы изнывали,
Намъ чужаки на помощь не пришли.
Отъ нихъ добра дождаться намъ едва-ли...
Родной народъ,—родному ты внемли!

Голосъ въ толпѣ.
Вѣстимо такъ, всегда мы за тобою...
Не осуди... Чужого не возьмемъ,

Не отдадимъ родного... Брали съ бою...
Стояли дѣды наши на своемъ!
(*На крыльцѣ появляется Царь-Дѣвица*).

Красныя дѣвицы (*поютъ*).

Царь-Дѣвица, солнце наше,
Упованіе земли!
Нѣтъ тебя на свѣтѣ краше,
Быть веселью повели.

Голосъ въ толпѣ.

Красавица къ намъ жалуетъ... Дорогу!
Она идетъ... Красавица... Она
Выходитъ къ намъ... Посторонись немного.
Не видно мнѣ... Народу-то—стѣна!

Красныя дѣвицы (*поютъ*).

Царь-Дѣвица, солнце наше,
Упованіе земли!
Нѣтъ тебя на свѣтѣ краше,
Быть веселью повели!

Царь-Дѣвица (*на крыльцѣ*).

Здравствуй, старый, здравствуй, малый...
Понавѣдались ко мнѣ?
Ладно-ль спали, почивали, что увидѣли
во снѣ?
Какъ справляли вы работу? Потрудились ли
съ утра?
Нѣтъ ли жалобъ? Нѣтъ ли нужды? И кого
женить пора?

Ив.-Царев. Здравствуй, радость Царь-Дѣвица... Здравствуй солнце, здравствуй, свѣтъ...
Повели ты предъ тобою мнѣ за всѣхъ держать отвѣтъ.
Спали ладно, но работы не справляли
никакой!
Нынче радость, нынче праздникъ... Гдѣ-жъ
работать въ день такой!
Жалобъ тоже не услышишь, ради праздничнаго дня...
А женить... я такъ смекаю, что женить
пора меня.

Царь-дѣвица. А на комъ жениться хочешь? Гдѣ берешь
жену себѣ?

Иванъ-Царевичъ (*подходитъ къ крыльцу*).
Сватовъ будто засылалъ я, солнце красное,
къ тебѣ.

Царь-Дѣвица. Словно я ихъ не видала... Заблудились,
знать, они.

Иванъ-Царевичъ (*входитъ на крыльцо*).
Что-жъ... безъ нихъ не обойтись-ли? Солнце
красное, взгляни.
Повели ты быть веселью, пировать намъ
повели.

Царь-Дѣвица. Какъ мнѣ быть, сама не знаю... Жду я
слова отъ земли...
Люди добрые, скажите, что мнѣ дѣлать,
какъ мнѣ быть?
Гдѣ искать должна я мужа, какъ себѣ его
добыть?

Народъ. Мужъ тебѣ Иванъ-Царевичъ. Такъ рѣшила
ты давно.
Быть тебѣ его женою намъ на радость
суждено.

(*Иванъ-Царевичъ и Царь-Дѣвица садятся на приуготовленныя мѣста*).

Ив.-Царев. Шутница ты... Играешь ты со мною!
Съ ума сведешь! Въ глазахъ огонь, а рѣчь
Насмѣшлива. Народу не перечь...
Какъ видно, быть тебѣ моей женою.

Няня (*подходитъ къ крыльцу*).
Красавица, прими моихъ гостей,
Ихъ приласкай, да угости богато.
Народъ простой и вовсе безъ затѣй.
Въ твоей странѣ онъ радуетъ дѣтей.
(Была и ты ребеночкомъ когда-то).
Кого же дѣтки любятъ, въ томъ и толкъ,
И тѣмъ могуча сказочка простая.

Царь-Дѣвица. А кто-жъ они?

Няня. Жаръ-Птица, Сѣрый Волкъ,
Конь-Горбунокъ и Рыбка Золотая.

Царь-Дѣвица. Зови скорѣй. Ихъ любитъ мой народъ,
Старинную онъ съ ними дружбу водитъ.
Сказаніе о нихъ изъ рода въ родъ
По чувствамъ дѣтскимъ плавно переходитъ.
(*Няня уходитъ*).

Ив.-Царев. Ихъ будто нѣтъ, а всякій знаетъ ихъ.
То слово, что ихъ создало, не лживо,
И жизнь обрѣлъ у нихъ народный стихъ,
Народныхъ думъ въ нихъ основанье живо.

Сѣр. Волкъ. Витязю-свѣту съ царицей могучею
Въ даръ приношу я лѣса,
Стараго бора тѣснину дремучую.
Стонъ мой тамъ слышится пѣсней тягучею.
Тамъ ни топоръ, ни коса
Не находили понынѣ дороженьки.
Люди, небось, берегутъ свои ноженьки,
Кочекъ боятся они.
Въ даръ приношу я лѣса съ ихъ охотами.
Будутъ твоими огни,
Что по ночамъ чуть видны надъ болотами...

Ив.-Царев. Не посчитаться ль намъ старыми счетами?
Съѣлъ ты коня моего...

Сѣр. Волкъ. Каюсь, да мало нашелъ я въ немъ вкуснаго!
Отъ колдуна тебя спасъ я искуснаго
Тѣмъ, что задралъ я его.

Царь-Дѣвица. Спасибо, Волкъ. Подарокъ твой великъ.
Люблю я лѣсъ. Онъ шапкою дремучей
Въ полдневный зной прикроетъ словно тучей.
Въ немъ вѣщей птицы раздается кликъ.
Авось сберечь сумѣю приношенье,
Богатое на многіе года.
Спасибо, Волкъ, за вольное даренье.
Кому чередъ?

Ив.-Царев. Конекъ идетъ сюда.

Конекъ-Горв. Отъ меня ты чисто поле,
Царь-Дѣвица, получи.
Широко оно, скачи
На просторѣ, хоть доколѣ
Силъ въ конѣ не станетъ болѣ.
Днемъ ли яснымъ, иль въ ночи
По дороженькѣ скачи.

Царь-Дѣвица. Подарокъ твой я съ радостью приму.
Люблю просторъ... Въ немъ удали опора.
Онъ по сердцу народу моему.
Нельзя Руси сложиться безъ простора.

Зол. Рыбка. Синимъ моремъ бью челомъ я, перекатною волной
Что несетъ суда къ заморью, и подводной глубиной.

Царь-Дѣвица. Спасибо, Рыбка. Приношенье чудно!
Спасибо, Рыбка. Мало мнѣ земли.
Безъ моря жить народу было-бъ трудно.
Пусть побѣгутъ по морю корабли.

Кривда (*подъ видомъ Жаръ-Птицы*).
Здравствуй, здравствуй, Царь-Дѣвица.

Царь-Дѣвица. Какъ зовутъ тебя?

Кривда. Жаръ-Птица.
У меня подарка нѣтъ,
Ты зато прими совѣтъ.
Не бери лѣсовъ дремучихъ,—
Много гадовъ въ нихъ ползучихъ,
Звѣри злые тамъ живутъ,
Много люда разорвутъ.
Откажись отъ чиста поля!—
Въ полѣ быть—плохая доля:
Вѣтеръ воетъ, колетъ зной!
А съ морскою глубиной
Нехорошая затѣя:
Тамъ жилье морского змѣя.
У меня подарка нѣтъ,
Ты за то прими совѣтъ.
(*За сценой шумъ*).

Замужъ, свѣтъ, спѣшишь ты рано
За царевича Ивана...
Какъ бы не было грѣха
Отъ такого жениха...

Голосъ въ толпѣ.

Смотри! Смотри! Народъ идетъ... Откуда?
Незнамые... А много ихъ? Постой!
Никакъ женихъ обѣщанный... Вотъ чудо!
А самъ женихъ въ одеждѣ золотой.

Ив.-Царев. Красавица, ты слышишь? Словно диво!
Идетъ сюда женихъ къ тебѣ другой.

Царь-Дѣвица. Ты не страшись, царевичъ дорогой.
Уйдетъ ни съ чѣмъ.

(*Кащеевы люди вносятъ Кащея на носилкахъ. Онъ опирается на большой золотой сундукъ*).

Гол. въ нар. Гляди-ка! Во! Красиво!
Одѣты какъ! Идутъ-то какъ спѣсиво.

(*Кащеевы люди опускаютъ носилки на землю*).

Кащей (*Царь-Дѣвицѣ*).

Поклонъ тебѣ. И впрямь ты хороша.
Знать до меня дошла молва недаромъ!
Я чувствую, какъ вспыхнула душа
Неугасимо-сладостнымъ пожаромъ.
Тебѣ женихъ достойный—я одинъ!
Несмѣтныя дружины мнѣ покорны.
Я надъ страной великой господинъ.

Царь-Дѣвица. А рѣчь твоя, старикъ, какъ будто вздорна.
Я за другого замужъ выхожу.

Кащей. Я съ силами могучими дружу,
И кто мнѣ другъ, тому никто не страшенъ.

Ив.-Царев. Бахвалишься, ты человѣкъ пустой.
Самъ страшенъ ты... Смотри, какъ изукрашенъ,
А не завелъ ты дружбы съ красотой.
Откуда ты и какъ твое прозванье?

Кащей. Я царь Дадонъ. Меня богаче нѣтъ.
Въ странѣ моей—пиры да ликованье.
Красавица, ты вымолви отвѣтъ.
Скажи: „согласна быть твоей женою"...
Я осчастливлю край твой и народъ,
А коль отвѣтишь рѣчью ты иною,—
Поберегись! Пойдетъ изъ рода въ родъ
По всей Руси великое мученье,
Изъ колоса не выбьешь ни зерна,
Враждебныхъ силъ познаешь нападенье.

(*Добрые молодцы понемногу надвигаются и становятся между Кащеемъ и крыльцомъ*).

Царь-Дѣвица (*Ивану-Царевичу*).
Мнѣ боязно... То рѣчи колдуна.

Кащей. Внемли, народъ! Въ моей ты будешь власти,
Неволею иль волей, отвѣчай,
Что любо: моръ иль радость?

Красн. Дѣв. Что за страсти!
Совсѣмъ сердитъ... Грозится... Сгубитъ, чай!
Имъ свадьба—намъ похмѣлье... Вотъ напасти.

(*Вдругъ изъ золотого сундука выходитъ Правда, идетъ на крыльцо*).

Правда. Правдѣ рта ты не завяжешь,
Правды надолго не свяжешь,
Не закажешь ей рѣчей...
Здравствуй, добрая царица,
Здравствуй, чудо Царь-Дѣвица,
Этотъ старецъ—злой Кащей.

(*Всеобщій ужасъ*).

Ив.-Царев. Намъ темныхъ силъ угроза не страшна.
По волѣ дастъ отвѣтъ тебѣ царица.
Скажи ему, пойдешь ли, Царь-Дѣвица,
Ты за него, Кащея-колдуна?

Царь-Дѣвица. Нѣтъ, не пойду.

Кащей. Насильно завладѣю
Тобой. Смирись предъ силой волшебства
И покорись могучему Кащею.

Царь-Дѣвица. Народный духъ сильнѣе колдовства.
Я не отдамъ земли своей злодѣю.

Правда. Пусть безжалостный Кащей,
Въ злобѣ къ родинѣ твоей,
Насылаетъ бѣды.
Вѣрь, царица, я съ тобой.
Вѣрь, не страшенъ лютый бой:
Онъ даетъ побѣды.
Чистоту свою спаси!
Много будетъ на Руси
Всякаго мученья!
Чистоту твою любя,
Правда выручитъ тебя.
Жди во мнѣ спасенья.

Кащей *(поетъ).* Русь я злобой одолѣю,
Горестью залью.
Покорися, Русь, Кащею,
Власть признай мою.

Царь-Дѣвица. Великихъ бѣдъ я чую приближенье...
Какая грусть на сердце налегла!

Ив.-Царев. Пошли, судьба, народу одолѣнье
Надъ силою грозящаго намъ зла.

Правда. Молчишь, народъ? Страшны тебѣ угрозы?
Себя отъ бѣдъ ты мужествомъ спаси.
Не въ первый разъ идутъ съ чужбины грозы,
Не страхомъ ихъ встрѣчали на Руси.
Терпи, народъ. На свѣтлое служенье
Земли родной неси ты подвигъ свой.
Сильнѣе зла твое долготерпѣнье,
И передъ нимъ отступитъ недругъ твой!

Кащей. Сюда, ко мнѣ, татаре, ляхи, нѣмцы!
Берите Русь! я вамъ дарю ее!
Распоряжайтесь ею, иноземцы!
И укрѣпляйте дѣло въ ней свое.
(Татаре и ляхи, а также нѣмчины въ одеждахъ бироновскихъ временъ со всѣхъ сторонъ наполняютъ сцену. Смятеніе).

Хоръ стихійныхъ силъ Руси (*издали*).

Годины темныя унынья и мученья
Пошлетъ на Русь судьба.
Но не познаетъ Русь стыда порабощенья,
Спасетъ ее борьба.
Она, покорная велѣньямъ вдохновенья,
Земному—не раба.

Кащей (*поетъ*). Русь я злобой одолѣю,
Горестью залью.
Покорися, Русь, Кащею,
Власть признай мою;

(*Татаре, ляхи и нѣмчины накидываются на Ивана-Царевича и Царь-Дѣвицу. Ихъ останавливаетъ Правда. Живая картина*).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Картина III. Татаре.

Дѣйствующія лица:

Княжна Елена Васильевна Чернская (Царь-Дѣвица).
Князь Иванъ Петровичъ Гжатскій (Иванъ-Царевичъ).
Ольга (Правда). Мальчикъ (Кривда).
Ханъ (Кащей). Татаре { 1-й. 2-й.
Старикъ.
Старуха. Татаре.

Въ разореной избѣ. Старуха качаетъ люльку. Старикъ сидитъ у окошка. Ночь. Воетъ вѣтеръ. Въ окнѣ видно зарево пожара.

Старикъ. Ишь, какъ горитъ! Вся вотчина въ огнѣ.

Старуха. Озлобились на Чернскихъ, знать, татаре
Проклятые!

Старикъ. Зашли вчера ко мнѣ,
Повыжгли все, а послѣ, на пожарѣ,
Убили дочь...

Старуха. А тутъ не подожгли,
Убили сына. Кистенемъ, да въ темя.
Не подходи! Убили и ушли.
(Ребенокъ плачетъ).
Молчи. Не плачь.

Старикъ. Такое нонѣ время!
Всѣмъ плакать надо. Горе на Руси!
По всей землѣ идетъ лихая мука,
О! Господи! Людей своихъ спаси.

Старуха. Убили сына. Лишь меня, да внука
Оставили.

Старикъ (*кивая на люльку*). Не плачетъ... Спитъ никакъ?

Старуха. Нѣтъ, присмирѣлъ. Не спитъ. Глаза открыты.
Въ глазахъ-то страхъ. Пугнулъ его баскакъ.
Спѣть пѣсенку... да съ горя позабыты
Всѣ пѣсни... Спи. Ты оченьки закрой.
Спи, не гляди. Ожжетъ глаза пожаромъ.
Горитъ земля тяжелымъ буйнымъ жаромъ.
(*Стукъ въ дверь*).
Ты слишишь?

Старикъ. Да.

Старуха. Шатаются порой
Полночною татаре

Старикъ. Были живы
Съ тобою мы. Теперь убьютъ.
(Стучатъ).

Старуха. Убьютъ.
Такой законъ у нихъ. Гдѣ нѣтъ поживы,—
Хоть убивай. *(Стучатъ).*

Старикъ. Почто народъ сей лютъ!

Старуха (*кланяется*).
Прощай.

Старикъ (*тоже*). Прощай.

Старуха (*кланяется люльк*ѣ). Прощай и ты. Довольно.
Мы пожили.
(*Сильный стукъ*).
Ишь, торопливъ-то больно.
(*Отпираетъ дверь. Входитъ Ольга*).

Ольга. Что, здѣсь княжна?

Старикъ. Окстись! Смотри, куда
Попала ты...

Старуха. Что за княжна?

Ольга. Сюда,
Къ тебѣ въ избу укрыться шла Елена
Васильевна.

Старикъ. О, Господи!

Ольга. Одна
Спаслась она отъ смерти и отъ плѣна.
Я видѣла, какъ спрыгнула она.
Въ глубокій снѣгъ изъ крайняго окна...
Я кликнула ей вслѣдъ, чтобъ темнымъ
боромъ
Прошла къ тебѣ. А топоромъ сама
Отъ двухъ отбилась я...

Старикъ *(со страхомъ)*. Пойдутъ дозоромъ!

Ольга Да гдѣ-жъ княжна?!

Старуха. Въ лѣсу глухая тьма...
Знать сбилася..

Старикъ. А что же князь Василій?

Ольга. Убитъ ..

Старуха. Княгиня?

Ольга. Тоже. Всѣхъ насилій
Не перечесть! Дворъ княжескій въ огнѣ.
Казна въ рукахъ злодѣевъ. Перебиты
Людишки всѣ. Но гдѣ же быть княжнѣ
Такъ долго?

Старикъ. Слышишь, дѣвка, разскажи-ка,
Какъ подошли татаре-то?

Ольга. Вчера
Накинулись нежданно. Мы ворота
Захлопнули и бились до утра...
И старъ, и младъ, и бабы... всѣмъ охота
Идти на смерть, чтобъ не достаться въ плѣнъ.

А утромъ сбили стрѣлами со стѣнъ
Всѣхъ и вошли антихристы во дворъ.
Пошли рубить!
Да гдѣ-жъ княжна до этихъ поръ?
А князь Иванъ Петровичъ! Нареченный
Женихъ княжны .. Вотъ бился!

Старуха. Живъ ли онъ?

Ольга. Гдѣ живу быть?! Вѣдь онъ не дастся плѣнный!
Да гдѣ-жъ княжна?

Старикъ. Попала, знать въ полонъ.
(Двое татаръ врываются въ незапертую дверь, осматриваютъ торопливо всѣ углы. Старикъ и старуха застыли въ ужасѣ).

Татаринъ 1. Эй! Гдѣ княжна?

Ольга. Была-бъ я съ ней, когда бы
То вѣдала...

Татаринъ 2. Сама ты кто?

Ольга. При ней
Я въ дѣвушкахъ.

Татаринъ 1 *(старику).* А ты?

Старикъ. Охъ, больно слабы
Мы на ухо.

Татаринъ 2 *(замахивается кинжаломъ).*
Теперь тебѣ слышнѣй?
Видалъ княжну?

Старикъ. Не видѣлъ.

Татаринъ 1 *(старухѣ).* Ты?

Старуха. Гдѣ-жъ видѣть

Татаринъ 2. Ей негдѣ быть тутъ. Лѣсомъ я скачу.

Татаринъ 1. А я дорогой. *(Уходятъ).*

Старуха *(запираетъ дверь).* Не успѣлъ обидѣть

Старикъ. Всѣ живы мы.

Ольга (*прислушивается*). Помчались дальше... Чу!
Я слышу стукъ. (*Стукъ въ дверь*).

Старуха. Я отпирать не стану.
Теперь—конецъ!

Старикъ. Кто тамъ?

Голосъ. Я, князь Иванъ
Петровичъ Гжатскій.

Ольга (*радостно*). Дайте князь Ивану
Войти! Онъ живъ! Онъ спасся.

Князь Иванъ (*входитъ*). Хоть не званъ,
А все-же гость. Ты, Ольга! Гдѣ Елена
Васильевна?

Ольга. Съ пожарища ушла.
А гдѣ теперь,—не знаю.

Старикъ. Ночь свѣтла
Отъ зарева пожарнаго. До тла
Сгорятъ хоромы, что въ печи полѣна!

Кн. Иванъ. Она бѣжала?

Ольга. Я за ней пошла
Сюда. Накакъ дорогою поймали
Ее татары. Шла сюда...

Кн. Иванъ. Сама ли
Ты видѣла? Пока она жива
Я и въ ночи какъ будто вижу солнце.
А безъ нея—скатися голова
Хоть съ плечъ долой!

Старикъ. Никакъ стучатъ въ оконце.

Ольга. Стучатъ! Она! Болѣзная!

Кн. Иванъ. Княжна! (*выбѣгаетъ*).

Старуха. Когда-бъ она! А то, смотри, пожалуй,
Татаринъ.

Старикъ. Да! Заманятъ и...
(*Показываетъ рукой, какъ татаринъ зарѣжетъ*).

Кн. Иванъ (*вводитъ княжну Елену Васильевну*).
Она!

Ольга. Съ мороза, а блѣдна. Ни капли алой
Крови въ лицѣ... Такъ долго проплутала.
Боялись мы... Ты сбилася, поди...
Никто тебя не видѣлъ?

Княжна (*едва слышно*). Я устала...
Тамъ много страховъ...

Старикъ. Больше впереди.

Княжна. Отца и мать убили... (*Обращается къ Ивану*).
Живъ еще ты!
Пока ты живъ, бояться я должна
За жизнь твою.

Кн. Иванъ. Княжна, сведу я счеты
Съ татариномъ. Татарка не одна
Въ рукѣ моей нашла погибель брата!
Сверканіемъ завѣтнаго булата
Я многимъ къ смерти прорубилъ пути.
Самъ шелъ на смерть, да словно что шепнуло,
Что удалось тебѣ отъ нихъ уйти,
Я наугадъ бѣжалъ къ тебѣ.

Старуха. Уснуло
Дите... Потише.

Княжна. Не идутъ за мной?

Старикъ. Не слышно. Нѣтъ.

Княжна. О! какъ въ лѣсу одной
Мнѣ было страшно!
Долго, долго шла я
И думалось,—досюда не дойти...
Хоромы наши, яростно пылая,
Свѣтили мнѣ. Змѣились на пути,
Отъ пламени пугающія тѣни...
А позади я слышу смерти крикъ.
Убили мать... Упала на колѣни,
Болѣзная... Ее—мечемъ! Старикъ
Отецъ убитъ... Упалъ передо мною
Съ прорубленною на смерть головой...

Бѣгу!.. Какъ лѣсъ великъ порой ночною!
Бѣгу впередъ. Татаръ я слышу вой...
И воетъ вѣтеръ... Нѣтъ я не бѣжала
Отъ смерти, нѣтъ! Мнѣ страшенъ былъ полонъ.
Предъ палачемъ бы я не задрожала,
Когда-бъ меня повелъ на пытку онъ.
Бѣгу впередъ... Перехожу сугробы...
Я падаю, встаю, опять бѣгу...
Промерзла я, устала, вся въ снѣгу...
А сзади вой татарской дикой злобы!
И воетъ вѣтеръ съ ними заодно!
И плачъ земли мнѣ слышенъ въ этомъ воѣ.
Вдругъ предо мной татаръ мелькнуло двое...
Промчались мимо... Было ужъ темно,—
Не видѣли. Когда-бъ была я ближе
Къ пожарищу, увидѣли-бъ меня,
Схватили бы, и снова на коня
Съ добычею!

Старикъ. Да были здѣсь они же.

Княжна. Притихла я... а тамъ опять бѣгомъ,
Скорѣй, скорѣй! Все слышу шумъ погони!
Мерещатся татаре мнѣ кругомъ...
Кричатъ они и злобно ржутъ ихъ кони!

Ольга. Какъ напугали! Все еще блѣдна.

Княжна. Я-бъ не сдалась проклятому злодѣю!
Увидѣлъ-бъ онъ, какъ русская княжна
Идетъ на смерть!

Кн. Иванъ. Собой едва владѣю!
Боялась ты,—и не былъ я съ тобой!

Княжна. И вотъ, я здѣсь... Но нѣтъ и тутъ спасенья!
Придутъ они... Начнется снова бой...
Тебя убьютъ... Я чую приближенье
Татарина... Онъ близко... За стѣной!
Со всѣхъ сторонъ идутъ они за мной.

Ольга. Притихни. Все прошло.

Кн. Иванъ. Коней достану.
Мы въ эту ночь ко мнѣ ускачемъ.

Ольга. Да,
Красавица, спасайся къ князь Ивану.

Кн. Иванъ. Прибудемъ до разсвѣта мы туда.

Княжна. Татаре тоже. Нѣтъ отъ нихъ спасенья!

Ольга. Ты, князь Иванъ, спѣши достать коней.
Нельзя намъ ждать. Опасно промедленье.
Неровенъ часъ...

Кн. Иванъ. А ты побудешь съ ней?

Ольга. Да. Кони гдѣ?

Кн. Иванъ. Въ лѣсу. Пойдемъ мы двое
Со старикомъ и приведемъ. Постой!
(*Прислушивается, смотритъ за дверь*).
Нѣтъ никого.

Старикъ. А небо огневое!
Горятъ хоромы.

Старуха (*Ольгѣ, показывая на боковую дверку*).
Тамъ, за дверкой той,
Княжна бы отдохнула. (*Ольга уводитъ княжну*).

Кн. Иванъ. Часъ тяжелый!
Старикъ, за мной! Коней бы привести.
(*Уходитъ со старикомъ*).

Старуха (*качаетъ люльку*).
Спи, болѣзный, невеселый...
Ночь давно пришла.
Ты родился въ часъ тяжелый,
Въ годъ лихого зла.
Вѣтеръ взвылъ неугомонный!
Господи, спаси:
Спи... Не плачетъ только сонный
Нынче на Руси.

Мальчикъ (*входитъ*).
Эй, бабушка, заночевать пусти!

ТАРУХА (*испуганно*).
Помилуй Богъ! Не чаяла испуга
Такого. Ты зачѣмъ? Чего тебѣ?

АЛЬЧИКЪ (*понемногу подходитъ*).
Ой, бабушка, морозно... Воетъ вьюга!
Замерзну я, пусти меня къ себѣ.

ТАРУХА. Ты чей?

АЛЬЧИКЪ. Я—дальній.

ТАРУХА. То-то, вижу, словно,
Не здѣшній ты... Крещеный? Ликомъ ровно
Татаринъ.

АЛЬЧИКЪ. Русскій.

ТАРУХА. Что-то непохожъ...

АЛЬЧИКЪ. Мнѣ холодно.

ТАРУХА. Погрѣйся, Богъ съ тобою.
Тепла не жаль. (*видитъ у него ножъ за поясомъ*).
Никакъ татарскій ножъ?

АЛЬЧИКЪ. Съ татариномъ подралея. Отнялъ съ бою.

ТАРУХА. Ой, такъ-ли?

АЛЬЧИКЪ. Такъ. Мнѣ холодно.

ТАРУХА. Сиди.
Морозная, знать, ночка впереди.
А что, шныряютъ по лѣсу татаре?
(*Въ дверь вползаютъ татаре, двое, трое, еще. Старуха ихъ не видитъ. Мальчикъ имъ показываетъ, чтобы заползали за старуху*).

МАЛЬЧИКЪ Не видѣлъ.

СТАРУХА. Всѣ, должно быть, на пожарѣ.

МАЛЬЧИКЪ (*сидитъ у ногъ старухи*).
Охъ, боязно. Убьютъ они княжну.

СТАРУХА. Спасется.

МАЛЬЧИКЪ. Гдѣ спастись! Небось, въ плѣну
У нихъ.

СТАРУХА. А то и нѣтъ.

Мальчикъ. А я намедни
Княжну-то видѣлъ въ церкви. Тамъ она
Молилася, стояла у обѣдни...
А я смотрѣлъ. Красавица!

Старуха. Одна
Она у насъ. Другой и нѣтъ! Вѣстимо.

Мальчикъ (*поворачивается къ старухѣ*).
Когда запѣли „Иже херувимы",
Я подошелъ поближе... Какъ взгляну,
Вдругъ полоснетъ по сердцу... Такъ-то...
(*Одной рукой схватываетъ старуху за горло, другою наноситъ ей ударъ въ сердце. Кидаетъ ея трупъ на руки татарамъ*).
Ну,
Безъ шума. Въ снѣгъ. Туда и люльку можно,
(*Старуху и люльку выбрасываютъ за дверь*)
Ползти потише. Захватить княжну,
Да подойти тихонько, осторожно,
А то живой не дастся.
(*Двое татаръ осторожно уходятъ за боковую дверь. Другіе тихо вносятъ, въ другую дверь, ковры, шелковыя подушки. Мальчикъ прислушивается. Вдругъ слышны крики княжны и Ольги*).
Бабій крикъ!
Сюда ковры... Закройте ими стѣны...
Да на земь... Такъ... Пошевелись, старикъ
Вотъ такъ, еще
(*Всюду, на стѣнахъ, на полу—ковры. Для хана приготовлено ложе*).
Привесть сюда Елену
Васильевну.
Меня похвалитъ ханъ.
Когда-бъ не я, княжны-бъ вы не видали.
Ея женихъ любезный, князь Иванъ
Вернется скоро. Захватитъ.

Татаринъ 1. Едва-ли
Живой онъ дастся.

Мальчикъ. Постараться.
(*Татаре вводятъ княжну и Ольгу*).

Ольга. Будь
Ты сильною. Слезами не поможешь.

Княжна. Я плакала? Объ этомъ позабудь.

Мальчикъ. Поклонъ, княжна.
(*Княжна съ негодованіемъ отворачивается*).
Иль гнѣва ты не сложешь?
Что-жъ, полонилъ... Да вѣдь не для себя,—
Для хана. Онъ могучъ и всѣхъ богаче
И, красоту стыдливую любя,
Онъ одаритъ тебя,—меня тѣмъ паче!

Княжна. Великъ позоръ земли родной, когда
Свой продаетъ своихъ. Пришла бѣда
Постыдная: пришла на Русь измѣна.

Мальчикъ. Я половчанинъ, я чужой, Елена
Васильевна. (*Шумъ*).
Знать ханъ идетъ сюда...
(*Входитъ ханъ. Съ нимъ татаре*).

Ханъ (*быстро подходитъ къ княжнѣ*).
Она?

Мальчикъ. Она.

Ханъ (*бросаетъ ему мошну съ золотомъ*).
За службу.

Мальчикъ. Это ладно!

Ханъ (*снимаетъ съ себя боевые доспѣхи*).
Бой миновалъ. Душѣ моей отрадно.
Я натрудилъ достаточно свой мечъ.
Рука рубить устала непокорныхъ,
Я отдохну.

Мальчикъ. Коль хочешь ты прилечь,
Готово все.

Ханъ (*княжнѣ*). Мнѣ по душѣ взоръ черныхъ
Твоихъ очей.
(*Видя, что княжна гордо отворачивается*).
Боярышня въ плѣну—
Ужъ не княжна, а жалкая рабыня!

Княжна. Рабой себѣ не сдѣлаешь княжну.

Ханъ. Безсильная и праздная гордыня!
Ты чѣмъ княжна? Твой домъ лежитъ въ огнѣ
Разрушенъ дворъ и не возстанетъ снова,
Отецъ убитъ, казна досталась мнѣ...
Княжна безъ слугъ, безъ золота, безъ крова

Княжна. Княжна по крови.

Ханъ Спросимъ палача,
Не все-ль равно, какая кровь съ меча
Течетъ, княжая иль холопья. Нынѣ
Ты мнѣ раба, и я велю рабынѣ:
(*Мальчику уходитъ*).
Потѣшь меня.

Ольга. Конецъ пришелъ, княжна

Княжна. Какой тебѣ еще потѣхи надо?
Вся Русь горитъ, страданія полна.

Ханъ. Нужна теперь другая мнѣ отрада...
Люби меня. Любовь твоя нужна.

Княжна. Пошли на смерть.

Ханъ. Казнить всегда успѣю!
Сколькихъ казнилъ, чтобъ завладѣть тобой
Иди ко мнѣ. Тобою завладѣю
И отдохну, взлелѣянный судьбой.

Ольга (*насмѣшливо*).
Не отдыхай. Не покладай булата,
Изъ русскихъ рукъ не выбивши меча.

Ханъ (*княжнѣ*).
Со мною будешь счастлива, богата...

Княжна. Въ мужья себѣ не взять ли палача?

Ханъ (*гнѣвно*). Остерегись!

Мальчикъ (*входитъ*). Схватили князь Ивана

Княжна (*Ольгѣ*).
Ты слышишь! Схваченъ!

Ольга. Примешь смерть отъ хан
Ты не одна, а съ женихомъ своимъ.

Ханъ. Веди сюда. (*Мальчикъ уходитъ*).
Мой мечъ непобѣдимъ.
Подъ остріе татарскаго булата
Вся Русь должна безропотною лечь.

Мальчикъ (*входитъ*).
Судьба сама приводитъ супостата.
(*Ввели князя Ивана*).

Ханъ. Какъ молнія, сверкаетъ острый мечъ
Въ рукѣ моей, безжалостной и властной.
Я одолѣлъ, и дышетъ Русь едва.

Кн. Иванъ. Надъ нашею ты родиной несчастной
Не издѣвайся! Русь еще жива!
Прости, княжна... Какъ видно, такъ судьбою
Положено. Вѣнчаетъ насъ съ тобою
Лихая смерть не по моей винѣ.

Ханъ. Пусть поживетъ. Княжна, тебѣ дарую
Я жизнь, коль ты отвѣтишь лаской мнѣ.

Княжна. Веди на казнь.

Кн. Иванъ И плаху ставь вторую
Ты для меня.

Ханъ. За ласковый отвѣтъ
Я пощажу его.

Кн. Иванъ. Такой пощады
Я не хочу.

Княжна. Веди на казнь.

Ольга (*хану*). Ты, свѣтъ,
За воровство напрасно ждешь награды.

Мальчикъ. Казнить ихъ, что-ль?

Ханъ. Ивана напередъ.
(*Двое татаръ берутъ князя Ивана*).

Мальчикъ. Пытать?

Ханъ. Убить.

Мальчикъ. Повиснетъ онъ на ели.

Князь Иванъ (*княжнѣ*).
Прощай.

Княжна. Прощай.
(*Татаре уводятъ князя. За ними—мальчикъ*).

Ханъ (*ложится на ковры*). Мнѣ казни надоѣли...
(*Княжнѣ*). Скажи ты только слово...

Княжна. Мой чередъ.

Ханъ. Вели простить,—и твой женихъ свободенъ!
Ты, покорись и властвуй надо мной.

Ольга (*хану*). Твой даръ княжнѣ и князю неугоденъ.

Ханъ (*злобно*). Пусть свяжетъ смерть боярина съ княжной!
Казнить!
(*Двое татаръ берутъ княжну*).

Княжна (*Ольгѣ*). Прощай.

Ольга. Прощай.
(*Княжну уводятъ*).

Ханъ. Народъ упорный!
Смерть не беретъ его. Ужъ мечъ мой тупъ.
А все побѣды нѣтъ! Я вижу трупъ
Убитаго, а рѣетъ, непокорный,
Надъ тѣломъ тѣмъ непобѣдимый духъ!

Ольга. Пора и мнѣ на казнь. Казнилъ ты двухъ,
Теперь меня.

Ханъ. Истоптаны ихъ нивы,
Ихъ города и села сожжены,
А все-жъ они со мною горделивы,
А все-таки, проклятые, сильны!

Мальчикъ (*входитъ*).
Казнить и эту?

Ханъ. Кровь лилась рѣкою
Въ такихъ бояхъ, какихъ не видѣлъ свѣтъ!
Казалось, что невидимой рукою
Мнѣ помогалъ могучій духъ.

Ольга (*хану*). Отвѣтъ
Ты дай ему.

Ханъ. Но русскій духъ могучѣй,
Онъ не боится вражьяго меча!
Полки мои неслися темной тучей,
Уничтожали, словно саранча,
Все по пути. Я сѣялъ смерть и бѣды,
Позорилъ женъ, уродовалъ дѣтей,
И все-таки не чувствую побѣды!

Мальчикъ. Ее казнить?

Ханъ. Зачѣмъ? (*Ольгѣ*). Иди, Гирей
Помиловалъ тебя... Уйди скорѣй.

Мальчикъ. А то казнить?

Ханъ. Лилася кровь довольно.
Мы вѣшали, пытали... ни къ чему!
Такой народъ: ты бьешь,—ему не больно!
Грозишься ты,—не боязно ему!

Мальчикъ. Ты продолжай. Не уходи съ дороги,
Пока твой путь не пройденъ до конца.

Ханъ. Ихъ нивы мерзлы, города убоги,
А духъ силенъ.

Ольга. Терноваго вѣнца
Сподвижниковъ Христовыхъ Русь достойна!

(*Издали слышится хоръ стихійныхъ силъ Руси*).

Ханъ (*испуганно, мальчику*).
Ты слышишь?

Мальчикъ. Что?

Ханъ. Поютъ .. далеко... стройно...

Мальчикъ. То воетъ вѣтеръ...

Ханъ. Слышу голоса!

Хоръ стихійныхъ силъ Руси (*за сценой*).
Годины темныя унынья и мученья
Пошлетъ на Русь судьба,
Но не познаетъ Русь стыда порабощенья,—
Спасетъ ее борьба.

Ханъ. Русь я злобой одолѣю,
Горестью залью!
Покорися, Русь, Гирею,
Власть признай мою!

Хоръ стихійныхъ силъ Руси.

Она, покорная велѣньямъ вдохновенья,
Земному—не раба!

Ханъ (*мальчику*).

Ты слышишь?

Мальчикъ. Нѣтъ.

Ханъ. Я слышу... Всѣ лѣса
И всѣ поля звучатъ упорнымъ пѣньемъ...
Вся Русь поетъ... Не справиться мнѣ съ ней!

Ольга. Святая Русь сильна долготерпѣньемъ...
Въ лихой бѣдѣ она врага сильнѣй.

Ханъ (*осиливая страхъ*).

Мы завтра снова сядемъ на коней!
Изъ края въ край промчимся разрушеньемъ!
(*Слышенъ хоръ. Ханъ испуганно замолкаетъ*).

Ольга. Хранитель вѣчный доблестной Руси,
Не дай погаснуть искрѣ вдохновенья!
Для подвиговъ, для гордаго мученья
Людей своихъ спаси!
Гнетъ испытаній несть намъ повеля,
Ты зналъ, что Русь горитъ къ Тебѣ любовью.
И залита страдальческою кровью
Невинная земля!
Но пусть враги не знаютъ торжества
Надъ силою народнаго сознанья.
Пусть гибнетъ людъ подъ натискомъ страданья,
Но будетъ Русь жива!

Ханъ (*черезъ силу шепчетъ*).

Русь я злобой одолѣю,
Горестью залью..

Занавѣсъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Князь Д. Голицынъ.
(Муравлинъ).

Митрополитъ Филаретъ Московскій о Православіи и Самодержавіи.

(Окончаніе).

IV.

Съ присущимъ ему свѣтлымъ умомъ и обширнымъ разностороннимъ знаніемъ Святитель московскій Филаретъ утверждаетъ при всякомъ удобномъ случаѣ, что во взаимодѣйствіи Православія и Самодержавія заключается главная сила нашего отечества. Поэтому, если Россія желаетъ сохранить свой народъ, признавая его избраннымъ и имѣющимъ особое назначеніе на землѣ, то всѣ усилія его образованныхъ и сильныхъ духомъ представителей должны направляться къ тому, чтобы наше государство въ дѣйствительности оправдало себя предъ Богомъ его руководящимъ и неуклонно, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, слѣдовало по пути, указанному ему Православной Церковью, крестившимъ Русь великимъ княземъ и равноапостольнымъ Владиміромъ и апостоломъ Андреемъ Первозваннымъ, поправшимъ нашу землю на томъ мѣстѣ, на которомъ нынѣ стоитъ городъ Кіевъ [1]). Святой великій князь Владиміръ имѣлъ для себя образцами такихъ вождей бывшаго въ древности избраннаго народа, каковы святой царь Давидъ, псалмопѣвецъ, сынъ его премудрый Соломонъ, и царей греческой имперіи, какъ Константинъ Великій, царица Елена и другіе православные вѣнценосцы. Потому все уклоняющее современный русскій народъ отъ служенія Православію и вытекающихъ изъ него Самодержавія, братолюбія и иныхъ христіанскихъ

[1]) Высаживаясь съ Днѣпра на горы, на коихъ стоитъ нынѣ Кіевъ, ап. Андрей сказалъ своимъ ученикамъ: „вѣрьте мнѣ, что на этихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія и воздвигнется большой городъ съ множествомъ церквей и здѣсь просвѣтится святымъ крещеніемъ вся Русская земля“. Минея-Четьихъ, мѣсяца ноября, въ 30-й день, подвиги апостола Андрея.

добродѣтелей, ведетъ его къ утратѣ высшаго дарованнаго ему блага, то-есть его души, а вмѣстѣ съ нею и его счастья и самаго его бытія. Школьное воспитаніе подрастающаго поколѣнія и гражданское воспитаніе всего народа для его благодепствія слѣдуетъ основать на Православіи, какъ на твердомъ камнѣ. При возникновеніи Руси великіе князья и самъ народъ, для сохраненія непрерывающейся связи между дѣлами государственными и церковными, предоставляли духовенству право совѣта и голоса по всѣмъ вопросамъ ихъ гражданской жизни. Впослѣдствіи непосредственное право совѣщанія съ царемъ было предоставлено патріарху, замѣненному нынѣ Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ, такого права уже не имѣющимъ и вошедшимъ въ составъ высшихъ правительственныхъ учрежденій Имперіи. Теперь у насъ много такихъ людей, которые, въ подражаніе западно-европейскимъ не православнымъ государствамъ, желали бы и въ Россіи полнаго отдѣленія свѣтской власти отъ церкви, но это гибель для самобытнаго существованія нашего отечества, сила котораго, напротивъ того, въ единеніи Церкви съ государствомъ. Нашъ православный народъ до сихъ поръ твердо вѣритъ, что безъ Божьяго благословенія невозможенъ успѣхъ ни въ какомъ житейскомъ дѣлѣ. Исторія Россіи подтверждаетъ это множествомъ фактовъ, доставленныхъ какъ жизнью всего народа, такъ и жизнью нашихъ благочестивыхъ вѣнценосцевъ и святителей Церкви. Просвѣщенный митрополитъ московскій *Филаретъ*, въ рядѣ замѣчательныхъ своихъ отзывовъ, писемъ и изреченій, *опредѣлилъ необходимую, живую связь православной Церкви съ государствомъ самодержавнаго царя, помазанника Божія* и указалъ на то содѣйствіе, которое духовной власти подобаетъ оказывать гражданскому управленію и христолюбивому русскому воинству, взаимоотношеніе коихъ въ нашемъ отечествѣ отличается особенностями, неизвѣстными другимъ странамъ Европы. Россія безъ Православія утратитъ свои нравственныя силы, свою живую душу и обратится въ помертвѣвшій трупъ, подверженный разложенію. Въ 1861 году, скорбя о польской подпольной пропагандѣ, распространившей свое вредное вліяніе на часть учащейся русской молодежи, Святитель московскій въ поданномъ имъ по сему поводу всеподданнѣйшемъ донесеніи Государю Императору установилъ, что „Архіерейская присяга обязываетъ архіереевъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ писать Его Величеству. Такой случай мнѣ нынѣ представился“[1]).

[1]) Собр. мнѣній и отзыв. Филарета митр. Московск и Коломенск., т. V, ч 1, стр. 68.

Во всеподданнѣйшемъ донесеніи говорится объ извѣстномъ митрополиту дѣлѣ, касающемся безопасности государства, а именно о прокламаціяхъ поляка Мирославскаго по поводу приготовленія начатія возстанія въ Польшѣ и Литвѣ и о томъ, что въ московскомъ университетѣ распространяются антирелигіозныя и вредныя политическія сочиненія и то же дѣлается въ университетахъ харьковскомъ, кіевскомъ и казанскомъ. При всеподданнѣйшемъ донесеніи приложена была самая прокламація и оно оканчивалось такъ: „Полагаю, что отъ проницательности правительства Вашего Императорскаго Величества не скрыто, сколько истины заключается въ вышеизложенныхъ показаніяхъ, тѣмъ не менѣе долгомъ вѣрности побуждаюсь не умолчать объ оныхъ... Богъ правды да разрушитъ ковы враговъ отечества и да сохранитъ престолъ Вашего Императорскаго Величества въ мирѣ, силѣ и славѣ. Москва, 25 мая 1861 г.“. Въ 1865 г., 15 декабря, печальникъ русской земли, святитель Филаретъ препроводилъ къ Виленскому генералъ-губернатору Назимову письмо, въ которомъ, между прочимъ, сказано: „До меня дошло отношеніе преосвященнаго Іосифа, митрополита Литовскаго къ графу Протасову о неблагопріятномъ для блага отечества состояніи управленія Литовскаго края. Предметъ сей не принадлежитъ къ кругу дѣлъ возложеннаго на меня служенія, но долгъ вѣрности Престолу заставляетъ меня не иначе какъ съ крайнею заботою помышлять о томъ, извѣстно-ли сіе Государю Императору... Назначеніе вашего превосходительства въ управленіе Литовскимъ краемъ открываетъ мнѣ случай исполнить возможнымъ для меня образомъ долгъ вѣрности Престолу препровожденіемъ къ вамъ списка вышеозначеннаго отношенія и успокоить мою заботу вашею вѣрностью Престолу и ревностью о благѣ отечества“ [1]). Въ 1849 году святитель Филаретъ писалъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода: „Сердце Царево въ рукѣ Божіей, но тѣмъ не менѣе должно стараться, чтобы свѣтлому взору Его отчетливо представлены были различныя стороны и послѣдствія дѣла, о которомъ должно быть изречено царское слово“ [2]). Въ 1861 г. на заключеніе митрополита московскаго была передана записка графа Валуева о введеніи епископовъ въ государственный совѣтъ. Великій іерархъ нашей Церкви находитъ это совершенно ненужнымъ и между прочимъ потому, что „голосъ немногихъ духовныхъ лицъ едва-ли можетъ имѣть значительное вліяніе на движеніе мыслей въ государственномъ совѣтѣ, составленномъ изъ многочис-

[1]) Тамъ же, томъ IV, стр. 58.
[2]) Тамъ же, томъ III, стр. 304.

ленныхъ членовъ...[1]) б) въ случаѣ вступленія духовныхъ членовъ въ государственный совѣтъ онъ свободнѣе будетъ касаться предметовъ, которые должны подлежать разсмотрѣнію церковнаго управленія, но чрезъ сіе уменьшилось-бы значеніе Святѣйшаго Синода и свобода его сужденій, а сіе было бы несообразно и съ справедливостью, и съ достоинствомъ и пользою Церкви", в) обширность епархій и обремененность архіереевъ церковными дѣлами и присутствіемъ въ Святѣйшемъ Синодѣ послужитъ большимъ затрудненіемъ при выполненіи предложенія гр. Валуева, г) въ протестантской Англіи епископы засѣдаютъ въ свѣтскомъ учрежденіи, въ верхнемъ парламентѣ и ихъ примѣръ служитъ доказательствомъ несообразности такой мѣры. Въ Англіи ревнующіе о вѣрѣ признаютъ ее притѣсненною свѣтскимъ начальствомъ, рѣшающимъ всѣ ея дѣла, и сами епископы, погруженные въ политическую сферу, теряютъ иногда свою церковность. Въ своемъ заключеніи по поводу [illegible]ски гр. Валуева святитель московскій напоминаетъ что „[illegible]сское духовенство издревле и до нынѣ твердо держится алтаря, а съ тѣмъ вмѣстѣ всегда предано престолу и отечеству... Дѣятельность духовенства значительно возбуждена. Разсужденія о лучшемъ устройствѣ духовныхъ училищъ съ начальствомъ раздѣляютъ добровольно и подчиненные. Примѣчая распространяющуюся въ свѣтской литературѣ заразу невѣрія, матеріализма, безнравственности, духовная литература обнаруживаетъ новыя благонамѣренныя усилія противостоять злу. Ревность духовенства о распространеніи правильнаго образованія въ народѣ возрастаетъ и расширяется. Не полезнѣе-ли держать и поддерживать духовенство въ сей свойственной ему сферѣ, нежели вводить его въ менѣе свойственную ему обширнѣйшую сферу, тогда какъ въ сей господствуетъ тревожное движеніе разнообразныхъ идей взаимноборющихся и обуревающихъ общество? „Члены государственнаго совѣта по разнообразности ихъ званій и принадлежности къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ не могутъ знать потребностей духовно-училищнаго управленія"[2]). Если на практикѣ и могутъ встрѣчаться нѣкоторые предметы, требующіе совокупнаго разсмотрѣнія духовныхъ и государственныхъ людей, то предусмотрѣвшій уже это законъ допускаетъ чтобы „въ чрезвычайныхъ случаяхъ могли быть конференціи Святѣйшаго Синода и государственнаго совѣта безъ нарушенія отдѣльной взаимно независимой цѣлости каждаго изъ сихъ учрежденій". И какимъ же

[1]) Тамъ же, томъ V, стр. 172—179.
[2]) Тамъ же, стр. 274, томъ II.

образомъ можетъ быть допущено управленіе православной Церкви людьми свѣтскими всѣхъ вѣроисповѣданій, одно другому часто непріязненныхъ, тогда какъ Церковь Христова и ея паства поручена ея начальникомъ, Господомъ І. Христомъ, святымъ апостоламъ и тѣмъ, которые ими по преемству рукоположены. „Паси Мое стадо", приказалъ Спаситель міра Апостолу Петру, а съ нимъ и другимъ его ученикамъ, давъ имъ власть разрѣшать на землѣ то, что разрѣшится на небесахъ. Протестантская Англія не можетъ служить примѣромъ для Православной церкви. Гр. Валуевъ въ своей запискѣ предполагалъ, что назначеніе епископовъ въ государственный совѣтъ возвыситъ духовенство. На это митрополитъ Филаретъ замѣчаетъ: „Возвышенное и смиренное положеніе духовенства существенно зависитъ отъ алтаря Божія, близъ котораго оно поставлено Богомъ. Именемъ Божіимъ оно благословляетъ, ученіемъ—наставляетъ, таинствами—освящаетъ вельможу равно какъ и поселянина. Засимъ въ общественномъ мнѣніи и бытѣ возвышаетъ духовенство его благочестіе и добродѣтели и благочестивое расположеніе общества, въ которомъ оно служитъ. По сему не столько можетъ быть нужно то, чтобы епископъ засѣдалъ въ правительственномъ собраніи вельможъ, сколько то, чтобы *вельможи и благородные мужи чаще и усерднѣе вмѣстѣ съ епископомъ окружали алтарь Господень*, украшая тѣмъ Церковь и ея праздники, *утѣшая своимъ общеніемъ* епископа *и подавая назидательный примѣръ народу*, который довольно усердно окружаетъ епископа въ праздники церковные". Служителямъ Церкви Христовой не подобаетъ сливаться съ гражданскими чинами, а священству и епископамъ слѣдуетъ содѣйствовать благочестивымъ царямъ во всѣхъ ихъ благихъ начинаніяхъ молитвою предъ Царемъ царей, наставленіемъ, поученіемъ, предостереженіемъ, благословеніемъ и разрѣшеніемъ, потому что рукоположеннымъ отъ Апостоловъ Пастыреначальникъ Церкви повелѣлъ „ходить по всему міру и проповѣдывать Евангеліе всякой твари" [1]). А верховный Апостолъ требуетъ, чтобы пастыри словесныхъ овецъ „*Не господствовали* надъ наслѣдіемъ Божіимъ, но подавали примѣръ стаду" [2]). Въ предѣлахъ, указанныхъ словомъ Господнимъ, митрополитъ Филаретъ всегда стоялъ за необходимость взаимодѣйствія духовенства съ правительствомъ благочестивыхъ православныхъ царей. Въ 1856 году, по поводу домогательства латинства умножить въ Россіи своихъ епископовъ и семинарій Московскій святи-

[1]) Отъ Марка, гл. 16, стихъ 15.
[2]) Первое посл. Апост. Петра, гл. 5, ст. 3.

тель писалъ, что слухъ объ этомъ имѣетъ признаки достовѣрности [1]) „и опечаливаетъ православныхъ. По долгу вѣрноподданности я рѣшился писать о семъ секретно въ святѣйшій синодъ съ нѣкоторыми при поспѣшности подробностями". Далѣе митрополитъ Филаретъ заявляетъ, что онъ обращается въ святѣйшій синодъ „съ словомъ о предметѣ, который не въ предѣлахъ непосредственныхъ обязанностей, ввѣреннаго мнѣ служенія, но, по моему посильному разумѣнію, онъ въ предѣлахъ общихъ вѣрноподданническихъ обязанностей *по силѣ присяги, обязывающей благовременно объявлять о вредѣ государственномъ* и, слѣдовательно, осуждающей въ семъ случаѣ молчаніе. Благочестивое правительство Россіи признаетъ православную вѣру однимъ изъ твердѣйшихъ основаній государственнаго единства и силы. *Слѣдовательно, что угрожаетъ вредомъ единству вѣры, то угрожаетъ вредомъ и государству*". Затѣмъ въ донесеніи дается подробный отчетъ о папской консисторіальной рѣчи, торжественно произнесенной и напечатанной въ итальянскихъ газетахъ въ 1848 году. Въ той рѣчи папа римскій заявилъ о своей надеждѣ возвратить Римскому клиру въ Россіи недвижимыя имѣнія, на учрежденіе въ ней новыхъ епископствъ, семинарій и вообще на торжество католичества надъ Православіемъ. Донесеніе свое святитель Филаретъ заканчиваетъ выраженіемъ убѣжденія, что „священный долгъ вѣрности къ святой Церкви и къ благочестивѣйшему Государю Императору исполнилъ я поспѣшнымъ указаніемъ на угрожающія Православію затрудненія и вредъ, которыя проницательная мудрость Св. Синода многосторонне усмотритъ и въ скорбныхъ помышленіяхъ успокаиваю себя надеждою, что Св. Синодъ будетъ по сему предмету благовременно предстательствовать предъ благочестивѣйшимъ Государемъ Императоромъ, защитникомъ и покровителемъ святой Православной Церкви". Заботы достохвальнаго великаго іерарха Церкви истекшаго вѣка о нуждахъ Православія и Самодержавія могутъ служить поучительнѣйшимъ примѣромъ для русскихъ людей нашего времени, отличающагося колебаніемъ мысли, шаткостью вѣры и ослабленіемъ патріотизма. Если-бъ въ XIX вѣкѣ не раздавалось постоянно авторитетное слово Митрополита Филарета, то можетъ быть и Церковь и государство утратили бы уже многое изъ драгоцѣннаго ихъ наслѣдія отъ прежняго древне-русскаго періода.

[1]) Сборн. мнѣн. и отзыв. митр. Филарета, т. IV, стр. 88—93.

V.

Во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, касавшихся нравственной стороны народной жизни въ Православной Россіи митрополитъ Филаретъ принималъ самое сердечное участіе иногда по приглашенію правительства, а нерѣдко и по собственной инціативѣ. Между прочимъ въ 1861 году Императоръ Александръ II, предпринявъ преобразованіе крестьянскаго быта, обратился къ великому іерарху русской Церкви съ сообщеніемъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ царское слово „будетъ имѣть сильное вліяніе на успѣхъ предпринятаго дѣла“ [1]) освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и что слово это поручалось написать ему, митрополиту Московскому. Графъ Панинъ писалъ, по поводу такого желанія Государя, къ высокодаровитому святителю: „Его Императорское Величество съ полною довѣренностью къ вѣрноподданнѣйшимъ Вашимъ чувствамъ и къ дарованіямъ Вашимъ... призналъ нужнымъ обратиться къ Вамъ съ изъявленіемъ желанія, чтобы Ваше высокопреосвященство приняли на себя трудъ составить манифестъ, въ коемъ изъяснены будутъ воля и ожиданія Его Величества по сему важному предмету... Государь полагается совершенно на высокій даръ краснорѣчія Вашего высокопреосвященства и на ревностное усердіе Ваше къ дѣлу столь важному для отечества, столь близкому сердцу перваго пастыря нашей Церкви“... Этими словами гр. Панинъ передалъ полученное имъ приказаніе Государя Александра II, точно и мѣтко опредѣлившаго ту высоко-трогательную нравственную связь, которая искони существуетъ въ Россіи между ея царями, помазанниками Божіими и рукоположенными, по преемству, отъ св. апостоловъ, іерархами православной Церкви. Совершенная необходимость этой связи доказывается всѣми важными событіями отечественной исторіи, начиная съ Куликовской битвы, на которую св. великій князь Дмитрій Донской, ополчившись на татаръ, повелъ воинство съ благословенія великаго подвижника русской земли Сергія, чудотворца Радонежскаго, молитвы коего содѣйствовали русской рати въ ея побѣдѣ и одолѣніи надъ врагомъ. О взаимномъ пониманіи высоко въ то время настроенныхъ душъ Царя Освободителя и святѣйшаго Филарета можно судить уже по тому, что 31 января Государь Императоръ выразилъ желаніе о составленіи манифеста, а 5 февраля того-же 1861 года ма-

[1]) Сборн. мнѣн. и отзыв. Филарета, митроп. Москов. и Коломенск., Т. V, часть 1-я стр. 5—15.

нифестъ столь успѣшно составленный, былъ уже полученъ въ Высочайшія руки чрезъ посредство графа Панина, которому незабвенный іерархъ писалъ по этому поводу съ свойственнымъ ему смиреніемъ: сколько снисходительное Высочайшее довѣріе, изъявленное порученіемъ, ободряетъ меня, столько затрудняетъ предметъ порученія, далекій отъ круга понятій и занятій, въ которомъ обращаюсь. Въ исполненіе порученія вводитъ меня вѣрноподданническое повиновеніе, а не сознаніе способности удовлетворить требованію". По случаю полученія митрополитомъ Высочайшаго рескрипта съ выраженіемъ благоволенія къ нему Государя за его труды, высокочтимый іерархъ, пользовавшійся всѣми случаями, обѣщающими пользу православной Церкви, написалъ Его Величеству всеподданнѣйшее письмо, начинавшееся словами: „Благочестивѣйшій Государь! Отъ свѣтлаго ока Вашего Императорскаго Величества не укрывается и не остается безъ вниманія и малѣйшее служеніе дѣлу добра и пользы; и взоръ благоволенія Вашего утѣшаетъ, ободряетъ и укрѣпляетъ трудящихся или трудившихся. Такъ благоугодно было Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, осчастливить начало сего года для меня и потрудившихся со мною по дѣламъ вспоможенія могилевскимъ церквамъ въ ихъ нуждахъ и сирійскимъ христіанамъ въ ихъ бѣдствіяхъ" [1]). Митрополитъ Филаретъ не упускалъ случаевъ, дававшихъ ему возможность поддержки высокаго авторитета Самодержавной власти. Разбирая одну рукопись, неудачно составленную, авторъ которой, пользуясь покровительствомъ вліятельныхъ людей, посвятилъ ее Императору Александру II-му, святитель Московскій предостерегъ отъ изданія этой рукописи, о чемъ и написалъ записку князю С. Н. Урусову, въ которой сказано: „Если паче чаянія обвиненіе рукописи въ еретическомъ характерѣ подтвердится, то желательно, чтобы изданіе не было осѣнено Высочайшимъ именемъ. Слава щедраго покровительства Государя Императора дѣлу религіи и учености уже свѣтитъ и не угасаетъ; но когда узнаютъ церкви, что онъ не далъ своего имени изданію когда узналъ что въ немъ къ слову Божію святотатственною рукою примѣшаны плевелы: сіе будетъ утѣшительно и назидательно особенно для православныхъ церквей Востока и Россіи" [2]). Приведенныя слова отлично характеризуютъ искони установившіяся отношенія высшихъ іерарховъ православной Церкви къ Самодержавному Царю Русской Земли. О православномъ царѣ, какъ заботли-

[1]) Тамъ же, стр. 1—3.
[2]) Тамъ-же, томъ дополнительный, стр. 574.

вомъ охранителѣ вѣры, митрополитъ Филаретъ высказывается между прочимъ и въ одномъ изъ его писемъ къ Государю Александру II. „Провидѣніе Божіе, поставившее Тебя къ великому подвигу самодержавствовать великою имперіею, ввѣрило Тебѣ съ симъ вмѣстѣ продолжать особенный великій-же подвигъ Твоего великаго тоже родителя: защищеніе церкви и отечества отъ соумышленія враговъ, между которыми именующіеся христіанами, неправдами и безчеловѣчіемъ превзошли враговъ христіанства“ [1]). Въ сильныхъ и задушевныхъ глубокотрогательныхъ словахъ выразилъ Московскій митрополитъ свое соболѣзнованіе по поводу кончины чтившаго его Императора, Николая Павловича, въ письмѣ къ вдовствующей Государынѣ, Александрѣ Федоровнѣ, въ коемъ особенно замѣчательна слѣдующая выдержка: „По истинѣ матерь благословенно воцарившагося Царя, праматерь наслѣдника цесаревича. Въ сихъ наименованіяхъ не заключается-ли для тебя утѣшеніе, такъ же правдивое и сильное какъ твоя печаль? Да утѣшитъ тебя воспоминаніе, что твой державный супругъ, во все продолженіе царствованія, среди неутомимыхъ трудовъ и въ часы скорбей и огорченій находилъ вѣрное успокоеніе близъ твоего любящаго сердца. Храня его спокойствіе, ты хранила сокровище Россіи. Да утѣшитъ тебя воспоминаніе, какъ знаменательно Господь благословилъ его жизнь въ его послѣднихъ дняхъ и часахъ, въ которые свѣтлые черты царя и отца семейства и христіанина, несмотря на изнеможеніе внѣшняго человѣка, сіяли такъ сильно, такъ назидательно и благотворно. Надъ симъ союзомъ не имѣетъ власти смерть; онъ простирается отъ времени въ вѣчность. Молитва приближаетъ къ Богу и близъ его средоточія существъ и міровъ неразлучно то, что является разлучнымъ въ мірѣ перемѣнъ. Молитвою вѣры и упованія возверзи на Господа печаль твою“. Въ обоихъ письмахъ и къ Государю Александру II, и къ царственной его матери въ немногихъ словахъ выражена митрополитомъ безпредѣльная нѣжная любовь и доброжелательство вѣрноподданнаго и слово назиданія Императору, какъ охранителю Церкви Христовой, а вдовствующей царицѣ похвала и благодарность признательнаго русскаго народа за исполненный ею предъ нимъ долгъ. Таковая издревле установившаяся нравственная связь между служителями Церкви, содѣйствующими земному царю въ его подвигѣ ради Господа, и Самодержцемъ, непрестанно уповающимъ на помощь Божію и на молитвы іерарховъ существуетъ только въ Россіи, составляя драгоцѣннѣйшее ея достояніе и

[1]) Тамъ-же, томъ IV, стр. 5.

залогъ ея силы и могущества. Въ этомъ отношеніи Россія представляетъ по истинѣ умилительное, бодрящее и величественное явленіе, доказывающее, что на ней будетъ почивать благословеніе Божіе, предназначенное избранному народу, до тѣхъ поръ, пока ея Церковь сохранитъ чистоту Православія, а ея самодержавные цари исторически извѣстное ихъ благочестіе. Отношенія святителя Филарета къ русскимъ самодержцамъ напоминаютъ отношенія, существовавшія прежде между ними и нашими патріархами, что имѣетъ особое значеніе и для нашего времени. Читая замѣчательнѣйшія по ясности изложенія, твердости мысли и убѣдительности бумаги святителя Филарета, этого величайшаго русскаго ума истекшаго девятнадцатаго столѣтія приходишь къ неизбѣжному выводу того, что отступленіе отъ руководящихъ началъ этики ведетъ правительства къ политикѣ колебаній, ослабляющей авторитетъ власти и этимъ характеризуется первый начальный шагъ, ведущій къ разложенію государствъ. Въ мірѣ существуетъ два основныхъ начала, на коихъ зиждется какъ жизнь отдѣльныхъ людей, такъ и государствъ. Одно изъ этихъ началъ установлено Богомъ, передавшимъ свою волю людямъ чрезъ откровенія, высказанныя пророками, апостолами и въ особенности проповѣдью Сына Божія, Іисуса Христа, а также вообще священными книгами, написанными Духомъ Святымъ. Другое начало, на которомъ маловѣрующіе люди силятся основать государство, независимое отъ авторитета Священнаго Писанія, вытекаетъ изъ философствующаго, возгордившагося человѣческаго ума, опирающагося на пріобрѣтенныя имъ знанія при изученіи великихъ дѣлъ Творца Вселенной. Государства, основывающія свою этику на Божественномъ откровеніи возвышаются и крѣпнутъ и стремятся напряженіемъ природныхъ дарованій ихъ гражданъ къ нравственному усовершенствованію, имѣя идеаломъ Богочеловѣка. Исторія учитъ, что съ утратой народами вѣры въ Божественное откровеніе, они падали нравственно, возставали на Господа и шли по пути къ паденію. Законы Божіи прочны и непоколебимы и это въ одинаковой степени справедливо какъ относительно физическихъ законовъ, коимъ подчиненъ видимый матеріальный міръ, изучаемый астрономіею и естественными науками, такъ и относительно міра духовнаго, опредѣляющаго нравственныя начала для человѣческихъ обществъ. Законы Божіи написаны для усовершенствованія нашего духа. Людскіе законы, составленные разумомъ человѣческимъ, имѣютъ въ виду матеріальныя наши удобства и отличаются непостоянствомъ, а также склонностью къ вы-

тѣсненію изъ государства Божественныхъ постановленій. Какъ отдѣльный „человѣкъ съ двоящимися мыслями [1]) не твердъ во всѣхъ путяхъ своихъ“, такъ и государства, руководящіяся попеременно то Божественнымъ откровеніемъ, то отвергающимъ его разумомъ человѣческимъ находятся на скользкомъ пути разложенія, которому предшествуютъ еретичество и освобожденіе государства отъ совмѣстной дѣятельности съ Церковью и вообще стремленіе не къ нравственному усовершенствованію, а къ удовлетворенію похотей тѣла. Русскій народъ и въ настоящее время имѣетъ повидимому достаточно нравственныхъ силъ для того, чтобы стряхнуть съ себя бремя скептицизма, налегшаго на него извнѣ и съ твердою вѣрою нашихъ прародителей встать на тотъ указанный Россіи путь, который опредѣляется ея Православіемъ, ради коего нашъ народъ нынѣ способенъ сдѣлаться избраннымъ такъ-же какъ въ древности таковымъ былъ еврейскій. Уповающіе на Бога и неизмѣняющіе Его заповѣдямъ ради переходящихъ модныхъ вѣяній, никогда не посрамятся. Для православной Россіи современная жизнь ея народа требуетъ опредѣленнаго, ясно выраженнаго направленія. Или должна она всецѣло предаться волѣ Божіей и слѣдовать Его законамъ, отрекшись отъ подражанія древнему языческому Риму и нынѣшнимъ католическимъ и протестантскимъ государствамъ, или же идти путемъ колебаній, неминуемо ведущимъ къ нравственному и экономическому ея порабощенію другими народами. Высокіе іерархи православной нашей Церкви, слѣдуя примѣру незабвеннаго святителя Филарета Московскаго, могутъ оказать Россіи нашего времени такія же важныя услуги при избраніи ею твердаго пути, которыя прежде оказывали ей такіе почитаемые святые служители Божьяго алтаря, какими были Сергій Радонежскій и митрополиты и патріархи Алексѣй, Петръ, Филиппъ, Іона, Гермогенъ и другіе бывшіе печальники земли русской, а нынѣ по преставленіи своемъ ея покровители и молитвенники. Такіе митрополиты, какимъ былъ Филаретъ Московскій, доказываютъ, что и въ наше время связь между православною Церковью и благочестивыми государями сохранилась и жива по нынѣ не смотря на всѣ позаимствованія, которыя Россія перенесла къ себѣ изъ другихъ государствъ, начиная со временъ Царя Петра I-го. И не дай Богъ, чтобы связь эта ослабла, или совсѣмъ порвалась, потому что тогда Россія перестанетъ быть православною и представитъ собою тѣло безъ души. Настали повидимому для нашего отечества тотъ важный исторический

[1]) Посл. Ап. Іакова, гл. 1, ст. 8.

моментъ, когда оно, сознавая необходимость и достаточныя свои способности къ самобытному развитію своихъ силъ физическихъ и нравственныхъ, убѣждается послѣ долгаго историческаго опыта, что главныя ея сокровища внутри насъ самихъ и въ нашей связи вѣры, царя и отечества. И этому сознанію много способствовалъ высокоталантливый святитель Филаретъ Московскій, коему мы, русскіе, должны быть обязаны за многое сдѣланное имъ въ теченіе длинной самоотверженной его жизни на пользу родины.

VI.

Святитель Филаретъ, упоминая о словахъ Спасителя міра: „воздадите Кесарево Кесареви, а Божіе Богови“ объясняетъ, что они относятся къ языческому міру, но не къ православному государству, въ которомъ Христова церковь и самодержавное правительство не составляютъ двухъ отдѣльныхъ одна отъ другой частей, но которыя всегда старались и понынѣ еще стараются одна другую поддерживать, а не ослаблять, какъ это водется во многихъ странахъ Западной Европы[1]). Здѣсь умѣстно привести мнѣніе знаменитаго митрополита Московскаго по поводу вопроса, имѣющаго для православія серьезное значеніе и все чаще и чаще затрагиваемаго нынѣ духовною, а отчасти и свѣтскою литературою.

Многіе духовные и свѣтскіе ревнители каѳолической, соборной и апостольской церкви съ давнихъ уже поръ ведутъ бесѣды о тревожащемъ ихъ вопросѣ, до сихъ поръ не получившемъ практическаго разрѣшенія о томъ, что полезнѣе для православія въ Россіи: нынѣ существующій святой правительствующій Синодъ, или прежняя единоличная власть патріарха, которую замѣнилъ Синодъ волею не зависѣвшею отъ служителей при алтарѣ Господнемъ. Извѣстный ревнитель православной церкви А. Н. Муравьевъ въ запискѣ, напечатанной въ 1883 году въ „Русскомъ Архивѣ“ „о состояніи православной церкви въ Россіи“, далъ случай высокочтимому Московскому іерарху высказаться по упомянутому вопросу еще прежде выхода въ свѣтъ этой записки. Въ ней было высказано между прочимъ, что у насъ истинная Христова церковь явится тогда, когда догматы вѣры станутъ неприкосновенными отъ какой либо власти (свѣтской). Митрополитъ рѣшительно опровергаетъ А. Н. Муравьева и свидѣтельствуя, что догматы въ Россіи никогда не измѣнялись по произволу свѣтской власти, призна-

[1]) Сб. мн. митр. Филарета, томъ III, стр. 487.

етъ однако, что въ нѣкоторыхъ предметахъ церковной администраціи, суда и дисциплины свѣтская власть не въ точности слѣдовала церковнымъ правиламъ и власть духовная принимала это съ терпѣніемъ и такимъ образомъ была ослабляема. Конечно лучше, если-бы сего не было"[1]). Записка говоритъ, что патріархи Іоакимъ и Адріанъ противились Петровымъ преобразованіямъ, но „Петръ могъ ужиться съ ними, если-бъ не прельстился проектомъ Лейбница о коллегіяхъ въ томъ числѣ и о духовной коллегіи, которую у протестанта перенялъ Петръ, но которую провидѣніе Божіе и церковный духъ обратили въ Святѣйшій Синодъ". „Хорото было бы не уничтожать патріарха и не колебать тѣмъ іерархіи, но возстановлять патріарха было бы не очень удобно; едва ли былъ бы онъ полезнѣе Синода. Если свѣтская власть начала тяготѣть надъ духовною, почему одинъ патріархъ тверже вынесъ бы сію тягость нежели Синодъ?... Очень ли велика разность въ томъ, что въ Россіи первенствующій членъ святѣйшаго Синода не называется патріархомъ? Это, по крайней мѣрѣ, требуетъ изслѣдованія, а не ведетъ къ рѣшительному осужденію того, что Синодъ остался". „Было время когда въ Россіи не было ни патріарха, ни Синода, а только митрополитъ. *Но власть свѣтская искренне чтила духовную власть и ея правила; и сія имѣла болѣе удобства дѣйствовать съ ревностью и одушевленіемъ. Вотъ въ чемъ дѣло*". Что говорится въ запискѣ о взаимномъ согласіи и споспѣшествованіи церковной и государственной власти въ Россіи, въ прежнія времена и о усердной дѣятельности духовенства въ пользу государства, то, по истинѣ, достойно вниманія. Записка упоминаетъ о безпорядкахъ въ духовенствѣ. Не отвергая этого, смиренный митрополитъ Московскій задается вопросомъ: „Въ одномъ ли духовенствѣ безпорядки? Порядокъ-ли это напримѣръ, что въ императорскій, высокоторжественный день, когда народъ къ началу литургіи наполняетъ храмъ, нѣкоторые высшіе свѣтскіе сановники приходятъ только въ послѣднее время литургіи, къ молебну?" [2]). Записка Муравьева содержитъ въ себѣ важное предложеніе о созывѣ мѣстнаго собора для исправленія безпорядковъ по духовному вѣдомству. Святитель Филаретъ находитъ, что „предложеніе созвать мѣстный соборъ принадлежитъ къ древнему характеру церковнаго управленія и можетъ принести пользу, если будетъ приведено въ исполненіе искусно и вѣрно". Со-

[1]) Тамъ-же; томъ IV, стр. 145

[2]) Тамъ же, стр. 148.

зывать соборъ митрополитъ совѣтуетъ не для исправленія безпорядковъ духовнаго вѣдомства, но „по древнему обычаю для совѣщанія о дѣлахъ церковныхъ къ вящему благоустройству духовенства и паствы“ [1]). А. Н. Муравьевъ, побуждаемый ревностью о пользѣ православной церкви, не удовольствовался отзывомъ, сдѣланнымъ святителемъ Филаретомъ на его записку и обратился къ нему съ письмомъ, въ которомъ говорилъ о недостаточности и неясности сдѣланныхъ имъ на ту записку замѣчаній и о его, Муравьева, по этому случаю великомъ огорченіи. Отвѣчая пространно на это письмо, митрополитъ, вполнѣ признавая Муравьева искреннимъ ревнителемъ православной церкви, просилъ у него прощенія въ нанесенномъ огорченіи [2]) и затѣмъ объяснилъ, что онъ „возражалъ не противъ сущности Муравьевскихъ замѣчаній на стѣснительное положеніе синодальнаго дѣйствованія, но противъ неточности изложенія отъ которой могутъ произойти два неблагопріятныя послѣдствія: первое, что могутъ сдѣлать возраженіе противъ сей неточности и все ваше замѣчаніе покажется опроверженнымъ; второе, что невѣрно означенная неправильность можетъ получить такое исправленіе, которое вновь будетъ неправильно и неудовлетворительно“. Далѣе въ томъ же письмѣ митрополитъ признаетъ справедливость утвержденія Муравьева о проявляющемся иногда вредномъ для дѣла произволѣ оберъ-прокурора, такъ какъ дѣйствительно „съ нѣкотораго времени возгосподствовалъ произволъ оберъ-прокурора, по которому онъ рѣшенія Синода останавливаетъ на сколько времени хочетъ, или и совсѣмъ оставляетъ безъ дѣйствія“. Муравьевъ въ своемъ письмѣ упрекаетъ святителя Филарета за недостатокъ ревности о дѣлѣ возвращенія православной церкви ея независимости и авторитета, необходимыхъ и для пользъ самодержавія и для ослабленія раскола и для сохраненія чистоты вѣры. На это митрополитъ отвѣчаетъ: „Угодно было вамъ кажется обвинить меня и больше нежели въ равнодушіи. Вы говорите о себѣ: я не побоялся; и тѣмъ намекаете на ваше мнѣніе обо мнѣ, что я побоялся (сказать правду). По предосторожности, чтобы не судить ближняго, не могли-ли вы предложить себѣ вопросъ: подлинно-ли человѣкъ, который уже опускаетъ одну ногу въ гробъ и которому время хотя теперь, если не прежде, бояться суда Божія, а не человѣческаго, дѣйствуетъ по мірскому страху, или надеждѣ, а не по какому

[1]) Тамъ-же, стр. 147.

[2]) Тамъ-же, стр. 212.

нибудь разсужденію, хотя и не разсудительному? Призывая вамъ благословеніе Божіе, съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью пребываю"... [1]).

Въ своемъ самоотверженномъ служеніи Православію и вытекающихъ изъ него: самодержавію и народности, великій святитель Московскій оставилъ намъ завѣтъ о необходимости охраненія этихъ основныхъ началъ духовной дѣятельности русскихъ людей и въ обширныхъ своихъ проповѣдяхъ, дѣловыхъ бумагахъ и вообще обильнѣйшей перепискѣ съ разными учрежденіями и лицами указывалъ, *во-первыхъ*, на необходимость утвердить духъ православія въ образованныхъ нашихъ классахъ помощію воспитанія въ учебныхъ свѣтскихъ школахъ всѣхъ степеней, подобно тому какъ это, въ его время, велось въ духовныхъ училищахъ; *во-вторыхъ*, на необходимость въ томъ же духѣ воспитывать русскій народъ и на предоставленіе православной церкви, согласно преданіямъ Апостольскимъ, самостоятельнаго дѣйствованія требуемаго для охраненія догматовъ и успѣшнаго церковнаго управленія, что можетъ быть всесторонне обсуждено на мѣстномъ соборѣ изъ епископовъ и другихъ духовныхъ лицъ и *въ-третьихъ*, на предоставленіи церкви, въ лицѣ святѣйшаго Синода, или высшихъ ея іерарховъ, по примѣрамъ древней Руси, непосредственнаго общенія съ самодержавною властью, помимо всѣхъ государственныхъ учрежденій, по дѣламъ, касающимся православія, какъ главной основы Имперіи, коей волею Провидѣнія, предназначено содѣйствовать къ охраненію и распространенію истинной, вселенской Апостольской церкви Христовой.

Главнымъ знаніемъ русскихъ людей должно быть православіе и исторія его возникновенія; безъ этого нашъ народъ не можетъ встать на высоту задачи, указанной ему Провидѣніемъ, выдвигающей его какъ особо избраннаго. Россіи Богомъ дано внѣшнее могущество для охраненія драгоцѣннаго дара, ей ввѣреннаго, и ей слѣдуетъ употребить всѣ ея силы для исполненія возложенной на нее миссіи. Всѣмъ ея внѣшнимъ и внутреннимъ дѣяніямъ подобаетъ прежде всего сообразоваться съ тѣмъ, насколько они содѣйствуютъ охраненію и распространенію Православія, давшаго авторитетъ свѣтской ея власти въ особѣ Помазаника Божія. Горькій опытъ можетъ уже убѣдить каждаго не ослѣпленнаго человѣка, что всякое колебаніе внутренней и внѣшней политики Россіи въ стороны отъ прямого богоугоднаго направленія, указаннаго Православіемъ,

[1]) Тамъ-же, стр. 215 и 216.

приноситъ ей вредъ, вселяетъ въ нее немощь, смуты, отступничество и видимо лишаетъ ее покровительства свыше и ведетъ къ нравственному и экономическому рабству иноземцамъ. Ослабляя авторитетъ православной церкви, мы ослабляемъ въ то же время и авторитетъ свѣтской власти и нарушаемъ единство церкви, самодержавія и народа. Несомнѣнно что главною причиною вредныхъ колебаній въ нашей общественной жизни служитъ недостаточность нашего національнаго самопознанія, которое въ прежнія времена выросло на почвѣ православія и нынѣ не можетъ имѣть другой основы. Какъ только съ глазъ руководящихъ въ Россіи образованныхъ классовъ, спадетъ повязка и они отряхнутся отъ налегшихъ на нихъ мудрствованій иноземныхъ учителей, чуждыхъ духу родного нашего народа, такъ сразу же мы поймемъ великое назначеніе дорогого отечества и православная Россія, сильная внутреннимъ своимъ содержаніемъ, освободится отъ порабощающаго ее подражанія старѣйшимъ Западно-Европейскимъ государствамъ, имѣющимъ свои особыя назначенія, къ нимъ приноровленныя. Слава Богу, Россія и до нынѣ не оскудѣла еще вѣрующими людьми и для нихъ такъ же какъ и для колеблющихся, величайшую пользу можетъ принести знакомство съ мнѣніями одного изъ выдающихся русскихъ умовъ, митрополита Филарета, сочиненія котораго у насъ, помимо духовныхъ лицъ ихъ читающихъ, весьма мало извѣстны.

Иванъ Кашкаровъ.

Уваровскій Университетъ.

(Продолженіе).

VI.

Намъ остается теперь ознакомиться съ бытомъ студентовъ въ 30-е и 40-е годы, съ ихъ отношеніями другъ къ другу и къ университету, съ ихъ настроеніемъ и образомъ мыслей.

Принимались въ университетъ, согласно уставу, всѣ выдержавшіе установленное испытаніе, причемъ свидѣтельство объ окончаніи полнаго гимназическаго курса давало право предстать на испытаніе прежде прочихъ или быть совершенно освобожденнымъ отъ онаго (ст. 91). Пріемъ студентовъ бывалъ разъ въ годъ передъ началомъ курса (ст. 93). Студенту, переходящему изъ одного русскаго университета въ другой, могло быть зачтено время пребыванія въ первомъ, „если только причины, побудившія его оставить университетъ, въ коемъ прежде обучался, будутъ уважены попечителемъ, и если представитъ одобрительное свидѣтельство отъ того университета“ (ст. 94). Болѣе подробныя правила объ испытаніяхъ для поступленія въ университетъ были изданы министромъ въ 1837 году [1]). Согласно этимъ правиламъ, отъ испытанія могутъ быть освобождаемы лица, имѣющія аттестатъ объ окончаніи гимназіи, но лишь по представленію попечителя и съ разрѣшенія министра и „смотря по степени довѣренности, которую заслуживаетъ гимназія“. Предметы испытанія суть: а) Законъ Божій, Священная и церковная исторія; б) Россійская грамматика, словесность и логика; в) языки латинскій, нѣмецкій и французскій; г) математика до коническихъ сѣченій включительно; д) физика; е) географія и статистика и ж) исторія. Отъ этого правила дѣлались отступленія: для поступающихъ на 1-е отдѣленіе философскаго факультета (впослѣдствіи историко-филологическій факультетъ) признано желательнымъ знаніе греческаго языка, за то нѣсколько сокращены требованія по ма-

[1]) Сборникъ распоряж., т. II, стр. 169.

тематикѣ. При знаніи обоихъ древнихъ языковъ, для лиц
не намѣривающихся поступить на 1-е отдѣленіе философска
факультета, допускается знаніе лишь одного изъ новыхъ. Во
питанники казанской 1-й гимназіи, обучавшіеся восточны
языкамъ и предназначаемые къ продолженію изученія эти
языковъ въ университетѣ, освобождаются отъ испытанія
греческомъ и нѣмецкомъ языкахъ, высшей математикѣ и ф
зикѣ. Отмѣтки выставлялись по пятибалльной системѣ, причем
для поступленія въ университетъ требовалось лишь имѣть
менѣе 3-хъ въ среднемъ выводѣ изъ полученныхъ отмѣток
Не допускались далѣе: 1) получившіе 1 по двумъ предметам
2) получившіе менѣе 3 по Закону Божію и русскому языку
менѣе 2 по латинскому языку (впрочемъ, иностранцы и ин
вѣрцы, а также воспитанники 1-й казанской гимназіи доп
скались и съ двойкой по русской словесности). Отъ жела
щихъ поступить въ 1-е отдѣленіе философскаго факульте
требовалось также не менѣе 3 по латинскому языку, а о
поступающихъ на 2-е отдѣленіе—по математикѣ.

Студенты, какъ мы уже видѣли, раздѣлялись на казенн
коштныхъ и своекоштныхъ. Казеннокоштными были готови
шіеся къ педагогической дѣятельности (педагогическій инст
тутъ) и будущіе медики (медицинскій институтъ). Уста
1835 года опредѣляетъ число студентовъ въ педагогическо
институтѣ не менѣе 20, въ медицинскомъ: въ Москвѣ 1
въ Харьковѣ и Казани—140 чел. (ст. 152 и 161). Въ 1837
въ казанскомъ университетѣ учреждено еще 14 вакансій
восточному отдѣленію [1]). Сюда прибавлялись еще казенн
пансіонеры разныхъ вѣдомствъ, число которыхъ иногда пр
вышало число казеннокоштныхъ. Такъ, въ 1840 г. въ пете
бургскомъ университетѣ при 20 казеннокоштныхъ студента
педагогическаго института, было 50 пансіонеровъ (въ то
числѣ 30 пансіонеровъ Царства Польскаго) [2]). Въ универс
тетѣ св. Владиміра уставъ 1833 года опредѣляетъ комплек
казенныхъ студентовъ въ 50 человѣкъ; изъ нихъ 26 предн
значалось въ учительское званіе, остальные—въ гражданс
чиновники. Число тѣхъ и другихъ „по мѣрѣ способовъ“ мо
быть увеличено [3]). Уставъ 1842 г. учреждаетъ въ универс
тетѣ св. Владиміра: а) институтъ педагогическій—для об
зованія учителей гимназій и уѣздныхъ училищъ; б) юридич
скій „для снабженія губернскихъ присутственныхъ мѣстъ с

[1]) Сборн. постан., т. II$_1$, стр. 957.
[2]) *Григорьевъ*, „Имп. С.-Петерб. ун-тъ“, С.П.Б. 1870, стр. 298.
[3]) Уставъ 1833 г. (Сборн. постан. II$_1$, стр. 482), § 65.

собными и свѣдущими въ законовѣдѣніи чиновниками"; в) медицинскій—для приготовленія врачей на службу по распоряженію правительства. Въ педагогическомъ институтѣ полагалось 30, въ медицинскомъ—20, въ юридическомъ—80 студентовъ на казенномъ содержаніи [1]). Независимо отъ этого учреждалось при кіевскомъ университетѣ заведеніе для недостаточныхъ студентовъ: на университетскія суммы нанятъ былъ домъ, съ прислугой, отопленіемъ и освѣщеніемъ; студенты помѣщались тамъ даромъ, внося лишь небольшую помѣсячную плату за свое продовольствіе [2]).

Характерно возникновеніе этого заведенія. Первоначально, съ 1837 года нанятое помѣщеніе предназначалось для *бѣдныхъ и неблагонадежныхъ студентовъ* и извѣстно было между студентами и въ кіевскомъ обществѣ подъ названіемъ „штрафгауза". Впослѣдствіи это первоначальное предназначеніе было забыто, и осталась лишь благотворительная цѣль. Число содержащихся въ заведеніи не было опредѣлено и постоянно измѣнялось вслѣдствіе ежемѣсячнаго прилива и отлива ихъ. Комплектъ былъ установленъ сначала 22 человѣка, потомъ въ 1842 году—40, въ 1848 г.—60 чел. Студенты, помѣщавшіеся въ заведеніи, не всѣ уплачивали за продовольствіе; за многихъ уплачивалъ университетъ изъ суммы сбора за ученіе, за другихъ—профессора. Число такихъ профессорскихъ стипендіатовъ колебалось и доходило (въ 1846 г.) до 13 [3]).

Студенты педагогическаго, юридическаго и медицинскаго институтовъ находились подъ особымъ надзоромъ инспектора; кромѣ обязанности слушать лекціи и другихъ студенческихъ занятій, уставы 1833, 1835 и 1842 г.г. требуютъ отъ нихъ еще особыхъ практическихъ работъ; студенты педагогическаго института, кромѣ того, сочиняютъ разсужденія, читаютъ пробныя лекціи и даютъ уроки въ училищахъ; наблюденіе за этими занятіями возлагается на 3 или 4 профессоровъ соотвѣтствующихъ предметовъ. Недостаточно успѣвающіе студенты исключаются съ казеннаго содержанія. По окончаніи курса, казенно-коштные обязаны были прослужить не менѣе 6 лѣтъ на государственной службѣ, на томъ поприщѣ къ которому они предназначались [4]). Несмотря на то, что въ студенчествѣ того времени преобладалъ дворянскій элементъ, число недостаточныхъ студентовъ было всегда велико, и прошеній о пріемѣ

[1]) Уставъ 1842 г. (Сборн. пост., II, 227 и сл.) ст. 53—55.

[2]) Ib. ст. 62.

[3]) *Владимірскій-Буданов*, стр. 662—673.

[4]) Уставъ 1835 г., ст. 155—163; Уст. 1833 г., §§ 67—73.

на казенное содержаніе бывало обыкновенно больше, чѣмъ вакансій. Такъ, напр., въ университетѣ св. Владиміра въ 1839 г. на 35 просителей было лишь 16 вакансій, въ 1840 г. было 43 просителя на 14 вакансій [1]).

На содержаніе каждаго студента отпускалось: по уставу университета св. Владиміра 1833 г.—400 р. ассигн., по уставу 1835 г.—500 р. ассигн., по уставу 1842 г.—143 р. серебр. (=500 р. ассигн.) [2]). Въ институтъ казеннокоштныхъ принимались и своекоштные; плата съ нихъ была обыкновенно нѣсколько выше, чѣмъ стоимость содержанія казеннокоштнаго: въ кіевскомъ университетѣ 228 р. 60 к. сер. въ годъ, въ Петербургскомъ—171 р. 60 к. сер. въ годъ и единовременно на первое обзаведеніе 42 р. 90 к. сер. [3]). Владимірскій-Будановъ видѣлъ въ этомъ доказательство того, что на содержаніе студентовъ отпускалось слишкомъ мало. Если находились своекоштные, желавшіе платить 228 р. 60 к., то очевидно, содержаніе студента въ Кіевѣ стоило не меньше этого. „Слѣдовательно, казна назначала на содержаніе студента ровно вдвое меньше дѣйствительной стоимости содержанія въ Кіевѣ“ [4]). Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что при большомъ количествѣ пансіонеровъ содержаніе всегда обходится гораздо дешевле, чѣмъ содержаніе одного, живущаго отдѣльно. Поэтому, въ томъ же кіевскомъ университетѣ мы видимъ, дѣйствительно, при нѣкоторыхъ экономахъ жалобы на плохую пищу, которыя вели даже подчасъ къ крупнымъ столкновеніямъ съ экономомъ и инспекторомъ и исключеніямъ студентовъ; при другихъ же экономахъ эти жалобы прекращались, и отъ ассигнованной суммы оставались даже остатки (въ 1850 г. оказалось остатка 22 р. 35¾ к., въ 1851 г.—134 р. 83 к.). Лишь послѣ крымской войны, при общемъ поднятіи цѣнъ, отпускаемая сумма оказалась совершенно недостаточной. Въ праздникъ Рождества Христова на улучшеніе пищи отпускалось эконому 110 руб., столько же на Пасху. Что касается обстановки и вещей, то они были, по признанію того же Владимірскаго-Буданова „не только удовлетворительны, но отчасти и роскошны“. Въ инвентарѣ института числились серебряныя ложки; стояло 2 фортепіано; были зачѣмъ-то зеркальные подсвѣчники, пирамиды для шпагъ, рисовальные пюпитры. Въ распоряженіи студентовъ была библіотека, заключавшая въ 1842 г. 5642 тома.

[1]) *Владимірскій Будановъ*, стр. 630

[2]) См. штаты и приложенія къ этимъ уставамъ.

[3]) *Григорьевъ*, op. cit., стр. 299.

[4]) *Владимірскій-Будановъ*, стр. 636—637.

Помѣщалось общежитіе сначала въ наемныхъ домахъ, потомъ въ зданіи университета [1]).

Въ московскомъ университетѣ общежитіе для казенно-коштныхъ занимало весь верхній этажъ стараго университетскаго зданія. Въ немъ помѣщалось 150 студентовъ; длинный корридоръ раздѣлялъ спальни отъ номеровъ, гдѣ студенты проводили день до 11 часовъ вечера; номеровъ было около 15. „Живя въ своихъ номерахъ“,—разсказываетъ Буслаевъ,—„мы были во всемъ обезпечены, и не заботясь ни о чемъ, безъ копѣйки въ карманѣ, учились, читали и веселились вдоволь. Нашему довольству завидовали многіе изъ своекоштныхъ. Все было казенное, начиная отъ одежды и книгъ, рекомендованныхъ профессорами для лекцій, и до сальныхъ свѣчей, писчей бумаги, карандашей, чернилъ и перьевъ съ перочиннымъ ножикомъ... Безъ нашего вѣдома намъ мѣнялось бѣлье, чистилось платье и сапоги, пришивалась недостающая пуговица на вицмундирѣ. Въ номерѣ помѣщалось столько студентовъ, чтобы имъ не было тѣсно. У каждаго былъ свой столикъ“... „Кормили насъ недурно. Мы любили казенныя щи и кашу, но говяжьи котлеты казались намъ сомнительнымъ достоинствомъ... Изъ-за этихъ котлетъ случались иногда за обѣдомъ исторіи“ [2]).

Въ Казани также помѣщеніе для казеннокоштныхъ находилось въ зданіи университета; это были „маленькія, неопрятныя комнатки, гдѣ каждый занимался чѣмъ хотѣлъ, мѣшая товарищамъ дѣлать свое дѣло“... „Единственнымъ развлеченіемъ казенныхъ студентовъ были танцовальные вечера, раза два въ недѣлю происходившіе въ просторной, низкой и грязноватой комнатѣ, безъ всякой мебели, находившейся рядомъ съ шинельной“ [3]). Гораздо лучше были обставлены казенные студенты въ Харьковѣ; они жили въ отдѣльномъ корпусѣ при университетѣ, и все внутреннее устройство зданія было приспособлено къ заведенному режиму. У нихъ были „отдѣльныя комнаты для занятій; каждая съ двумя большими столами-шкафами и съ двумя кожаными диванами на шесть человѣкъ; общая спальня, общая столовая и курильня“. Вставали студенты въ 7 час., въ 8 получали по два стакана чаю съ большой булкой, въ 3 часа былъ обѣдъ, изъ двухъ сытныхъ блюдъ, къ которымъ по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ прибавлялось что-нибудь сладкое; въ 9 час. вечера чай съ булкой,

[1]) Іb. стр. 637—643. См. также *Романовича-Словатинскаго* „Моя жизнь“ въ Вѣстн. Евр. 1903 г., т. II, стр. 624.

[2]) Сборн. „Восп. о студ. жизни“, стр. 178—186.

[3]) *Назарьевъ*, op. cit. (Ист. В. 1890, XII, стр. 725).

въ 10 шли спать. Въ помѣщеніи былъ казенный рояль, очень хорошій, а для уроковъ верховой ѣзды былъ абонированъ особый манежъ съ дрессированными лошадьми. По желанію, казеннокоштный студентъ могъ учиться фехтованію, танцамъ, музыкѣ; для этого нанимались особые спеціалисты, и назначались опредѣленные часы [1]).

Казеннокоштные студенты освобождались отъ платы за лекціи; что касается своекоштныхъ и вольнослушателей, то съ нихъ была установлена съ 1838 г. плата: въ с.-петербургскомъ университетѣ 100 р. ассигн. въ годъ (28 р. 57 к. сер.), въ харьковскомъ и казанскомъ—50 руб. ассигн. (14 р. 28 к. сер.); послѣдній размѣръ платы введенъ въ 1840 г. и въ университетѣ св. Владиміра; въ московскомъ университетѣ въ 1841 г. была установлена та же плата, что и въ С.-Петербургѣ. Отъ платы освобождались тѣ, которые представляли свидѣтельство о бѣдности, а также всѣ дѣти служащихъ въ университетѣ. Собранная сумма шла на вспоможеніе бѣднѣйшимъ изъ своекоштныхъ, на выдачу стипендій и пособій; въ случаѣ недостатка штатныхъ и экономическихъ суммъ университета, собранныя деньги могли употребляться на необходимые расходы по зданію—на ремонтъ мебели, отопленіе и т. п. [2]). Впослѣдствіи плата эта была увеличена: въ 1845 г. назначено было 40 руб. въ Петербургѣ и Москвѣ, 20 руб. сер. въ Харьковѣ, Кіевѣ и Казани [3]). Въ 1848 г. была установлена плата въ Петербургѣ и Москвѣ 50 руб. сер., въ Харьковѣ, Кіевѣ и Казани 40 руб. въ годъ [4]).

Что касается быта своекоштныхъ, то между ними можно различать двѣ категоріи: богатые сыновья аристократовъ или купцовъ, жившіе въ собственныхъ домахъ, одѣтые съ иголочки и ѣздившіе въ университетъ въ каретахъ, и бѣднота, ютившаяся по дешевымъ квартирамъ въ „латинскихъ кварталахъ“ университетскихъ городовъ. Между студентами этихъ двухъ категорій существовалъ иногда антагонизмъ и отчужденіе. Студенты-аристократы считали себя какъ-бы особымъ привилегированнымъ сословіемъ, первое время послѣ введенія форменной одежды пренебрегали ею и являлись на лекціи въ партикулярномъ платьѣ; въ с.-петербургскомъ университетѣ они присвоили себѣ право занимать на лекціяхъ ближайшія къ каѳедрѣ скамьи и „студенты-демократы“ „не думали протестовать

[1]) *Любарскій*, op. cit., (Ист. В. 1891, VIII, стр. 384, 390).
[2]) Сб. пост. II, стр. 1158; Сб распор. II, стр. 426, 451 и 504.
[3]) Сб. пост. II, стр. 498.
[4]) Ib. стр. 842.

противъ этой привилегіи“ [1]). Иногда при этихъ студентахъ „состояли бѣдняки изъ числа „зубрилъ-мучениковъ“, помогавшіе имъ готовиться къ экзамену и составлять лекціи. При всемъ этомъ отношенія были чисто товарищескія безъ малѣйшей тѣни прислужничества“ [2]).

Студенты-бѣдняки помѣщались въ убогихъ нездоровыхъ квартирахъ, гдѣ-нибудь въ мансардахъ или въ подвальныхъ помѣщеніяхъ, или „въ скромныхъ трехоконныхъ домикахъ патріархальныхъ мѣщанъ и отставныхъ чиновниковъ“. Но студенты были неприхотливы: „они привыкали къ затхлому воздуху и сырости своихъ квартиръ“, привыкали къ бѣдной, незатѣйливой обстановкѣ. „Полъ не крашенный; съ потолка безцеремонно глядѣла балка. Воздухъ затхлый, часто сырой, пахло капустой и грязной лаханью, зимою нерѣдкость—холодъ. Но солнце такъ ярко, бывало, пробивается сквозь радужныя отъ старости стекла крохотныхъ окошекъ и весело играетъ золотою полосой на неровномъ, затоптанномъ полу, или стѣнѣ, а хозяева такъ привѣтливо смотрятъ въ глаза, и цѣна комнатокъ такая невысокая, 3—4 руб. въ мѣсяцъ, что невольно забывался незатѣйливый видъ ихъ, а впослѣдствіи онѣ даже становились привлекательными“. Были даже такіе студенты, которые занимали не комнату, а уголъ за рубль или полтора въ мѣсяцъ [3]). Попадались квартиры, имѣвшія особыя достоинства для студента: были квартиры съ французскимъ языкомъ или роялью; были квартиры съ протекціей—у профессоровъ университета [4]). Ни убогая обстановка, ни обѣды въ дешевыхъ кухмистерскихъ не портили настроенія молодежи, не мѣшали студентамъ собраться другъ у друга, проводить вечера въ горячихъ спорахъ или веселой оживленной бесѣдѣ и пѣть вполнѣ искренно и убѣжденно—„S'gibt kein schöneres Leben als Studenten Leben!“ [5]).

Отношенія между студентами были искреннія и дружелюбныя; но общеніе между ними, судя по дошедшимъ воспоминаніямъ, были лишь въ сферѣ небольшихъ тѣсныхъ кружковъ; въ этихъ кружкахъ завязывались дружескія связи, сохранившіяся на всю жизнь, здѣсь обсуждались научные или

[1]) *А. У. Рус. Арх.* 1888, т. III, стр. 126.

[2]) *Назарьевъ.* Ист. В. 1890, XII, стр. 727.

[3]) Изъ восп. стараго кіевск. студ. Цитировано по *Владим.-Буданову*, стр. 625.

[4]) *Назарьевъ* lb. стр. 727.

[5]) См. воспом. *Обмянскаго* и *Деркачева* въ сборникѣ „Воспоминанія о студенческой жизни“.

жизненные вопросы. „Товарищество и дружба между студентами,... были тѣснѣе и сильнѣе въ старое время, чѣмъ теперь“ говорилъ уже въ 50-хъ годахъ Шульгинъ о первыхъ временахъ кіевскаго университета [1]). Товарищи собирались по временамъ то у одного, то у другого, читали и обсуждали профессорскія лекціи, пѣли студенческія пѣсни; нѣкоторыя квартиры обладали особой притягательной силой, и „нерѣдко по вечерамъ, безъ всякаго предварительнаго соглашенія, въ такія квартиры собиралось большое число товарищей провести время въ мирныхъ развлеченіяхъ. Угощеніемъ служилъ чай въ прикуску и изрѣдка „висантъ“, популярное къ то время вино у студентовъ. Тутъ перемалывали косточки профессоровъ, изображали въ лицахъ субъ-инспекторовъ, разсказывали городскія новости и пѣли gaudeamus... Такъ какъ сборища составлялись изъ студентовъ разныхъ факультетовъ и курсовъ, то нерѣдко передавалось во всеобщее свѣдѣніе то, что было услышано любопытнаго на лекціяхъ... Такимъ образомъ, студенты разныхъ факультетовъ шутя заимствовались такими свѣдѣніями, которыя не входятъ въ кругъ обязательнаго обученія“ [2]).

Была, впрочемъ нѣкоторая связь и между всѣми студентами „Не существовало сближенія, но не проявлялось и розни“ говоритъ Устряловъ въ своихъ воспоминаніяхъ о с.-петербургскомъ университетѣ въ началѣ 50-хъ годовъ: „небольшая сравнительно семья стояла за каждаго изъ членовъ и каждому помогала, чѣмъ могла. Почти всѣхъ мы знали въ лицо, знали изъ откровенныхъ разсказовъ и обстановку, и нужды, и до машнее положеніе каждаго, а это приносило большую пользу всѣмъ намъ. Для насъ въ университетѣ не было незнакомаго лица. Оттого происходила извѣстнаго рода солидарность и общность интересовъ во всѣхъ главныхъ случаяхъ нашей университетской жизни“ [3]). Надо, впрочемъ, замѣтить, что эти строки относятся къ тому времени, когда число студентовъ во всѣхъ университетахъ сократилось, вслѣдствіе установленія комплекта въ 300 чел.

Совершенно особнякомъ стоитъ отзывъ Назарьева о казанскомъ университетѣ въ 40-хъ годахъ: „Каждый изъ насъ думалъ только о себѣ, жилъ для себя; въ извѣстные часы точно по службѣ, являлся на лекцію, съ нетерпѣніемъ ожидая звонка, чтобы стремглавъ броситься внизъ, накинуть шинель

---

[1]) *Владимірскій-Буданов.* стр. 626.

[2]) *Любарскій.* Ист. В. 1891, VIII, стр. 388; см. также восп. Обнинскаго

[3]) Ист. В. 1884, VII, стр. 130.

и бѣжать во свояси"... „Никакой связи, ни товарищества не было. Мы сходились туго и, можетъ быть, благодаря слишкомъ рѣзкой разности положеній и царившему въ то время барству, не существовало даже возможности попиманія другъ друга, при самой безкорыстной, честной готовности къ сближенію" [1]). Къ сожалѣнію, мы не могли найти другихъ воспоминаній, которыя бы касались казанскаго университета въ ту же эпоху, а потому затрудняемся опредѣлить, было ли это отсутствіе товарищества особенностью казанскаго университета, или это было субъективной особенностью автора воспоминаній, который, не сходясь самъ съ другими, могъ вынести подобное впечатлѣніе и могъ даже не знать о существованіи товарищескихъ кружковъ. Впрочемъ, тотъ же Назарьевъ сообщаетъ, что студенты собирались отдѣльными кружками для совмѣстной подготовки къ экзаменамъ, что въ теченіе одной зимы устраивались очень оживленные литературные вечера у одного изъ студентовъ [2]).

Національность имѣла, повидимому, значеніе при дѣленіи студентовъ на группы и кружки, причемъ инородцы, особенно поляки, представляли болѣе сплоченную массу, чѣмъ студенты русскаго происхожденія. Особенно пестрымъ по національному составу являлся университетъ Св. Владиміра. Здѣсь національность болѣе или менѣе совпадала со степенью матеріальной обезпеченности: „поляки выдавались извнѣ не только достаткомъ, но и франтовствомъ; малоросы, даже и не бѣдные, сливались въ однообразную сѣренькую массу, отъ которой вѣяло нѣсколько утрированнымъ демократизмомъ". Здѣсь рѣзко бросались въ глаза поляки, малороссы и евреи; великороссовъ было мало, и они какъ-то стушевывались. Особую группу не національнаго характера, составляли семинаристы; они держались особнякомъ и отличались серьезностью и суровостью; „видно было, что путь, по которому семинаристъ пришелъ къ университетскому крыльцу и въ сборную залу съ прошеніемъ о пріемѣ въ студенты и съ пустымъ карманомъ, не такъ былъ легокъ, какъ путь большинства, хотъ и не богатой молодежи" [3]). Такая же обособленность семинаристовъ существовала, повидимому, и въ другихъ университетахъ [4]). Что касается поля-

[1]) Ист. В. 1890, XII, стр. 721.

[2]) Ib. 718, 731.—*Вистеноф* разсказываетъ о существованіи такого же кружка въ 1839 г. (см. Ист. В. 1884, V, стр. 348).

[3]) *Владимірскій-Буданов*, стр. 624—625.

[4]) См. *Аванасьевъ*. (Рус. Стар. 1886, VIII, стр. 393) и *Устрялов* (Ист. В. 1884, VII, 180).

ковъ, то и они не только въ Кіевѣ, но и въ другихъ университетахъ держались особнякомъ. „Хотя поляковъ въ нашемъ университетѣ было мало", пишетъ бывшій харьковскій студентъ—„но кучка ихъ замѣтно обособлялась отъ русскихъ и составляла тѣсно сплоченный кагальный кружокъ. Между собою они говорили не иначе, какъ по польски и во всѣхъ отношеніяхъ помогали другъ другу. Если полякъ составлялъ записки, то всѣ польскіе студенты безпрепятственно пользовались ими; но добыть этихъ записокъ русскому было нелегко". Особнякомъ держались также студенты—уроженцы остзейскихъ губерній въ с.-петербургскомъ университетѣ [1]).

Довольно разнорѣчивы отзывы современниковъ объ отношеніяхъ между студентами „аристократами" (по происхожденію или по состоянію) и остальной студенческой массой. Обнинскій свидѣтельствуетъ, что въ московскомъ университетѣ студенты-аристократы не только не кичились своимъ происхожденіемъ, но, напротивъ, въ одеждѣ и манерахъ старались показать свою симпатію къ бѣднякамъ, стремились, такъ сказать къ „опрощенію". Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что это свидѣтельство относится къ половинѣ 50-хъ годовъ, когда новыя, демократическія вѣянія стали уже проникать въ студенческую среду. Аѳанасьевъ, напротивъ, упоминаетъ о существованіи въ московскомъ университетѣ кружка аристократовъ. За то Назарьевъ (казанскій унив.) иронически отзывается о студентахъ-аристократахъ: „они развозили по городу визитныя карточки, бывали въ „хорошихъ домахъ", разыгрывали роль первыхъ кавалеровъ на балахъ, а въ аудиторіяхъ, собравшись у окна, въ ожиданіи профессора, громко разговаривали на французскомъ языкѣ, *невыносимо ръзавшемъ уши остальныхъ студентовъ*, не принадлежавшихъ къ аристократіи, молча, но съ большимъ любопытствомъ и *съ нескрываемой насмѣшкой* наблюдавшихъ ихъ съ верхнихъ партъ" [2]). О такомъ же недоброжелательствѣ свидѣтельствуетъ Любарскій (харьк. унив.); студенты-аристократы, по его словамъ, мало сообщались съ остальнымъ большинствомъ, которое, въ свою очередь, сторонилось ихъ и относилось къ нимъ пренебрежительно [3]). Въ воспоминаніяхъ Устрялова и А. Ч. о петербургскомъ университетѣ мы встрѣчаемся съ подобнымъ же взаимнымъ недоброжелательствомъ и даже враждой, которая иногда проявлялась въ довольно рѣзкихъ

[1]) 9—з Рус. Ст. 1886, II; *Любарскій*. Истор. В 1891, VIII, 387. См. также восп. *Аѳанасьева* и *Спасовича* (предисл. ко 2 тому соч. Кавелина).

[2]) Ист. В. 1890, XII, стр. 724 (курсивъ нашъ).

[3]) Ист. В. 1891, VIII, стр. 387

столкновеніяхъ. Такъ, еще въ 30-хъ годахъ на стѣнѣ большой аудиторіи появился памфлетъ, въ которомъ неизвѣстный авторъ подсмѣивался надъ „кутейническимъ происхожденіемъ“ одного изъ „аристократовъ“. Такая обида произвела сильное волненіе въ средѣ послѣднихъ, настаивавшихъ даже на исключеніи автора памфлета, но имя его осталось неизвѣстнымъ [1]).

VII.

Вотъ тутъ-то, среди аристократической группы студентовъ петербургскаго университета и возникли (кажется, впервые въ русскихъ университетахъ, за исключеніемъ дерптскаго) студенческія корпораціи, къ которымъ мы теперь и перейдемъ. Слѣдуетъ при этомъ оговориться, что мы имѣемъ въ виду *корпораціи съ извѣстной организаціей*, съ обязательностью рѣшеній корпораціи для каждаго изъ ея членовъ. Что касается кружковъ безъ опредѣленной цѣли и организаціи, то такіе кружки, какъ мы видѣли, существовали во всѣхъ университетахъ, существовали и до 1835 г. и не могутъ не существовать: у людей вообще, а тѣмъ болѣе у молодыхъ людей, связанныхъ общей цѣлью, общими занятіями, естественно возникаетъ стремленіе сходиться вмѣстѣ, чтобы обмѣниваться взглядами, или чтобы сообща, въ дружескомъ кругу, отдыхать отъ трудовъ. Вполнѣ естественно и то, что молодые люди, уроженцы одного города или одной и той же окраины государства, попавъ въ многолюдный городъ, держатся другъ друга, тѣснѣе сближаются между собою. Но все это дѣлается само собою, безъ принужденія; поступленіе въ кружокъ или выходъ изъ него не обусловленъ никакими формальностями, не налагаетъ никакихъ обязанностей. Другое дѣло корпорація или общество, съ извѣстными цѣлями, извѣстной организаціей; корпорація имѣетъ строго опредѣленное число членовъ,—и во всякую данную минуту можетъ отдѣлить членовъ отъ не-членовъ, можетъ опредѣлить, кто членъ, кто нѣтъ. Рѣшеніе большинства или какого-либо правленія является обязательнымъ для остальныхъ. Такая корпорація есть уже нѣчто искусственное, навѣянное извнѣ, или, можетъ быть сложившееся въ головѣ какого-либо иниціатора.

Уставъ 1835 г. не даетъ никакихъ указаній относительно подобныхъ студенческихъ обществъ; инструкціи инспекторамъ запрещаютъ только *тайныя общества* [2]). Инструкціи москов-

[1]) Рус. Арх. 1868, IX, стр. 126; Ист. В. 1884, VII, стр. 130.

[2]) Казанская инструкція § 8; то же и въ другихъ инструкціяхъ.

ская, харьковская и казанская, какъ мы видѣли выше, даже учреждаетъ студенческое представительство, въ видѣ „старшихъ" на извѣстное число товарищей, впрочемъ, по назначенію инспектора. Несмотря на дозволенность студенческихъ корпорацій, онѣ до половины 50-хъ годовъ были очень мало распространены; у насъ, по крайней мѣрѣ, есть извѣстія о существованіи корпорацій, кромѣ дерптскаго, только въ с.-петербургскомъ университетѣ, да и эти корпораціи обнимали собою лишь небольшую часть студенчества и симпатіями остальныхъ студентовъ не пользовались. Въ казанскомъ университетѣ мы встрѣчаемся съ полнымъ отсутствіемъ какой-либо общности между студентами; въ воспоминаніяхъ же о харьковскомъ университетѣ въ началѣ 50-хъ годовъ категорически заявляется, что никому не приходило въ голову пересаживать западные порядки на русскую почву; о сходкахъ и студенческихъ кассахъ и помину не было [1]). До закрытія кіевскаго университета въ 1839 г., было открыто существованіе тамъ польскаго революціоннаго кружка, съ сепаратистскими тенденціями [2]); но кружокъ этотъ заключалъ въ себѣ очень немного студентовъ и не можетъ противорѣчить высказанному нами положенію, что студенческія корпораціи и общества не были въ ходу въ описываемую нами эпоху.

Студенческая корпорація въ с.-петербургскомъ университетѣ возникла около 1837 г. и именно въ средѣ студентовъ-аристократовъ. Составъ студентовъ того времени отличался обиліемъ родовитыхъ фамилій съ титулами; мы видимъ здѣсь имена кн. Щербатова, Васильчикова, гр. Шувалова [3]). Въ шпильной университета можно было слышать пѣніе бурсацкой пѣсни, переведенной съ нѣмецкаго Н. М. Языковымъ, который, кажется, вмѣстѣ съ А. Н. Карамзинымъ былъ основателемъ корпораціи „Рутенія" (русской) въ Дерптѣ. Попечитель кн. Дондуковъ-Корсаковъ, повидимому, не только зналъ о существованіи корпораціи, но даже неоффиціально покровительствовалъ ей: изъ устъ его часто приходилось слышать выраженіе—„esprit de corps" и т. п. А когда корпорація требовала исключенія изъ университета студента, который далъ товарищу пощечину и не пожелалъ подчиниться приговору корпораціи, то кн. Дондуковъ вмѣшивался въ дѣло, и приго-

---

[1]) *Любарскій.* Ист. В. 1891, VIII, стр. 874, 886—889.

[2]) *Владимірскій-Буданов.* Op. cit. стр. 164—166.

[3]) *А. Ч.* Op. cit. Рус. Арх. 1888, IX, стр. 126. См. также у *Григорьева*, здѣсь мы встрѣчаемъ имена: гр. Блудова, Толя, бар. Николаи и др.

воренный, по волѣ попечителя, долженъ былъ оставить университетъ [1]). Профессора посѣщали собранія корпораціи, а на одинъ изъ коммершей (праздникъ корпораціи) былъ даже приглашенъ инспекторъ Филипповъ. Такое отношеніе университетскаго начальства и самого попечителя къ корпораціи объясняется, вѣроятно, въ значительной мѣрѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ числѣ студентовъ петербургскаго университета и участниковъ корпораціи находился сынъ попечителя, кн. М. А. Дондуковъ-Корсаковъ (окончилъ курсъ въ 1840 г.). Въ своихъ воспоминаніяхъ князь М. А. очень сочувственно относится къ корпораціи. „Корпоративное начало“,—говоритъ онъ—„служило начальству лучшимъ орудіемъ для надзора за студентами и, при томъ уваженіи и довѣріи, которыми оно тогда пользовалось между нами, студенты старались всячески не вводить начальство въ отвѣтственность. Сіе же послѣднее всегда заботливо и отечески старалось ограждать насъ отъ послѣдствій нашихъ молодыхъ проступковъ и шалостей“. И дѣйствительно, по свидѣтельству князя М. А., на публичныхъ гуляньяхъ, въ театрахъ присутствовали обыкновенно старшіе и пользующіеся вліяніемъ студенты, чтобы предупреждать всякія безобразія и столкновенія, особенно съ полиціей. За то на Васильевскомъ островѣ студенты давали себѣ полную свободу: они кутили въ лавкахъ Елисѣева и опивались скверпымъ пивомъ въ гостинницы вдовы Гейде; ходили также въ какой-то шустеръ-клубъ, гдѣ катались съ ледяныхъ горъ, садясь верхомъ на нѣмцевъ, били ихъ и, вообще, производили всевозможныя шалости. Когда дѣло принимало серьезный оборотъ, студенты обыкновенно сами же сообщали инспектору, который улаживалъ дѣло; если и ему не удавалось, обращались къ попечителю; тотъ немедленно отправлялъ студентовъ, а самъ ѣхалъ къ своему пріятелю и бывшему товарищу по службѣ, оберъ-полиціймейстеру генералъ-адъютанту Кокошкину. Кокошкинъ утромъ, при докладѣ Государю, старался смягчить происшествіе, докладывая, что студенты всѣ арестованы университетскимъ начальствомъ, и преувеличивалъ послѣдствія, ожидающія молодыхъ людей отъ строгости того же начальства. Государь обыкновенно говорилъ: „съ нихъ уже взыскано, скажи, однако, чтобы не губили карьеру молодыхъ людей“. Дѣло тогда кончалось нѣсколькими днями ареста, извиненіями передъ обиженными, или денежнымъ вознагражденіемъ побитыхъ нѣмцевъ по общей складкѣ“ [2]).

[1]) Э—ъ. Рус. Сл. 1881, II, стр. 369.

[2]) „Старина и новизна“, т. V, стр. 172—173.

Нѣкоторое время спустя, въ 40-хъ годахъ мы уже встрѣчае
извѣстіе, что корпораціи составляли запрещенный плодъ, ч
впрочемъ, дѣлало ихъ еще болѣе привлекательными въ глаза
студентовъ. Но и тутъ преслѣдованіе было, повидимому, ли
со стороны полиціи, въ лицѣ же попечителя студенты на
дили себѣ горячаго защитника. Такъ, однажды, коммерч
устроенный студентами на Васильевскомъ островѣ, былъ
крытъ полиціею. Дѣло грозило принять серьезный оборо
„изъ латинскихъ пѣсенъ въ донесеніи полиціи вышли польс
пѣсни; изъ русскихъ цвѣтовъ, которыми были украшены сті
нашей комнаты и которые красовались на нашихъ голова
вышли какія-то польскія конфедератки". Но „благороднѣйш
попечитель, прекрасно понимавшій и знавшій все сущес
праздника", успѣлъ затушить дѣло въ самомъ началѣ [1]). Та
покровительственное отношеніе учебнаго начальства объ
няется, опять-таки лишь случайностью: въ 40-хъ годахъ на
находился въ университетѣ сынъ министра—гр. А. С. У
ровъ (кончилъ въ 1845 г.).

О характерѣ этой первой корпораціи въ С.-Петербур
мы не имѣемъ опредѣленныхъ извѣстій. Въ концѣ 1837 г.
корпораціи произошелъ расколъ; нѣсколько вліятельныхъ ч
новъ корпораціи—Я. и Ѳ. Соловьевы, братья Шишковы, Ба
Лихтенштейнъ,—вышли изъ корпораціи, не соглашаясь съ н
которыми правилами устава. Корпораціи грозило распаден
тогда явился нѣкто Прейсъ, исключенный изъ дерптскаго у
верситета за уличную демонстрацію. Выписавъ изъ Дер
уставъ, онъ образовалъ двѣ корпораціи: русскую (Рутенія)
нѣмецкую (Балтика). Корпоранты различались по фасону
ражекъ и по цвѣтамъ: „Рутенія" имѣла цвѣта оранжев
черный и бѣлый, „Балтика"—голубой, желтый и золотой [2]).

Задача корпораціи заключалась въ томъ, чтобы „сое

---

[1]) *Б—з.* Ист. В. 1880, IV, стр. 790. Вѣроятно здѣсь рѣчь идет
кн. Волконскомъ, который былъ попечителемъ съ 1848 по 1845 г. Тру
сказать точно, когда былъ въ университетѣ авторъ приведенной
таты; но онъ заявляетъ, что корпораціи возникли лѣтъ за пять до
вступленія: слѣдовательно, можно думать, что авторъ поступилъ п
близительно въ 1842 г. и врядъ-ли раньше, такъ какъ онъ сообща
далѣе, что студенты его времени читали „Кто виноватъ" Искандер
это произведеніе было напечатано въ „Отечеств. Зап." въ 1845 и 1846
Вѣроятно, объ этомъ же случаѣ сообщаетъ Никитенко: въ дневникѣ
24 февраля 1845 г. онъ говоритъ о какихъ то тайныхъ сходкахъ с
дентовъ, дѣло о которыхъ было замято попечителемъ Волконскимъ.

[2]) *Э—з.* Рус. Ст. 1881, II, стр. 372—378.

нить студентовъ, дать имъ возможность сообщаться" между собой, „наблюдать, чтобы студенты не позволяли себѣ поступковъ, недостойныхъ честныхъ людей, напр. оскорбленія женщины, обмановъ, словомъ, всего чего не долженъ дѣлать всякій, кто хочетъ сохранить честь свою безъ пятна и укора". Далѣе, цѣлью корпораціи было развить духъ товарищества, чтобы студентъ стоялъ за студента и „чтобы это братство переходило во всю послѣдующую жизнь, до какой-бы степени ни было различно общественное положеніе бывшихъ товарищей". Въ отличіе отъ частныхъ кружковъ и землячествъ, корпорація эта имѣла опредѣленную организацію; организація эта была цѣликомъ заимствована изъ Дерпта, да и самая идея корпораціи возникла у одного русскаго студента, который перевелся изъ Дерпта въ Петербургъ. Подобно дерптскимъ, молодые студенты—„фуксы", подвергались продолжительному искусу, прежде чѣмъ становились полноправными членами корпораціи—„буршами"; между буршами выдѣлялись еще „коръ-бурши"; это было особое почетное званіе, даваемое по приговору корпораціи; фуксы тоже получали званіе „коръ-фукса". „Коръ-бурши" носили фуражку съ цвѣтами оранжевымъ, бѣлымъ и чернымъ. Вступленіе въ корпорацію, или посвященіе въ новое званіе сопровождалось особымъ обрядомъ и пѣніемъ соотвѣтствующихъ случаю пѣсенъ. Всякій вступившій въ корпорацію, избиралъ псевдонимъ, которымъ и подписывался въ книгѣ въ знакъ того, что будетъ свято соблюдать уставъ корпораціи; въ уставъ входили, между прочимъ, мелкія правила, касавшіеся студенческихъ попоекъ (комерсовъ, кнейповъ) и дуэлей. Всѣ студенты-корпоранты избирали сеньора, (предсѣдателя), фуксъ-алдермана (начальника фуксовъ) и казначея. „Конвентъ, т. е. сходка корпорантовъ, устраивался обыкновенно у кого-либо изъ студентовъ. Наконецъ, что еще болѣе отличало корпорацію отъ обыкновенныхъ студенческихъ кружковъ, это то, что корпорація имѣла *власть* надъ своими членами и стремилась даже пріобрѣсти таковую надъ студентами, „дикими", т. е. непринадлежавшими къ корпораціи. Всякій проступокъ студента подлежалъ „суду чести", который и опредѣлялъ возмездіе. Случаи незначительнаго оскорбленія товарища обыкновенно влекли за собою *дуэль* по приговору суда. Другіе проступки могли имѣть слѣдствіемъ временное исключеніе изъ среды студентовъ, заключавшееся въ томъ, что студенты не могли кланяться виновному и разговаривать съ нимъ до истеченія опредѣленнаго срока; за проступки болѣе важные виновный подвергался вѣчному изолированному положенію. Бывали, наконецъ, случаи, когда

корпорація требовала полнаго удаленія студента изъ университета. Мы выше приводили случай, когда самъ попечитель принялъ сторону корпораціи и настоялъ на исполненіи ея рѣшенія. Случай этотъ былъ, конечно, исключительный: судъ чести не былъ оффиціально признанъ начальствомъ, но студентамъ все же удавалось иногда добиться удаленія приговореннаго [1]). Дуэли происходили обыкновенно на эспадронахъ, причемъ болѣе выдающіяся и опасныя части тѣла прикрывались особыми кожаными доспѣхами. Большей частью, дуэль оканчивалась ничѣмъ, или легкими порѣзами; бывали, однако, и болѣе серьезные случаи: бывшій с.-петербургскій студентъ вспоминаетъ, какъ однажды нѣмцу К. Э. дали такой ударъ подъ мышку, что онъ едва не истекъ кровью. Дуэли, вообще, чаще бывали въ нѣмецкой корпораціи, чѣмъ въ русской: правила нѣмецкаго „комана“ (устава корпораціи) были болѣе строгими, и поступки, которые у русскихъ сходили безнаказанно, должны были, по понятіямъ нѣмцевъ, повлечь дуэль. Учебное начальство, относясь довольно снисходительно къ корпораціямъ, строго преслѣдовало дуэли и не разъ возобновляло предписанія о запрещеніи таковыхъ [2]).

Говоря о вліяніи корпорацій, авторы воспоминаній приписываютъ имъ благотворную, облагораживающую роль. „Подобно тому, какъ въ Средніе вѣка турниры и т. п. рыцарскіе обряды были полезны для обузданія грубыхъ страстей“,—говоритъ Э-г-, —„такъ и студенческая корпорація ... не могла не вліять воспитательно и культурно на разнородныя массы молодыхъ людей, сходившихся во имя науки со всѣхъ странъ свѣта, преимущественно въ небольшихъ университетскихъ городкахъ, царствѣ средневѣкового мрака грубыхъ нравовъ, предразсудковъ и суевѣрія. Точно также и наши корпораціи не смотря на ихъ молодость и недостатокъ добрыхъ традицій, сослужили свою посильную службу, сдерживая неразумную и подчасъ бурливую молодежь въ предѣлахъ благоразумія и приличія“. Тотъ же авторъ, однако, признаетъ непримѣнимость къ русскимъ нравамъ иноземныхъ порядковъ, внесенныхъ уставами корпорацій, что, по его мнѣнію, и было причиной кратко-

---

[1]) *Б—а.* Стр. 780 и сл.

[2]) Эти предписанія касаются только дерптскаго университета, вѣроятно, потому, что дуэли въ другихъ университетахъ не были извѣстны начальству. Въ Дерптѣ же не только участники дуэли, но секунданты и всѣ знавшіе о дуэли предавались военному суду. (Сборн. постан. II, стр. 1012).

временнаго существованія корпорацій [1]). Еще болѣе горячій панегирикъ въ защиту корпорацій произноситъ Б—ъ, самъ бывшій въ корпораціи въ серединѣ 40-хъ годовъ. Разсказывая объ обрядѣ посвященія въ корпорацію и приводя полныя юношеской честности и идеализма пѣсни, которыя пѣлись хоромъ при исполненіи обряда [2]), авторъ прибавляетъ въ заключеніе: „Я пишу о дѣлахъ давно минувшихъ дней, очень давно минувшихъ, но и теперь при одномъ воспоминаніи о пережитыхъ впечатлѣніяхъ во время этого обряда, нервная дрожь пробѣгаетъ по тѣлу. Помню, какъ кончивъ пѣніе, я истерически плакалъ. Такія хорошія слова слетали съ устъ! Кровь кипѣла, и въ эту минуту такъ горячо чувствовалось, что хорошо быть хорошимъ честнымъ человѣкомъ"... „Развѣ мыслимо, возможно для честной юности, не потерявшей идеаловъ прекраснаго и любви, и вѣры къ людямъ, не плакать при такихъ словахъ пѣсни:

Братья, кубокъ благородный
За того мы осушимъ:
Кто съ отвагою свободной
Чести не влачилъ народной
Въ жертву идоламъ земнымъ.

---

[1]) Э—ъ— Русск. Ст. 1881, II, стр. 373—376.

[2]) Обрядъ заключался въ слѣдующемъ: посвящаемый входилъ въ кругъ старыхъ студентовъ, держа въ одной рукѣ эспадронъ, и пѣлъ:

Мечъ, что блещешь предо мною
Неизмѣнчивымъ клинкомъ,
Шапку я колю тобою

Клятвой я клянусь святою
Быть достойнымъ бурсакомъ.

При словахъ: „шапку я колю тобою", онъ долженъ былъ проколоть шапку насквозь, что потомъ повторялось на каждомъ комерсѣ. Затѣмъ одинъ изъ коръ-буршей, обыкновенно сеньоръ, пѣлъ, держа эспадронъ надъ головою посвящаемаго:

Твое чело теперь я покрываю
И сталью осѣняю
Да здравствуетъ нашъ братъ (такой-то) (bis).
Будь проклятъ кто тебѣ вредитъ (3 раза).
Тебѣ на вѣкъ мы други,
Будь братомъ въ нашемъ кругѣ!
Да здравствуетъ нашъ братъ (такой-то).
Всѣ хоромъ: Да гремитъ надъ тѣмъ проклятье,
Кто унизится изъ насъ,
Да не знаетъ онъ обитья,
И да глухи будутъ братья
На его призывный гласъ.

При этомъ посвящаемый залпомъ выпивалъ стаканъ вина, который ему подносилъ сеньоръ.

„Такіе дни радости и веселья, такія пѣсни дали намъ возможность сберечь святые идеалы, которые поддерживаютъ насъ и теперь, на закатѣ дней нашихъ".

„Наша корпорація, со своими правилами, основанными на идеяхъ добра и чести, давала выходъ душевнымъ силамъ и, такимъ образомъ укрѣпляла насъ на добромъ пути, ибо помощь студенту считалась долгомъ самымъ обязательнымъ со стороны всякаго студента корпораціи. Въ этомъ отношеніи мы смотрѣли очень широко: всякій членъ корпораціи долженъ былъ помочь всякому студенту, принадлежалъ-ли онъ къ корпораціи или нѣтъ. Укрѣпившись въ обязательствахъ относительно товарищей, мы впослѣдствіи, въ жизни, съ большимъ умственнымъ развитіемъ, легко перешли отъ идеи о помощи страдающимъ и бѣднымъ студентамъ, къ идеѣ о помощи всѣмъ людямъ" [1]).

Послѣднее мнѣніе о корпораціи, впрочемъ, трудно примирить съ сообщеніемъ Э—г—, который, какъ мы видѣли, тоже не можетъ быть заподозрѣнъ въ пристрастіи во вредъ корпораціи и который сообщаетъ, что студенты, не принадлежавшіе къ корпораціи „желая парализовать вліяніе сплотившейся такъ называемой аристократической партіи какимъ-либо учрежденіемъ, въ которомъ приняли бы участіе всѣ студенты", учредили кассу для помощи бѣднымъ товарищамъ. Положено было вносить въ кассу ежемѣсячно по 1 руб., но *корпоранты не сочувствовали этому и уклонялись отъ взносовъ*, и такъ какъ въ корпорацію входили наиболѣе состоятельные изъ студентовъ, то касса, просуществовавъ 2 года „скончалась отъ истощенія" [2]).

Б—ъ приписываетъ также корпораціи развитіе товарищескихъ чувствъ между студентами; студенты, по выходѣ изъ университета, на разныхъ жизненныхъ поприщахъ сохраняли дружбу къ пріятелямъ, и не смотря на разницу въ общественномъ положеніи, всегда готовы были встрѣтить стараго товарища съ распростертыми объятіями. Самъ Б—ъ приводитъ въ примѣръ свою встрѣчу съ товарищемъ послѣ 26-лѣтней разлуки. Врядъ ли, впрочемъ, въ этомъ можно видѣть заслугу корпораціи: школьные годы всегда остаются въ памяти лучшимъ временемъ жизни, школьные друзья остаются лучшими друзьями, и можно было бы найти не мало примѣровъ такой же прочной дружбы, такой же радушной встрѣчи послѣ долгой разлуки и помимо корпораціи.

[1]) *Б—ъ*, op. cit. Ист. В. 1880, IV, стр. 788—89.

[2]) *Э—г*— Русск. Стар. 1881, II, стр. 370.

За то корпорація имѣла и свои отрицательныя стороны: времяпровожденіе корпорантовъ сводилось главнымъ образомъ къ попойкамъ или дуэлямъ; болѣе серьезныя потребности души оставались неудовлетворенными. Самъ же Б—ъ сознается: „учились мы мало, а жили бойко", и далѣе: „времени *за рѣдкими хожденіями на лекціи* было вдоволь". Корпоративная жизнь „своими комерсами, фехтобаденами, конвентами брала много времени, направляя наши чувства и стремленія преимущественно къ радостямъ и наслажденію". Самъ авторъ, повидимому, не особенно интересовался лекціями и отводилъ имъ въ своихъ воспоминаніяхъ самое ничтожное мѣсто. „*Ходили студенты*", сообщаетъ онъ, къ двумъ братьямъ (Куторги?), посѣщали еще лекціи одного профессора международнаго права, который читалъ также государственное право европейскихъ державъ (Ивановскій?) „Время отъ времени, для потѣхи, для разнообразія заходили на лекцію къ профессору *одного* (?!) права, большому законнику и большому оригиналу, но который былъ не въ силахъ толкомъ распорядиться массой своихъ знаній".—„Былъ у насъ очень умный, высокообразованный и ученый профессоръ, но не хватало человѣческихъ силъ живой горячей молодости помириться и выносить его убійственно сухое, до послѣдней степени однообразное преподаваніе" [1]). И это пишется про то время, когда въ петербургскомъ университетѣ блистали вернувшіеся изъ за границы ученые—Калмыковъ, Куторга, Кранихфельдъ, Баршевъ, Порошинъ! „Худы-ли, хороши-ли были профессора", заключаетъ Б—ъ: „но дѣло въ томъ, что не принадлежавшіе къ корпораціи посѣщали лекціи несравненно усерднѣе, чѣмъ мы" [2]).

Другимъ крупнымъ недостаткомъ корпораціи являются ея властолюбивыя стремленія и *узкій взглядъ* не только на всѣхъ, не находящихся въ университетѣ, но даже на „дикихъ", т. е. не принадлежащихъ къ корпораціи. „Даже дикіе, хотя и студенты, не были вполнѣ студентами по нашимъ понятіямъ. О другихъ сословіяхъ не могло быть и рѣчи, ибо мы считали ихъ людьми, стоящими внѣ критики" [3]). Поэтому, корпорація, заключавшая въ себѣ всего лишь $^1/_5$ числа всѣхъ студентовъ, присвоивала себѣ власть надъ всѣмъ студенчествомъ. Слѣдствіемъ этого было то, что дикіе съ своей стороны платили корпорантамъ тѣмъ же нерасположеніемъ, попытки же корпораціи присвоить себѣ власть надъ студенчествомъ встрѣчали нерѣдко рѣзкій

[1]) *Б—ъ.* Ист. В. 1880, IV, стр. 783—786.
[2]) Ib. 802.
[3]) Ib. 801.

отпоръ со стороны большинства. Почти тотчасъ же послѣ возникновенія корпораціи, въ петербургскомъ университетѣ произошелъ инцидентъ, который раздѣлилъ студентовъ на два враждебныхъ лагеря—корпорантовъ и не корпорантовъ. Это упомянутое уже нами выше столкновеніе между студентами К. и Н.; корпорація составила приговоръ, на который К. отвѣчалъ циническою выходкой; корпорація потребовала исключенія К., но большинство студентовъ не признало приговора правильнымъ, видя здѣсь лишь „присвоеніе аристократической партіей исключительнаго права судить и рѣшать студенческія дѣла". Этотъ инцидентъ вызвалъ въ университетѣ волненіе, собирались сходки; въ дѣло вмѣшался попечитель и побѣда осталась за корпораціей: К. долженъ былъ оставить университетъ.—Къ этому же времени относится и вышеупомянутое возникновеніе студенческой кассы [1]).

Еще болѣе рѣшительный протестъ со стороны „дикихъ" послѣдовалъ въ половинѣ 40 годовъ. Протестанты отправили на „конвентъ" (сходку) корпораціи своихъ депутатовъ, которые заявили, что они отъ лица *большинства* студентовъ протестуютъ противъ права корпораціи призывать къ своему суду студентовъ, не принадлежащихъ къ корпораціи, видя здѣсь совершенно произвольный захватъ власти. Въ пылу спора, эти депутаты коснулись и внутренней организаціи корпораціи: они высмѣивали всѣ нѣмецкія формальности, возмущались учрежденіемъ фуксовъ „обязанныхъ исполнять лакейскія услуги"; они доказывали, что шапки, цвѣта и обряды „не болѣе какъ игрушки", что „дуэли—безобразіе, съ которымъ не можетъ помириться ни одинъ умственно развитой человѣкъ". Этотъ протестъ повліялъ даже на нѣкоторыхъ корпорантовъ, которые въ концѣ конвента отстали отъ корпораціи и присоединились къ депутатамъ. Самъ авторъ, который въ то время горячо защищалъ всѣ мелочи и обрядности, по прошествіи многихъ лѣтъ, оглядываясь назадъ, сознается, что въ этомъ протестѣ „была и правда, и были свѣжія новыя мысли" [2]).

Остается разсмотрѣть еще одинъ вопросъ: не являлись ли корпораціи учрежденіемъ, опаснымъ для порядка въ университетѣ, не являлись ли онѣ очагами студенческихъ волненій. Если не считать тѣхъ кутежей и дуэлей, которыя устраивались корпорантами, порядокъ нарушался весьма рѣдко. Что касается петербургскаго университета, то мы нашли извѣстія лишь о двухъ манифестаціяхъ, устроенныхъ корпораціей. Од-

[1]) Э—т—. Русск. Стар. 1881, II, стр. 868—870.

[2]) *Е—т* Истор. Вѣст. 1880, IV, стр. 800—801.

нажды, корпорація устроила демонстративныя похороны своему члену, студенту кн. Л.-Р. [1]), покончившему самоубійствомъ; огромная процессія студентовъ, въ полной формѣ провожала гробъ до кладбища, свидѣтельствуя этимъ о всеобщемъ сочувствіи къ товарищу и о той связи, которая была между нимъ и корпораціей. Болѣе крупной была демонстрація противъ проф. Шакѣева, который во время своей вступительной лекціи былъ ошиканъ, единственно за то, что онъ былъ protégé нелюбимаго Шульгина (ректора). Присутствовавшіе на этой лекціи попечитель, ректоръ и инспекторъ совершенно растерялись и удалились изъ аудиторіи. Этой демонстраціей желали также выразить сочувствіе Куторгѣ, который на слѣдующей лекціи былъ встрѣченъ громомъ аплодисментовъ и вынесенъ студентами на рукахъ съ лѣстницы. Аплодисменты съ тѣхъ поръ вошли въ обычай въ аудиторіяхъ университета. Послѣ описаннаго инцидента, Шакѣевъ продолжалъ лекціи, но лишь до конца семестра; его замѣнилъ Касторскій [2]).

Бывали въ 30 годахъ болѣе серьезные заговоры съ политическимъ оттѣнкомъ; такъ, въ началѣ 30-хъ годовъ было въ московскомъ университетѣ какое то сунгуровское тайное общество съ конституціонными цѣлями. Въ то же время составился заговоръ, который имѣлъ связь съ польскимъ возстаніемъ 1831 г.; студенты, участники заговора, хотѣли бѣжать въ польскую армію; Сунгуровъ донесъ объ этомъ, въ отвѣтъ на это, со стороны одного изъ поляковъ послѣдовалъ доносъ на Сунгурова; общество было такимъ образомъ открыто, самъ Сунгуровъ сосланъ въ каторжныя работы, другіе участники отправлены въ Сибирь и на Кавказъ [3]).

Болѣе серьезнымъ было движеніе въ Кіевѣ, гдѣ студентъ полякъ Гордонъ сталъ главою польскаго кружка, который мечталъ воскресить старо-польскія традиціи въ западномъ краѣ и сдѣлать университетъ орудіемъ пропаганды; иногда этотъ кружокъ находилъ приверженцевъ и среди русскихъ студентовъ, но чаще отношенія русскихъ къ полякамъ были враждебными. Въ 1837 г. найдены были въ Кіевѣ прокламаціи революціоннаго характера и на слѣдствіи, произведенномъ

[1]) Лобанову-Ростовскому; это было въ началѣ 1840 г. см. Никитенко I, 404.

[2]) Э—ъ—. Русск. Стар. 1881, II, стр. 370—371.—Этотъ инцидентъ имѣлъ мѣсто въ началѣ 1839 г.; годъ спустя самъ Куторга сдѣлался предметомъ враждебной демонстраціи.

[3]) Русск. Арх. 1887 № 5—6; восп. *Косженецкаго*. См. также *Герцена* „Былое и думы“ ч. I гл. VI.

администраціей, было обнаружено, что виновниками являются студенты, что, впрочемъ, отрицаетъ въ своихъ запискахъ тогдашній кіевскій попечитель фонъ—Брадке; по его мнѣнію, прокламаціи эти были разбросаны агентами парижскаго польскаго комитета; нѣкоторые молодые люди подняли ихъ и спрятали, но узнавъ о готовящемся домовомъ обыскѣ, они ночью бросили эти рукописи въ навозную кучу. Другіе смотрятъ на это дѣло серьезнѣе; историкъ юго-западнаго края Шульгинъ сообщаетъ, что „Гордонъ далъ товарищамъ уставъ общества и потомъ, при первомъ, возбужденномъ по его же неосторожности подозрѣніи, пропалъ безъ вѣсти". Другіе 4 виновныхъ, по приговору военнаго суда, отданы были въ солдаты[1]). Вслѣдъ за тѣмъ обнаружены были сношенія студентовъ съ польскими революціонными эмиссарами; въ кіевскомъ университетѣ было даже филіальное отдѣленіе основаннаго Канарскимъ общества подъ названіемъ „союзъ польскаго народа". Во многихъ мѣстностяхъ юго-западнаго края въ учебныхъ заведеніяхъ обнаружены были тайныя общества, руководимыя парижскими эмиссарами. Все это привело къ назначенію новаго генералъ-губернатора, отставкѣ попечителя и временному закрытію кіевскаго университета [2]).

Но ни сунгуровское общество, ни кіевскіе заговоры не имѣли никакого отношенія къ корпораціямъ; въ этихъ кружкахъ съ политическими цѣлями участвовали лишь *случайно* немногіе студенты, наряду съ лицами, *посторонними университету*, а потому, приведенные выше инциденты и не могутъ быть никоимъ образомъ названы *студенческими* движеніями. Что же касается демонстрацій, подобныхъ той, которая была устроена на лекціи Шакѣева, то и онѣ не нарушали правильнаго теченія университетской жизни, являясь лишь рѣдкими единичными фактами. Корпорація, существовавшая въ петербургскомъ университетѣ, не могла быть опасной уже потому, что, какъ мы видѣли выше, возникла она лишь въ средѣ студентовъ-аристократовъ и не пользовалась сочувствіемъ остальной массы студенчества; корпоранты и не стремились привлечь къ себѣ большинство, не составляли того ядра, которое стягивало вокругъ себя остальное студенчество. Корпорація не ставила себѣ другихъ цѣлей, кромѣ тѣхъ, о которыхъ говорилось въ корпораціонномъ комплиментѣ, т. е. развитія духа товарищества и единенія. Наконецъ, и настроеніе студенчества въ массѣ было спокойное, и если иногда спокойствіе студен-

[1]) *Владимірскій-Буданов*, стр. 165—166.
[2]) Іb. стр. 170—172.

ческой жизни нарушалось какими-либо вспышками, то это были большей частью мелкія стычки съ полиціей, дебоши подгулявшей компаніи, или незначительныя столкновенія съ инспекціей; при спокойномъ, миролюбивомъ настроеніи студенчества, случаи эти не служили предлогомъ для болѣе крупныхъ „исторій", какъ это бывало впослѣдствіи.

VIII.

Совершенно не касаясь здѣсь дерптскаго университета, строй и уставъ котораго значительно отличались отъ другихъ русскихъ университетовъ,—мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ объ университетѣ св. Владиміра. Уставъ 1835 г. не распространялся на этотъ университетъ: для него существовалъ особый уставъ, изданный еще въ 1833 году [1]). Уставъ этотъ, какъ мы видѣли выше, послужилъ прототипомъ для устава 1835 г. и сходенъ съ нимъ въ общемъ, отличаясь, однако, гораздо меньшей полнотой и представляя нѣкоторыя отличія по содержанію. Самымъ важнымъ отличіемъ было то, что уставъ 1833 г. сохранялъ еще за университетомъ управленіе всѣмъ учебнымъ округомъ; съ изданіемъ въ 1835 году новаго „Положенія объ учебныхъ округахъ", эта роль была снята съ университетовъ, не исключая и кіевскаго, и училищные комитеты были уничтожены. Далѣе, ректоръ по уставу 1833 г. избирался на 2 года, а не на 4, какъ это было по уставу 1835 г.; въ уставѣ нѣтъ статьи, предоставляющей ректору право дѣлать выговоры профессорамъ (ст. 63-я въ уст. 1835 г.). Нѣтъ также ст. 80-й, предоставляющей министру народнаго просвѣщенія право, помимо совѣта, въ нѣкоторыхъ случаяхъ назначать профессоровъ по своему усмотрѣнію. Кругъ дѣятельности правленія нѣсколько уже, сравнительно съ уставомъ 1835 г.: его дѣятельность только хозяйственная, а не полицейская; надзоръ за студентами лежитъ лишь на обязанности инспекціи и ректора, правила же о поведеніи учащихся составляются совѣтомъ и представляются на утвержденіе министерства.

Пріемъ студентовъ производится два раза въ годъ. Университетъ дѣлится всего на два факультета—юридическій и философскій, съ раздѣленіемъ философскаго на два отдѣленія; медицинскій факультетъ въ университетѣ св. Владиміра былъ учрежденъ, по Высочайшему повелѣнію, въ 1840 г., а фактически открытъ лишь въ началѣ 1841—42 учебн. года. Число

[1]) Сб. пост. II, стр. 482.

каѳедръ и профессоровъ на двухъ факультетахъ было нѣсколько меньше, чѣмъ по уставу 1835 г.: по штатамъ этого года въ с.-петербургскомъ университетѣ (гдѣ тоже не было медицинскаго факультета), полагалось 20 ординарныхъ профессоровъ, 9 экстра-ординарныхъ, 6 адъюнктовъ, профессоръ богословія и 4 лектора; по штатамъ же 1833 г.—всего 15 ординарныхъ профессоровъ, 4 экстраординарныхъ, 6 адъюнктовъ, 4 лектора, 2 профессора богословія. Штатъ былъ увеличенъ съ открытіемъ медицинскаго факультета и затѣмъ, по уставу 1842 г. доведенъ до той же приблизительно нормы, какъ и по уставу 1835 г.—26 ординарныхъ профессоровъ, 11 экстраординарныхъ (по уставу 1835 г. 13), 8 адъюнктовъ, 4 лектора и 2 профессора богословія.

Другая перемѣна, совершенная уставомъ 1842 г. и имѣвшая цѣлью поднятіе уровня университетскаго преподаванія, была упомянута выше и заключалась во введеніи института приватъ-доцентовъ, что въ 1843 г. было распространено и на другіе университеты. Въ остальномъ уставъ 1842 г. представлялъ собою распространеніе на университетъ св. Владиміра основныхъ положеній общаго устава 1835 г., съ нѣкоторыми впрочемъ характерными измѣненіями, о которыхъ будетъ сказано ниже.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Н. Н. Родзевича.

ИЗЪ ИСТОРІИ КРЫМСКОЙ КАМПАНІИ.

Высадка союзниковъ. Альминское сраженіе. Потопленіе флота.

(По поводу пятидесятилѣтія этихъ событій).

I.

Англо-французскій флотъ, вторгнувшись въ Черное море въ концѣ 1853 г., въ теченіи восьми мѣсяцевъ слѣдующаго года не ознаменовалъ себя ни однимъ серьезнымъ дѣломъ: онъ гулялъ по морю въ разныхъ направленіяхъ, изрѣдка показывался у прибрежныхъ русскихъ городовъ, дѣлалъ промѣры, любовался видами кавказскихъ и крымскихъ береговъ, но всегда держалъ себя въ почтительномъ отдаленіи отъ укрѣпленныхъ русскихъ портовъ. Такъ что прибрежнымъ жителямъ могло казаться, что колоссальный флотъ трехъ державъ Англіи, Франціи и Турціи въ 90 вымпеловъ явился въ Черное море не для военныхъ дѣйствій, а для того, чтобъ себя показать. Правда, 10 апрѣля союзники подплыли къ Одессѣ, попытались сдѣлать десантъ, но первые удачные выстрѣлы со стороны одной русской батареи, такъ напугали нашихъ цивилизованныхъ враговъ, что они поспѣшили поскорѣе обратиться въ бѣгство, а страшная бомбардировка города имѣла своимъ результатомъ только семь человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Словомъ, флотъ союзниковъ и въ Черномъ морѣ отличался такою же трусостью, какъ и его товарищъ въ морѣ Балтійскомъ. И это понятно почему. Во главѣ союзныхъ флотовъ стояли англійскіе адмиралы, которые хорошо знали, что вѣсть о гибели нѣсколькихъ англійскихъ кораблей гораздо чувствительнѣе отзовется въ сердцѣ каждаго англичанина, чѣмъ разрушеніе кронштадскихъ или севастопольскихъ укрѣпленій. Поэтому англичане любятъ больше устрашать непріятеля морскими демонстраціями, или нападать врасплохъ, а если и вступаютъ въ открытую битву, то только подъ условіемъ легкой побѣды.

Но такого условія не было ни на Черномъ, ни на Балтійскомъ моряхъ.

Между тѣмъ вниманіе англійской и французской націй было всецѣло поглощено военными экспедиціями въ русскія моря; всѣ съ нетерпѣніемъ ждали извѣстій о блестящихъ подвигахъ ихъ морскихъ силъ. Но проходитъ болѣе полугода со времени начала войны цивилизованныхъ націй съ варварскою Россіей, а вѣстей о побѣдахъ надъ послѣдней все нѣтъ и нѣтъ. Общественное мнѣніе раздражено, печать, особенно англійская, язвительно подсмѣивается надъ бездѣятельностью грозныхъ морскихъ армадъ, юмористическіе листки печатаютъ ядовитыя каррикатуры... Ни правительство англійское, ни тѣмъ менѣе Наполеонъ III, въ силу своего особаго положенія на французскомъ престолѣ, не могли не обратить вниманія на такое общественное настроеніе. Подъ вліяніемъ послѣдняго, союзныя правительства приказали своимъ главнокомандующимъ, сидѣвшимъ въ Варнѣ безъ дѣла, предпринять экспедицію въ Крымъ для выполненія той задачи, которая была намѣчена еще въ февралѣ 1854 года, именно: овладѣть Севастополемъ, уничтожить русскій флотъ и всѣ военныя заведенія въ этой крѣпости. Въ іюлѣ мѣсяцѣ Наполеонъ III далъ маршалу Сентъ-Арно два категорическихъ предписанія исполнить во что бы то ни стало рѣшеніе февральскаго совѣта; такое же повелѣніе получилъ отъ своего правительства и англійскій главнокомандующій лордъ Рагланъ.

Въ концѣ іюля въ Варнѣ созванъ былъ военный совѣтъ, на который французскій главнокомандующій пригласилъ большую часть англійскихъ и французскихъ генераловъ. Сентъ-Арно „предложилъ совѣту обсудить проектъ дессантной экспедиціи на берега Крыма, показалъ важность ея для англо-французской политики, разобралъ планъ, къ сожалѣнію, пишетъ одинъ участникъ совѣта, слишкомъ неопредѣленный. Предстояло, по его словамъ, избрать пунктъ для высадки; самый десантъ произвести подъ покровомъ флота, во что бы то ни стало разбить русскія войска и послѣ побѣды идти прямо на Севастополь и овладѣть имъ открытою силою". „Общія соображенія свои, замѣчаетъ покойный академикъ Дубровинъ, Сентъ-Арно не могъ подкрѣпить никакими опредѣленными данными; онъ не имѣлъ свѣдѣній ни о числѣ русскихъ войскъ, охранявшихъ Крымскій полуостровъ, ни о силѣ севастопольскихъ укрѣпленій. Сентъ-Арно ничего не зналъ: ни о направленіи и состояніи дорогъ, ни о переправахъ и вообще свойствахъ мѣстности, избираемой театромъ военныхъ дѣйствій."

„Лордъ Рагланъ первый возражалъ французскому главнокомандующему; онъ указалъ совѣту на неимѣніе необходимыхъ свѣдѣній о непріятелѣ, на отсутствіе въ рядахъ союзниковъ кавалеріи, тогда какъ русскія войска имѣютъ кавалерію, извѣстную своимъ устройствомъ и прекрасными лошадьми. Рагланъ находилъ, что высадка не предвѣщаетъ успѣха, и въ этомъ отношеніи былъ поддержанъ адмираломъ Гамеленомъ, который замѣтилъ, что, предпринимая экспедицію въ Крымъ, союзники будутъ похожи на искателей приключеній". Принцъ Наполеонъ присоединился къ мнѣнію лорда Раглана и вице-адмирала Гамелена и прямо сказалъ, что съ тѣми силами, которыми располагали союзныя державы, успѣхъ экспедиціи невозможенъ. Также отрицательно смотрѣли на предпріятіе и адмиралы—Дундасъ, Лайонсъ и Чарнетъ. Но Сентъ-Арно заявилъ, что мысль экспедиціи въ Крымъ не принадлежитъ ему, а есть приказаніе императора. Это заявленіе положило конецъ всякимъ спорамъ и вопросъ о высадкѣ въ Крыму рѣшенъ на военномъ совѣтѣ положительно. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что союзники рѣшились на рискованное предпріятіе, шли впередъ, очертя голову; имъ грозила страшная опасность. И если ихъ ждалъ совершенно неожиданный успѣхъ, какъ при высадкѣ около Евпаторіи, такъ и въ первой битвѣ съ русскими на Альмѣ, то этими успѣхами они были всецѣло обязаны бездѣятельности нашего главнокомандующаго въ Крыму—кн. Меньшикова. Этотъ старый, опытный, боевой генералъ, пользовавшійся любовью и безусловнымъ довѣріемъ императора Николая, оказался совсѣмъ не на высотѣ той задачи, которая выпала на его долю: въ рѣшительный моментъ Меньшиковъ растерялся, упалъ духомъ, потерялъ вѣру въ себя и въ свою армію, велъ замкнутую жизнь, сталъ нелюдимымъ, ни съ кѣмъ не совѣщался и бездѣйствовалъ въ то время, когда нужно было проявить особенно энергичную дѣятельность.

Такъ онъ, какъ говорится, палецъ о палецъ не ударилъ для того, чтобы оказать сопротивленіе непріятелю при его высадкѣ на крымскій берегъ. Но спрашивается, могъ ли нашъ главнокомандующій предвидѣть мѣсто высадки союзниковъ и вовремя поспѣть къ нему съ своей арміей? Несомнѣнно. Еще въ февралѣ 1854 года военный министръ князь Долгорукій извѣщалъ Меньшикова, что въ Парижѣ и Лондонѣ рѣшено предпринять экспедицію въ Крымъ и произвести высадку недалеко отъ Севастополя, съ тѣмъ, чтобы атаковать его укрѣпленія съ тыла. Это рѣшеніе скоро стало извѣстно какъ въ Россіи, такъ и въ Западной Европѣ, а наиболѣе распростра-

ненная въ Англіи, говоритъ Дубровинъ, газета „Times“ во всеуслышаніе трубила объ этомъ, во всѣхъ закоулкахъ своего отечества, подготовляя и направляя общественное вниманіе на этотъ уголокъ Россіи, т. е. на Севастополь. Въ то же время въ французской газетѣ „Journal des débats“ явилось довольно подробное описаніе севастопольскихъ укрѣпленій, какъ береговыхъ такъ и сухопутныхъ. Объ этихъ намѣреніяхъ союзниковъ русскіе агенты сообщили въ Петербургъ, а оттуда свѣдѣнія немедленно передавались Меньшикову. Пока наша дунайская армія подъ начальствомъ Горчакова находилась на правомъ берегу Дуная, Сентъ-Арно и Раглапъ, засѣвшіе въ Варнѣ, могли оправдывать свое бездѣйствіе въ отношеніи Севастополя, но въ Іюнѣ наши войска перебрались въ Молдавію и союзникамъ нечего было дѣлать на Балканскомъ полуостровѣ. Теперь, писала газета „Times“, нужно искать другихъ средствъ для нанесенія чувствительнаго удара Россіи, ключъ господства которой на Черномъ море заключается въ обладаніи Крымомъ. Севастополь, сдѣлавшись первоклассною крѣпостью, дозволяетъ русскому флоту господствовать надъ Дунайскими гирлами, угрожать берегамъ Малой Азіи и въ нѣсколько часовъ перенести армію къ самому Босфору.

„Морскія державы, продолжаетъ та же газета, не могутъ постоянно содержать флотъ для наблюденія за Севастополемъ, а потому главная цѣль политики и войны не можетъ быть достигнута до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать Севастополь и русскій флотъ.

„Но разъ только этотъ центръ могущества Россіи на югѣ Имперіи будетъ уничтоженъ—разрушится и все зданіе, сооруженіемъ котораго Россія занималась сотню лѣтъ“.

„Взятіе Севастополя и занятіе Крыма вознаградятъ всѣ военныя издержки и рѣшатъ вопросъ въ пользу союзниковъ“.

И самъ Меньшиковъ былъ увѣренъ въ этомъ и еще въ апрѣлѣ писалъ Николаю Павловичу, что если союзники рѣшили высадиться въ Крыму, то главнѣйшая цѣль этого предпріятія будетъ Севастополь. Поэтому онъ энергично заботился объ усиленіи своей арміи и севастопольскихъ укрѣпленій.

Но Крымскій полуостровъ великъ; союзники пользуясь своимъ громаднымъ флотомъ, могли сдѣлать дессантъ въ любомъ мѣстѣ. Поэтому возникаетъ новый вопросъ—могъ-ли нашъ главнокомандующій предвидѣть настоящее мѣсто задуманной непріятелемъ высадки? Несомнѣнно. Кто зналъ географію крымскаго полуострова и главную цѣль непріятельской экспедиціи, тотъ утвердительно могъ сказать, что высадка со-

юзниковъ произойдетъ между Севастополемъ и Евпаторіей. „Я полагаю, писалъ Меньшиковъ, что ежели противники наши намѣрены и въ состояніи произвести на Крымъ нападеніе, то лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ могли бы прямо отъ своихъ судовъ продовольствоваться, какъ въ окрестностяхъ Севастополя". Такого же мнѣнія былъ и Николай Павловичъ. Сами союзники своими приготовленіями указывали, что они имѣютъ въ виду сдѣлать высадку въ Евпаторіи. Еще 15 апрѣля предъ этимъ городомъ появился союзный флотъ. Отдѣлившіеся отъ эскадры два парохода вошли на Евпаторійскій рейдъ, взяли на одинъ изъ пароходовъ шкипера австрійскаго судна, распрашивали его объ укрѣпленіи города, о числѣ находящихся въ немъ войскъ и объявили, *что скоро опять придутъ въ Евпаторію*... Въ то же время непріятель захватилъ на рейдѣ казенный таможенный катеръ съ бывшимъ на немъ корабельнымъ смотрителемъ—Яшниковымъ. Послѣдній послѣ допроса французскимъ адмираломъ Гамеленомъ былъ освобожденъ изъ плѣна и чрезъ Вѣну отправленъ въ Варшаву. „Этотъ чиновникъ,—сообщалъ изъ Вѣны въ Петербургъ баронъ Мейндорфъ 16 іюня,—говорилъ мнѣ, что французскіе корабли сдѣлали промѣры и описи береговъ окрестностей Евпаторіи съ такимъ стараніемъ, что это заставляетъ предполагать, что на этомъ мѣстѣ будетъ произведена предполагаемая высадка". „Послѣ полученія всѣхъ этихъ свѣдѣній, говоритъ Дубровинъ, князю Меньшикову хорошо знакомому съ Крымскимъ полуостровомъ и свойствами его береговъ уже не трудно было опредѣлить съ нѣкоторою вѣроятностью мѣсто высадки непріятеля".

Меньшикову также было извѣстно, что на самомъ Евпаторійскомъ рейдѣ высадка невозможна: вслѣдствіе мелководья этого рейда большія суда могли останавливаться только за $2^1/_2$ версты отъ берега. Значитъ еще частнѣе можно было опредѣлить мѣсто непріятельскаго десанта, т. е. оно должно быть южнѣе Евпаторіи.

Такимъ образомъ нашъ главнокомандующій имѣлъ возможность и время съ одной стороны поставить военныя отряды съ артиллеріей на опасныхъ мѣстахъ, въ рѣшительный моментъ собрать ихъ къ мѣсту высадки и дать отпоръ союзникамъ, а съ другой, выбрать на пути отъ Евпаторіи къ Севастополю хорошую позицію для главныхъ силъ и укрѣпить ее искусственно. Но ничего подобнаго не хотѣлъ сдѣлать князь Меньшиковъ; онъ даже не устроилъ летучей почты въ предполагаемыхъ мѣстахъ высадки, чтобъ вовремя получить свѣдѣнія о движеніи союзниковъ.

Въ концѣ іюля князь Горчаковъ получилъ достовѣрныя свѣдѣнія, что 15 августа назначена посадка на суда эксцедиціоннаго корпуса англо-французовъ для высадки на берегахъ Крыма. Призвавъ къ себѣ подполковника инженера Тотлебена и давъ ему письмо къ Меньшикову, онъ отправилъ этого будущаго героя въ Севастополь. Въ письмѣ своемъ Горчаковъ извѣщалъ Меньшикова о времени посадки союзниковъ на суда и предлагалъ въ его распоряженіе Тотлебена.

Уже 10 августа Тотлебенъ прибылъ въ Севастополь и явился къ главнокомандующему. Меньшиковъ, прочитавъ письмо отъ Горчакова, сказалъ посланному: „отдохните послѣ дороги, а затѣмъ поѣзжайте обратно въ Дунайскую армію". Но Тотлебенъ увѣренный въ скоромъ появленіи непріятеля, рѣшился замедлить свой отъѣздъ, старался понравиться Меньшикову и только благодаря этому ему удалось остаться въ Севастополѣ. За нѣсколько дней до высадки непріятеля Меньшиковъ получилъ отъ Горчакова новое письмо, въ которомъ, подтверждая свѣдѣнія о замыслахъ союзниковъ, онъ просилъ оставить у себя фельдъегеря и отправить его обратно какъ только начнется непріятельская высадка.

Но именно въ началѣ августа Меньшиковъ вопреки всѣмъ свѣдѣніямъ, приходящимъ къ нему со всѣхъ сторонъ, пришелъ къ убѣжденію, что въ этомъ году нельзя ожидать десанта союзниковъ въ Крыму, что будто бы это предпріятіе отложено ими до весны 1855 года... „Михаилъ Горчаковъ, писалъ Меньшиковъ Николаю Павловичу за пять дней до высадки непріятеля, убѣжденъ, что союзники не оставляютъ идеи покушенія на Севастополь, ибо онъ только что прислалъ ко мнѣ фельдъегеря, чтобъ доставить съ нимъ поскорѣе извѣстіе о высадкѣ. Я не вѣрю этому вовсе... Мы не будемъ атакованы здѣсь въ теченіи этого года".

Между тѣмъ утромъ 1 сентября предъ Евпаторіей появилось громадное число военныхъ кораблей и до 300 транспортовъ, наполненныхъ войсками союзниковъ. Въ тотъ же день этотъ городъ занятъ непріятельскимъ отрядомъ; комендантъ Браницкій съ 200 солдатъ безъ выстрѣла отступилъ по дорогѣ въ Симферополь. Въ городѣ непріятель нашелъ 60 т. четвертей пшеницы и такимъ образомъ непріятельская армія была обезпечена этимъ провіантомъ на четыре мѣсяца.

Узнавши о появленіи непріятеля, князь Меньшиковъ отправилъ слѣдить за нимъ лейтенанта Стеценко съ пятью казаками и доносить ему о движеніи союзнаго флота. Въ то же

время русской арміи приказано было двинуться къ рѣкѣ Альмѣ и занять ея лѣвый возвышенный берегъ.

Только вечеромъ 2-го сентября пришло къ Меньшикову извѣстіе, что съ утра этого дня непріятель началъ высаживаться на крымскій берегъ между озерами Кизилъ-Ярскимъ и Кичикъ-Бельскимъ въ 28 верстахъ на югъ отъ Евпаторіи.

Дѣйствительно въ ночь на 2 сентября флотъ и транспортныя суда союзниковъ подошли къ назначенному мѣсту высадки, а съ 8 час. утра началась посадка войскъ на гребныя суда. Къ тремъ часамъ дня французы высадили на берегъ 2 дивизіи и только послѣ этого осторожные англичане, намѣренно запоздавшіе, начали высаживать и свои войска. Такая осторожность была совершенно излишняя: нашъ главнокомандующій и не намѣренъ былъ оказать сопротивленіе и союзники кромѣ Стеценко съ пятью казаками никакихъ другихъ русскихъ войскъ не видали.

„Ежели даже допустить, говоритъ Богдановичъ, что невозможно было непозволчть непріятелю произвести высадку, то, по крайней мѣрѣ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что мы имѣли средства затруднить ее“... Но можно было, тоже несомнѣнно, и нанести ударъ непріятелю, еслибъ къ мѣсту высадки послано было нѣсколько тысячъ солдатъ съ артиллеріей. Положимъ, что союзный флотъ могъ обстрѣливать берегъ на значительное пространство, но съ качающихся кораблей трудно было попасть въ цѣль на далекое разстояніе, а русскіе пушки ужъ навѣрно попали бы въ массу гребныхъ судовъ, двигающихся къ берегу. Но русская армія стояла въ это время на Альмѣ и ровно ничего не дѣлала.

Въ теченіи дня и вечера 2 сентября французы высадили три дивизіи и англичане двѣ. „Тяжело было, говоритъ Дубровинъ, первое вступленіе непріятеля на русскую землю. Къ вечеру пошелъ дождь, продолжавшійся всю ночь безъ перерыва; англичане не успѣли свезти на берегъ свои палатки и ихъ генералы, офицеры и солдаты, поливаемые дождемъ, сопровождаемымъ довольно сильнымъ вѣтромъ, оставались всю ночь подъ открытымъ небомъ и не имѣли другой постели кромѣ грязи. Въ темную и сырую ночь, они принуждены были спать въ болотѣ или въ потокахъ воды, не имѣя чѣмъ прикрыться, гдѣ отогрѣться и съ сознаніемъ, что на утро имъ нечѣмъ будетъ перекусить, такъ какъ за неимѣніемъ дровъ, нельзя было сварить пищу... не было даже прѣсной воды для питья и ее приходилось доставлять за двѣнадцать верстъ отъ

мѣста высадки... Положеніе союзниковъ было настолько печально, что они сильно боялись нашего нападенія".

Покойный Дубровинъ дѣлаетъ предположеніе, что еслибы въ эту ночь Меньшиковъ, воспользовавшись своей кавалеріей и конною артиллеріей, атаковалъ союзниковъ?! „Кавалерія всегда, говоритъ онъ, имѣетъ возможность вовремя отступить предъ непріятелемъ, и потому оставлять ее на Альмѣ, въ совершенномъ бездѣйствіи, было незачѣмъ, тѣмъ болѣе, что еслибы и не удалось ей найти удобнаго момента для атаки непріятеля, то десятокъ лишнихъ верстъ, которыя пришлось бы ей сдѣлать, не могутъ служить достаточнымъ оправданіемъ нашей бездѣятельности".

Но съ Меньшиковымъ въ это время творилось что-то непонятное: занявши своими войсками позицію на Альмѣ онъ не дѣлалъ никакихъ попытокъ напасть на врага во время его высадки, какъ совѣтовалъ ему Николай Павловичъ, не старался искуственно укрѣпить позицію, не дѣлалъ никакихъ распоряженій ни о встрѣчѣ непріятеля, ни объ отступленіи на случай неудачи.

„Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, говоритъ Богдановичъ, что мы имѣли средства затруднить высадку, выиграть время и усилить позицію на Альмѣ, устроивъ ложементы для стрѣлковъ и вырубивъ на правомъ берегу сады и виноградники, впослѣдствіи облегчившіе наступленіе союзниковъ; уже 2 сентября на позиціи находились полки: Владимірскій, Суздальскій, Бородинскій, Тарутинскій, Минскій, Волынскій, Казанскій, резервные батальоны Бѣлостокскаго и Брестскаго полковъ и часть сапернаго батальона, которые вообще могли выставить болѣе 20 тысячъ рабочихъ".

Нетревожимые ни кѣмъ и ни чѣмъ союзники спокойно продолжали высадку и въ теченіи пяти сутокъ высадили 60-тысячную армію съ артиллеріей и кавалеріей, военными и съѣстными припасами.

II.

Альминское сраженіе.

Утромъ 7-го сентября союзная армія, выстроившись въ боевой порядокъ, двинулась къ Севастополю и къ вечеру приблизилась къ нашей позиціи. Русская армія въ количествѣ 33 т. пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи занимала Альминскія высоты и стояла въ полномъ безпорядкѣ: полки и батареи прибывшіе съ разныхъ мѣстъ на позицію, неполучая никакой

испозиціи, располагались сами по себѣ, тамъ гдѣ кому изъ
ихъ казалось удобнѣе. Бивуаки ихъ тянулись (Дубровинъ)
рстъ на семь по хребту горъ, вдоль которыхъ внизу про-
кала рѣчка, а за нею прилегала мѣстность довольно ровная,
крытая и только слегка всхолмленная.

На 8-е сентября глубокіе старики, главнокомандующіе
юзными войсками, Сентъ-Арно и Рагланъ назначили атаку
усскихъ позицій. Исходъ предстоящаго боя трудно было
редсказать. Правда непріятельская армія по числу вдвое пре-
осходила нашу и къ тому же большая ея часть была воору-
ена новымъ дальнобойнымъ орудіемъ. За то на сторонѣ рус-
кихъ было—оборонительное положеніе, превосходная позиція,
тойкость и храбрость русскихъ войскъ. Въ то время какъ
непріятельская армія, находившись на ровной мѣстности, была
крыта со всѣхъ сторонъ и не могла сдѣлать ни одного
крытнаго движенія, русскія войска стояли на гребнѣ горъ и
непріятель могъ видѣть только ихъ передовыя колонны.

За два дня до битвы явился на позицію князь Меньши-
овъ. Онъ произвелъ осмотръ положенія русской арміи и сдѣ-
алъ нѣсколько лаконическихъ распоряженій: князю Горча-
ову поручилъ командовать правымъ флангомъ и центромъ,
енералу Кирьякову лѣвымъ флангомъ, а квартирмейстеру под-
олковнику Залѣсскому, поляку по происхожденію, приказалъ
риготовить позицію къ бою и расположить на ней войска".

Послѣднее распоряженіе главнокомандующаго должно
ыло вызвать общее недоумѣніе: такое важное дѣло, какъ рас-
оложеніе войска къ бою, было поручено человѣку никогда
е видѣвшему сраженій, совершенно неопытному, помимо всѣхъ
таршихъ начальниковъ, изъ которыхъ многіе славились воен-
ыми талантами и боевою опытностью! Притомъ польскій эле-
ентъ находился въ сильномъ подозрѣніи и князь Меньши-
овъ сознавалъ его ненадежность. Въ письмѣ къ военному
инистру кн. Долгорукову онъ писалъ: „Польскій элементъ
отя и не обнаруживается, но его существованіе въ составѣ
фицеровъ нельзя отрицать и, по моему мнѣнію онъ имѣетъ
ольшое вліяніе на поведеніе войскъ".

„Предумышленныя упущенія по службѣ, говоритъ покой-
ый академикъ Дубровинъ, имѣвшія въ нѣкоторыхъ случаяхъ
редныя послѣдствія для нашей арміи, передача непріятелю
екретныхъ свѣдѣній и проч. не оставляютъ въ настоящее
ремя сомнѣній и есть дѣло поляковъ".

Въ частности квартирмейстеръ Залѣсскій—тотъ самый
осподинъ, измѣнническое поведеніе котораго въ 1855 г. было

столь явно, что въ самый разгаръ осады Севастополя былъ удаленъ изъ арміи и отправленъ въ ссылку въ Симбирскую губернію. Этого Залѣсскаго во время самаго сраженія видѣли только на перевязочномъ пунктѣ.

Послѣ этого нечего говорить о томъ, что полякъ поставилъ русскую армію не на бой, а на убой. Обѣ боевыя линіи, говоритъ Дубровинъ, были сведены съ гребня высотъ внизъ и расположены или на покатости, или у самой подошвы горъ, близъ рѣчки и такъ стѣснены, что между первою и второю боевыми линіями не было и 150 шаговъ, а стрѣлковую цѣпь можно было разсыпать не далѣе 50 шаговъ впереди батальоновъ. Двѣ роты стрѣлковаго батальона были удалены отъ него только на 10 шаговъ, остальныя роты стрѣлковаго батальона вооруженныя штуцерами, противъ всѣхъ правилъ, были разсыпаны въ такой лощинѣ, что прицѣльными выстрѣлами могли дѣйствовать не далѣе 100 саженъ.

„Сближенныя дистанціи между линіями, утесистый въ тылу берегъ рѣки Альмы, съ котораго резервы наши не могли свободно спускаться, точно также, какъ и части боевыхъ линій на него подниматься—привели къ тому, что непріятель, съ первыхъ выстрѣловъ, началъ наносить нашимъ войскамъ, стоявшимъ совершенно открытыми у подошвы высотъ, такое пораженіе, что поставилъ ихъ въ необходимость болѣе помышлять о скорѣйшемъ подъемѣ на верхъ, нежели объ отпорѣ".

„Вмѣсто того, чтобы, стоя на возвышенности, имѣть возможность поражать противника сверху и сбросить его обратно къ рѣкѣ въ случаѣ, если онъ вздумаетъ подняться въ гору и и атаковать насъ, *Залѣсскому по особымъ личнымъ соображеніямъ*, было гораздо лучше поставить русскія войска такъ, чтобъ они, не думая о защитѣ переправы чрезъ рѣку позаботились о собственномъ отступленіи. Онъ достигъ своей цѣли вполнѣ"...

Несообразность въ расположеніи войскъ была очевидна для многихъ, но никто не въ силахъ былъ отвратить ее. Ближайшіе помощники кн. Меньшикова, генералы: кн. Горчаковъ, Кирьяковъ и Квицинскій были совершенно устранены отъ этого дѣла".

Напрасно генералъ Кирьяковъ доказывалъ Залѣсскому всю невыгоду такого расположенія русской арміи и требовалъ, чтобъ онъ упросилъ главнокомандующаго не сводить войскъ внизъ, но оставить ихъ на нагорной части берега. Но Залѣсскій не обратилъ на это никакого вниманія и продолжалъ выполнять свое тайное намѣреніе. Нашъ лѣвый флангъ, на-

чиная отъ селенія Альма-Тамакъ и до устья Альмы на протяженіи двухъ верстъ, совершенно оставленъ безъ прикрытія, правый флангъ слишкомъ затянутъ въ горы, многіе полки— Тарутинскій, Суздальскій, Угличкій, Волынскій, вся кавалерія и двѣ батареи 14 артиллерійской бригады, поставлены такъ, что во время боя 8 сентября не сдѣлали ни одного выстрѣла.

На канунѣ битвы военный совѣтъ союзниковъ составилъ слѣдующій планъ атаки русской арміи: французская дивизія подъ начальствомъ Боске и девять тысячъ турокъ должны выступить въ $5^1/_2$ ч. утра къ устью Альмы, чтобъ обойти неприкрытый лѣвый русскій флангъ, англичане должны были выступить въ 6 ч. утра для обхода нашего праваго фланга, а дивизіи Канробера и принца Наполеона въ 7 ч. предпринять атаку русскаго центра.

Согласно составленному плану французы и турки утромъ 8 сентября двинулись въ обходъ нашего лѣваго фланга и около 7 ч. прибыли въ устьѣ Альмы. Между тѣмъ англичане изволили еще спать: былъ девятый часъ утра, а среди англійской арміи не было замѣтно никакого движенія противъ нашего праваго фланга; это бездѣйствіе англичанъ остановило движеніе впередъ и французовъ. Возмущенный подобнымъ поведеніемъ своихъ союзниковъ, Сентъ-Арно отправилъ къ лорду Раглану полковника Трошю съ напоминаніемъ о планѣ наступленія и съ указаніемъ, что замедленіе движенія англичанъ можетъ имѣть вредныя послѣдствія для нападающей арміи. Раглanъ обѣщалъ немедленно начать наступленіе. Очевидно, что англичане съ намѣреніемъ опаздывали, какъ и при высадкѣ на крымскій берегъ, они ждали, чтобъ первый ударъ вынесли на своихъ плечахъ французы.

Однако Сентъ-Арно напрасно безпокоился: нашъ главнокомандующій и не думалъ воспользоваться замѣшательствомъ среди враговъ, стоялъ въ бездѣйствіи и не дѣлалъ никакихъ распоряженій.

Только въ 11 часовъ утра Сентъ-Арно приказалъ отряду Боске снова начать обходное наступленіе. Французскій генералъ вполнѣ сознавалъ трудность своей роли, шелъ, по его мнѣнію, на убой, но смѣло рѣшился выполнить порученіе главнокомандующаго, чтобъ обезпечить успѣхъ центра и лѣваго крыла союзниковъ.

Дѣйствительно, чтобъ взобраться на высоты лѣваго берега Альмы обходной колоннѣ Боске нужно было преодолѣть неимовѣрныя препятствія: переправившись чрезъ рѣку по поясъ въ водѣ, солдаты при подъемѣ наверхъ могли воспользоваться

только двумя узкими тропинками, по которымъ можно было имъ двигаться чуть не по одиночкѣ, а саперамъ въ то же время нужно было прокладывать дорогу для артиллеріи. Еслибъ здѣсь находилось хотя бы два батальона пѣхоты съ нѣсколькими пушками, то обходное движеніе Боске потерпѣло бы полную неудачу: во время подъема его войска были бы уничтожены русскими. Но французы двигались впередъ безъ выстрѣла съ нашей стороны; это въ высшей степени удивило французскаго генерала и вызвало съ его стороны восклицаніе: „положительно эти господа не хотятъ драться!“

Князь Меньшиковъ еще въ 7 ч. утра долженъ былъ хорошо знать назначеніе дивизіи Боске и до 11 часовъ, начала подъема послѣдней, имѣлъ достаточно времени, чтобъ двинуть сюда нѣсколько батальоновъ. Но главнокомандующій, прибывши на нашъ лѣвый флангъ, только гарцовалъ на лошади, повременамъ останавливался на крутизнахъ „какъ будто, говоритъ очевидецъ, любуясь ловкимъ восходомъ французовъ на высоты и тѣмъ, что никто имъ въ томъ не мѣшаетъ“.

Только въ полдень дивизія Боске взобралась на высоты и, ставши тыломъ къ морю и фронтомъ къ нашему лѣвому флангу, начала поражать послѣдній ружейными пулями и орудійными снарядами.

Когда бригада д'Отмара уже укрѣпилась на высотахъ, генералъ Кишинскій, обратившись къ князю Меньшикову, сказалъ: „Долго-ли мы еще будемъ находиться въ бездѣйствіи. Позвольте, ваша свѣтлость, по крайней мѣрѣ взять у генерала Кирьякова артиллерію!“

И только тогда Меньшиковъ приказалъ сбросить съ высотъ французовъ. Но было уже слишкомъ поздно: и силы и оружіе русскихъ были слишкомъ неравны, чтобъ успѣшно исполнить порученіе главнокомандующаго.

„Не успѣвъ сбросить штыками непріятеля съ вершины высотъ, говоритъ Богдановичъ, мы лишились выгодъ, которыя представляла намъ мѣстность на лѣвомъ крылѣ нашей позиція: такимъ образомъ судьба сраженія уже была рѣшена прежде, нежели бой завязался въ центрѣ и на правомъ крылѣ“.

Англичане побоялись идти въ обходъ нашего праваго крыла, а подались къ французамъ, чтобъ вмѣстѣ съ ними дѣйствовать на русскій центръ и часть праваго фланга. Здѣсь случилось то, чего напередъ ожидалъ Залѣсскій. Русскія колонны, послѣ незначительнаго сопротивленія, принуждены были оставить свои позиціи на берегу Альмы, обратить тылъ къ непріятелю и подниматься на высоты. Между тѣмъ англійскіе

и французскіе стрѣлки, укрывшись въ татарскихъ садахъ, открыли убійственный огонь по отступающему непріятелю и русскія войска, прежде чѣмъ взобрались на гребень хребта, понесли страшный уронъ. Но и на горѣ ихъ ждали бѣдствія: не успѣвъ еще построиться въ боевой порядокъ, какъ они были осыпаны съ фланга пушечными снарядами непріятеля, уже успѣвшаго занять высоты на нашемъ лѣвомъ крылѣ.

Цѣлыхъ пять часовъ продолжалась борьба за альминскую позицію: русскіе солдаты оказывали чудеса храбрости и стойкости, не разъ они бросались въ штыки и уничтожали непріятельскія колонны, но должны были уступить превосходству силъ непріятеля и качеству его вооруженія. А главное, что особенно гибельно отражалось на нашихъ герояхъ, — это полное отсутствіе общаго руководства въ арміи: наши полки дѣйствовали разрозненно, какъ попало шли въ бой, какъ попало отступали, въ то время какъ одни изнывали въ битвѣ, другіе стояли спокойно, не получая приказанія подать помощь своимъ товарищамъ.

„День 8 сентября, пишетъ генералъ Кашинскій, останется участвовавшимъ въ немъ навсегда памятнымъ своимъ безпорядкомъ и поучительнымъ относительно неумѣнья выбирать главныхъ начальниковъ“.

„Всматривалсь въ причины нашихъ неудачъ въ альминскомъ сраженіи, говоритъ Дубровинъ, мы приходимъ къ заключенію, что онѣ главнѣйшимъ образомъ заключались: „въ отсутствіи всякихъ предварительныхъ распоряженій, отчего не только войска, но и главные начальники оставались въ полномъ невѣдѣніи относительно предстоящихъ дѣйствій: ни кто не зналъ, что предпринять въ случаѣ успѣха и куда отступать въ случаѣ неудачи; полки не знали, гдѣ ихъ патронные ящики, гдѣ лазаретныя фуры и проч. *Отъ командующаго войсками никто не получалъ никакихъ приказаній...*“.

Сраженіе на Альмѣ стоило намъ очень дорого: изъ строя выбыло убитыми и ранеными 5 генераловъ, 23 штабъ-офицера, 170 человѣкъ оберъ-офицеровъ и 5511 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Непріятель потерялъ только 3500 человѣкъ. При поспѣшномъ и безпорядочномъ отступленіи наша армія не въ состояніи была подобрать несчастныхъ раненыхъ, оставила ихъ на полѣ битвы, надѣясь на милосердіе просвѣщеннаго непріятеля. Дѣйствительно непріятель подобралъ нашихъ раненыхъ и *чтобы быть гуманнымъ по европейски перевязалъ раны ихъ сѣномъ и соломою.* Въ такомъ ужасномъ состояніи

одна часть раненыхъ направлена въ Константинополь, а дру
гая въ Одессу. Какое варварство!!

Князь Меньшиковъ, донося Николаю Павловичу об
исходѣ альминскаго сраженія, писалъ, что виною несчасті
были малодушіе и неопытность войскъ. Это говорится пр
русскаго солдата. Какая безсовѣстная ложь! Напротивъ, не
пріятель былъ пораженъ храбростью и стойкостью русско
арміи и такъ былъ ошеломленъ, что двое сутокъ оставалс
на позиціи, не осмѣливаясь двинуться впередъ. Укажемъ здѣс
на слѣдующій фактъ. Владимірскій полкъ въ продолженіи нѣ
сколькихъ часовъ защищалъ свою позицію противъ цѣлой ди
визіи англичанъ, нѣсколько разъ онъ бросался въ штыки на
наступающаго непріятеля и отбрасывалъ его назадъ, нанос
ему страшный уронъ. И только тогда этотъ славный полк
отступилъ, когда въ рядахъ его осталось въ живыхъ не болѣ
половины, да и то большею частію раненыхъ, когда онъ ли
шился почти всѣхъ своихъ офицеровъ и въ томъ числѣ са
маго командира. Такая стойкость и упорство Владимірскаг
полка вызвала у генерала Кембриджскаго слѣдующую фразу
„Еще одна такая побѣда и у Англіи не будетъ арміи".

И послѣ этого князь Меньшиковъ осмѣливается говорит
о малодушіи русскихъ войскъ!.. Императоръ Николай по по
воду такого донесенія главнокомандующаго писалъ кн. Гор
чакову: „Буди воля Божія, роптать не буду и покорюсь свя
той Его волѣ. Но больно и стыдно мнѣ, что причиной по
ставляется малодушіе войска! Непонятно для меня, зная, как
хорошо были и по общему слуху и донесеніямъ самого князя
какой духъ между ими господствовалъ".

Неудачное сраженіе при Альмѣ и создало знаменитую
осаду Севастополя.

III.

Потопленіе флота.

Какъ извѣстно нашъ черноморскій флотъ ни разу не сра
зился съ англо-французскимъ флотомъ во всю Крымскую кам
панію, хотя этого сраженія желалъ самъ Императоръ Николай
Доведенный до блестящаго состоянія адмираломъ Лазаревым
нашъ флотъ въ Черномъ морѣ давно уже возбуждалъ завист
у великой морской державы Англіи, а Синопская побѣд
прославила его на всю Европу. „Мы моряки, писали англи
чане, не можемъ относиться безъ уваженія о невѣдомомъ дл
насъ флотѣ, который смѣло борется съ бурями въ теченіе

мѣсяца, даетъ сраженіе тотчасъ послѣ жестокаго вѣтра, уничтожаетъ противника (гораздо сильнѣйшаго) и съ торжествомъ благополучно возвращается въ портъ, не смотря на поврежденія". Англійскіе офицеры, говоритъ Дубровинъ, собиравшіе впослѣдствіи подробности Синопской битвы, не могли надивиться той явной и поражающей рѣшимости, съ которою русская эскадра неслась на кровавое пиршество въ безукоризненномъ строю. Въ этой побѣдѣ участвовали подъ начальствомъ Нахимова только шесть кораблей и два фрегата, а весь севастопольскій флотъ въ 1853—1854 годахъ состоялъ изъ 15 кораблей, 7 фрегатовъ, 4 корветовъ, 12 бриговъ, 8 шкунъ, 9 тендеровъ, 2 яхтъ, 1 бомбандира, 1 палубнаго бота, 5 боевыхъ и 4 посыльныхъ пароходовъ, 12 большихъ и 5 малыхъ транспортовъ и 5 лоцъ-судовъ—всего изъ 62 военныхъ судовъ. Тѣмъ не менѣе этотъ флотъ, послѣ Синопской побѣды, осужденъ былъ на полное бездѣйствіе и наконецъ кончилъ жизнь свою самоубійствомъ.

Мы глубоко убѣждены, что главнымъ виновникомъ всего этого былъ тотъ же князь Меньшиковъ или, точнѣе говоря, ревность самолюбиваго старика къ славѣ моряковъ. Вѣсть о Синопской побѣдѣ облетѣла всю Европу и проникла въ каждый уголокъ Россіи. Въ Севастополѣ, какъ и вездѣ, только и говорили, что о подвигахъ моряковъ и ихъ славномъ вождѣ Нахимовѣ, а о Меньшиковѣ всѣ забыли. Старческая ревность не могла простить этого, какъ можно судить по поведенію Меньшикова въ отношеніи торжественной встрѣчи побѣдоносной эскадры. Едва стало извѣстнымъ о приближеніи побѣдителей къ Севастополю, какъ „все населеніе еще съ утра, повѣствуетъ Дубровинъ, высыпало по обоимъ берегамъ рейда и покрыло множествомъ шлюпокъ. Обыватели города, офицеры и всѣ тѣ, кто только зналъ Нахимова, хотѣли встрѣтить его достойнымъ образомъ и готовили множество различнаго рода овацій

„Князь Меньшиковъ въ числѣ другихъ также привѣтствовалъ побѣдителей, хотя и не очень былъ доволенъ, что лавровый вѣнокъ побѣды достался Нахимову, а не Корнилову".

„Взойдя на корабль, гдѣ находился адмиралъ, Меньшиковъ прежде всего велѣлъ выкинуть карантинный флагъ и затѣмъ уже обратился къ Нахимову съ поздравленіемъ. Оставляя корабль, князь приказалъ, чтобъ не одинъ человѣкъ эскадры не имѣлъ общенія съ берегомъ. Въ силу этого приказанія и Павелъ Степановичъ также принужденъ былъ оставаться на кораблѣ.

— Надолго ли будетъ поднятъ флагъ?—спросилъ Нахимовъ.

— Я дамъ знать,—отвѣчалъ князь уклончиво.

„Этимъ распоряженіемъ онъ уничтожилъ всѣ празднества, ослабилъ первое впечатленіе побѣды и лишилъ эскадру возможности принять мѣры къ скорѣйшему исправленію. Суда требовали починки и сношенія съ адмиралтействомъ, а этого сдѣлать было нельзя... Нахимовъ выходилъ изъ себя и просилъ князя Меньшикова снабдить его хотя матеріалами, необходимыми для починки кораблей".

Послѣ продолжительнаго плаванія по морю и наконецъ послѣ кроваваго сраженія моряки ждали выйти на берегъ, чтобъ обнять родныхъ, друзей и знакомыхъ, но путь къ этому свиданію былъ пресѣченъ распоряженіемъ главнокомандующаго. Какая жестокость! Но, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ былъ необходимъ для возвратившейся эскадры карантинъ? Нѣтъ. „Карантинъ, справедливо замѣчаетъ Дубровинъ, достигъ своей цѣли, хотя въ немъ и не было надобности: всѣмъ было извѣстно, что никто изъ участниковъ Синопской побѣды, не былъ на турецкомъ берегу..." Послѣ этого каждый долженъ согласиться, что отношеніе Меньшикова къ флоту было возмутительно. Но къ сожалѣнію такое отношеніепродолжалось и впослѣдствіи и было причиною бездѣйствія нашего блестящаго черноморскаго флота. Конечно выйти въ море и сразиться съ врагомъ, почти вдвое превосходящимъ по числу судовъ, наши моряки не могли разсчитывать на успѣхъ. Но во первыхъ не всегда побѣда сопровождаетъ численность, а во вторыхъ не всегда союзный флотъ плавалъ въ полномъ своемъ составѣ. Николай Павловичъ настолько былъ увѣренъ въ могуществѣ своего черноморскаго флота, что совѣтывалъ князю Меньшикову, конечно при удобномъ случаѣ, вывесть флотъ въ море и атаковать союзные флоты на смерть или побѣду. „Лучше, писалъ онъ, погибнуть въ бою съ честью, чѣмъ дать себя сжечь въ гавани безъ боя. Богъ милостивъ; можетъ быть и мы побѣдимъ, хотя и съ жестокой потерей.. Разсуди и рѣши, какъ за лучшее найдешь, но я свое мнѣніе тебѣ высказалъ"...

Такого же мнѣнія были и черноморскіе моряки. И нужно замѣтить, что подобное мнѣніе вовсе не было бахвальствомъ. „Черноморскій флотъ, говоритъ Дубровинъ, могъ поспорить съ лучшими флотами въ Европѣ, если не численностію своихъ судовъ, то ихъ конструкціей, порядкомъ службы, знаніемъ своего дѣла, строгою и разумною дисциплиною. Нравственная и боевая стороны были доведены здѣсь до совершенства"...

Но Меньшиковъ не пожелалъ слушаться совѣта Николая

и не разу не воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобъ выполнить оный съ успѣхомъ: 16 апрѣля 1854 г. непріятельскій флотъ въ числѣ 28 вымпеловъ появился подъ Севастополемъ; онъ крейсировалъ здѣсь цѣлый день, то приближаясь къ городу, то удаляясь отъ него; 21 апрѣля тотъ же флотъ снова появился около Севастопольскаго порта. Горожане и моряки любовались движеніями непріятельскихъ судовъ; самъ Меньшиковъ смотрѣлъ на нихъ съ любопытствомъ. Развѣ это появленіе подъ Севастополемъ части непріятельскаго флота не было удобнымъ случаемъ для нашего флота сразиться съ врагомъ?! Затѣмъ въ теченіе двухъ сутокъ 14 и 15 іюля четырнадцать непріятельскихъ кораблей крейсировали у Севастополя, Георгіевскаго монастыря и у Балаклавы и все-таки нашъ флотъ оставался на рейдѣ и не дѣлалъ никакой попытки выйти въ море. Съ цѣлію осмотра береговъ и опредѣленія мѣста высадки союзники составили эскадру изъ одного корабля и трехъ паровыхъ судовъ и утромъ 29 августа появились около Севастополя. Меньшиковъ могъ выслать противъ этой эскадры свой паровой флотъ, въ составѣ котораго были пять боевыхъ и прекрасно вооруженныхъ судовъ, но и на этотъ разъ нашимъ морякамъ суждено бездѣйствовать!

Даже въ день высадки союзниковъ нашъ главнокомандующій могъ съ успѣхомъ воспользоваться какъ кавалеріей на сушѣ, такъ и флотомъ на морѣ. Утромъ 2 сентября около устьевъ Альмы появилось нѣсколько непріятельскихъ паровыхъ судовъ, наполненныхъ цѣлою дивизіей французовъ и только въ сопровожденіи трехъ англійскихъ фрегатовъ. Эта эскадра назначалась для демонстраціи, чтобъ отвлечь вниманіе русскихъ отъ настоящаго мѣста высадки... Она простояла здѣсь около часу; спускала часть десанта на гребныя суда, которыя доплывали почти до самаго берега, затѣмъ снова десантъ садился на паровыя суда и двигался далѣе. Туже демонстрацію непріятель продолжалъ и въ устьяхъ Качи. И несомнѣнно, при другомъ главнокомандующемъ такая смѣлая демонстрація непріятеля дорого обошлась бы ему: нашъ флотъ могъ бы успѣшно разгромить эту эскадру прежде, чѣмъ она получила бы помощь. Самая высадка непріятеля далеко не была сильно охраняема противъ нападенія русскаго флота. Всѣ суда были наполнены десантомъ и только англійскій флотъ, состоящій изъ 10 парусныхъ кораблей и 15 паровыхъ разнаго ранга судовъ, былъ свободенъ и предназначался для охраны десантной операціи. Противъ этой охраны русскій флотъ могъ появиться въ числѣ 15 парусныхъ кораблей и 11

паровыхъ судовъ. Причемъ лейтенантъ Стеценко сообщилъ въ Севастополь, „что союзный флотъ стоитъ въ такой тѣснотѣ и безпорядкѣ, что присылка сюда брандера не есть дѣло невозможное и можетъ надѣлать много вреда непріятелю". Но ни страстное желаніе моряковъ помѣряться съ врагомъ, ни желаніе того же со стороны Николая Павловича не могло побудить Меньшикова измѣнить пассивное положеніе нашего флота, укрывшагося въ Севастопольской бухтѣ Не попробовавши силъ врага, онъ погибъ безславною смертію отъ собственной руки. Мы не знаемъ кому принадлежитъ первая мысль о затопленіи кораблей съ цѣлію загражденія рейда. На совѣтѣ 9 сентября адмиралъ Корниловъ предложилъ смѣлый планъ: выйти въ море и атаковать непріятельскій флотъ безпорядочно столпившійся у мыса Улюкала. По его мнѣнію въ случаѣ успѣха мы могли уничтожить непріятельскіе корабли и тѣмъ лишить союзную армію продовольствія и возможности получить подкрѣпленіе, а въ случаѣ неудачи Корниловъ предлагалъ стараться сцѣпиться на абордажъ, взорвать себя и часть непріятельскаго флота на воздухъ и умереть со славой.

Вѣроятно такого же мнѣнія былъ и Нахимовъ. Но большинство совѣта раздѣляло мнѣніе капитана Зорина, предлагавшаго такую мысль: заградить рейдъ потопленіемъ нѣсколькихъ кораблей, выйти всѣмъ на берегъ и защищать съ оружіемъ въ рукахъ свое пепелище, до послѣдней капли крови.

Тѣмъ не менѣе оставляя совѣтъ, Корниловъ сказалъ: „готовьтесь къ выходу—будетъ данъ сигналъ, что кому дѣлать".

Другіе утверждаютъ, что мысль о затопленіи кораблей принадлежитъ князю Меньшикову, и что приказаніе объ этомъ отдано имъ Корнилову еще вечеромъ 8 сентября. Зная предшествующія отношенія главнокомандующаго къ флоту, можно легко повѣрить послѣднему свидѣтельству.

Когда Корниловъ, послѣ совѣта, явился къ Меньшикову и изложилъ его мнѣніе, то главнокомандующій приказалъ затопить корабли на фарватерѣ. Корниловъ отказался исполнить это приказаніе.

— Ну, такъ поѣзжайте въ Николаевъ къ своему мѣсту службы,—сказалъ Меньшиковъ, разсерженный такимъ упорствомъ Корнилова, и приказалъ своему ординарцу попросить къ себѣ командира порта вице-адмирала Станюковича.

— Остановитесь,—вскрикнулъ Корниловъ,—это самоубійство... то, къ чему вы меня принуждаете..., но чтобы я оставилъ Севастополь, окруженный непріятелемъ, невозможно

Я готовъ повиноваться вамъ. „Приказаніе князя Меньшикова было исполнено, потопленіе кораблей между Константиновскою и Александровскою батареями совершилось въ ночь на 11 сентября. „По утру, повѣствуетъ Дубровинъ, надъ поверхностью моря плавали лишь обломки мачтъ шести потопленныхъ судовъ. Одинъ только корабль „Трехъ Святителей" оставаясь на поверхности, долго сопротивлялся не желая разставаться съ жизнью. Съ шумомъ лилась вода въ отверстія, прорубленныя въ подводной его части, но кораблю все таки не хотѣлось погружаться въ воду. Тогда приказано было пароходу „Громоносецъ" подойти и пустить нѣсколько бомбъ въ подводную часть несчастнаго корабля.

У Корнилова навернулись при этомъ слезы.

— Вотъ горькое зрѣлище!—сказалъ онъ окружающимъ. Что вѣками создавалось, о чемъ Михаилъ Петровичъ (Лазаревъ) такъ усердно хлопоталъ—все въ одинъ мигъ уничтожено. Черноморскій флотъ погибъ!

Видя, что не смотря на выстрѣлы „Громоносца", корабль все еще стоитъ на поверхности воды, Корниловъ, казалось, досадовалъ на это упорство.

— Не могу равнодушно смотрѣть, сказалъ онъ,—это хуже чѣмъ разстрѣливать человѣка.

Выстрѣлы „Громоносца" болѣзненно отозвались въ сердцахъ моряковъ. Смотря, какъ тонулъ корабль „Трехъ Святителей" многіе изъ нихъ горько плакали".

Историки не разъ обсуждали вопросъ о значеніи катастрофы, постигшей нашъ Черноморскій флотъ. Причемъ нѣкоторые изъ нихъ приходили къ довольно странному заключенію. „Идею затопленія кораблей, говоритъ Дубровинъ, можно назвать геніальною, а приведеніе ея въ исполненіе—однимъ изъ крупныхъ подвиговъ въ жизни Севастополя". То же повторяетъ Бѣлавенецъ. Даже въ послѣднее время г. Парфеновъ въ Морскомъ сборникѣ (1904 г., май, стр. 8) пишетъ: „Надо замѣтить, что затопленіе кораблей при тогдашнихъ обстоятельствахъ, сложившихся изъ суммы всѣхъ упущеній и малой предпріимчивости тогдашняго главнокомандующаго, князя Меньшикова, должно считаться безспорно—одною изъ геніальныхъ мѣръ, которая спасла Севастополь отъ сдачи непріятелю, чѣмъ хоть сколько нибудь искупились: непростительная безпечность и непредпріимчивость тогдашняго главнаго начальника".

Намъ кажется, что нужно имѣть особыя понятія о томъ, что *геніально* и что *обыкновенно*, чтобъ согласиться съ подоб-

ными взглядами на потопленіе нашего флота. И въ самомъ дѣлѣ. Если разбойникъ ломится въ дверь моего дома, а я не хочу или не могу выйти на бой съ нимъ, то я баррикадирую дверь тѣмъ, что попалось подъ руку. Вещь очень простая! Видѣть что нибудь особенное, а тѣмъ болѣе геніальное въ рѣшеніи оградить себя отъ нападенія, рѣшительно невозможно: додуматься до такой мысли способенъ каждый смертный! Вѣдь если историки дѣлаютъ предположеніе, что весь нашъ флотъ, вступивъ въ неравную борьбу съ непріятелемъ неизбѣжно погибъ бы и Севастополь такимъ образомъ лишился бы для своей защиты 10 т. моряковъ, то всѣ они въ то же время въ одинъ голосъ утверждаютъ: еслибъ непріятель послѣ альминскаго сраженія вмѣсто того, чтобъ двинуться по направленію Балаклавы, предпринялъ походъ на наше сѣверное укрѣпленіе и Севастополь, то неизбѣжно то и другое очутилось бы въ его рукахъ. Вѣдь ошибки непріятеля никто не предвидѣлъ. Но допустимъ, что непріятель черезъ два-три дня сознялъ свою ошибку, захватилъ сѣверное укрѣпленіе и Севастополь, то какая же судьба, спрашиваемъ мы, грозила бы нашему флоту? Конечно, безславная гибель и для судовъ и для моряковъ! Все, что находилось въ бухтѣ, теперь превращенной въ озеро, благодаря загражденію рейда, уничтожено было бы непріятельскимъ огнемъ. Значитъ результатъ былъ бы тотъ же—гибель, но гибель безславная, не такая, на которую рѣшались Николай Павловичъ и Корниловъ.

Но суть даннаго вопроса заключается въ томъ, была ли необходимость въ загражденіи севастопольскаго рейда, чтобы воспрепятствовать непріятельскому флоту въ него прорваться. Рѣшительно никакой! Съ моря Севастополь былъ недоступенъ и входъ въ его бухту защищенъ столь могучими береговыми фортами, что адмиралы союзнаго флота, какъ мы уже упоминали, въ теченіи десяти мѣсяцевъ плаванія по Черному морю не осмѣлились даже подойти къ нимъ. Въ недоступности рейда съ моря были убѣждены и Николай Павловичъ и самъ Меньшиковъ. „Атаки или форсированія входа въ Севастополь съ моря—не опасаюсь, и почти что желаю, ибо надѣюсь на милость Божію, что отобьемся славно". Это писалъ Николай еще въ началѣ апрѣля, когда нѣкоторые морскіе форты не вполнѣ еще были оборудованы, а постройка батарен Волохова и Карташевскаго были только начаты. Впрочемъ для точнаго рѣшенія вопроса о возможности прохода въ Севастопольскую бухту союзнаго флота можетъ служить попытка непріятеля бомбардировать севастопольскія укрѣпленія, предпринятая имъ

5 октября. Это первая и единственная попытка союзнаго флота кончилась для него очень печально: изъ 27 кораблей, принимавшихъ участіе въ бомбардированіи севастопольскихъ укрѣпленій, почти половина пострадала отъ нашихъ батарей; многіе суда совсѣмъ вышли изъ строя и особено сильно пострадалъ англійскій флотъ: изъ 11 судовъ повреждено 8. Уронъ людей на непріятельскомъ флотѣ, не считая турокъ, простирался до 526 убитыми и ранеными. „Какъ французы, такъ и англичане, говоритъ Дубровинъ, не могли не сознать ту ничтожность вреда, который они нанесли береговымъ батареямъ, сравнительно съ матеріальными расходами (было выпущено снарядовъ болѣе 50 т.), съ тою потерею и тѣми поврежденіями, которыя получили сами".

Послѣ пятичасовой бомбардировки союзный флотъ удалился съ позоромъ. Но 5 октября противъ него могли дѣйствовать только наши передовые форты и батареи. Это дѣло происходило на взморьѣ на сравнительно далекихъ дистанціяхъ.

„Что же бы было, говоритъ одинъ писатель, если бы непріятельскій флотъ, даже въ полномъ своемъ составѣ, попытался проскочить на внутренній рейдъ? Здѣсь, чѣмъ болѣе бы онъ углублялся, его бы послѣдовательно встрѣчали восемь береговыхъ батарей, поражая его боковымъ и тыльнымъ огнемъ, не говоря о нашемъ флотѣ, состоявшемъ изъ 17 кораблей и фрегатовъ, 11 пароходовъ (700 орудій съ одного борта) и значительнаго числа мелкихъ судовъ. Мнѣ кажется, принимая все это во вниманіе, можно скорѣе предположить, что непріятель былъ бы разбитъ наголову"...

Итакъ къ чему же было загражданъ рейдъ и губить севастопольскій флотъ?! Николай Павловичъ однажды писалъ Меньшикову, что нужно выждать пока непріятельскій флотъ *пообломается* о наши крѣпости. 5-го октября онъ слишкомъ пообломался и что было бы съ нимъ, еслибъ въ это время наша эскадра бросилась за нимъ въ погоню? Но главнокомандующій заперъ ее въ бухтѣ и заперъ навсегда!

Нѣтъ, мы глубоко убѣждены, что мѣра, принятая Меньшиковымъ въ отношеніи Черноморскаго флота, была столь же геніальна, какъ и японское харакири.

Проф. Т. Буцинскій.

Обозрѣніе духовныхъ журналовъ.

Цѣль предлагаемаго Обозрѣнія.—**Богословскій Вѣстникъ**, „Идея Царства Божія“.—**Вѣра и Разумъ**, „Очерки изъ жизни Христа Спасителя“.—**Православный Собесѣдникъ**, „Доказательство свободы воли.“

Самый важный вопросъ въ жизни не только отдѣльныхъ людей, но и всѣхъ народовъ, это—вопросъ религіозный. Онъ важнѣе вопроса о хлѣбѣ насущномъ, онъ обусловливаетъ главное различіе, существующее между міромъ животнымъ и человѣчествомъ. Человѣчество только тѣмъ и значительно, что оно, какъ только просіяло разумомъ, тотчасъ начало искать своего Бога и Творца, т. е. тотчасъ подняло изъ нѣдръ своего сознанія—вопросъ религіозный. Исторія доказала, что народъ живъ, покуда жива въ немъ религія; онъ слабѣетъ, (даже физически), съ ея упадкомъ и искаженіемъ; онъ окончательно вымираетъ, когда угасаетъ въ немъ послѣдняя искра Богопознанія и Богопочитанія. Въ такомъ состояніи онъ дѣлается „ненужнымъ“ въ міровомъ порядкѣ, и какъ ненужное—отбрасывается вонъ, уничтожается. То же самое можно сказать про отдѣльныхъ лицъ: упорнаго атеиста весьма ошибочно считаютъ „человѣкомъ“: вглядитесь въ его мрачную, недобрую, жестокую душу, способную на всякое зло и сочувствующую всякому злу,—и вы, согласитесь, что предъ вами, если не сатанинское существо, то и не человѣкъ, съ „человѣческими“ чувствами,—а опасное „разумное животное“, съ которымъ надо быть „осторожнымъ“, какъ со всякимъ хищникомъ. Замѣтьте: тутъ дѣло не въ образованіи, не въ количествѣ научныхъ свѣдѣній, а въ присутствіи, или отсутствіи именно *религіознаго* чувства: чтобы быть „человѣкомъ“, необходимо имѣть—религіозно-нравственную душу.

Изъ этого слѣдуетъ, что заниматься религіознымъ вопросомъ, въ смыслѣ изученія и укрѣпленія своей вѣры—долженъ непремѣнно всякій человѣкъ, если онъ не желаетъ быть причисленъ къ разряду поверхностныхъ и пустыхъ людей.

Но, при современныхъ условіяхъ жизни, при обиліи про-

тиворѣчивыхъ взглядовъ и вѣрованій,—трудно сосредоточиться и еще труднѣе разобраться въ безконечной массѣ книгъ и журналовъ, дающихъ необходимую духовную пищу. Въ виду этого „Мирный Трудъ“ и рѣшилъ пополнить свое изданіе ежемѣсячнымъ „Обозрѣніемъ духовныхъ журналовъ“. Цѣль этого обозрѣнія—дать читателю возможность, обогащать и расширять свои религіозныя познанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ прямое слѣдствіе такого обогащенія, и *укрѣпить ту вѣру*, которую нынѣ со всѣхъ сторонъ расшатываютъ мудрецы міра сего. Съ укрѣпленіемъ же вѣры, неминуемо зрѣетъ въ душѣ и желаніе „жить по вѣрѣ“, а такъ какъ энергичная душа не мѣшкаетъ въ осуществленіи своихъ желаній, то цѣль наша становится такой заманчивой, что стóитъ изъ за нее поработать, на сколько хватитъ силъ и умѣнія!

Не претендуя на соблюденіе особенной системы или на полноту обозрѣнія этихъ интереснѣйшихъ изъ всѣхъ журналовъ,—составитель приложитъ, однако, все свое стараніе, чтобы избавить читателя отъ скуки сухого пересказа, почему и приглашаетъ его, обратить вниманіе на этотъ отдѣлъ, трактующій только о томъ, что есть едино на потребу человѣку...

Если правда, что цивилизованный міръ переживаетъ теперь періодъ торжества разума надъ ощущеніями,—періодъ вовсе не высокій, кстати сказать—то и вѣра людей въ этотъ періодъ будетъ добиваться наибольшей сознательности: вѣра будетъ требовать не простого сообщенія фактовъ, а философско-обоснованную систему вѣроученія, и чѣмъ стройнѣе и яснѣе будетъ такая система, тѣмъ охотнѣе ее пріймутъ. Что же? Съ этимъ еще можно мириться, если сама система основана на незыблемой истинѣ, а не на праздной фантазіи, какъ теперь обыкновенно бываетъ.—Такимъ праздным фантазіямъ въ особенности подверглась идея „Царства Божія“. Лжеучители, наглой рукой, задрапировали свою ложь этимъ священнымъ, дорогимъ именемъ, и пользуясь имъ какъ овечьей шкурой, проникли въ словесное стадо, обманывая его своимъ внѣшнимъ видомъ.

Поэтому необходимо уяснить себѣ эту идею прежде всего.

Въ январьской книгѣ *Богословскаго Вѣстника* за текущій годъ, въ трактатахъ „Идея Царства Божія“,—его авторъ *прот. Павелъ Свѣтловъ* посвятилъ цѣлую главу воззрѣніямъ Н. Н. Неплюева на этотъ предметъ. Эти воззрѣнія отмѣчаются вышеупомянутой стройностью и глубоко—назидательны, почему

я и постараюсь познакомить съ ними читателя съ должной полнотою. На вопросъ, что такое Царство Божіе, правильно понимаемое, Неплюевъ отвѣчаетъ:

„Въ общемъ оно есть жизнь человѣческая, основанная на согласіи нашей воли съ волею Божественной"... Царство предполагаетъ и царя, воля котораго добровольно выполняется. Царство Божіе—тамъ, гдѣ понимаютъ волю Божію и съ любовью и радостно стараются выполнить ее... Богъ, Который любовь есть, именно въ силу любви Своей сотворилъ духовъ, чтобы любить ихъ и быть любимымъ. Въ любви Бога и къ Богу, въ единомысліи и единодушіи съ Нимъ,—и есть блаженство... Господь настолько уважаетъ свободу человѣка, что никогда не насилуетъ его даже на добро. Но какъ только человѣкъ возжелалъ единомыслія и единодушія съ Богомъ,—то тотчасъ, безъ сомнѣнія, водворяется царство Божіе внутри его и онъ становится *соработникомъ* Бога... Тамъ, гдѣ вѣра и любовь соединила людей въ единомысліи и единодушіи братскаго общенія въ дѣлѣ выполненія воли Божіей,—тамъ Царство Божіе водворилось, тамъ отображеніе земное—царства небеснаго.

Такое общее, или точнѣе—внѣшнее Царство Божіе почти и не встрѣчается на землѣ, и весьма важно уяснить себѣ, почему это происходитъ. А между тѣмъ, большинство современныхъ философовъ-соціологовъ такимъ уясненіямъ никогда не задавались, почему и выводы ихъ всегда приводили къ нелѣпостямъ. Дѣло въ томъ, что для осуществленія внѣшняго Царства Божія требуется,—какъ и намѣчено въ цитатѣ,—чтобы строй души всѣхъ членовъ его былъ *подходящимъ къ условіямъ этого Царства*, а этого-то „подходящаго" строя души и нѣтъ, вслѣдствіе чего царство и распадается. Такимъ образомъ, внѣшнему Царству Божію непремѣнно должно *предшествовать* водвореніе того Царства Божія, которое „внутрь насъ есть". Съ пріобрѣтеніемъ его само собою возникаетъ и общее единеніе.—Неплюевъ посвятилъ много вниманія этому внутреннему Царству Божію: привожу его ученіе въ общихъ чертахъ, по изложенію Свѣтлова.

„Царство Божіе въ человѣкѣ, говоритъ онъ, или необходимое для единомыслія и единенія съ Богомъ состояніе—образуется гармоническимъ сочетаніемъ или взаимнымъ отношеніемъ всѣхъ основныхъ сторонъ человѣческой природы, „основныхъ силъ души",—т. е. ощущеній, разума и любви (воли). Истинное или правильное отношеніе этихъ сторонъ человѣческой природы представляется слѣдующей формулою: „разумъ подчиняясь любви, господствуетъ надъ ощущеніями". Вотъ

формула *христіанской* гармоніи духа, или состоянія, необходимаго въ насъ для царства Божія. Такимъ образомъ въ христіанской гармоніи духа ни одна изъ основныхъ силъ души не отрицается, но каждая ставится на подобающее ей мѣсто: первое мѣсто принадлежитъ любви, второе—разуму, послѣдніе—ощущеніямъ. Всѣ другія „отношенія" указанныхъ силъ будутъ уже состояніемъ *дисгармоніи* духа, когда, напр., на первое мѣсто въ психической жизни выдвигаются ими ощущенія или разумъ. Разсматривая различныя состоянія духа въ порядкѣ восходящей гармоніи его основныхъ силъ, мы находимъ здѣсь три формы въ развитіи гармоніи духа: низшая, гдѣ господствуетъ ощущенія, средняя—господство разума, и высшая—истинная христіанская гармонія духа, живущаго любовью. Въ трактатѣ „Отъ ада къ раю, отъ геенны огненной къ царствію Божію" Неплюевъ подробно разсматриваетъ эти три формулы или стадіи въ развитіи царства Божія, а также указываетъ, *какъ* различныя дисгармоніи духа (грѣховыя состоянія)—отражаются на отношеніяхъ къ Богу, ближнимъ, къ самому себѣ и на всей жизни человѣка; указываетъ, какъ извѣстнымъ настроеніямъ—соотвѣтствуютъ извѣстныя представленія о Богѣ, складъ жизни семейной, государственной, церковной и т. д. Въ главѣ „Внѣшнія проявленія внутреннихъ настроеній" упомянутаго сочиненія, Неплюевъ наглядно показываетъ намъ тѣсную связь грѣховныхъ настроеній духа съ извѣстными жизненными явленіями, вытекающими изъ нихъ, какъ ихъ естественные плоды: „по плодамъ узнаете ихъ" (Мѳ. VII, 16). Въ такихъ условіяхъ опытъ цѣлостной системы этики въ видѣ точной формулы совершенства духа, или царства Божія внутри насъ,—дѣйствительно становится для насъ „полезнымъ зеркаломъ, въ которомъ: при доброй волѣ мы легко увидимъ какъ степень грѣховности нашего (собственнаго) духа, такъ и то, на какую степень грѣховности указываютъ факты нашей жизни, нашей семьи, нашей общественной группы и всего современнаго человѣчества".

Скажу здѣсь отъ себя: нельзя достаточно отмѣтить заслугу Неплюева въ томъ, что онъ такъ ясно и опредѣленно съумѣлъ поставить незыблемое мѣрило добра и истины благодаря которому всякій, безъ труда можетъ разобраться въ современной невообразимой путаницѣ понятій. Вѣдь это фактъ: въ наши дни немногіе умѣютъ отличать добро отъ зла! Рядомъ напр, дѣйствуютъ: измѣнникъ родины, сѣятель смуты, и герой, отдающій жизнь за други своя; бездѣльникъ-фантазеръ и скромный труженикъ; рядомъ говорятъ: мудрецъ-атеистъ и святой Божій человѣкъ, а современникъ—въ колебаніи, не знаетъ кого

предпочитать, кого слушать, кому довѣрять! Въ такія времена дѣйствительно нужны „зеркала“, отражающія внутреннія черты и помогающія отличить черное отъ бѣлаго, и хвала тѣмъ кто изготовляютъ подобныя зеркала. Но вернемся къ темѣ: „Вслѣдъ за общей формулой христіанской гармоніи духа, Неплюевъ ставитъ еще частную формулу христіанской гармоніи *любви* въ виду различныхъ формъ ея, какъ любовь къ Богу, къ ближнему и къ самому себѣ, а именно: „Любовь къ ближнему, подчиняясь любви къ Богу, должна властвовать надъ любовью къ самому себѣ“. Указанной формулою „всегда во всемъ Богу предоставляется первое мѣсто. Какъ только что-либо на землѣ мы поставили выше святой воли Божіей и святого дѣла созиданія царства Его—мы измѣнили Ему. Если я богатство, власть, славу, науку, искусство, мои личныя похоти, мою семью, мое отечество, цивилизацію, земное благосостояніе человѣчества, торжество моей политической или религіозной партіи, что-либо поставлю выше Бога и Святого дѣла торжества, царства, силы и славы Божіей,—я создалъ себѣ кумира на землѣ, я измѣнилъ Богу Небесному“.—Тутъ сказывается рѣзкое отличіе чисто-христіанскихъ убѣжденій Неплюева отъ соціально-демократическаго безрелигіознаго идеала или „царства Божія соціализма“, его *земного* рая, идеала равномѣрной сытости. „Соціализмъ смѣшиваетъ въ жизни дѣло Божіе съ дѣломъ созиданія земного благоденствія грѣшнаго человѣчества, желающаго забыть, что Богъ *есть*, что Онъ есть альфа и омега бытія, и что человѣкъ созданъ для вѣчнаго блаженства въ *единеніи съ Нимъ*, а не для созданія рая земного безъ Него“. Не отводя въ умѣ и въ сердцѣ, и въ жизни нашей Богу никакого мѣста, „соціалистическое царство Божіе“ насаждается силою или насиліемъ, путемъ общественнаго переворота, усиліями однихъ людей, съ отрицаніемъ помощи Божественной, даже самой религіи и самого Бога“...

Не такъ училъ о царствіи Божіемъ Христосъ! „Спаситель міра, говоритъ Неплюевъ, пришелъ—примирить блуднаго сына съ Отцомъ Небеснымъ, возстановить гармонію духа, водворить царствіе Божіе *внутри* человѣка. Спаситель міра зналъ, какого Онъ духа: какъ духу Божію противно всякое насиліе, такъ и Сынъ Божій, проповѣдуя свободу духа, всегда уважалъ эту свободу во всѣхъ, уважалъ не въ смыслѣ благодушной уживчивости, а въ смыслѣ милосерднаго долготерпѣнія, въ ожиданіи добровольнаго покаянія, свободнаго возвращенія „въ свободу чадъ Божіихъ“. Вотъ почему Всемогущій не истребляетъ злыхъ и не насилуетъ ихъ на добро. Вотъ почему Сынъ

Божій не водворилъ царство Божіе на всей землѣ, а только заложилъ зерно горчишное въ умы и сердца тѣхъ, которые добровольно приняли „воду живую глаголовъ жизни вѣчной". Вотъ почему постепенно, медленно выростаетъ дерево христіанства и вскисаетъ святая закваска царствія Божія, по мѣрѣ того, какъ добровольно отверзаются для Бога умы и сердца, и даютъ Ему возможность, излить на насъ силу благодати, придти и вселиться въ насъ". Здѣсь надо прибавить, что человѣчество не въ состояніи самостоятельно дойти до христіанскаго идеала, а только подъ вліяніемъ сложной дѣятельности животворящей силы Духа Святаго. Такимъ образомъ, не слабостью человѣческой, а силою и мудростью Божіей, при свободномъ участіи человѣчества,—созидается царство Божіе на землѣ".

„Будучи конечной цѣлью творенія и промышленія о мірѣ, царство Божіе является естественно вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдней цѣлью жизни и дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, народовъ и всего человѣчества. Только царство Божіе можетъ оправдать наше существованіе, придать ему цѣну и смыслъ, заполнить жизнь нашу цѣннымъ содержаніемъ: въ немъ высшее благо человѣка, „осуществленіе всѣхъ завѣтныхъ желаній сердца его. Ибо нѣтъ и не можетъ быть въ человѣкѣ такой потребности, такого желанія, которое бы не получило не только полное, но и безконечно превосходящее пониманіе и пожеланія его,—удовлетвореніе въ царствѣ Божіемъ, когда осуществится въ торжествѣ воли Божіей конечная цѣль Его творенія".

Тутъ можно бы и кончить, такъ какъ комментарій не требуется. Но Неплюевъ не только мыслитель, онъ и пламенный проповѣдникъ правды Божіей, смѣло указывающій на ошибки людей, ради ихъ искорененія. Поэтому приведу изъ труда г. Свѣтлова мѣста, сюда относящіяся. Упоминая о множествѣ враговъ царства Божія среди міра, который „весь во злѣ лежитъ", Неплюевъ замѣчаетъ: „О людяхъ, явно не принимающихъ Христа, нечего и говорить—это явные антихристы, не обманывающіе ни себя, ни другихъ. Гораздо опаснѣе тѣ безсознательные или злонамѣренные антихристы, которые, упорно и нагло называя себя христіанами, не желаютъ согласовать съ волею Отца Небеснаго ни мысли свои, ни чувства, ни жизнь; которые (на дѣлѣ) не принимаютъ Христа, а думаютъ, чувствуютъ и живутъ такъ, какъ бы Онъ и не приходилъ на землю... Не справедливо считать себя честнымъ человѣкомъ, прося у Бога „да пріидетъ Царствіе Твое"—и ровно ничего не дѣлая для того, чтобы понять святую волю Его и исполнять ее".

Эти слова наводятъ на полезныя размышленія. Въ самомъ дѣлѣ, каждое утро на молитвѣ мы говоримъ: Да будетъ воля *Твоя*, а въ теченіе дня, когда намъ представляются сотни случаевъ доказать искренность нашей молитвы,—намъ и въ голову не приходитъ, *хотъ одинъ разъ* спросить себя: отвѣчаетъ ли тотъ или другой нашъ поступокъ, то или другое наше намѣреніе—волѣ Божіей? Хорошо было бы, хоть иногда задавать себѣ такіе вопросы, именно „въ теченіе дня", при рѣшеніи нашихъ мелкихъ, будничныхъ дѣлъ.

Вѣра и Разумъ (Іюль, 1904). Въ „очеркахъ изъ жизни Христа Спасителя" (по Эдершейму) *свящ. Мих. Ѳивейскій* знакомитъ насъ со всѣми подробностями и съ внѣшней обстановкой праздника Кущей, во время котораго имѣла мѣсто одна изъ проповѣдей Спасителя, именно та, когда Онъ „сталъ и возгласилъ: кто жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей" (Іоаннъ VII, 37). Знакомясь съ обстановкой и съ символическимъ смысломъ этого праздника, намъ уясняется все значеніе разсказаннаго событія и становится понятно, какое огромное впечатлѣніе должны были произвести слова Спасителя на собравшуюся въ храмъ толпу народа! Вотъ что говоритъ объ этомъ праздникѣ свящ. М. Ѳивейскій:

„Такой торжественный интересъ соединяется съ этимъ праздникомъ и съ тѣмъ, что было въ концѣ его, что мы должны попытаться представить себѣ ясно то, что было. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ единственнымъ ветхозавѣтнымъ обрядомъ, который еще не исполнился: съ особеннымъ іудейскимъ праздникомъ, который не имѣетъ соотвѣтствія въ кругѣ христіанскаго года, именно потому, что онъ указывалъ на великую, но еще неисполнившуюся, надежду Церкви: на собраніе земныхъ народовъ ко Христу.

Празднованіе праздника соотвѣтствовало его великому смыслу. Всѣ священническія семейства служили въ теченіе праздничной недѣли; было сосчитано, что не менѣе 446 священниковъ, съ соотвѣтствующимъ числомъ левитовъ, требовалось въ это время для жертвеннаго богослуженія. Вообще службы въ это время были одинаковы каждый день, за исключеніемъ того что къ тринадцати [1]) приносимымъ въ жертву

[1]) Характерна эта цифра 13. Она, какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ, сопровождаетъ часто мѣста, имѣющія какое либо отношеніе къ Духу Святому (напр. Лук. XI, *13*) и служитъ ему какъ бы символическимъ знакомъ. Праздникъ Кущей, между прочимъ, символизировалъ изліяніе Духа Святаго на тѣхъ, кто увѣруетъ во Христа. *В. З.*

тельцамъ прибавлялось ежедневно по одному, и на седьмой день число прибавляемыхъ такимъ образомъ увеличивалось до семи. Но послѣдній великій день праздника отличался особенными церемоніями.

„Станемъ въ толпу богомольцевъ, которые въ этотъ „послѣдній“ великій день оставляютъ свои „Кущи“ на утреннемъ разсвѣтѣ, чтобы принять участіе въ богослуженіи. Богомольцы всѣ имѣютъ праздничный видъ. Въ правой рукѣ, во исполненіе древней заповѣди, каждый несетъ пальмовую вѣтвь, въ лѣвой—райское яблочко. Праздничная толпа мало-по-малу раздѣляется на три группы. Нѣкоторые остаются въ храмѣ для присутствованія при приготовленіи утренней жертвы. Другая группа идетъ въ процессіи „внизъ отъ Іерусалима“ на мѣсто называемое Моза, гдѣ участники процессіи срѣзываютъ ивовыя вѣтви, и ими, при звукахъ священническихъ трубъ, украшаютъ жертвенникъ, устраивая надъ нимъ зеленый шатеръ. А третья группа, при звукахъ музыкальныхъ инструментовъ, выходитъ изъ храма во главѣ съ священникомъ, который несетъ золотой кувшинъ. Процессія эта проходитъ терассами черезъ городъ и направляется по Тиропеонской долинѣ, мимо царскихъ садовъ,—къ купели Силоамской, гдѣ священникъ наполняетъ свой кувшинъ водою изъ купели. Затѣмъ процессія возвращается назадъ къ храму, подвигаясь настолько, чтобы можно было прибыть какъ разъ въ то время, когда слѣдовало возлагать куски жертвы на большой жертвенникъ всесожженія, къ концу обычной утренней службы. Привѣтствуемый троекратнымъ звукомъ трубъ, священникъ, съ золотымъ кувшиномъ Силоамской воды, проходитъ прямо во дворѣ священниковъ. Здѣсь къ нему присоединяется еще священникъ, который несетъ вино для возліянія. Оба священника восходятъ на возвышеніе жертвенника и обращаются къ лѣвой его сторонѣ, гдѣ находятся двѣ серебряныя трубы съ узкими отверстіями, ведущими къ подножію жертвенника. Священники одновременно вливаютъ въ трубы вино и воду (поразительный прообразъ будущей Евхаристіи!), а народъ восклицаетъ при этомъ, чтобы священникъ поднялъ свою руку и такимъ образомъ показалъ, что вода дѣйствительно вылита имъ въ отверстіе трубы“ [1]).

„Эта церемонія выливанія воды считалась центральной

[1]) Народъ слѣдилъ за точнымъ выполненіемъ этого обряда, установленнаго самимъ Моисеемъ, но оспариваемаго саддукеями,—потому что однажды первосвященникъ Александръ Іаннай вылилъ воду просто на землю. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ бунтѣ 6000 человѣкъ было убито въ храмѣ. (Іос. Древн. XII, 13, 5). Прим. автора.

частью праздничной службы, ибо всѣ знали, что обрядъ служилъ символомъ обѣтованнаго изліянія Святаго Духа. Въ соотвѣтствіи съ торжественностью символовъ, росли и благолѣпіе службы и молитвенная настроенность народа. Тотчасъ послѣ „вылитія" воды начиналось антифонное пѣніе великаго *галлела*, т. е. отвѣтное пѣніе псалмовъ Давида (CXII до CXVII) съ аккомпаниментомъ флейтъ: Левиты налаживали первую строку каждаго псалма, а народъ повторялъ ее и отвѣчалъ словомъ *аллилуіа* (хвалите Господа). Въ послѣднемъ же, 117 псалмѣ, народъ повторялъ, кромѣ первой строки „славьте Господа", также и слѣдующія „о Господи спаси же, о Господи, споспѣшествуй же", и махалъ при этомъ по направленію къ жертвеннику своими пальмовыми вѣтвями, какъ будто этимъ знакомъ минувшаго желалъ напомнить Богу о Его обѣтованіяхъ... Послѣ окончанія великаго галлела какъ бы обрывалось все возрастающее вдохновеніе молящихся: наступала короткая остановка въ богослуженіи для приготовленія къ праздничнымъ жертвамъ. И вотъ, въ это время, тотчасъ послѣ этой народной мольбы въ пѣснѣ, которая только что замерла въ воздухѣ, когда народъ въ тишинѣ еще молчалъ и молился,—послышался голосъ Іисуса Христа: „Кто жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей; кто вѣруетъ въ Меня у того, какъ сказано въ Писаніи, изъ чрева потекутъ рѣки воды живой"... Вдумаемся въ эту невыразимую словами минуту: этотъ голосъ, слышный во всемъ храмѣ, былъ живымъ исполненіемъ только что оконченныхъ символовъ, и ихъ—истолкованіемъ... Въ призывѣ Его нѣтъ ни угрозъ, ни насилія. Это Царь, кроткій, смиренный, полный любви; это Мессія, Который трости сокрушенной не надломитъ, Который не возвышаетъ съ гнѣвомъ Своего голоса, а говоритъ тономъ, полнымъ снисхожденія и состраданія;—это Мессія, Который теперь и на всѣ времена зоветъ жаждущихъ придти къ Нему и пить"... Онъ потрясъ слушателя въ храмѣ до глубины души, тронулъ его сердце, какъ явное Откровеніе, и въ народѣ пронеслись трепетныя слова: „Онъ точно пророкъ... Это Христосъ... Никогда человѣкъ не говорилъ такъ, какъ Этотъ Человѣкъ"...

Сила только что описанной минуты безконечно велика. Неудивительно, что произведенный ею трепетъ въ Іерусалимскомъ храмѣ—охватилъ милліоны людей! Онъ охватилъ всю душу людей, онъ охватитъ современемъ все человѣчество и всю вселенную, и жалкимъ кумирамъ нашего времени не затмить во вѣки великаго Образа Христа!

Разставаясь на сегодня съ прекраснымъ очеркомъ свящ.

Ѳивейскаго, считаю не лишнимъ затронуть одинъ основной вопросъ:

Авторъ совершенно справедливо видитъ сильнѣйшее доказательство Божественнаго достоинства Господа Іисуса Христа въ приведенномъ отвѣтѣ храмовыхъ служителей: „Никогда человѣкъ не говорилъ такъ, какъ Этотъ Человѣкъ", но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ къ этому тексту подстрочное примѣчаніе: „насколько дѣло касается смысла этихъ послѣднихъ трехъ словъ, сравнительно не важно, подлинны они, или неподлинны". Въ другомъ мѣстѣ указывается „хотя и весьма неохотно" на то, что помѣщенный въ евангеліи Іоанна разсказъ о женщинѣ, взятой въ прелюбодѣяніи, „не могъ въ немъ содержаться", т. е. тоже не подлинный. Я не могу вполнѣ согласиться съ отношеніемъ нашего автора къ вопросу о подлинности или неподлинности нѣкоторыхъ мѣстъ въ книгахъ Священнаго Писанія.

Автора очевидно коробитъ и смущаетъ мысль, что въ богодухновенномъ Писаніи могутъ встрѣчаться „неподлинныя" мѣста. Но кто же это утверждаетъ и кто осмѣлился впервые поднять подобные вопросы, въ отношеніи нѣкоторыхъ изъ нашихъ священныхъ книгъ? Никто иной, какъ такъ называемая „отрицательная критика", съ Штраусомъ, Ренаномъ, Фарраромъ во главѣ! Все это люди не вѣрующіе, приступившіе къ критикѣ съ предвзятой цѣлью, *во что бы то ни стало* подорвать авторитетъ каноническихъ книгъ. Не мудрено, что они нашли то, что хотѣли. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы вѣрующимъ людямъ обращать „серьезное" вниманіе на ихъ кривотолки.

Намъ, правда, сказано: „изслѣдуйте Писанія". Это значитъ—вникайте въ него, изучайте его подробно (именно такъ, какъ и дѣлаетъ авторъ), но это не значитъ: „критикуйте" его. Критиковать могъ только Духъ Святой, Руководитель при устроеніи Церкви Христовой на землѣ. Онъ и оцѣнилъ писанія, въ свое время: Его изволеніемъ была принята такая-то книга, и отвергнута другая; Его *допущеніемъ* произошла такая-то вставка въ текстѣ, и утерялось на вѣки такое то цѣлое посланіе. А потому,—все Писаніе, до его послѣдней іоты,—подлинно. И ни малѣйшаго значенія не имѣетъ напр. вопросъ, вся ли послѣдняя глава у Марка написана лично Маркомъ, или другимъ „по изволенію Духа Святаго", и совершенно безразлично,—имѣетъ-ли, или нѣтъ, Евангеліе отъ Іоанна Богослова—вставки, написанныя „чужой" рукою: Все Священное Писаніе написано Одной Рукою и Однимъ Авторомъ, и потому, все оно—подлинно.

Такъ вѣритъ наша Церковь, со всѣмъ великимъ сонмомъ Ея святыхъ и Ея мудрыхъ учителей, и Ея голосу можно смѣло довѣрять, вопреки разсужденіямъ поверхностныхъ мечтателей.

Православный Собесѣдникъ (изданіе Казанской Духовной Академіи) Январь 1904 г. „Къ вопросу о значеніи Аѳіологіи, какъ источника для ученія о благодати Божіей и свободѣ воли человѣческой". *П. П. Пономарева.*

Прежде чѣмъ перейти къ разбору этой статьи, приходится остановиться на вопросѣ о свободной волѣ человѣка, установивъ его достаточно твердо—логически, чтобы впредь не имѣть нужды, вновь къ нему возвращаться.

Въ томъ, что воля человѣка свободна, никто изъ здравомыслящихъ людей не сомнѣвается. Но такъ какъ до сихъ поръ еще не вывелись детерминисты, отрицающіе эту свободу, то надо всегда имѣть на-готовѣ отвѣтъ, чтобы отразить ихъ вредную ложь. Такимъ отвѣтомъ, между множествомъ другихъ, могутъ служить слѣдующія разсужденія: у всѣхъ народовъ, во всѣ времена существовали твердыя понятія о грѣхѣ, о законѣ, объ отвѣтственности. Всегда въ народномъ сознаніи существовали какіе-либо поступки „запрещенные", и никогда никто не сомнѣвался, что совершеніе такого запрещеннаго поступка, *по всей справедливости*—подлежитъ наказанію. Но такое сознаніе мыслимо только въ томъ случаѣ, если воля человѣка—свободна. Ибо если нѣтъ свободной воли, то нѣтъ и отвѣтственности, нѣтъ грѣха. Но грѣхъ—есть, онъ обличается нашимъ „духовнымъ зрѣніемъ", т. е. совѣстью, въ существованіи которой никто никогда не сомнѣвался. Слѣдовательно есть и свободная воля у человѣка, есть и отвѣтственность за совершеніе грѣховныхъ поступковъ... Это, конечно, азбучныя истины; но необходимо ихъ помнить въ виду современныхъ лженученій. Интереснѣе, впрочемъ, является вопросъ объ отношеніяхъ, существующихъ между свободной волей человѣка и Промысломъ Божіимъ. Мыслимо-ли тутъ *взаимодѣйствіе* этихъ столь неравныхъ силъ? Очевидно—да, разъ объ эти силы существуютъ. Вышеупомянутая статья даетъ намъ по этому поводу полезныя указанія.

Говоря о Промыслѣ Божіемъ, въ смыслѣ руководящаго воздѣйствія силы Божіей на душу человѣка, авторъ замѣняетъ это общее выраженіе—Промысломъ Божій—болѣе точнымъ наименованіемъ „благодати Божіей", или просто „благодати", и совершенно справедливо указываетъ на житія святыхъ какъ на лучшій источникъ для уясненія нашего вопроса.

„Не мало свѣдѣній, говоритъ авторъ, могутъ сообщать житія святыхъ по разнымъ вопросамъ богословія; но коренное значеніе агіологіи [1]), согласно съ ея основнымъ характеромъ, заключается, все-таки, въ вопросѣ о благодати и свободѣ. Вѣдь если суть агіологіи состоитъ въ изображеніи осуществленія идеала святости, а святость достигается путемъ двухъ факторовъ—божественнаго и человѣческаго, то значитъ по вопросу о благодати и свободѣ именно въ агіологіи содержится больше всего данныхъ, гдѣ сама жизнь является какъ бы воплощеніемъ этого вопроса.—Сколько извѣстно, ученые богословы, излагая ученіе о благодати и свободѣ, опираются преимущественно на прямыя, относящіяся сюда, свидѣтельства св. писанія и св. преданія, и если иногда обращаются къ агіологіи, то подобныя обращенія представляютъ изъ себя только указаніе на нѣкоторые факты изъ жизни святыхъ, но не раскрываютъ вопроса о благодати и свободѣ на основаніи *всей* жизни святыхъ".

А такое изученіе всей жизни святого, отъ ея начала, до конца, только и можетъ уяснить какъ первоначальную сущность отношеній между Божественной и человѣческой волей, такъ и ихъ постепенное развитіе, а главное—ихъ постепенное *видоизмѣненіе*, по мѣрѣ усовершенствованія души.

„Для фактическаго подтвержденія мысли объ агіологіи, какъ источника для ученія о благодати и свободѣ, разсмотримъ *Житіе* препод. Антонія Великаго (251—356), написанное св. Аѳанасіемъ архіепископомъ александрійскимъ [2]), гдѣ авторъ, по собственному признанію, „Заботился объ истинѣ, чтобы иный, услышавъ больше надлежащаго, не впалъ въ невѣріе, или также узнавъ меньше должнаго, не сталъ съ неуваженіемъ думать о мужѣ (Антоніи).

„Житіе начинается съ сообщенія, какимъ былъ Антоній до вступленія въ подвижническую жизнь. Сынъ родителей христіанъ, воспитанный по-христіански, препод. Антоній уже съ самаго дѣтства представляется человѣкомъ не лѣнивымъ, не небрежнымъ, покорнымъ родителямъ, не требовательнымъ, но особенно человѣкомъ „самособраннымъ", зорко слѣдящимъ за своимъ внутреннимъ міромъ. По выразительному замѣчанію св. Аѳанасія, еще во время жизни родителей, Антоній, „внимательно слушая читаемое въ храмѣ, соблюдалъ въ себѣ извле-

[1]) Агіологія—отрасль церковной исторіи, исключительно занимающаяся изученіемъ житій святыхъ.

[2]) Migne. Patrolog. cursus complet. Vita S. Antonii, col. 835—976.

каемую изъ того пользу". Еще больше эта черта проявилась въ немъ послѣ смерти родителей, когда Антонію было 18 или 20 лѣтъ отъ роду. Не минуло еще шести мѣсяцевъ по смерти родителей, Антоній „по обычаю шелъ въ храмъ Господень и „собирая въ едино мысли свои", сталъ размышлять—о чемъ же?—объ апостолахъ, какъ они, оставивъ все, пошли за Христомъ, объ іерусалимской общинѣ, какъ упоминаемые въ Дѣяніяхъ вѣрующіе, продавая все свое, приносили и полагали деньги къ ногамъ апостольскимъ для раздачи нуждающимся. Съ такими мыслями Антоній входитъ въ храмъ. Въ читанномъ тогда Евангеліи онъ слышитъ слова Господа къ богатому: *аще хощеши совершенъ быти, иди продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ, и гряди въ слѣдъ Мене, и имаши сокровище на небеси* (Матѳ. 19, 21). Какъ доброе сѣмя слова эти крѣпко западаютъ въ душу Антонія, вполнѣ соотвѣтствуя его настроенію По свидѣтельству Аѳанасія, Антоній принимаетъ ихъ „за напоминаніе свыше такъ, какъ бы собственно для него было это чтеніе". Поэтому онъ немедленно выходитъ изъ храма для исполненія этого призыванія: землю онъ даритъ жителямъ своей веси, а движимое имущество продаетъ и деньги раздѣляетъ нищимъ, оставивъ нѣсколько для сестры. Но коль скоро, войдя опять въ храмъ, услышалъ слова Господа: *не печытеся на утріи* (Матѳ. 6, 33), „ни на минуту не остается въ храмѣ, идетъ вонъ и деньги, оставленныя для сестры—тоже отдаетъ людямъ недостаточнымъ", сестру же поручаетъ на воспитаніе вѣрнымъ дѣвственницамъ, а самъ передъ домомъ своимъ начинаетъ упражняться въ подвижничествѣ, *внимая себѣ*".

Что можемъ мы извлечь, въ уясненіе нашего вопроса, изъ этихъ первоначальныхъ біографическихъ свѣдѣній? Мы имѣемъ дѣло съ юношей христіаниномъ, имѣющемъ болѣе или менѣе подробныя понятія о вѣроученіи, ему преподанному. Итакъ,—внѣшняя обстановка его начальной жизни (какъ и для каждаго человѣка) зависила не отъ него: первый толчекъ пробужденія былъ данъ, такимъ образомъ,—Божественной благодатью. Она 1) сотворила душу „по образу и подобію Божію", т. е. дала ей возможность сочувствовать Богу. 2) Она, въ Откровеніи, объяснила въ чемъ заключается воля Божія, и предложила душѣ—исполнять ее, и 3) она создала Церковь, съ ея спасительными таинствами и создала для каждой, безъ исключенія, души—безчисленное множество „возможностей", поступать такъ или иначе, поступать по волѣ или противъ воли Божіей. Какимъ же образомъ отвѣтилъ Антоній на этотъ первый призывъ благодати? Онъ могъ отвѣтить, по свободѣ воли

своей, двоякимъ образомъ: или оставить этотъ призывъ безъ вниманія, увлекшись забавами его юныхъ лѣтъ, или—внять ему. Антоній выбралъ второй отвѣтъ: онъ „собиралъ во едино мысли свои", онъ первоначально „внимательно слушая читаемое въ храмѣ размышлялъ объ апостолахъ, какъ они, оставя все пошли, за Христомъ" и, благодаря этимъ размышленіямъ, полюбилъ Христа настолько, что рѣшился во всемъ исполнять Его волю. Въ пріобрѣтеніи именно этой любви несомнѣнно заключается первое проявленіе свободной воли Антонія, въ отвѣтъ на первое воздѣйствіе благодати. Итакъ, прежде всего, онъ „возлюбилъ Бога всѣмъ помышленіемъ своимъ, всѣмъ сердцемъ своимъ". Затѣмъ благодать, заручившись, такъ сказать, искреннимъ и свободнымъ рѣшеніемъ души, поступать по волѣ Божіей,—начинаетъ уже съ своей стороны помогать въ этомъ душѣ, даже внѣшнимъ образомъ: для Антонія эта внѣшняя помощь выразилась въ постоянномъ совпаденіи,—какъ вопросъ съ отвѣтомъ,—мыслей Антонія съ евангельскими изреченіями.

„Внявъ этимъ изреченіямъ, говоритъ г. Пономаревъ, Антоній соглашается съ ними и полагаетъ ихъ въ качествѣ достаточнаго основанія для нестяжательнаго подвижничества. Такимъ образомъ какъ бы выходитъ, что человѣкъ, обсудивъ евангельское благовѣстіе, дѣлаетъ выборъ, такъ что участіе свободы и участіе благодати здѣсь являются какъ-бы равнодѣйствующими. Но это только повидимому. На самомъ дѣлѣ здѣсь, въ началѣ подвижничества, нужно признавать дѣйствіе благодати *болѣе сильнымъ*, чѣмъ дѣйствіе свободной воли. Это вытекаетъ изъ той *скорой* рѣшимости, которая поставила Антонія на путь подвижничества; объ этомъ же свидѣтельствуютъ *Наставленія* самого преп. Антонія. Въ нихъ онъ говоритъ: „Духъ Святый сначала нарочито все дѣлаетъ для людей удобнымъ, чтобы *усладить* такимъ образомъ *вступленіе въ подвиги покаянія*, а потомъ показываетъ имъ пути во всей истинѣ притрудности" [1]).

„Въ самомъ процессѣ подвижничества преп. Антонія его святой біографъ различаетъ трудничество первыхъ 35 лѣтъ и трудничество послѣдующаго времени—до кончины преподобнаго".

Весьма важно установить различіе, существующее между отношеніями воли къ благодати,—въ эти двѣ полосы его жизни.

„Самымъ главнымъ врагомъ Антонія, въ первое время, на новомъ пути является его собственная душа съ чувствомъ *саможалѣнія*. Но, по св. Аѳанасію, „Антоній наблюдаетъ за своими помыслами, чтобы не возвращались они къ воспоми-

[1]) Добротолюбіе, т. I, Москва 1895, 24 стр.

нанію о родительскомъ имуществѣ, о сродникахъ и объ усла-
жденіи разными удобствами жизни". Для лучшаго прохожденія
избраннаго пути онъ всячески старался поставить себя въ
самый строгій образъ жизни, каковой выражается въ томъ,
что живетъ Антоній аскетически сперва недалеко отъ своего
селенія (деревни Комы), а затѣмъ въ гробницѣ, наконецъ въ
одномъ пустомъ огражденномъ мѣстѣ на восточномъ берегу
Нила; пищею ему служитъ хлѣбъ да соль, а питьемъ вода;
пропитаніе себѣ онъ добываетъ самъ собственными руками,
причемъ остатки отдаетъ нуждающимся; ложемъ ему во время
краткаго сна служитъ рогожа, а большею частію голая земля.
молится онъ часто, зная, что должно *молиться* наединѣ *не-
престанно* (1 Сол. 5, 17), очень внимателенъ къ писанію,
такъ что „ни одно слово писанія не падало у него на землю",
но удерживалось въ памяти. Съ цѣлію лучшаго же воплоще-
нія подвижничества Антоній охотно отыскиваетъ ревнителей
добродѣтели и, найдя ихъ, какъ мудрая пчела, береть отъ нихъ
то, чѣмъ каждый изъ нихъ преимуществовалъ: отъ однихъ при-
вѣтливость, отъ другихъ безгнѣвіе, человѣколюбіе, стараясь со-
четать во едино, что заимствовалъ у каждаго".

„Но особенно ярко на картинѣ подвижничества Антонія
первыхъ 35 лѣтъ нарисована его *борьба* съ внѣшнимъ вра-
гомъ—діаволомъ, происходившая во всѣхъ мѣстахъ жительства
преподобнаго. Борьба эта знакомитъ съ разными путями, при
помощи которыхъ діаволъ вообще старается искушать чело-
вѣка: сперва покушается діаволъ отвлечь Антонія отъ подвиж-
нической жизни вышеупомянутымъ помысломъ *саможалѣнія*.
Когда-же надъ этими кознями была одержана побѣда, діаволъ
путемъ помысла-же, старается возбудить въ подвижникѣ страсть
блуда. Но и это оказалось безуспѣшнымъ. Тогда діаволъ обра-
щается къ новому средству, переступая, въ виду упорства
подвижника, грань своихъ обыкновенныхъ пріемовъ: онъ при-
нимаетъ на себя уже различные *внѣшніе* образы въ коихъ
является подвижнику: то въ образѣ женщины, чтобы возжечь
въ немъ опять такіе помыслъ блуда, то въ призракахъ львовъ,
медвѣдей, змѣй и демоновъ, чтобы, затронувъ въ Антоніи *чув-
ство самосохраненія*, или причинивъ ему явными ударами тѣ-
лесную боль,—вызвать его на просьбу о помилованіи, или, что
тоже, подчинить его себѣ [1]). Бывали случаи, когда Антоній

[1]) По единогласному свидѣтельству многихъ подвижниковъ, нельзя
себѣ представить ничего ужаснѣе этихъ появленій діавольскихъ призра-
ковъ. Сознаніе, что адъ получаетъ власть, непосредственно, истязат

отъ такихъ ударовъ приходилъ въ полное изнеможеніе и падалъ въ обморокъ. Но несмотря ни на какія боли и ужасы, духъ Антонія оставался вѣренъ избранному имъ благочестивому роду жизни".

„Само собою напрашивается вопросъ: о чемъ говорятъ означенныя свѣдѣнія изъ жизни Антонія? Естественный отвѣтъ тотъ, что здѣсь сообщается о большой *самодѣятельности* человѣка въ процессѣ его спасенія. И въ строѣ жизни, и въ искаціи ревнителей добродѣтели, и въ борьбѣ съ діаволомъ—вездѣ видно большое проявленіе свободной воли. Но мы допустили бы ошибку, предполагая, что процессъ трудничества зависитъ только отъ одной свободной воли человѣка: *хотя не часто*, но все-таки замѣчается здѣсь и дѣйствіе благодати Божіей. Во время упомянутыхъ искушеній, Господь, по выраженію св. Аѳанасія, „не забывалъ Антоніева подвига, но иногда приходилъ къ нему на помощь, которую Антоній ощущалъ".

„Такимъ образомъ получается выводъ, что въ періодъ борьбы, когда подвижникъ „несетъ свой крестъ",—благодать Божія, хотя и не оставляетъ подвижника, но проявляется она не такъ сильно: въ дни борьбы—преимущественно дѣйствуетъ воля человѣческая; успѣхъ-же *побѣды* зависитъ отъ помощи благодати Божіей. Этотъ выводъ подтверждаетъ св Аѳанасій слѣдующимъ сообщеніемъ изъ *Житія:* „Антоній, ощутивъ помощь, нисшедшую на него въ видѣ луча свѣта, обращается съ молитвою къ явившемуся видѣнію и говоритъ: *„Гдѣ былъ Ты? почему не явился въ началѣ прекратить мои мученія?"* И былъ къ нему голосъ: „здѣсь пребывалъ Я, Антоній, но ждалъ желая видѣть твое ратоборство; и поелику устоялъ ты, и не былъ побѣжденъ, то всегда буду твоимъ помощникомъ, и сдѣлаю именитымъ тебя всюду" [1]).

Съ этой окончательной побѣдою надъ „ветхимъ человѣкомъ", потребовавшей тридцатипятилѣтнюю борьбу воли съ плотью и съ этимъ привѣтомъ свыше,—Антоній вступаетъ въ новое, послѣднее состояніе своей подвижнической жизни, въ состояніе благодатное, сопровождающее его до его кончины. съ достиженіемъ этого состоянія, его свободная воля закончила свое дѣло: она поборола всѣ препятствія, мѣшавшія постоянному выполненію воли Божіей, и вслѣдъ за тѣмъ—отрек-

---

лась, пугаетъ до отчаянія. Самые безтрепетные пустынники, какъ преподобный Сергій Радонежскій и Серафимъ Саровскій, разсказывали о подобныхъ явленіяхъ—съ содроганіемъ.

[1]) Vita S. Anton. c 10, col. 860.

лась сама отъ себя. Теперь въ душѣ Антонія сталъ полновластнымъ хозяиномъ—Духъ Божій. Антоній теперь отъ себя, по своей волѣ уже ничего не дѣлаетъ. Теперь черезъ Антонія дѣйствуетъ всегда и всецѣло одна благодать Божія.

Надо знать, однако, что и въ состояніи благодатномъ человѣкъ не огражденъ безусловно отъ искушеній: онъ можетъ подвергаться искушеніямъ *духовнаго* свойства, въ родѣ гордыни маловѣрія и т. п. „Для Антонія напр. являлась иногда опасность, какъ-бы „не превознестись тѣмъ, что творитъ чрезъ него Господь"; въ подобныхъ случаяхъ онъ всячески старается отогнать праздную мысль полнымъ служеніемъ Богу, упражняясь опять въ прежнихъ трудахъ съ юношеской бодростью". Но такія искушенія, приступающія къ душѣ, давно привыкшей быть покорной своему Повелителю, уже легко побѣждаются дѣйствіемъ благодати или, какъ выражается самъ подвижникъ,—дѣйствіемъ Духа Святаго...

Оканчивая разборъ житія Преподобнаго, авторъ статьи знакомитъ насъ съ тѣми прекрасными подробностями; которыя отличаютъ, поступки, настроеніе и дѣятельность святого въ его новомъ благодатномъ состояніи отъ особенностей его прежняго поведенія.

„Въ описаніи предсмертнаго періода жизни Антонія, говоритъ авторъ, сообщается уже не о личныхъ подвигахъ святого, но о многихъ совершенныхъ имъ чудесахъ, какъ о несомнѣнномъ проявленіи чрезъ него благодати Божіей; теперь сила человѣческая уступила мѣсто силѣ Божіей. Кромѣ того первый періодъ подвижничества Антоній проводилъ въ полномъ уединеніи,—въ этотъ новый періодъ онъ уже окруженъ людьми и представляется учителемъ, наставникомъ и даже общественнымъ дѣятелемъ въ Александріи во время гоненія Максимина и аріанскихъ смутъ. Затѣмъ, видоизмѣнилось также его душевное состояніе: оно сдѣлалось такимъ, по свидѣтельству св. Аѳанасія, что „ни скорбью не былъ онъ подавленъ, ни въ восхищеніе не пришелъ отъ удовольствія, не предался ни смѣху ни грусти, не смутился, увидѣвъ толпу людей, не обрадовался когда всѣ стали его привѣтствовать, но пребылъ спокойнымъ потому что *управлялъ имъ* теперь *Разумъ (Логосъ)*",—начало по выраженію отцовъ, боголюбивое по своему естеству и направленію.—Далѣе указывается на все возрастающую дѣятельность Антонія, въ отношеніе ближнихъ: однихъ онъ исцѣляетъ отъ болѣзней тѣлесныхъ, другихъ—отъ болѣзней душевныхъ или отъ обуреванія демонами; здѣсь онъ съ ласкою укрощаетъ звѣря, тамъ дѣлаетъ проходимымъ ровъ, наполненный

крокодилами. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ начинаетъ писать свои *Наставленія*, направившія на путь истины, и послѣ его смерти, милліоны людей. Въ наступившемъ новомъ состояніи у него уже почти нѣтъ времени для отдыха: онъ въ постоянномъ подвигѣ любви, какъ и Духъ, руководящій имъ; его безпрерывно, съ утра до ночи, изъ года въ годъ, посѣщаютъ пришельцы, жаждущіе услышать слово совѣта и ободренія,—и у него нѣтъ отказа: онъ всѣмъ расточаетъ свои дары, безъ мѣры. По словамъ св. Аоанасія, „когда бесѣдовалъ Антоній,—всѣ тому радовались; въ одномъ возрастала любовь къ добродѣтелямъ въ другомъ искоренялось нерадѣніе, въ иныхъ прекращалось самомнѣніе, во всѣхъ [illegible], видѣвшихъ его благодатныя силы, возрастали вѣра и упованіе на всемогущество Божіе".

Приведенныя здѣсь свѣдѣнія о дѣятельности преп. Антонія весьма не полны; но думается, что и ихъ достаточно, чтобы понять, какіе обильные плоды можетъ дать жизнь, увѣнчанная святостью! Созерцая такую жизнь, невольно припоминаются слова Христа о тѣхъ вѣрующихъ въ Него, изъ чрева которыхъ—потекутъ „рѣки" воды живой...

В. З.

Памяти князя С. В. Шаховского.

(† 12 окт. 1894 г.)

Богато одаренъ умомъ,
Въ краю, пропитанномъ враждою,
Онъ былъ передовымъ бойцомъ
За дѣло русское родное.

По русски искрененъ въ дѣлахъ,
Отцовъ завѣтныя святыни
Онъ не топталъ съ врагами въ прахъ,
Какъ это дѣлается нынѣ.

Нѣтъ, данникъ долга и труда,
Сынъ доблестный Руси Державной,
Онъ былъ опорою всегда
И сыномъ церкви православной,

И честно, не жалѣя силъ,
Трудясь, любя Россію много,
Въ дѣлахъ наглядно воплотилъ
Служенье Ей, Царю и Богу.

П—въ.

12 октября 1904 г.

Россія и революція [1]

М.М. Г.Г.

Присланный съ береговъ Невы докладъ М. М. Бородкина [2] очень обстоятельно и ярко очертилъ передъ нами поэтическую дѣятельность Ѳ. И. Тютчева. Но покойный поэтъ соединялъ въ себѣ богатыя дарованія художника съ недюжиннымъ умомъ политика—мыслителя и оставилъ, правда немногочисленныя, но въ высшей степени цѣнныя статьи по современнымъ политическимъ вопросамъ.

Я не буду затруднять ваше вниманіе полной характеристикой общественныхъ воззрѣній Ѳ. И. Тютчева: въ виду краткости остающагося въ моемъ распоряженіи времени я поставилъ себѣ болѣе скромную задачу—ознакомить Васъ съ взглядами этого превосходнаго знатока Запада на отношенія между Россіей и революціей. Соображенія, высказанныя по этому поводу Тютчевымъ, очень глубоки, прозорливы и самобытны. Для нашихъ же „смутныхъ дней" они имѣютъ особую цѣнность и значеніе, объясняя многое изъ переживаемаго нами и давая ключъ къ сознательному проникновенію въ смыслъ разыгрывающихся событій. Въ виду особой важности и своеобразія мыслей этого умнаго и наблюдательнаго писателя необходимо привести ихъ въ подлинномъ видѣ, а не въ пересказѣ, способномъ затемнить ихъ высокія достоинства.

Подъ живымъ впечатлѣніемъ событій 1848 года Тютчевъ пишетъ: [3]

„Давно уже въ Европѣ существуютъ только двѣ дѣйствительныя силы—Революція и Россія. Между ними никакіе

---

[1] Докладъ, прочитанный въ Харьковскомъ Отдѣлѣ Русскаго Собранія 2 февраля 1904 года.

[2] См. Мирный Трудъ № 4.

[3] *Ѳ. И. Тютчевъ.* Сочиненія. Изданіе второе. П. 1900 г. „Россія и революція", стр. 474—475; 477—478. Для общаго знакомства съ взглядами Тютчева и ихъ значеніемъ необходимо обратиться къ прекрасной книгѣ *И. С. Аксакова* „Біографія Ѳ. И. Тютчева. Москва". 1886.

переговоры, никакіе трактаты невозможны; существованіе одной изъ нихъ равносильно смерти другой! Отъ исхода борьбы, возникшей между ними, величайшей борьбы, какой когда либо міръ былъ свидѣтелемъ, зависитъ на многіе вѣка вся политическая и религіозная будущность человѣчества. Фактъ этого соперничества обнаруживается нынѣ всюду, и не взирая на то,—таково пониманіе нашего вѣка, притупленнаго мудрованіемъ, настоящее поколѣніе далеко не сознало вполнѣ его истиннаго значенія, не оцѣнило его дѣйствительныхъ причинъ. До сихъ поръ искали его разъясненія въ сферѣ чисто политической; старались истолковать его различіемъ въ понятіяхъ о порядкѣ, исключительно человѣческомъ. Поистинѣ распря, существующая между Революціей и Россіей, зависитъ отъ причинъ болѣе глубокихъ. Онѣ могутъ быть опредѣлены въ двухъ словахъ: *Россія прежде всего христіанская имперія; Русскій народъ—христіанинъ* не только въ силу Православія своихъ убѣжденій, но еще благодаря чему то болѣе задушевному, чѣмъ убѣжденія. Онъ *христіанинъ* въ силу той способности къ самоотверженію и самопожертвованію, которая составляетъ какъ бы основу его нравственной природы. *Революція—прежде всего врагъ христіанства! Антихристіанское настроеніе есть душа Революціи;* это ея особенный отличительный характеръ. Тѣ видоизмѣненія, которымъ она послѣдовательно подвергалась, тѣ лозунги, которые она попеременно усваивала, все, даже ея насилія и преступленія были второстепенны и случайны, но одно, что въ ней не таково, это именно анти-христіанское настроеніе, ее вдохновляющее". „Человѣческое *я*, желая зависѣть лишь отъ самого себя, не признавая и не принимая другого закона, кромѣ собственнаго изволенія, словомъ *человѣческое я, замѣняя собою Бога*, конечно, не составляетъ еще чего либо новаго среди людей; но таковымъ сдѣлалось *самовластіе человѣческаго я, возведенное въ политическое и общественное право и стремящееся въ силу этого права, овладѣть обществомъ.* Вотъ это то новое явленіе и получило къ 1789 году названіе „французской революціи". „Февральскій взрывъ (1848 г.) тѣмъ уже оказалъ міру великую услугу, что ниспровергъ ходульныя подмостки заблужденій, скрывавшихъ дѣйствительность. Наименѣе проницательные умы вѣроятно поняли нынѣ, что исторія Европы въ теченіе послѣднихъ 33 лѣтъ была не что иное, какъ продолжительная мистификація. И точно, какимъ неумолимымъ свѣтомъ озарилось внезапно все это прошлое, столь недавнее и уже столь отъ насъ отдаленное? Кто, напримѣръ, не сознаетъ нынѣ, какое смѣшное притязаніе выражалось въ

той *премудрости нашего вѣка, которая наивно вообразила*, что ей удалось подавить Революцію *конституціонными заклинаніями*, обуздать страшную энергію посредствомъ *формулы законности*. Послѣ всего того, что произошло, кто можетъ еще сомнѣваться, что съ той минуты, когда революціонное начало проникло въ общественную кровь, всѣ эти уступки, всѣ эти примиряющія формулы суть не что инсе, какъ *наркотическія средства*, которыя могутъ, пожалуй, *на время* усыпить больного, но не въ состояніи воспрепятствовать дальнѣйшему развитію самой болѣзни".

„За три послѣдніе вѣка историческая жизнь Запада необходимо была *непрерывною войною, постояннымъ приступомъ, направленнымъ противъ всѣхъ христіанскихъ элементовъ*, входившихъ въ составъ стараго западнаго общества. Эта разрушительная работа длилась долго, такъ какъ для того, чтобы имѣть возможность напасть на *учрежденія*, надо было прежде уничтожить ихъ связующую силу, т. е. *вѣрованія*. Первая французская революція тѣмъ именно и памятна во всемірной исторіи, что ей, такъ сказать, принадлежитъ починъ въ дѣлѣ достиженія *противохристіанскою идеею* правительственной власти надъ политическимъ обществомъ. Эта идея выражаетъ собою истинную сущность, такъ сказать, *душу революціи*. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно уяснить себѣ, въ чемъ состоитъ ея основное ученіе—то новое ученіе, которое революція внесла въ міръ. Это, очевидно, ученіе о верховной власти народа. А что такое власть народа, какъ не верховенство человѣческаго *я*, помноженнаго на огромное число, т. е. опирающагося на силу? *Вотъ почему нѣтъ ничего безсмысленнѣе или коварнѣе—какъ придавать особую цѣну созданнымъ революціей политическимъ учрежденіямъ*. Это *осадныя орудія*, превосходно приспособленныя къ тому употребленію, для котораго они построены, но помимо этого назначенія они въ правильномъ обществѣ никогда не найдутъ подходящаго приложенія.

Впрочемъ революція сама позаботилась о томъ, чтобы не оставить въ насъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно ея истинной природы. Отношеніе свое къ христіанству она формулировала такъ: *„Государство, какъ таковое, не имѣетъ религіи"*, ибо таковъ символъ вѣры новѣйшаго государства. Вотъ, собственно говоря, та великая новость, которую революція внесла въ міръ, вотъ ея неотъемлемое существенное дѣло—фактъ, не имѣющій себѣ подобнаго въ предшествовавшей исторіи человѣческихъ обществъ. Въ первый разъ политическое общество отдавалось подъ власть государства, совершенно

чуждаго всякаго высшаго освященія, государства, объявившаго, что у него нѣтъ души, а если и есть, то развѣ душа безвѣрная: ибо кто не знаетъ, что даже въ языческой древности, во всемъ этомъ мірѣ, по ту сторону креста, который жилъ подъ сѣнію общаго вселенскаго преданія (искаженнаго, но не прерваннаго язычествомъ) городъ, государство, были прежде всего учрежденіемъ религіознымъ? Это былъ какъ бы обломокъ общаго преданія, который, воплощаясь въ отдѣльномъ обществѣ, образовывался какъ независимый центръ. Это была, такъ сказать, ограниченная мѣстностію и овеществленная религія.

Нейтралитетъ, котораго революція *желаетъ* держаться въ вопросахъ вѣры, очевидно, не есть съ ея стороны что нибудь серіозное. Ей слишкомъ хорошо вѣдомы свойства ея противника, чтобы не знать, что по отношенію къ нему никакой нейтралитетъ невозможенъ: „*Кто не со Мною, тотъ противъ Меня*". Въ самомъ дѣлѣ, чтобы предложить христіанству нейтралитетъ, *нужно наперед перестать быть христіаниномъ*. Софизмъ новаго ученія падаетъ здѣсь передъ всесильной природой вещей. Для того чтобы нейтралитетъ этотъ имѣлъ смыслъ и не былъ ложью и западнею, необходимо, чтобы новѣйшее государство согласилось отказаться отъ всякаго притязанія на *нравственный авторитетъ*, чтобы оно низвело себя на степень простого полицейскаго учрежденія, неспособнаго по существу выражать какую бы то ни было нравственную идею. Неужели можно серіозно утверждать, что революція для созданія ею и воплощающаго ее государства приметъ такое не только унизительное, но невозможное условіе? На самомъ дѣлѣ она и не думаетъ его принимать; напротивъ, какъ извѣстно, некомпетентность современнаго законодательства въ дѣлахъ вѣры для нея вытекаетъ лишь изъ убѣжденія, что такъ называемая религіозная мораль, не имѣющая никакого сверхъестественнаго утвержденія, достаточна для человѣческаго общества. Вѣрно ли это положеніе, или нѣтъ—но оно, несомнѣнно представляетъ *цѣлое ученіе, которое для всякаго добросовѣстнаго человѣка равносильно безусловному отрицанію христіанской истины.*

И въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что, несмотря на эту глаголемую некомпетентность и *конституціонный нейтралитетъ* новѣйшаго государства въ дѣлахъ вѣры—вездѣ, гдѣ это государство водворялось, оно не замедлило потребовать для себя и проявить на дѣлѣ по отношенію къ церкви туже власть и тѣ же права, какія принадлежали прежнимъ правительствамъ.

Для примѣра укажемъ на *Францію*. Конечно, законъ заявляетъ тамъ, что государство, какъ таковое, *не имѣетъ религіи*; однако же само государство, въ своихъ отношеніяхъ къ католической церкви, настойчиво продолжаетъ считать себя совершенно законнѣйшимъ наслѣдникомъ *христіаннѣйшаго короля*. Возстановимъ же истину: новѣйшее государство потому лишь изгоняетъ *государственныя религіи, что у него есть своя; а эта его религія—революція*" [1]).

Какою жизненной правдой вѣетъ отъ этихъ словъ, написанныхъ 50 съ лишкомъ лѣтъ назадъ, хотя Тютчеву не были извѣстны новые труды [2]), выяснившіе роль массоновъ въ великой французской революціи, безусловно имѣвшей антихристіанскій характеръ.

Какъ подтвердили дальнѣйшія событія точку зрѣнія Тютчева! Въ наши дни милліоны людей уже порвали связь съ христіанствомъ на Западѣ; новое язычество и его исчадіе новое варварство захватываютъ широкой волной обездоленный людъ, вѣрящій проповѣдямъ новой „религіи человѣчества"; атеизмъ и анархизмъ идутъ рука объ руку и увлекаютъ простецовъ въ пучину вѣрной гибели; культъ Сатаны, почитаніе Изиды, длинный рядъ другихъ суевѣрій находятъ себѣ многочисленныхъ поклонниковъ; урожденные христіане переходятъ въ мусульманство и буддизмъ, ищутъ въ *массонствѣ* удовлетвореніе извращенному религіозному чувству; некрещенный человѣкъ стоялъ недавно во главѣ Франціи, обезсиленной массонствомъ; война противъ христіанства идетъ по всей линіи и его древніе, исконные и непримиримые враги высоко подняли голову и при помощи денегъ и печати подрываютъ основы христіанской жизни Запада, передовая страна котораго на нашихъ глазахъ переживаетъ пору *гоненія за вѣру*. Вообще всюду на Западѣ замѣчается такъ называемая „дехристіанизація", т. е. отказъ отъ христіанскихъ вѣрованій и идеаловъ. „Труждающіеся и обремененные" забыли, чѣмъ они обязаны Спасителю, возвѣстившему равенство и братство всѣхъ людей передъ Господомъ и обѣщающему истинную свободу своимъ ученикамъ (см. Іоанн. VIII, 32). Равнымъ образомъ „богатые и знатные"

[1]) *Ѳ. И. Тютчевъ*. Сочиненія. Изданіе второе. П. 1900. „Папство и римскій вопросъ" стр. 501—504.

[2]) О массонствѣ см. *Gould*. History of Freemasonry Londres 1884. La Maçonnerie pratique T. I—II. 1885. *Findel* Geschichte der Freimaurerei von der Zeit ihres Entstehens bis zur Gegenwart 1900 (посл. изд.). Allgemeines Handbuch der Freimaurerei 1901 (посл. изд.). *Гессенъ*. Евреи въ массонствѣ. 1902.

устремились въ пучину наслажденій, „стяжанія неправеднаго“ и въ „меньшихъ братьяхъ своихъ“ усматриваютъ только „рабочую силу“, потребную для процвѣтанія дѣлеческихъ предпріятій. Естественно, что классовая рознь теперь достигаетъ на Западѣ страшнаго напряженія, а зажигательныя рѣчи анархистовъ и соціалистовъ находятъ много горючаго матеріала. Для утратившаго вѣру человѣка земныя блага имѣютъ чарующую, манящую прелесть, ибо въ обладаніи ими онъ видитъ весь смыслъ и всю радость своего существованія. Отдѣльныя, исключительныя личности, отвергнувъ Бога и Христа Его, могутъ еще найти въ наукѣ и искусствѣ цѣль своей жизни, но толпа, въ общемъ, не поднимется на эту высоту и будетъ жаждать доступнаго ея развитію рѣшенія религіознаго вопроса: она или всему вѣритъ, или все отвергаетъ, причемъ примѣръ „образованныхъ людей“ увлекаетъ за собой народное множество. Вотъ почему Телецъ Златой насчитываетъ столько поклонниковъ, нетерпимыхъ, крайнихъ и враждебныхъ, до ненависти, къ христіанству. Тютчевъ вѣрно подмѣтилъ и эту черту изувѣрства у поборниковъ революціи, предсказавъ, что „не будетъ недостатка и въ преслѣдованіяхъ за вѣру (стр. 477). Независимо отъ откровеннаго заявленія Штрауса, что „мы—нехристіане“, русскій мыслитель правильно опредѣлилъ болѣзнь: съ тѣхъ поръ ея развитіе идетъ непрерывно и „богословіе атеизма“—изложенное евреемъ К. Марксомъ, возлагающимъ на міровую революцію всѣ надежды, вытѣсняетъ христіанское міровоззрѣніе... Ослабленіе христіанской вѣры на Западѣ краснорѣчиво сказывается въ матеріальныхъ затрудненіяхъ, переживаемыхъ папствомъ въ силу оскудѣнія прилива лепты св. Петра. Да и протестантство переживаетъ глубокій кризисъ и быстро подвигается по наклонной плоскости мнимаго свободомыслія въ пропасть безвѣрія. Между искренно вѣрующимъ лютеранствомъ и новѣйшими его развѣтвленіями не можетъ быть ни объединенія, ни примиренія, какъ свидѣтельствуетъ школа „ортодоксальныхъ“ протестанскихъ богослововъ, возстающая горячо противъ крайностей и уклоненій, отъ которыхъ пришелъ бы въ неописуемый ужасъ виновникъ реформаціи.

Тютчевъ правильно подмѣтилъ и вторую отличительную черту революціонныхъ движеній: враждуя съ христіанствомъ и выросшими на его почвѣ порядками, революція крайне отрицательно относится и къ великому началу народности: „въ глазахъ этой партіи вопросъ о національности не имѣетъ ни смысла, ни значенія. Въ интересахъ своей задачи, она ни на минуту не поколеблется принести въ жертву независимость

своей страны" (стр. 483). Блестящимъ подтвержденіемъ справедливости этого мѣткаго замѣчанія являются подвиги коммуны въ 1871 году и поведеніе современныхъ французскихъ соціалистовъ съ Жоресомъ во главѣ. Знаменитое воззваніе Маркса также призывало къ объединенію пролетаріевъ всѣхъ странъ и имѣло слѣдствіемъ возникновеніе „интернаціональнаго общества", вытравливающаго преданность отечеству и родному народу. Такимъ образомъ невѣріе и космополитизмъ оказываются союзниками въ борьбѣ съ христіанствомъ [1]), стремясь къ насажденію „царства всеобщей сытости" вмѣсто идеальнаго царствія Божьяго, которое открываетъ широкій просторъ личнымъ дарованіямъ каждаго отдѣльнаго человѣка. Превращеніе всѣхъ людей въ стадо равныхъ во всѣхъ отношеніяхъ животныхъ можетъ быть достигнуто лишь путемъ страшнаго пониженія общаго уровня, гибели всѣхъ выдающихся талантовъ, творчество коихъ обусловливало благополучіе и развитіе цѣлыхъ племенъ и народовъ. Кто же является носителемъ идеаловъ современныхъ революціонеровъ—африканскіе ли Готтентоты или малайскіе дикари? Въ кого изъ нихъ долженъ превратиться, *ради уравненія*, представитель кавказской расы?

Всякому ясно, что космополитическая проповѣдь требуетъ неосуществимаго и является лишь боевымъ средствомъ для завлеченія слабомыслящихъ и безвольныхъ въ станъ революціонеровъ. Къ сожалѣнію, Тютчевъ оказался пророкомъ не только для западныхъ народовъ, ибо и въ средѣ нашей молодежи увлеченіе космополитизмомъ является первымъ шагомъ къ отступничеству отъ служенія русскимъ національнымъ святынямъ. Впадая въ нѣкоторыя лишь частныя погрѣшности, Ѳ. И. Тютчевъ изумительно вѣрно постигъ общій смыслъ событій и задолго до современнаго „крушенія парламентаризма" [2]) подчеркнулъ все безсиліе „конституціонныхъ заклинаній". Они *нигдѣ* не привели къ водворенію прочнаго порядка и прекращенію соціальной борьбы. „Народное представительство" ока-

---

[1]) Правда, изворотливые „дѣлатели головъ" ссылаются даже на Евангеліе. Дѣйствительно, Апостолъ говоритъ, что передъ Богомъ нѣтъ различія между іудеемъ и еллиномъ (Рим. X, 12); „нѣтъ уже іудея, ни язычника; нѣтъ раба, ни свободнаго; нѣтъ мужескаго пола, ни женскаго: ибо всѣ вы одно во Христѣ Іисусѣ (Галат. III, 28, „Гдѣ нѣтъ ни еллина, ни іудея, ни обрѣзанія, ни необрѣзанія, варвара, скифа раба, свободнаго; но все и во всемъ Христосъ". Но въ этихъ изреченіяхъ, конечно, нѣтъ отрицанія ни національностей, ни половъ, но только признаніе ихъ равенства передъ Небеснымъ Отцомъ.

[2]) Ср. Мирный Трудъ. 1902 г. № 8.

залось, дѣйствительно, лишь „осаднымъ орудіемъ“ противъ твердыни христіанскаго государства; въ пробитую имъ брешь устремились къ власти честолюбцы, а толпа, обманутая въ своихъ наивныхъ надеждахъ на воплощеніе „свободы, равенства и братства“, теперь уже стремится къ ниспроверженію „буржуазнаго правительства“; проповѣдь анархизма и соціализма дѣлаетъ быстрые успѣхи въ средѣ, понявшей, что новые властители преслѣдуютъ своекорыстные интересы подъ личиною „народнаго блага“. Рабочій вопросъ не рѣшенъ парламентаризмомъ и конституціонными гарантіями, какъ показываютъ постоянно повторяющіяся стачки, разгоняемыя оружіемъ республиканскихъ войскъ“. Только упорные и близорукіе мечтатели могутъ *теперь* прославлять „правовой порядокъ“ съ драками народныхъ избранниковъ въ засѣданіяхъ парламентовъ, хищеніями, продажностью и полнымъ безсиліемъ рѣшать быстро назрѣвающіе вопросы первостепеннаго значенія; даже оборона страны, какъ показываетъ Франція, не можетъ быть поставлена какъ слѣдуетъ при управленіи партій, смѣняющихъ другъ друга у кормила правленія. Нелѣпо отожествлять съ народоправствомъ узаконенное господство партій, составляющее душу конституціи. Только внѣпартійное правительство можетъ отстаивать интересы всего народа, „конституціонныя же заклинанія“ всегда удовлетворяютъ лишь *часть* общественныхъ силъ, оставляя остальныхъ въ жертву господствующимъ. Отсюда непрочность всѣхъ конституцій, указанная Тютчевымъ и засвидѣтельствованная исторіей.

Вѣрно понявъ положеніе дѣлъ и предугадавъ дальнѣйшее теченіе событій, русскій мыслитель отчаялся въ возможности для нашихъ сосѣдей собственными усиліями вернуться на покинутый торный путь: слишкомъ мрачны были тучи, надвинувшіяся на западно-европейское человѣчество на глазахъ Тютчева, и онъ пришелъ къ самымъ безотраднымъ выводамъ относительно грядущей судьбы Европы. Спасительнымъ маякомъ для прекраснаго знатока Запада было твердое упованіе на высокое призваніе нашего отечества:

„Тысячелѣтнія предчувствія не могутъ обманывать. Россія, страна вѣрующая, не ощутитъ недостатка вѣры въ рѣшительную минуту. Она не устрашится величія своего призванія и не отступитъ передъ своимъ назначеніемъ. И когда же это призваніе могло быть болѣе яснымъ и очевиднымъ? Можно сказать Господь начерталъ его огненными буквами.—Западъ исчезаетъ, все рушится, все гибнетъ въ этомъ общемъ воспламененіи. Европа Карла Великаго и Европа трактатовъ 1815 г.

Римское папство и всѣ западныя королевства, католицизмъ и протестантизмъ, *вѣра уже давно утраченная и разумъ доведенный до безсмыслія, порядокъ отнынѣ немыслимый, свобода отнынѣ невозможная* и надъ всѣми этими развалинами, ею же созданными, *цивилизація, убивающая себя собственными руками*.. И когда надъ этимъ громаднымъ крушеніемъ мы видимъ всплывающею святымъ ковчегомъ эту имперію, еще болѣе громадную, то кто дерзнетъ сомнѣваться въ ея призваніи и, *намъ ли, сынамъ ея, являть себя невѣрующими и малодушными*" [1]).

Справедливость требуетъ, также, установить, что и на нашей родинѣ за послѣдніе 30—40 лѣтъ замѣчается широкое распространеніе противохристіанскихъ ученій и всяческихъ превратныхъ измышленій. Культъ революціи распространяется между полуобразованными людьми со значительнымъ успѣхомъ; нетвердые въ завѣтахъ Православія сыны Россіи обнаруживаютъ мало духовной стойкости и вмѣсто религіи *любви* исповѣдуютъ религію *насилія и злобы*; вмѣсто *вѣры во второе пришествіе* они вѣрятъ въ конецъ существующаго строя благодаря *великой міровой соціальной революціи* (Zusammenbruchstheorie); вмѣсто ожидаемаго христіанами водворенія *божескаго царства*, новой земли и новаго неба, они ожидаютъ наступленія *земного рая*, благодаря осуществленію путемъ всеобщаго *кровопролитія* своихъ мечтаній.

Множество жизней разбито, много силъ, полезныхъ для родины, погибло благодаря увлеченію этими вѣрованіями русской молодежи и рабочаго люда... *Пора отрезвиться*, пора вернуться къ единственному источнику вѣчной правды, пора прислушаться не къ разрушительнымъ кличамъ революціонеровъ, но къ созидательной работѣ Запада, который вовсе не находится въ такомъ безнадежномъ состояніи, какъ это представлялось Тютчеву, или можетъ показаться на первый взглядъ современному наблюдателю. Десятки милліоновъ сыновъ Запада остаются убѣжденными и вѣрующими христіанами; они не виноваты, что историческія условія лишили ихъ счастья быть послѣдователями *вселенскаго христіанства*, сохраненнаго всеобъемлющимъ духомъ эллиновъ для Восточной Церкви; *они* понимаютъ христіанство *уже*, сообразно національнымъ особенностямъ германскихъ и романскихъ народовъ, но отъ этого ихъ пламенная вѣра въ Искупителя не теряетъ, думается мнѣ, своего значенія. Вдобавокъ, на современномъ Западѣ замѣ-

[1]) *Ѳ. И. Тютчевъ.* Сочиненія. Изданіе второе, П. 1900 г. „Россія и революція", стр. 491—492.

чается стремленіе къ сближенію съ православнымъ Востокомъ: старокатолики, англикане завязываютъ переговоры съ нами о воссоединеніи,—неговоря уже о постоянныхъ мечтаніяхъ папъ. Западные же, по преимуществу, ученые нанесли своими послѣдними трудами смертельный ударъ отрицательной критикѣ и прочно установили *подлинность Евангельскихъ писаній*. Лучшія апологетическія сочиненія выходятъ на томъ же Западѣ. Христіанство борется и побѣждаетъ древняго врага!

Нынѣ въ горькую годину нападенія язычниковъ, посягнувшихъ на устои выросшаго на христіанскихъ завѣтахъ, международнаго права, *вся семья христіанскихъ народовъ должна сплотиться для отпора революціоннымъ броженіямъ*. Ясно всѣмъ, что японцы являются орудіемъ международной плутократіи, возжегшей недавно пламя гнусной бурской войны. Теперь идетъ новое кровопролитіе для ослабленія оплота христіанства—Россіи. Попраны ради торгашескихъ выгодъ завѣты мира, о водвореніи котораго такъ искренно, такъ безкорыстно заботился нашъ Государь.

Забыто единство происхожденія и общая принадлежность къ арійской расѣ, ибо японцы кажутся единовѣрцами нашимъ атеистамъ; въ нихъ усматриваютъ носителей послѣдняго слова „прогресса“, а потому смѣло можно ожидать, что во всѣхъ странахъ невѣры, соціалисты и анархисты будутъ считать свое дѣло общимъ съ Японіей, тогда какъ вѣрующіе христіане станутъ сочувствовать Россіи. Капиталисты прекрасно понимаютъ, что ихъ міровому господству не помѣшаютъ мятущіеся проповѣдники новаго язычества, тогда какъ христіанская монархія и русскій народъ, земледѣльческій и вѣрующій, являются главной помѣхой для порабощенія человѣчества немногимъ „денежнымъ королямъ“. Потому то японская ярость и обрушилась на наше отечество.

Зная главнаго своего врага, находящаго благопріятную почву въ нашемъ невѣжествѣ, жалкой подражательности, отсутствіи твердыхъ убѣжденій и смѣлой готовности открыто исповѣдать ихъ, мы должны въ переживаемыя всемірно-историческія минуты явить себя христіанскимъ народомъ, готовымъ положить душу за други своя. *Не въ людскихъ ухищреніяхъ, не въ силѣ оружія таится успѣхъ*. Онъ коренится въ нравственной мощи, въ вѣрованіяхъ, которыя все воодушевляютъ и двигаютъ горами. Вопреки предсказаніямъ революціонеровъ Россія въ часъ испытанія всюду оказалась вѣрной примѣру предковъ: сто милліоновъ возложили упованіе на Господа и по прежнему вознесли къ престолу Всевышняго пламенныя мо-

литвы о спасеніи людей Его и благословеніи Его достоянія. Очевидно, вѣра во Христа и Церковь Его—всесильна въ Россіи; преданность русскихъ Вѣнценосному Вождю осталась непоколебимой; сознаніе народное выразилось одинаково повсемѣстно въ обширнѣйшихъ предѣлахъ нашей многострадальной родины. У Царя и у Его Народа оказалось одно сердце.

Надо пользоваться минутами такого подъема русскаго духа и происками нашихъ внутреннихъ враговъ, желающихъ воспользоваться политическими осложненіями въ своихъ видахъ, противопоставить единодушный отпоръ всѣхъ тѣхъ, кто, подобно Ѳ. И. Тютчеву, сохранилъ беззавѣтную преданность незыблемымъ устоямъ Святой Руси—Православію, Самодержавію и Народности.

И эта вѣра въ Правду Бога
Ужъ въ нашей не умретъ груди,
Хоть много жертвъ и горя много
Еще мы видимъ впереди...
Но, Не вѣрь въ святую Русь, кто хочетъ,
Лишь вѣрь она себѣ самой—
И Богъ побѣды не отсрочитъ
Въ угоду трусости людской.

А. Вязигинъ.

Отзывъ Э. Фагэ о книгѣ Мережковскаго и современной прессѣ.[1]

I. Толстой и Достоевскій.

Въ Россіи явился новый замѣчательный критикъ—г. Мережковскій.

До сихъ поръ онъ былъ извѣстенъ своимъ романомъ-поэмой „Воскресшіе Боги", теперь же выступаетъ передъ публикой съ книгой, откровенно озаглавленной „Толстой и Достоевскій".

Трудъ этотъ чрезвычайно неровенъ, непослѣдователенъ, но обладаетъ многими достоинствами, заслуживающими вниманія.

Что бы не говорилъ авторъ, но въ своей книгѣ онъ явно недоброжелателенъ къ Толстому и рабски преклоняется передъ Достоевскимъ.

---

[1]) Предлагаемыя замѣтки выбраны изъ статей знаменитаго французскаго критика проф. Э. Фагэ (См. „Le revue latine", 25 mars 1903, № 3 и 25 juillet 1903, № 7). Онъ хорошо извѣстенъ своими этюдами о французскихъ писателяхъ XVI—XIX вѣка. Чрезвычайно интересны также его сочиненія „Politiques et moralistes du XIX siécle" и „Le liberalisme", разошедшіяся въ огромномъ количествѣ экземпляровъ и частью также переведенныя на русскій языкъ.

Для насъ, русскихъ, Фагэ интересенъ, какъ прекрасный знатокъ русской литературы. Большое число лекцій въ Сорбоннѣ онъ ежегодно посвящаетъ Тургеневу, Гончарову, Толстому, Достоевскому и другимъ.

Въ своемъ журналѣ „La revue latine", онъ внимательно слѣдитъ за всѣмъ появляющимся въ русской литературѣ и не упускаетъ случая знакомить французскую публику съ нашими писателями.

Его безпристрастность, ясное пониманіе задачъ критика и глубокое знаніе міровой литературы, несомнѣнно, отводятъ ему почетное мѣсто среди современныхъ литературныхъ критиковъ, а потому его замѣчанія на извѣстную книгу Мережковскаго заслуживаютъ особаго вниманія.

Статья „Какъ надо читать газеты?", написана для характеристики французской печати, но въ виду сходства прессы всѣхъ странъ ее стоитъ прочесть и русскому. Эта маленькая замѣточка Фагэ написана сжато, но со свойственнымъ французамъ остроуміемъ и ясностью взгляда.

Трудъ его написаоъ въ формѣ параллели преимущественно съ цѣлью принести Толстого въ жертву Достоевскому.

Однако, надо признаться, параллелизмъ принесъ автору нѣкоторую пользу. Параллелизмъ, дѣлая ложнымъ основныя точки зрѣнія, заставляетъ держать на равной высотѣ обсуждаемыхъ лицъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ читатель имѣлъ бы право сказать: „если одинъ великъ, а другой ничтоженъ, то зачѣмъ же и сравнивать ихъ?“

Мережковскій настолько ненавидитъ Толстого, что, если бы онъ написалъ книгу объ одномъ лишь Толстомъ, изъ подъ того пера вышелъ бы злѣйшій памфлетъ.

Портретъ Толстого чрезвычайно интересенъ. Конечно, портретъ этотъ много выигралъ бы, будь онъ болѣе сжатъ, выразителенъ и обрисованъ нѣсколькими сильными штрихами. Но, къ сожалѣнію, эта манера свойственна лишь французамъ и несвойственна восточнымъ европейцамъ.

Для Мережковскаго Толстой всего лишь русскій аристократъ-землевладѣлецъ. Черты, которыми онъ его рисуетъ, не смотря на всю его недоброжелательность, довольно вѣрны. Я бы, со своей стороны, охарактеризовалъ Толстого такъ: это большой русскій баринъ, чрезвычайно далекій отъ народа, не смотря на всѣ свои старанія. Противникъ городской жизни, онъ обожаетъ широкое, простое житье въ барскомъ домѣ среди шири и спокойствія полей. Онъ любитъ не столько физическія работы, сколько здоровье, даваемое ими, и умѣетъ чередовать трудъ физическій съ умственнымъ.

Неспособный на какую-либо жертву, онъ наслаждается благами жизни и въ своей барской усадьбѣ, среди удобной простоты обстановки, предается сладкимъ мечтамъ о счастіи человѣчества.

Мережковскій слишкомъ часто упрекаетъ Толстого въ томъ, что онъ не отказался отъ своего имущества.

Онъ, дескать, хотѣлъ это сдѣлать, но... изволилъ отговорить себя отъ этого намѣренія. Онъ уступилъ настояніямъ семьи, остался богачемъ и прекрасно примѣняетъ богатство къ своимъ вкусамъ, отличающимся, несмотря на простоту, чрезвычайной прихотливостью.

Эти страницы остроумны и справедливы. Кому только важенъ отказъ Толстого отъ имущества? Его поклонникамъ, считающимъ его за апостола? Но вѣдь ихъ таъ мало!

Мережковскій вѣрно обращаетъ наше вниманіе на страхъ смерти у Толстого. Толстой глубоко дорожитъ жизнью и любитъ ее. Въ 1894 г. онъ пишетъ: „что хотятъ сказать словами

жизнь проходитъ? Это значитъ: падаютъ волосы, зубы портятся, образуются морщины, является одышка. Еще задолго до „конца" человѣкъ становится отвратительнымъ. Гдѣ найти все потерянное? Гдѣ красота? А красота—это все. А красоты нѣтъ, нѣтъ ничего, нѣтъ и жизни".

Это пристрастіе къ здоровью и жизни вовсе не нравится Мережковскому и знаете почему? Да потому, что Достоевскій былъ эпилептикомъ и любилъ смерть.

Мы, на Западѣ, считаемъ Толстого за его любовь къ жизни, ко всему живому, христіаниномъ, Мережковскій же называетъ его язычникомъ, такъ какъ де только язычники привязываются къ жизни.

„Всѣ произведенія Толстого, искренно замѣчаетъ Мережковскій,—это сплошной гимнъ жизни, жизни здоровой и сильной, гимнъ всѣмъ наслажденіямъ, даваемымъ жизнью".

Мережковскій отмѣчаетъ также, что Толстой безконечно рисуетъ себя самаго въ своихъ произведеніяхъ, что всюду главный герой,—это alter ego Толстого. Надо сказать, что Тургеневъ, со своимъ ревнивымъ ясновидѣніемъ давно указалъ на это. И это правда.

Этимъ объясняются слова Тургенева о Толстомъ: „ему недостаетъ только свободы разсудка". Тургеневъ хотѣлъ сказать, а Мережковскій сказалъ, что Толстой не можетъ отрѣшиться отъ самого себя и сдѣлаться объективнымъ, какъ Шекспиръ или Гёте.

Я вполнѣ согласенъ съ Мережковскимъ относительно критическаго таланта Толстого. Замѣтивъ, что Толстой питаетъ какое-то отвращеніе къ литературѣ, что онъ не читалъ западныхъ писателей и что нѣтъ человѣка, такъ мало „европейскаго", Мережковскій обращаетъ наше вниманіе на книгу Толстого „Что такое искусство".

Совершенно основательно Мережковскій считаетъ хулителя Фауста и Гамлета умомъ ограниченнымъ и лишеннымъ той способности къ культурѣ, которой такъ щедро былъ одаренъ Достаевскій.

Слѣдовало бы только объяснить невнимательному читателю, что книга „Что такое искусство" написана съ точки зрѣнія моральной и что авторъ ея осуждаетъ всякое произведеніе, не приносящее *непосредственной* пользы.

Вы найдете у Мережковскаго еще нѣсколько чрезвычайно сильныхъ страницъ о Толстомъ, какъ художникѣ человѣка-животнаго. Многими прекрасно выбранными примѣрами Мережковскій ясно показываетъ намъ, какъ Толстой, чтобы

удержать въ нашей памяти представленіе о любомъ лицѣ нѣсколькими рѣзкими штрихами рисуетъ физическую внѣш ность человѣка и эти штрихи врѣзываются намъ въ память Во все продолженіе разсказа Толстой не забудетъ этихъ чер точекъ и то тамъ, то сямъ всплывутъ бѣлыя, пухлыя руки Спе ранскаго, темные, капризные кудряшки Анны Карениной и пр

Всѣ эти замѣчанія Мережковскаго обнаруживаютъ в немъ искуснаго критика.

Обратите также вниманіе на эти его слова: „Есть-л у Толстого историческая разница между Бородинымъ и би твами севастопольцевъ? Также иногда кажется, будто князь Андрей воспитанъ не на произведеніяхъ Вольтера и Дидро но на Байронѣ, Стендалѣ и даже Флоберѣ, настолько остра его чувствительность, настолько она *современна намъ*, настолько этотъ человѣкъ, родившійся во второй половинѣ XVIII вѣка не только говоритъ нашимъ языкомъ, но даже думаетъ и чув ствуетъ по нашему".

„Иногда лишь, и очень робко, авторъ подчеркиваетъ какую нибудь особенность той эпохи. Эти маленькія, расплыв чатыя черточки часто блѣднѣютъ, не оставляя слѣдовъ; но нерѣдко онѣ производятъ впечатлѣніе, обратное тому, кото раго ожидалъ авторъ: онѣ удивляютъ своей неожиданностью какъ анахронизмы. Онѣ рѣзко выдѣляются на этомъ совре менномъ намъ фонѣ и обращаютъ вниманіе на отсутствіе вся каго историческаго оттѣнка въ основаніи произведенія".

Вернемся опять къ параллелямъ. Замѣтьте огромную основную разницу между творчествомъ Толстого и Достоев скаго. Толстой эпиченъ, Достоевскій же драматиченъ, У Тол стого преобладаетъ повѣствованіе, у Достоевскаго—разговор ная форма. У Достоевскаго самый разсказъ, плохо въ сущ ности написанный, есть лишь фонъ, драма же начинается тогда, когда дѣйствующія лица появляются и *говорятъ*. У Толстого, наоборотъ, бываютъ моменты, когда читатель забы ваетъ о сути и главныхъ герояхъ романа Смерть князя Ан дрея, охота на зайца Ростова, полевыя работы Левина—при обрѣтаютъ въ нашихъ глазахъ столько значенія, что мы за бываемъ объ Александрѣ I, Наполеонѣ, Аннѣ и Вронскомъ.

Подчасъ Мережковскій раздражаетъ меня своей злобой къ Толстому.

„Создавалъ ли Толстой живыхъ дѣйствующихъ лицъ, ха рактерно очерченныхъ и законченныхъ?", спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ: „никогда". Удивительный отвѣтъ! У кого же, какъ не у Толстого найдете вы людей, живущихъ полной жизнью?

Правда, эти люди обыкновенны: но вѣдь для жизненности можно и не обладать странностями. Въ ихъ ограниченности, персонажи Толстого все же страдаютъ отъ тѣхъ „драмъ разсудка", съ которыми такъ носится Мережковскій.

Толстой, по моему, прекрасный психологъ обыкновенныхъ душъ, въ то время, какъ Достоевскій—спеціалистъ по психологіи вырождающихся и конечно заслуживаетъ полнаго уваженія, такъ какъ добрая половина человѣчества состоитъ изъ алкоголиковъ, нервно-больныхъ, идіотовъ и сумасшедшихъ, но зачѣмъ же, подобно Мережковскому, падать ницъ передъ Достоевскимъ и отказывать Толстому въ психологическомъ чутьѣ?

Къ чему также противопоставлять плодовитость Достоевскаго относительному безплодію Толстого? Правда, уважаемый Достоевскій за свой короткій литературный періодъ написалъ больше чѣмъ Толстой, но согласитесь, право, что половина произведеній Достоевскаго сущая чепуха. Не сердитесь на меня за это слово: оно вызвано излишней экспансивностью Мережковскаго.

Мережковскій хотѣлъ возвигнуть Достоевскому памятникъ, но его апологіи чрезвычайно туманны, тогда какъ именно Достоевскій-то заслуживалъ страницъ блестящихъ и сильныхъ.

Онъ хотѣлъ показать намъ Достоевскаго—мученика, психолога и богослова.

Достоевскій-мученикъ описанъ прекрасно, такъ какъ онъ былъ дѣйствительно мученикомъ и его біографія всегда будетъ трогательной.

О Достоевскомъ-психологѣ и психологѣ удивительномъ, Мережковскій слишкомъ кратокъ. Не мѣшало бы произвести нѣсколько свойственныхъ ему хорошихъ анализовъ, чтобы дать читателю болѣе ясное представленіе объ этой сторонѣ таланта Достоевскаго.

Что же касается представленія о Достоевскомъ, какъ о богословѣ, метафизикѣ, философѣ-идеалистѣ, то вы не вынесете его ни изъ сочиненій Достоевскаго, ни, тѣмъ болѣе, изъ книги Мережковскаго.

Нельзя же составить себѣ яснаго понятія по слѣдующей туманной фразѣ.

„Для Толстого свѣтъ смерти является извнѣ, чтобы разрушить жизнь, уничтожить ея краски и формы, для Достоевскаго же этотъ свѣтъ исходитъ извнутри. Свѣтъ смерти и свѣтъ жизни для него суть лучи одного огня, зажженнаго внутри таинственнаго фонаря. Для Толстого существуетъ лишь

вѣчная вражда между жизнью и смертью, Достоевскій же признаетъ лишь ихъ единство".

Вообще Мережковскій чрезвычайно неровенъ. У него есть страницы великаго критика и страницы критика узко-партійнаго и нетерпимаго, страницы почти великаго мыслителя и страницы, гдѣ онъ путается въ теоріяхъ, дѣлается говоруномъ и выдаетъ реторику за философію (порокъ чисто французскій, но котораго, какъ оказывается, не чужды и другія націи).

Однако, несмотря ни на что, его книга является достойной вниманія и я еще разъ повторю: очень можетъ быть, что передъ нами будущій великій критикъ".

II. Какъ надо читать газеты.

„Жоржъ Фонсегривъ написалъ чрезвычайно остроумную книгу по поводу французскихъ газетъ. Прочтя его, теряешь всякую охоту раскрывать какую-либо газету.

Да и въ самомъ дѣлѣ, что хотите вы найти въ газетѣ?

Мысли? Но вѣдь въ газетахъ нѣтъ мыслей, тамъ одни софизмы. Газета основывается вовсе не для просвѣщенія своихъ читателей, но лишь для того, чтобы щекотать ихъ страсти. Въ газетѣ *нѣтъ* мыслей, есть только злоба, мстительность или ненависть, облеченная въ форму якобы мысли.

Вы ищете безпристрастной критики? Но знаете ли вы, что нѣтъ строчки критики въ газетѣ, которая не была бы написана по приказанію, не была бы оплочена какими-нибудь авторами?

Вы хотите политическихъ вѣстей? Послушайте Бисмарка. Онъ при всемъ рейхстагѣ заявилъ, что съ 1865 года покупалъ молчаніе французской прессы о прусскихъ приготовленіяхъ къ войнѣ и затѣмъ, когда все было готово, возбудилъ ея патріотизмъ, переставъ ей платить.

Послушайте Бловица, стараго журналиста и дипломата. Онъ скажетъ, что причина ненависти Франціи къ Англіи кроется въ нежеланіи англійскаго правительства платить хотя бы одну копѣйку французской прессѣ.

Кавуръ скажетъ вамъ, что 80 милліоновъ, розданныхъ имъ европейской прессѣ, помогли ему завершить объединеніе Италіи и т. д.

Можетъ быть вы возлагаете всѣ надежды на статистическія свѣдѣнія? О, съ этимъ не церемонятся! Вотъ вамъ примѣръ. По газетнымъ извѣстіямъ государство хочетъ ассигновать

15 милліоновъ франковъ на пособіе 800000 престарѣлыхъ и нуждающихся работниковъ, причемъ г. Жоресъ сказалъ, а за нимъ повторила *вся* французская пресса, что на долю каждаго работника придется по 60 франковъ. Между тѣмъ, возьмите карандашъ и вы увидите, что на душу едва приходится по 20 франковъ.

Было бы также наивно искать вѣрныхъ и простыхъ разъясненій. Каждая газета передѣлываетъ свѣдѣнія, получаемыя отъ справочныхъ агентствъ, сообразно своей политической окраскѣ.

Никогда одинъ и тотъ же фактъ не будетъ одинаково освѣщенъ въ трехъ газетахъ, будь это даже извѣстіе о раздавленной собакѣ.

И вотъ вамъ заключенія. 1) Не читайте въ газетахъ ни политическаго отдѣла, ни критики, ни хроники, кромѣ хроники происшествій; 2) даже хронику происшествій прочитывайте въ трехъ газетахъ различныхъ направленій. Это потребуетъ у васъ не болѣе 20 минутъ въ день, за то вы будете самымъ освѣдомленнымъ въ Европѣ человѣкомъ".

Д. Людвинскій.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЪ.

Въ Обществѣ для распространенія коммерческихъ знаній.

19 января въ помѣщеніи общества для распространенія коммерческихъ знаній *М. А. Ростовцевъ сдѣлалъ сообщеніе о торговыхъ сношеніяхъ съ Манджуріей.* Командированный съ большими полномочіями обществомъ, докладчикъ въ истекшемъ году изъѣздилъ почти всю Манджурію, подолгу останавливаясь въ главныхъ городахъ ея, и своими наблюденіями надъ туземными жителями, ихъ бытомъ, занятіями и, главнымъ образомъ, торговлей, подѣлился съ присутствующими. Города Манджуріи, какъ извѣстно, замѣчательно похожи другъ на друга, какъ постройками, архитектурой, расположеніемъ улицъ, такъ и своеобразнымъ бытомъ. Въ одномъ изъ главныхъ городовъ ея, Гиринѣ, съ невозможнымъ санитарнымъ устройствомъ, гдѣ по главнымъ улицамъ бродитъ масса собакъ, питающихся всякаго рода отбросами, которые въ голодные годы мѣстные жители сами употребляютъ въ пищу, всѣ привозные товары, имѣющіеся на рынкѣ,—англійскіе, нѣмецкіе, даже французскіе, но только не русскіе. Не только въ Гиринѣ и другихъ большихъ городахъ, какъ Мукденѣ, Цицикарѣ и др., но и во всей Манджуріи не существовало прочныхъ нашихъ торговыхъ сношеній. Производящіяся попытки въ этомъ направленіи со стороны русскаго намѣстника и русско-китайскаго банка, имѣющаго въ Манжуріи 10 отдѣленій, дали пока незначительные результаты. Докладчикъ констатировалъ тотъ фактъ, что до сего времени мы не сдѣлали ничего для завязки торговыхъ сношеній съ туземнымъ населеніемъ. Обширный Манджурскій рынокъ находится всецѣло въ рукахъ англичанъ, американцевъ и отчасти японцевъ, ввозящихъ свои товары черезъ портъ Инкоу и далѣе по рѣкѣ Ляохе до границъ Монголіи, между тѣмъ нашъ портъ Дальній стоитъ пустой. Докладчикъ

особенно подчеркивалъ то обстоятельство, что дѣло вовсе не въ томъ, что иностранные товары лучше и дешевле нашихъ, а въ томъ, что мы не умѣемъ захватить рынокъ. Наша хлопчатобумажная мануфактура, недорогія шерстяныя ткани и металлическія кустарныя издѣлія могли бы себѣ найти обширный рынокъ въ Манджуріи и даже въ цѣломъ Китаѣ, если бы у насъ имѣлась тамъ соотвѣтственная торговая организація. Въ подтвержденіе высказаннаго положенія докладчикъ привелъ данныя о блестящихъ результатахъ по закупкѣ лодзинской и московской мануфактуры китайскими купцами изъ Гирина и Инкоу, по иниціативѣ нынѣшняго намѣстника ген. Алексѣева. Въ февралѣ къ намъ изъ Гирина предполагала пріѣхать новая партія купцовъ и на этотъ разъ для гораздо болѣе серьезныхъ закупокъ. Аккуратность и добросовѣстность китайцевъ въ торговомъ и, вообще, денежномъ отношеніи прямо-таки поразительны: въ производящихъ операціи отдѣленіяхъ русско-китайскаго банка положительно не было замѣчено ни одного случая не только неуплаты, но даже просрочки въ уплатѣ подлежащихъ возвращенію ссудъ. Въ торговлѣ китайцы держатся принципа товарищества; единоличныя предпріятія у нихъ представляютъ исключеніе. Пути сообщенія для перевозки товаровъ сосредоточены, главнымъ образомъ, по рѣкѣ Ляохе, между тѣмъ какъ китайская дорога предназначена для пассажирскаго движенія. Предметами вывоза изъ Манджуріи служатъ хлопокъ, изъ южной части ея—шелкъ, далѣе воскъ, шерсть (изъ Монголіи), кожи и мн. др. товары, эксплоатируемые исключительно англичанами. Ввозъ же русскихъ товаровъ „въ особенности мануфактурныхъ“ безусловно обезпеченъ. Главными препятствіями къ установленію торговыхъ сношеній Россіи съ Манджуріей служитъ плохое знаніе русскими быта китайцевъ, главнымъ же образомъ, ихъ языка. Въ заключеніе г. Ростовцевъ указывалъ на необходимость организаціи въ Манджуріи и Китаѣ торговой агентской службы, въ вѣдѣніе которой желательно бы предоставить передвижную выставку и торгово-промышленный музей. Однимъ изъ важнѣйшихъ препятствій для нашего ознакомленія съ потребностями китайскаго рынка, по словамъ докладчика, является отсутствіе людей, владѣющихъ китайскимъ языкомъ. Присоединяясь къ мнѣнію г. Ростовцева, совѣтъ постановилъ выработать программу начальной коммерческой школы, съ обязательнымъ преподаваніемъ китайскаго и англійскаго языковъ. Совѣтъ войдетъ по этому вопросу съ представленіемъ въ министерство финансовъ и къ намѣстнику. Наиболѣе подходящимъ мѣстомъ для школы признанъ Харбинъ.

Въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ.

16 февраля въ состоявшемся, въ обширномъ залѣ собранія арміи и флота, засѣданіи дѣйствительный членъ географическаго общества, *россійскій вице-консулъ въ Хакодате М. М. Геденштремъ сдѣлалъ сообщеніе „о современномъ положеніи Японіи“*. Громадный залъ былъ совершенно переполненъ; стульевъ не хватило и многимъ пришлось стоять; много публики было и на хорахъ. Сообщеніе свое М. М. Геденштремъ началъ заявленіемъ, что въ настоящее время долгомъ каждаго вѣрноподданнаго является внесеніе посильной лепты въ совокупность знаній, могущихъ послужить къ освѣщенію характера и стремленій нашего врага, его нуждъ и мотивовъ, вызывавшихъ переживаемыя событія, наконецъ, возможныхъ послѣдствій столкновенія. Это и заставляетъ лектора подѣлиться тѣми свѣдѣніями, которыя онъ пріобрѣлъ въ періодъ долголѣтняго пребыванія въ Японіи. Японія—это небольшое сравнительно пространство въ 400 тысячъ квадратныхъ верстъ, занятое 47 милліоннымъ населеніемъ. Въ составъ послѣдняго входятъ 3 милліона китайцевъ, живущихъ преимущественно на островѣ Формозѣ. Разсматривая географическое положеніе Японіи, необходимо имѣть въ виду одно важное обстоятельство: Японія является какъ-бы преградой при выходѣ изъ Портъ-Артура и Владивостока въ Тихій океанъ. Оба порта расположены, какъ извѣстно, не на открытомъ морѣ, а на внутреннихъ. Еще одно обстоятельство: въ японскихъ рукахъ находится островъ Цусима. Это небольшой островокъ, расположенный противъ Мозампо, и въ силу этого, онъ, находясь во враждебныхъ рукахъ, можетъ совершенно уничтожить возможность сообщенія (конечно, со стороны моря) обоихъ портовъ. Переходя къ экономическимъ и финансовымъ вопросамъ, лекторъ указывалъ на бюджетъ Японіи въ 1901 г. (276 милліоновъ рублей) и на значительные размѣры ея внѣшней торговли: 492 милліона въ томъ же году. Самую крупную торговлю съ Японіей ведутъ: Англія, С.-Ам. Соединенные Штаты и Китай. Что касается до Россіи, то предметами торговли съ нею являются, премущественно, рыба и рыбные продукты. Это связано съ питаніемъ японцевъ: главный предметъ ихъ питанія рисъ, но онъ, въ виду страшной истощенности японской почвы, не растетъ безъ искусственнаго удобренія почвы. Лучшимъ же удобрительнымъ средствомъ японцы считали „тукъ“, который изготовляется изъ сельдей. Эти же послѣднія

водятся въ огромномъ количествѣ въ сельдяныхъ промыслахъ Сахалина. Японцы отправляютъ на рыбные промыслы въ наши воды изъ одного только Хакодате болѣе 300 судовъ. Въ нашихъ водахъ японскіе рыбные промышленники беззастѣнчиво ловятъ рыбу, ничего не платя намъ за использованіе рыбныхъ богатствъ или внося совсѣмъ ничтожныя суммы арендаторамъ промысловъ русскаго правительства. Но оказалось, что сельдей недостаточно, и въ подмогу стали употреблять маньжурскіе бобы. И вотъ, какъ сельди, такъ и бобы находятся въ рукахъ русскихъ. Если же мы къ этому добавимъ, что другое важное для японцевъ „блюдо"—особая красная рыба, которую японцамъ приходится раздобывать опять-таки у насъ, то мы получимъ крайне интересную картину полной зависимости Японіи въ отношеніи съѣстныхъ припасовъ отъ Россіи. Японія въ значительной степени живетъ нами. Она безданно и безпошлинно ловитъ у береговъ Пріамурской области, Камчатки и около Сахалина столько рыбы (красной и сельди; послѣдняя необходима для удобренія рисовыхъ полей), что, беря 15% пошлины съ ея объявленной стоимости, японская таможня въ Хакодате получаетъ 2.188,000 рублей въ годъ. Такимъ образомъ цѣнность вылавливаемой ежегодно японцами у нашихъ береговъ рыбы составляетъ приблизительно около 18—20 милліоновъ рублей, ибо очевидно не весь грузъ попадаетъ въ таможенныя вѣдомости. Беря даромъ столько добра отъ насъ, можно было бы быть благодарнымъ. Интересно, что на долю русскихъ промышленниковъ за всю привозимую въ Японію пріамурскую красную рыбу достается всего только 170,000 рублей. Такъ пустыненъ нашъ прибрежный край и такъ мало мы могли фактически помѣшать японцамъ ихъ своевольной добычѣ въ нашихъ водахъ. Фактическаго присмотра ввести мы были не въ состояніи, чѣмъ японцы и пользовались. Изъ Японіи на Сахалинъ и въ Приморскую область отправилось (напр. въ 1900 году) 13,400 японскихъ рыбаковъ, рабочихъ и судовой команды. Повезли всю эту ораву 141 пароходъ и 145 парусныхъ шхунъ. А когда, въ виду варварскаго способа лова японцами рыбы, пріамурскій генералъ-губернаторъ издалъ нѣсколько лѣтъ назадъ новыя рыболовныя правила, то японцы обидѣлись и чуть ли не въ три дня—сообщаетъ г. Геденштремъ—въ японскій парламентъ было внесено и проведено повышеніе пошлины на 50 проц. за ввозимую изъ Россіи рыбу. Такъ какъ, однако, новый законъ билъ по карману только самихъ японцевъ, то онъ, кажется, не былъ приведенъ въ дѣйствіе. Но обидчивость, щепетильность япон-

скую и этотъ маленькій фактъ рисуетъ весьма ярко. Сдѣлать что нибудь на вызовъ, насолить чѣмъ-нибудь непріятелю, хотя бы и въ собственный свой ущербъ, вполнѣ отвѣчаетъ характеру японца. Въ настоящее время раздаются толки по вопросу объ ожидаемомъ нашествіи желтой расы на континентъ. Призракъ желтаго нашествія пустилъ въ обращеніе императоръ Вильгельмъ. Съ его легкой руки, послѣ его извѣстнаго рисунка, заговорила объ этомъ нашествіи вся Европа. Во всякомъ случаѣ, теперь по крайней мѣрѣ, Японія не способна осуществить этотъ призракъ. Японцы всегда были отчаянными вралями въ исторіи и въ политикѣ, всегда готовы были приписывать себѣ все, что можно, для своего возвеличія, но изъ этого не слѣдуетъ необходимости вѣрить ихъ розсказнямъ. Когда читаешь исторію Японіи, то поражаешься свободою, съ какою японцы жонглируютъ цифрами. Одни историки ихъ считаютъ, напримѣръ, существованіе своего государства не менѣе какъ въ 10 тысячъ лѣтъ, вѣроятно на манеръ еврейскихъ лѣтописцевъ, для которыхъ „легіонъ“, „тысяча“ и „тьмы“ были синонимами. Другіе болѣе скромны: даютъ Японіи и ея династіи только $2^1/_2$ тысячи лѣтъ существованія. Тогда, молъ, разные боги сошли на землю, перекроили ее по собственному изволенію и стали царствовать въ Японіи, такъ что „микадо“ явились уже прямыми потомками боговъ. Вранья космогоническаго и миѳологическаго характера въ исторіи Японіи сколько угодно. На дѣлѣ же сколько-нибудь точныя свѣдѣнія о жизни этой страны начинаются не ранѣе VI вѣка послѣ Р. Хр., что конечно значительно умаляетъ японское чванство. Да и въ послѣдующіе періоды исторіи японцамъ нечего было гордиться, сколько они не придумывали разныхъ героевъ, ибо кромѣ самыхъ заурядныхъ ссоръ и сваръ удѣльныхъ владѣтелей, на удѣлы которыхъ de facto распадалась страна, въ ней не случалось ничего примѣчательнаго ни въ какомъ отношеніи. Походы на Корею и въ Китай, по справкамъ въ болѣе точныхъ корейскихъ и китайскихъ источникахъ, оказываются совершенно фантастическими, вымышленными японскими буфонадами. Ни прославляемаго японскими историками похода въ Корею (201 г. по Р. Хр.) императрицы Цзин-го, ни какихъ другихъ походовъ еще болѣе раннихъ, напр., императора Су-цзина вовсе не было. Въ корейскихъ лѣтописяхъ совсѣмъ и не упоминается о нихъ. Признать же корейскіе источники болѣе надежными слѣдуетъ потому, что у корейцевъ, какъ и у китайцевъ, письменность существовала давно, тогда какъ въ Японіи ея вовсе не было до VI вѣка (по Р. Хр.),

когда она именно была принесена туда изъ Кореи. Японцамъ понадобилось сочинять небывалые факты, какъ они сочиняли ихъ и потомъ, или всячески прикрашивали и раздували мелкія событія своей повседневной жизни съ единственною цѣлью прославить себя,—изъ тщеславія, свойственнаго всему малайскому племени и его помѣсямъ. Теперь японскіе журналисты, которыхъ отнюдь нельзя считать цвѣтомъ и безъ того невысокаго по „умственному колеру“ мѣстнаго общества, стали пускать въ ходъ теорію „Азія для азіатцевъ“, притомъ, разумѣется, съ преобладаніемъ и верховнымъ руководствомъ японцевъ, которымъ должно принадлежать и выполненіе такой программы. Кое-кто изъ государственныхъ людей страны „Восходящаго солнца“ тоже исповѣдуетъ эту программу и тоже высказывалъ мысли о томъ, какъ японцы будутъ сражаться за Азію съ Европою на материкѣ. Слѣдовало, однако, понимать, что въ ближайшемъ будущемъ эта Европа обозначала именно только Россію, которую японцы очень опасались, ожидая, что послѣ Манджуріи и Кореи наступитъ и ихъ чередъ. Но въ сущности никто въ Японіи серьезно объ азіатской программѣ и не думаетъ и если такая программа въ Японіи существуетъ,—то ея усвоеніе обществомъ и народомъ можетъ быть только дѣломъ будущаго. Похвастать же ею для устрашенія иностранныхъ публицистовъ всегда можно, пустить ею пыль въ глаза иностранцамъ—тоже можно. Но отъ слова до дѣла огромный шагъ. Японія еще слишкомъ занята своими домашними дѣлами, у нея у самой дома слишкомъ не спокойно и не ладно, чтобы путаться въ чужія дѣла. Она можетъ броситься даже и въ войну, какъ это было сдѣлано въ 1894 г., или теперь съ Россіею, но не секретъ, что китайская война была начата ради отвлеченія недовольныхъ головъ отъ внутреннихъ порядковъ, точно также, какъ, повидимому, и теперешняя война рѣшена была вслѣдствіе полной невозможности правительства противиться грозившей ему анархіи. Полезно хоть немножко разобраться во всѣхъ этихъ пока темныхъ дѣлахъ. Обѣ войны, по крайней мѣрѣ, не были вызваны необходимостью обезпечить себѣ на материкѣ колоніи, хотя бы въ той же Кореѣ, изъ за которой, повидимому, загорѣлся сыръ-боръ. Изъ данныхъ г. Геденштрема мы узнаемъ, что несмотря на сравнительную густоту населенія въ Японіи (117 человѣкъ на квадр. километръ) эмиграція изъ этой страны такъ ничтожна, что общее число японскихъ подданныхъ—мужчинъ, женщинъ и дѣтей—проживающихъ внѣ границъ Японіи, доходитъ едва только до 150 тысячъ человѣкъ. Даже и эмиграціею строго говоря нельзя назвать этотъ выѣздъ за предѣлы страны. Эми-

грацією называется оставленіе отечества навсегда, вслѣдствіе экономическихъ или иныхъ причинъ. Японцы же отлучаются только временно, для заработковъ, на срокъ, обыкновенно, не превышающій трехъ лѣтъ, послѣ которыхъ они обязательно возвращаются домой. Выѣздъ за границу для нихъ—отхожій промыселъ; уѣзжаютъ преимущественно рабочіе. Главный контингентъ этого отхожаго элемента направлялся въ Соединенные Штаты и въ ихъ колоніи, преимущественно на Гавайскіе острова, затѣмъ въ Корею, въ Канаду, Китай, Россію, Австралію и т. д.; Сѣверо-Американскіе Штаты установили рядъ ограниченій для проникновенія на ихъ территорію японцевъ, въ ряду которыхъ наиболѣе существенными являются требованіе денежной состоятельности, въ размѣрѣ, на каждое лицо отъ 180 (Сандвичевы острова) до 240 (С.-Франциско) рублей, и запрещеніе переселяться тѣмъ, кто ѣдетъ на вѣрный заработокъ по заранѣе заключеннымъ контрактамъ. Японское правительство идетъ на встрѣчу ограниченіямъ этимъ: ни одинъ японецъ, даже старикъ, не имѣетъ права выѣхать въ Америку безъ разрѣшенія родителей; выѣзжать могутъ только изъ Іокагамы; возить могутъ только три пароходныя компаніи и каждая ежегодно не болѣе 200 мужчинъ. Канада не стѣсняетъ переселенія; но его запрещаетъ сама Японія. Въ Австраліи, по тщательной провѣркѣ слуха, оказывается, что всякій иностранецъ, желающій тамъ обосноваться, можетъ быть подверженъ экзамену въ знаніи 50 словъ на одномъ изъ иностранныхъ языковъ, при чемъ выборъ словъ и языка зависитъ отъ таможеннаго чиновника. Правительство Японіи не протестуетъ. Всякій японецъ, переселяющійся въ Корею, всегда пользуется нравственной поддержкой, иногда субсидіей; время, проведенное имъ въ Кореѣ, засчитывается ему какъ цензъ по отбыванію воинской повинности, т. е. японецъ, прожившій тамъ три года, освобождается отъ военной службы. Не взирая на это, до послѣдняго времени въ Кореѣ проживало не болѣе 20000 японцевъ. Ограниченій для переселенія въ Приамурскій край не было. Если бы въ Японіи земли было мало, правительство не ограничивало бы само эмиграціи. Много пустующихъ земель на Формозѣ и на Іезо. На послѣднемъ проживаетъ 1 мил., а мѣста хватило бы на 5 милліоновъ. Прежде переселенцевъ на Іезо освобождали отъ воинской повинности и по старой памяти переселеніе продолжается. Но многіе, ошибившись въ разсчетахъ, возвращаются въ старую Японію, гдѣ, стало быть, не такъ тѣсно. Что еще невѣроятнѣе—свободныя, необработанныя земли встрѣчаются даже на самомъ о-вѣ Ниппонѣ, гдѣ, казалось бы, трудно было

ожидать этого. Значитъ, мы имѣемъ дѣло пока не съ напоромъ желтой расы на насъ, а японцы кинулись на насъ по какимъ-то другимъ причинамъ. Какія же это причины? Указанія на это можно найти въ японской печати, гдѣ нѣтъ ни одной статьи, которая, трактуя о Россіи, не оканчивалась бы словами: „помни о Ляодунѣ". Японія начала вооружаться еще въ 1895 году, и вражда ея и злоба противъ насъ особенно усилились съ 1898 года, когда мы взяли Портъ-Артуръ. Второй причиной нужно считать сильно распространенное мнѣніе, что Россія хочетъ взять и совершенно покорить себѣ Японію. Въ данный моментъ, однако, противъ насъ враждебно настроены еще двѣ державы, которыя стараются помочь Японіи, чѣмъ могутъ, и которыя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ натравливали противъ насъ Японію. Державы эти: С.-Американскіе Соединенные Штаты и Англія; для насъ можетъ показаться страннымъ, почему первая изъ нихъ, въ сущности, дружественная намъ нація, такъ яро настраиваетъ японцевъ противъ насъ. Отвѣтъ на это, быть можетъ, дастъ изученіе экономическихъ условій Японіи. Совершенно особый характеръ носятъ торговыя отношенія Японіи съ Америкой, Англіей и Китаемъ. Положеніе иностранцевъ-торговцевъ первыхъ двухъ державъ въ Японіи крайне неблагопріятно. Японцы, какъ народъ умный, желаютъ у европейцевъ только поучиться, а научившись, выгнать ихъ вонъ и самимъ вести свои дѣла. Съ этою цѣлью японцы издали такіе законы для иностранцевъ-торговцевъ, которые даютъ возможность японцамъ командовать ими. Самое главное это то, что иностранцы-торговцы не могутъ владѣть въ Японіи недвижимою собственностью. Очевидно, это ограниченіе лишаетъ иностранцевъ извѣстной гарантіи для ихъ капиталовъ. Съ другой стороны, Японія не настолько сильна въ географическомъ отношеніи, такъ что заставить исполнить требованіе ей нельзя, какъ то сдѣлала Германія съ Венецуэлой. Америка и Англія давно пытаются добиться отмѣны этого закона и нѣкоторыхъ другихъ, но не достигаютъ цѣли, и Японія, изъ чувства самосохраненія, не уничтожаетъ этого закона, иначе, черезъ какихъ нибудь 10 лѣтъ, половина Японіи принадлежала бы иностранцамъ. Поэтому эти два государства больше всего заинтересованы въ ослабленіи Японіи, чтобы она не могла имъ сопротивляться, и поэтому Америка и Англія еще сильнѣе возбуждали Японію противъ Россіи, чѣмъ сама японская печать. Россія въ данномъ случаѣ является лишь мишенью, и если-бы на нашемъ мѣстѣ было другое государство, дѣло обстояло бы одинаково, хотя, конечно, Англіи пріятно, чтобы мы тоже нѣсколько

ослабѣли. Совсѣмъ другой характеръ носитъ японскій товарообмѣнъ съ Китаемъ. По суммѣ онъ меньше, но Японіи приноситъ онъ гораздо больше выгодъ. Въ то время какъ съ Англіей и Америкой торговля увеличилась вдвое, съ Китаемъ она увеличилась въ 6 разъ, причемъ почти вся падаетъ на Манджурію, вѣроятно, потому, что въ Манджуріи японцы нашли суррогатъ, для удобренія: бобы. Какова, однако, психологія японца, какъ гражданина и какъ воина? Японецъ, какъ и китаецъ, а также и другіе представители „желтой" расы, презираетъ смерть, но пока его не охватитъ паника, особенно свойственная желтолицымъ. Четыреста японскихъ ежедневныхъ газетъ съ 1895 г. разжигали вражду въ Россіи въ каждомъ японцѣ и японскомъ солдатѣ. Японецъ, отправляясь на войну, прощается съ семьей, какъ бы не разсчитывая уже ее увидѣть, т. е. идетъ какъ бы заранѣе умереть— это самый сильный стимулъ въ борьбѣ японской арміи съ „нашими" войсками, и въ этомъ смыслѣ съ японцами надо считаться, какъ съ боевой величиной. Физическія свойства японца неважныя. Японскій солдатъ—жидковатъ, онъ слабѣе китайца. Этимъ объясняется, что за японской арміей всегда слѣдуетъ громадный обозъ; въ японской на каждыхъ 20 солдатъ приходится не менѣе 8 носильщиковъ въ обозѣ. Поэтому цифру японской арміи надо считать преувеличенной, такъ какъ въ нее входитъ очевидно и „обозная" прислуга. Вся армія японская раздѣлена на 13 дивизій, по 20 тыс. въ дивизіи (всего 260 тыс.), но эти дивизіи въ сущности представляютъ собой не 20 тыс. „штыковъ", а 20 тыс. „ртовъ", такъ какъ сюда включены и „кули", которыхъ японскіе командиры, въ необходимую минуту, переодѣваютъ въ солдатскую форму, дабы поразить непріятеля численностью, хотя бы и кажущеюся. Сколько ѣстъ японскій солдатъ? Принимая во вниманіе его физическія свойства, надо признать, что онъ ѣстъ не мало. Но главный его недостатокъ, это то, что онъ долженъ получать свою пищу именно въ тотъ часъ, когда онъ привыкъ ее получать: онъ ѣстъ 4—5 разъ въ день въ точные часы. Если же это условіе не соблюдено, онъ сразу ослабѣетъ. Большимъ врагомъ японцевъ явятся нѣкоторыя стороны экономическаго быта. Тутъ есть одна слабая сторона: всѣ ихъ торговыя и промышленныя предпріятія основаны на шаткомъ и несерьезномъ разсчетѣ: максимумъ доходовъ и минимумъ расходовъ. Въ силу этого, кризисъ который неминуемо бываетъ во время всякой войны, на японцахъ отразится гибельнѣе, чѣмъ на всякомъ другомъ народѣ. Ихъ торговый флотъ, въ одинъ милліонъ тоннъ, за исключеніемъ судовъ, зафрахтованныхъ для

перевозки войскъ, будетъ бездѣйствовать и это уже началось. Затѣмъ, населеніе сѣверной Японіи, издавна занимающееся рыбнымъ промысломъ въ Іезо и въ Пріамурскомъ краѣ, лишилось своихъ заработковъ; рабочіе, въ числѣ свыше 150,000, которые въ началѣ января стекаются на промыселъ и получаютъ задатки на рыболовный сезонъ, въ этомъ году ихъ не получатъ. Если уже два года тому назадъ, на сѣверѣ Японіи были случаи голодной смерти, то что будетъ теперь, тѣмъ болѣе, если населеніе не получитъ необходимой ему рыбы, и земля, за недостаткомъ удобренія дастъ неизмѣримо меньшее количество риса. Полагаютъ, что, какъ война была объявлена японскимъ правительствомъ подъ давленіемъ различныхъ воинственно настроенныхъ партій и противъ своего желанія, такъ она должна будетъ и прекратиться подъ угрозой болѣе серьезныхъ причинъ страшнаго экономическаго состоянія страны. Поэтому, если мы будемъ имѣть дѣло только съ японцами, то война должна быть непродолжительна. Однако, немедленно наступающее послѣ окончанія военныхъ дѣйствій время для Россіи не менѣе серьезно, чѣмъ настоящее. Тогда наиболѣе подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія обо всѣхъ точкахъ соприкосновенія Россіи и Японіи и объ экономическомъ и финансовомъ положеніи Японіи пріобрѣтутъ особую цѣну. Установленіе modus vivendi между Россіей и Японіей является работой первостепенной важности, и къ ней нужно подготовиться теперь же. Это будетъ работа тѣмъ болѣе серьезная, что если мы имѣемъ пока дѣло только съ одной Японіей, то тогда мы несомнѣнно будемъ имѣть противъ себя не одну ее. Освѣдомленность о психологическомъ и экономическомъ состояніи страны можетъ имѣть огромное значеніе, когда японцы будутъ просить перемирія: эта освѣдомленность можетъ повліять на то, дать ли перемиріе, и на какихъ условіяхъ. По мнѣнію докладчика, основной принципъ, который долженъ лежать въ отношеніяхъ между европейскимъ государствомъ и азіатскимъ, есть только одинъ: съ одной стороны—предписаніе закона, съ другой—исполненіе его. И это не игра словъ, а основано на психологіи желтой расы. Есть японофилы, которые думаютъ, что желтые способны любить кого бы то ни было, а тѣмъ болѣе европейцевъ. Это—заблужденіе. По отношенію къ европейцамъ, японцамъ доступны только два чувства: или уваженіе, или презрѣніе. И когда мы будемъ подсчитывать итоги войны, важно не увлекаться свойственными намъ великодушіемъ, сантиментальностью и другими чувствами. Нужно знать, на что напирать.

В. Семеновъ.

Въ Харьковскомъ Отдѣлѣ „Русскаго Собранія".

Харьковскій отдѣлъ отмѣтилъ десятилѣтнюю годовщину вступленія на престолъ нынѣ благополучно Царствующаго Государя Императора особымъ засѣданіемъ, состоявшимся въ Коммерческомъ училищѣ 21 октября въ 1 ч. дня.

Передъ молебствіемъ дѣйствительный членъ Отдѣла и проф. Императорскаго Харьковскаго Университета, о. Т. Буткевичъ обратился къ собравшимся съ слѣдующею рѣчью:

Благочестивые слушатели!

„Вчера мы молились Господу Богу въ св. храмахъ объ упокоеніи души усопшаго раба Божія, незабвеннаго Императора Александра III, славнаго носителя идеи истинно-русскаго самодержавнаго Царя, величія, славы и могущества Россіи. Нынѣ мы собрались сюда, чтобы помолиться о здравіи и благоденствіи царствующаго Императора, Николая Александровича. Много скорбей и трудностей встрѣтилъ во время Своего тринадцатилѣтняго царствованія въ Бозѣ почивающій Государь, взошедшій на престолъ, обагренный благородною кровію Его великаго родителя. Но не легкимъ оказалось бремя управленія государствомъ и для нашего здравствующаго Государя. По Его собственнымъ словамъ, крамола въ теченіе всего десятилѣтія мѣшала Ему проводить въ жизнь всѣ возможныя мѣры для возбужденія внутренняго развитія и преуспѣянія нашего отечества. Не предполагая встрѣтить въ юномъ и кроткомъ Государѣ твердости духа и мужества воли Его великаго отца, внутренніе враги нашего отечества почти съ первыхъ дней Его царствованія подняли свою голову и начали мечтать объ осуществленіи своихъ исконныхъ плановъ относительно разрушенія существующаго строя государственной жизни Россіи. Имъ нужны были народныя волненія и безпорядки. И вотъ они прежде всего рѣшили вторгнуться къ мастеровымъ и рабочимъ; кажется, не былъ оставленъ ими ни одинъ заводъ, ни одна фабрика безъ попытки вызвать бунтъ, ропотъ или, по крайней мѣрѣ, волненіе среди служащихъ въ нихъ. Потерпѣвъ неудачу здѣсь, они потомъ бросились въ села, въ простой народъ, чтобы, при помощи обмана, злоупотребляя именемъ любимаго народомъ Царя, поднять крестьянъ противъ землевладѣльцевъ,—подчиненныхъ противъ начальниковъ. Послѣдніе подвиги крамолы—это злодѣйскія покушенія на вѣрныхъ слугъ Царя и гнусныя убійства изъ-за угла.

Космополитизмъ, не сдерживаемый благоразуміемъ, продолжалъ и продолжаетъ по прежнему обезличивать русскаго

человѣка, стирая у легкомысленныхъ всѣ признаки національности,—такъ что нужно уже имѣть особенное мужество, чтобы безбоязненно называть себя русскимъ. Тяжелое время! Еврей дорожитъ своею народностью; французъ любитъ свою Францію, нѣмецъ съ достоинствомъ говоритъ о своемъ фатерландѣ. Одни русскіе только презираютъ свое отечество, критически относятся ко всему истинно-народному, порицаютъ древне-русскіе обычаи и нравы.

Но особенную скорбь нашему Государю причинила, безъ сомнѣнія, война съ Японіею. Нашъ Государь, по природѣ,—человѣкъ кроткій, любящій, добрый. Онъ желалъ бы повсюду видѣть только миръ и благоденствіе. Ему вѣдь принадлежитъ и великая идея гаагской конференціи. Къ сожалѣнію, въ то время, когда мы надѣялись наслаждаться миромъ, отдаленные наши сосѣди, не вѣдающіе ученія Христа, точили на насъ свои мечи, пріобрѣтали пулеметы, устрояли броненосцы. Врагъ этотъ—коварный, хитрый, но сильный и могущественный,—какъ охарактеризовалъ его и самъ Государь нашъ! Но не пробить ему богатырской груди русскаго народа, воодушевляемаго вѣрою въ Бога и преданностію своему Государю!..

Помолимся же Господу Богу, да подастъ Онъ нашему Благочестивѣйшему Государю твердость Давида и мудрость Соломона къ выполненію великой задачи—благополучно вести нашъ народъ по пути внутренняго развитія и побѣдоносно разрушить всѣ козни враговъ его какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ".

Послѣ молебствія и открытія засѣданія былъ трижды исполненъ хоромъ И. М. Туровѣрова народный гимнъ, затѣмъ М. П. Савиновъ прочиталъ стихотвореніе А. С. Хомякова „Россіи", а проф. Я. А. Денисовъ доложилъ нижеслѣдующій докладъ Н. И. Черняева:

„Со временъ Императора Николая Павловича, когда Россія, сокрушившая при Александрѣ Первомъ Наполеона, имѣла такъ долго „полный гордаго довѣрія покой", вошло въ офиціально утвержденное обыкновеніе выражаться объ особѣ Императоровъ и Самодержцевъ Всероссійскихъ такъ:

„Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ".

Мы не будемъ слѣдовать въ своей рѣчи этому обыкновенію. Теперешнее царствованіе отличается широкимъ размахомъ, великими начинаніями и дѣлами, многостороннею и кипучею государственною дѣятельностью, грандіозностью цѣлей, стремленій и задачъ, поставленныхъ Россіи Божественнымъ Промысломъ и Державнымъ Вождемъ Русской Земли, но те-

перешнее царствованіе отнюдь не отличается *покоемъ*, тѣмъ внѣшнимъ, поверхностнымъ и кажущимся покоемъ, въ которомъ будто бы пребывала наша родина всю вторую четверть и въ самомъ началѣ второй половины минувшаго столѣтія. Въ эпохи, подобныя переживаемой нами, въ эпохи переходныя, отмѣченныя поворотами колеса исторіи, не можетъ быть и рѣчи объ общемъ и непрестанномъ благополучіи. Такія эпохи отличаются обыкновенно характеромъ тревожнымъ, сильнымъ умственнымъ броженіемъ, обиліемъ нравственныхъ скитальцевъ, борьбою противоположныхъ началъ. Можно ли говорить о неизмѣнномъ покоѣ и благополучіи въ то время, когда странѣ приходится сводить счеты и съ не отжившими свой вѣкъ скорбями и злобами предшествовавшихъ поколѣній, и съ разрушительными и растлѣвающими вѣяніями германороманскаго міра, который болѣе пятидесяти лѣтъ сряду волнуетъ русское общество,

„Какъ вѣтеръ, свисти въ наши щели".

Можетъ ли быть рѣчь о безмятежномъ покоѣ и благополучіи, когда Верховной Власти приходится одновременно сводить счеты и съ фанатиками, желающими переустроить весь государственный соціальный строй на основаніи выводовъ мятущагося разума, или лучше сказать—необузданной фантазіи, и съ Японіей, фантазирующей на самыя реальныя темы искорененія христіанской цивилизаціи и униженія бѣлой расы?

Нельзя не прибавить къ этому, что крупныя историческія эпохи никогда не отличаются ни безмятежнымъ благополучіемъ, ни безмятежнымъ покоемъ. Онѣ знаменуются, напротивъ, крайнимъ напряженіемъ народныхъ силъ, тяжелыми, или—какъ выражался Петръ Великій,—несносными трудами. Въ такія эпохи государственному кораблю сплошь и рядомъ приходится имѣть дѣло съ бурями, обходить водовороты, пролагать себѣ путь среди подводныхъ скалъ. Современникамъ такихъ эпохъ приходится быть свидѣтелями и наблюдателями крупныхъ и запутанныхъ событій. Имъ часто приходится зорко слѣдить за собою, чтобы не падать духомъ, не теряться, не сходить съ прямого пути въ погонѣ за блуждающими болотными огнями. Вѣчная слава, и невыразимая благодарность потомства тѣмъ историческимъ дѣятелямъ, которые, страдая болѣе другихъ отъ всѣхъ несовершенствъ жизни, служатъ для великаго народа какъ-бы путеводными звѣздами, какъ-бы маяками, разгоняющими власть тьмы во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ! Вѣчная слава и невыразимая благодарность потомства тѣмъ историческимъ дѣятелямъ, которые видятъ грядущее и

бодро направляютъ отечество къ великой, лучезарно-прекрасной, и нерѣдко имъ однимъ вполнѣ ясной цѣли!

Къ такимъ историческимъ дѣятелямъ слѣдуетъ отнести и нашего, воистину Благочестивѣйшаго, Государя, царствующаго съ мудростью, благостью, кротостью, величіемъ и твердостью, напоминающими одновременно и Его Незабвеннаго Родителя, котораго французы сравнивали съ Людовикомъ IX, и милосерднаго Царя-Освободителя.

Чужая душа—потемки, говоритъ пословица. Нужно быть великимъ психологомъ, нужно изучить всѣ тайники человѣческаго сердца, чтобы проникать въ чужую душу и, такъ сказать, отмыкать ее своимъ ключемъ. Особенно трудно дѣлать это съ душами избранными, для постиженія *святая святыхъ* которыхъ нужны совершенно исключительныя условія. Но есть души, столь возвышенныя и кристально-чистыя, что ихъ мягкій, плѣнительный свѣтъ бросается въ глаза каждому, за исключеніемъ развѣ слѣпыхъ и нарочно закрывающихъ глаза, чтобы уклоняться отъ впечатлѣній.

Къ числу такихъ душъ принадлежитъ и нашъ обожаемый Государь. Постараемся же, по мѣрѣ нашихъ слабыхъ силъ, отмѣтить нѣкоторыя особенности сердца и характера Его Императорскаго Величества, насколько онѣ сказались въ Его Державныхъ обращеніяхъ къ народу, въ Его, всѣмъ извѣстныхъ, чертахъ жизни, въ Его рѣчахъ и дѣяніяхъ.

Съ первыхъ же дней восшествія на престолъ наглядно и ярко стало проявляться въ Государѣ Его благоговѣйное отношеніе къ памяти Императора Александра III, котораго Онъ любилъ съ дѣтскихъ лѣтъ нѣжною сыновнею любовью, и передъ которымъ Онъ привыкъ преклоняться, какъ передъ великимъ монархомъ.

Манифестъ *1 января 1896 года* заключалъ въ себѣ трогательное обращеніе къ народу: „Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ... вмѣстѣ съ нами вознести горячую молитву Подателю всѣхъ благъ,... да направитъ Онъ Насъ по стопамъ незабвеннаго Родителя Нашего, Коего жизнь и труды на пользу дорогого отечества останутся для Насъ навсегда свѣтлымъ примѣромъ".

Знаменитая рѣчь Государя Императора, произнесенная 17 января 1895 года къ депутаціямъ, прибывшимъ для поднесенія поздравленій Ихъ Императорскимъ Величествамъ по случаю ихъ бракосочетанія, заканчивалась указаніемъ на завѣты въ Бозѣ почившаго Императора Александра III:

„Пусть всѣ знаютъ, что Я, посвящая всѣ Свои силы

благу народному, буду охранять начало Самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его Мой незабвенный покойный Родитель".

Всѣ русскіе государи были пламенными исповѣдниками Православія, убѣжденными защитниками и сынами Церкви. Эта черта ярко сказывается и въ Императорѣ Николаѣ Александровичѣ. Кто не помнитъ открытія мощей преподобнаго Серафима, чудотворца Саровскаго? Кто не помнитъ дней царскаго говѣнія на страстной недѣлѣ въ нашей первопрестольной столицѣ? Слѣдуя политикѣ широкой вѣротерпимости, Государь вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ всему православному міру примѣръ преданности вселенской истинѣ Православія. Въ царской надписи на правилахъ, выработанныхъ Святѣйшимъ Синодомъ въ 1898 г. о бывшихъ греко-уніатахъ Холмско-Варшавской епархіи, было возвѣщено слѣдующее руководящее начало русской императорской вѣроисповѣдной политики:

„Поляки безвозбранно да чтутъ Господа Бога по латинскому обряду. Русскіе же люди искони были и будутъ православными и, вмѣстѣ съ Царемъ своимъ и Царицей, выше всего чтутъ и любятъ родную Православную Церковь".

Въ этихъ чудныхъ словахъ звучатъ лучшія преданія допетровской Россіи. Они обвѣяны теплою вѣрою тишайшаго царя Алексѣя Михайловича, сопменнаго Наслѣднику Цесаревичу, будущему Императору и Самодержцу Всероссійскому, Алексѣю II.

Одною изъ характерныхъ особенностей Государя является глубокая увѣренность Его Императорскаго Величества въ своей правдѣ и правотѣ, а не въ своемъ правѣ только идти дорогою свободной, слѣдуя внушеніямъ Бога, совѣсти и свободнаго ума.

Достаточно всмотрѣться въ портреты Государя, чтобы убѣдиться, что Его Величество несетъ бремя Самодержавія во исполненіе тяжелаго долга, а не ради честолюбивыхъ и династическихъ цѣлей. У всякаго свой крестъ. Есть свой крестъ и у Властелина шестой части земной суши, и не нужно думать, что этотъ крестъ легокъ только потому, что онъ возложенъ на рамена, прикрытыя порфирой. Исторія всегда будетъ чтить тѣхъ монарховъ, которые несутъ свое величіе съ благостью и самоотверженіемъ, и исторія отмѣтитъ, конечно, въ свое время, что Императоръ Николай II всегда оставался вѣренъ обѣту, данному передъ Богомъ—посвящать всѣ свои силы благу народному.

Пламенная любовь къ Россіи и къ народу сказывалась въ

царствованіи Государя, во всѣхъ Его дѣяніяхъ и словахъ. А сердце сердцу вѣсть даетъ. Любовь зажигаетъ любовь. И всѣ мы еще недавно были свидѣтелями, какъ въ городахъ и селахъ народныя толпы носили портретъ Государя при пѣніи тропаря „Спаси Господи“ и народнаго гимна. А недавно намъ совершенно случайно попалось въ руки письмо одной крестьянской десятилѣтней дѣвочки, написанное Государю въ мартѣ мѣсяцѣ текущаго года и простодушно переданное народной учительницѣ М. І. Любарской для отправки по высокому назначенію. Учительница не рѣшилась исполнить просьбу ребенка и, отославъ ленту своей ученицы вмѣстѣ съ приношеніями ея подругъ въ Красный Крестъ, оставила письмо у себя, а дѣвочкѣ объяснила, что оно, какъ написанное некрасиво и на полулистикѣ почтовой бумаги, не можетъ быть послано Государю Императору.

Письмо это такъ характерно, что мы не можемъ себѣ отказать въ удовольствіи дословно привести его съ сохраненіемъ языка и орѳографіи. Оговоримся предварительно, что титулъ Императорскаго Величества былъ выписанъ дѣвочкою изъ школьной книги для чтенія.

„Ваше Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ. Я хочу послать Вамъ денегъ 10 коп. Я бы Вамъ больше послала, да нѣту. Я молюсь за васъ каждый день чтобы Вамъ Господь послалъ побѣдить враговъ и за вѣсъ Царскій Домъ. Когда носили Вашъ *патретъ* все время плакала мнѣ было жалко Васъ и я спѣвала Боже Царя Храни. Остаюся ученица Райской школы Евфимія Левадная“.

Царь жалѣетъ, т. е. любитъ свой народъ. Неудивительно, что и маленькая крестьянская дѣвочка села Райскаго (Изюмскаго уѣзда Харьковской губерніи) не могла смотрѣть безъ слезъ на „патретъ“ Его Величества. Къ тому же она унаслѣдовала отъ своихъ предковъ любовь къ Царямъ и инстинктивное убѣжденіе, что народъ долженъ жить за одно съ Ними.

Государь обладаетъ тайною привлекать къ себѣ сердца и не величіемъ только своего сана, а своимъ личнымъ обаяніемъ. То, что выражается въ письмѣ Евфиміи Левадной, выражали и чувствовали тысячи и милліоны людей, видѣвшихъ и слышавшихъ Государя и даже знающихъ его лишь по портретамъ и по наслышкѣ. Намъ припоминаются слова молодого артиллерійскаго офицера, разсказывавшаго объ одномъ изъ пріѣздовъ Государя въ Военное училище.

— Меня поразили глаза Государя. Такихъ глазъ я никогда не видѣлъ. Когда онъ смотритъ на васъ, вамъ кажется,

что отъ него не можетъ утаиться ни одна ваша мысль. Смотритъ онъ привѣтливо и какъ бы ободряетъ, а не внушаетъ страха.

Когда въ Петербургѣ было получено извѣстіе о вѣроломномъ нападеніи японцевъ, безъ объявленія войны на наши военныя суда въ ночь подъ 27 января, Государь пріѣхалъ въ морской корпусъ и произнесъ тамъ свою историческую рѣчь, какъ бы дополнявшую манифестъ о войнѣ и произведшую въ мичмана 132 гардемарина.

О чувствѣ, съ какимъ молодые моряки внимали словамъ Государя, можно судить по слѣдующему разсказу одного изъ очевидцевъ этого событія.

„По окончаніи рѣчи залъ огласился, многократно восторженно раздавшимися кликами *ура*, а затѣмъ какъ-то само собою клики *ура* перешли въ пѣніе „Боже, Царя Храни!“

Свидѣтели этихъ историческихъ минутъ не могутъ вспоминать о нихъ безъ слезъ и говорятъ, что умирать будутъ, а не забудутъ взгляда и голоса Государя.

Одинъ гардемаринъ, въ отвѣтъ на поздравленіе съ производствомъ въ офицеры сказалъ: „Что производство?! Я видѣлъ и слышалъ Государя и лучше тѣхъ минутъ, которыя я сейчасъ пережилъ, ужъ ничего въ жизни не можетъ быть“.

И понятно почему. Величіе, соединенное съ благостью и кротостью, могущество, олицетворенное въ лицѣ человѣка во всемъ и лучшемъ значеніи слова, имѣетъ надъ людьми неотразимую силу. И вотъ тутъ-то и надо искать разгадку обожанія, внушаемаго Государемъ народу и войскамъ.

Всѣ русскіе цари и императоры чувствовали себя монархами съ головы до ногъ. Это сказывается и всегда сказывалось и у Государя, призваннаго Провидѣніемъ упрочить за Россіей господствующее положеніе на берегахъ Тихаго океана въ восточной Азіи и дать нашей родинѣ незамерзающіе порты на „Средиземномъ морѣ будущаго“. Всѣ русскіе цари и императоры сознавали и чувствовали себя Монархами „Божьей милостью“. Эта наслѣдственная черта ярко сказывается и въ Николаѣ II. Всѣ мы знаемъ и замѣтили, что Его Императорское Величество не разъ называлъ русскія войска, русскій флотъ и русскую Имперію *своими*: „*Мои* арміи, *Мой* флотъ, *Моя* имперія“. Державные предки Государя не разъ благословляли своихъ подданныхъ, но никогда еще царское благословеніе, благословеніе Отца и Повелителя народа, не давалось при такой торжественно-всенародной обстановкѣ, какъ въ настоящее царствованіе. Объѣздъ страны Государемъ для напутствованія войскъ, уходящихъ на Дальній Востокъ, и бла-

гословеніе колѣнопреклоненныхъ полковъ образами составляетъ своеобразную и многознаменательную особенность, нововведеніе настоящаго царствованія. А какое значеніе имѣетъ для русскаго воина царское благословеніе, видно изъ послѣдней телеграммы нашего истинно русскаго, истинно народнаго и какъ бы легендарнаго героя Анатолія Михайловича Стесселя. Его всеподданнѣйшая телеграмма, защитника-страстотерпца крѣпости Артура, заканчивается такими словами: „Войска по прежнему дерутся героями, несмотря на всѣ труды и лишенія, о чемъ счастливъ донести Вашему Императорскому Величеству. Просимъ благословенія Вашего, Государь, и Матушекъ Царицъ".

Какой глубокій смыслъ получаетъ эта умилительная просьба о Царскомъ благословеніи въ устахъ Вождя, имя котораго окружено ореоломъ неувядаемой славы и гремитъ во всѣхъ концахъ міра, наряду съ именами знаменитѣйшихъ представителей античной доблести!

О чемъ бы ни велась рѣчь въ переживаемое нами время, мысль невольно обращается къ войнѣ, сосредоточивающей на себѣ вниманіе Государя. Его Императорское Величество, очевидно, предъизбранъ Богомъ для спасенія Россіи и всѣхъ христіанскихъ народовъ отъ японскаго паназіатизма и желтой опасности вообще. Еще Наслѣдникомъ Престола Государь совершилъ морское путешествіе на Дальній Востокъ, посѣтивъ попутно Индію. Еще въ юные годы Его Величество не только любовался очаровательными японскими пейзажами и наблюдалъ проявленія японскаго прогресса, но и извѣдалъ на опытѣ японскій фанатизмъ, едва не сдѣлавшись жертвою неожиданнаго и звѣрскаго покушенія. Еще юношей Государь принялъ личное участіе въ закладкѣ Сибирской желѣзной дороги и проѣхалъ изъ конца въ конецъ всю Сибирь. Только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по восшествіи на престолъ Государю пришлось сводить счеты съ Симоносекскимъ договоромъ, угрожавшимъ превратить Японію изъ островной державы въ континентальную. Государь твердо и властно произнесъ свое *veto* и, поддержанный Франціей и Германіей, заставилъ Японію возвратить Китаю Ляодунскій полуостровъ. Государемъ было возвѣщено тогда прямодушно и твердо, что Японія должна навсегда остаться островнымъ государствомъ. Эта политическая аксіома отстаивается Его Величествомъ и въ настоящее время, ибо малѣйшее отступленіе отъ нея угрожало бы Россіи и христіанской культурѣ величайшими бѣдствіями. Государь спасъ Китай отъ конечнаго разгрома, а Маньчжур-

скую династію—отъ паденія. Затѣмъ послѣдовало заарендованіе Портъ-Артура и Квантунской области, окончаніе Сибирской желѣзной дороги, сооруженіе Восточно-Китайской дороги и умиротвореніе имперіи богдохановъ, потрясенной возстаніемъ Большого Кулака. Дѣла Дальняго Востока сами собой стали выдвигаться впередъ. Теперешняя война сроднила съ нимъ всю Россію. Теперь нѣтъ деревни, нѣтъ крестьянина, которые бы не знали, что такое Портъ-Артуръ, не интересовались бы судьбами маньчжурскихъ армій и Тихоокеанскаго флота Его Императорскаго Величества. Сибирь, начавшая пробуждаться отъ долгаго сна еще въ прошлое царствованіе, окончательно ожила, благодаря войнѣ. Колесо исторіи, какъ мы раньше сказали, поворачивается туда, куда направляетъ его Государь, какъ Верховный Вождь всѣхъ силъ нашей родины. И мы должны вѣрить, что, несмотря на всѣ затрудненія, будущее принадлежитъ русскому Двуглавому Орлу, а не японскому Дракону. Мы вѣримъ, что Тотъ, Кто распуталъ, а не разсѣкъ гордіевъ узелъ многовѣковаго критскаго вопроса, приводившаго въ отчаяніе искуснѣйшихъ европейскихъ дипломатовъ; Тотъ, Кто упрочилъ франко-русскій союзъ и добрыя отношенія съ Германіей, а Австро-Венгрію сдѣлалъ союзницей Россіи на Балканскомъ полуостровѣ,—Тотъ предохранитъ Россію отъ Сциллъ и Харибдъ разныхъ международныхъ осложненій и разъ на всегда дастъ ей первенствующее положеніе на азіатскомъ побережьи Тихаго океана.

Еще не такъ давно было признано и подписано нѣкоторыми изъ нашихъ мудрецовъ извѣстнаго пошиба, что наше время есть время будничное и сѣренькое и что въ наши дни возможны только герои безвременья.—И что же? Началась война и въ первый же день ознаменовалась подвигомъ „Варяга“ и „Корейца“, явившимся какъ бы прологомъ къ героической эпопеѣ, озарившей своимъ свѣтомъ многое множество гигантовъ патріотизма, самоотверженія, доблести и беззавѣтной любви къ Престолу и Отечеству. И надъ всѣми надъ ними высится умилительно-кроткій и благостный образъ Царя, воплотившаго въ себѣ лучшія стороны русской народности и Дома Романовыхъ“.

Послѣ прочтенія сообщенія Н. И. Черняева, вызвавшаго рукоплесканія присутствовавшихъ, проф. А. С. Вязигинъ выступилъ съ нижеслѣдующими словами:

„Истекшее десятилѣтіе правленія нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая II въ достаточной степени выяснило руководящія идеи, положенныя Имъ въ основу

царственнаго служенія Россіи и раскрываемыя въ рядѣ Высочайшихъ манифестовъ.

Первое мѣсто между этими обращеніями Царя ко всѣмъ его вѣрноподданнымъ, безспорно, занимаетъ Манифестъ отъ 26 февраля 1903 года, на который обращено нынѣ усиленное вниманіе общества. Здѣсь Императоръ всея Россіи подчеркиваетъ, что Онъ „*изволеніемъ промысла Божія* вступилъ на Прародительскій Престолъ и пріялъ священный обѣтъ *предъ лицемъ Всевышняго и совѣстью Своей*—свято блюсти *вѣковые устои* Державы Россійской и посвятить жизнь свою служенію возлюбленному Отечеству".

Всѣмъ хорошо извѣстно, что главнымъ изъ вѣковыхъ устоевъ исторической жизни нашей Родины было Православіе: оно пріобщило нашихъ предковъ къ міровой культурѣ; оно дало намъ зачатки просвѣщенія и гражданственности; оно насадило и всегда поддерживало государственные порядки; оно избавило насъ отъ тѣхъ религіозныхъ смутъ и потрясеній, какія выпали на долю народовъ Запада, ибо св. Писаніе, живой источникъ вселенской Истины, сдѣлалось доступнымъ всему народу русскому тотчасъ по его обращеніи въ Христіанство. Вѣчные идеалы были поставлены передъ Россіей завѣтами Евангельскими и въ неуклонномъ стремленіи къ ихъ достиженію указанъ смыслъ существованія россійской державы. И вотъ Императоръ Николай II, подобно своимъ предкамъ, подаетъ примѣръ чисто сыновьяго почтенія и уваженія къ Православной Церкви и ея предписаніямъ: онъ свято и неукоснительно соблюдаетъ всѣ обряды церковные и прилагаетъ рачительное попеченіе о внѣдреніи христіанскихъ завѣтовъ въ сердца своихъ многомилліонныхъ подданныхъ. Особое вниманіе Онъ неизмѣнно обращаетъ на воспитаніе юношества въ духѣ религіозно нравственномъ, какъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, его заботы о церковно-приходскихъ школахъ. Онъ желаетъ, чтобъ христіанскія истины сознательно усваивались подростающими поколѣніями, а потому въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній вводится ознакомленіе учащихся съ выводами богословскихъ наукъ. Самая жизнь общественная, по мысли Государя, должна стоять въ тѣсной связи съ приходомъ, бывшимъ нѣкогда основной ячейкой нашего общественнаго строенія: „задачею дальнѣйшаго упорядоченія мѣстнаго быта Манифестъ отъ 26 февраля ставитъ сближеніе общественнаго управленія съ дѣятельностью приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквахъ. Улучшеніе имущественнаго положенія православнаго сельскаго духовенства

признается также необходимымъ для усугубленія плодотворнаго участія священнослужителей въ духовной и *общественной* жизни ихъ паствы". Но наше Отечество имѣетъ милліоны инославныхъ и иновѣрныхъ подданныхъ—всѣмъ имъ по прежнему, „предоставляется свободное отправленіе ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной, тогда какъ православная церковь благоговѣйно почитается первенствующей и господствующей". Государь выражаетъ настойчивое желаніе укрѣпить неуклонное соблюденіе завѣтовъ вѣротерпимости, начертанныхъ въ основныхъ законахъ Имперіи Россійской. И эта просвѣщенная, истинно-христіанская точка зрѣнія проводится въ жизнь. Свѣтская власть не принимаетъ у насъ никакихъ мѣръ противъ гр. Л. Толстого, тогда какъ на просвѣщенномъ западѣ законодательнымъ путемъ затрудняется даже воспитаніе дѣтей на христіанскихъ началахъ: Франція вынесла распятія изъ школъ и воспретила преподаваніе начатковъ вѣры христіанской. Посѣщеніе храмовъ дѣтьми вмѣняется въ преступленіе родителямъ, которые за говѣнье и причащеніе попадаютъ въ особые списки, усердно составляемые массонскими ложами съ цѣлью повредить служебному положенію вѣрующихъ. Всякому ясно, гдѣ торжествуетъ нетерпимость, гдѣ молочное насиліе надъ совѣстью оказывается возведеннымъ въ систему...

Вторымъ устоемъ самостоятельнаго бытія Россійской державы является самодержавіе, идеальная форма чисто нравственныхъ узъ, соединяющихъ въ одно цѣлое Царя и ввѣренные Богомъ его заботамъ народы.

Самодержавіе было для насъ цементомъ, связующимъ разноплеменныя и иновѣрныя части русскаго государства съ его основнымъ ядромъ. Христіанскій Самодержецъ издревле считался воплощеніемъ закона, орудіемъ божественной воли, проводникомъ евангельскихъ указаній въ жизнь человѣческихъ обществъ. Долгій историческій опытъ показалъ, что лучшее будущее можетъ дать только власть, основанная на религіозныхъ вѣрованіяхъ, проникнутая сознаніемъ своей великой отвѣтственности передъ нелицепріятнымъ Судіей, власть, чуждая партійныхъ разсчетовъ, не способная поддаться соблазну подкупа или личной выгоды, опирающаяся на всѣ классы населенія, а не на одну какую либо сословную группу. Такъ понимаетъ свое самодержавное призваніе и Императоръ Николай II, призывая „всѣхъ вѣрноподданныхъ содѣйствовать Ему въ утвержденіи въ семьѣ, школѣ, и общественной жизни нравственныхъ началъ, при которыхъ, подъ сѣнію самодер-

жавной власти только и могутъ развиваться народное благосостояніе и увѣренность каждаго въ прочности его правъ".

Посвящая всѣ свои силы благу народному, нынѣ благополучно царствующій Государь обѣщалъ охранять начало самодержавія также твердо и неуклонно, какъ охранялъ его незабвенный Царь-Миротворецъ Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что самоуправленіе должно прекратить свое существованіе. Только теоретики, воспитавшіе свою мысль на западныхъ началахъ, могутъ утверждать, что Самодержавіе исключаетъ самодѣятельность общества и подавляетъ народную свободу.

Наоборотъ, нашъ Верховный Вождь задумалъ „преобразованіе губернскаго и земскаго управленій для усиленія способовъ непосредственнаго удовлетворенія многообразныхъ нуждъ земской жизни трудами *мѣстныхъ* людей, руководимыхъ сильной и законномѣрной властью, предъ Нимъ строго отвѣтственной". „Съ помощью Божіей и при тѣсномъ единеніи всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества Императоръ Николай II надѣется „исполнить свои помышленія объ усовершенствованіи государственнаго порядка установленіемъ прочнаго строя мѣстной жизни, какъ *главнаго условія* преуспѣянія Россійской Державы на твердыхъ основахъ вѣры, закона и власти".

Стало быть, подобно своимъ великимъ предшественникамъ, христіанскимъ самодержцамъ, Русскій Монархъ желаетъ властвовать надъ свободными, а не надъ рабами, воздавая каждому по справедливости должное. Эта справедливость приводитъ къ возникновенію понятія великой семьи русскаго народа, ибо историческія условія включили въ составъ государства нашего нѣсколько милліоновъ иноплеменниковъ и иновѣрцевъ. Отсюда вытекаетъ необходимость опредѣлить ихъ отношеніе къ намъ-русскимъ.

Въ противоположность западнымъ государствамъ у насъ нѣтъ гоненій на народные языки: во Франціи Комбъ борется съ бретонцами, навязывая имъ суровыми мѣрами языкъ французскій; въ Германіи родители подвергаются карамъ за то, что учатъ своихъ дѣтей молитвамъ на польскомъ языкѣ; законъ воспрещаетъ даже дома членамъ семьи обучать своихъ домашнихъ польской азбукѣ. А у насъ рядомъ съ русскими безвозбранно существуютъ инородческія школы; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ даже вовсе не преподается русскій языкъ! Мѣстные правовые обычаи и законы у насъ остаются неприкосновенными, поскольку ихъ существованіе совмѣстимо съ интересами цѣлаго—съ благомъ всей имперіи и общеимперскими нуждами. Насильственное обрусѣніе, вродѣ онѣмеченія славянъ въ Гер-

маніи, не полагается нашимъ Государемъ въ основу его внутренней политики и всѣмъ открывается возможность добровольнаго и мирнаго сліянія съ господствующей народностью, какъ это было и въ древне-христіанскихъ державахъ Рима и Византіи. Наше же отечество призвано къ продолженію ихъ великой задачи—примиренію общечеловѣческихъ идеаловъ съ національными запросами путемъ мірового служенія заповѣдямъ Христовымъ.

Таже приверженность испытаннымъ старинным способамъ управленія сказывается въ заботахъ о вящемъ укрѣпленіи и развитіи благосостоянія „основныхъ устоевъ русской сельской жизни—помѣстнаго дворянства и крестьянства". Такимъ образомъ, попеченія о духовенствѣ, дворянствѣ и крестьянствѣ, вынесшихъ на своихъ плечахъ многовѣковое историческое служеніе Россіи, по прежнему остаются близкими сердцу Россійскаго Самодержца.

Но Онъ вовсе не является поборникомъ старины во всѣхъ ея проявленіяхъ и противникомъ нововведеній. Онъ неоднократно указываетъ на „возникающія потребности народной жизни", выражаетъ непреклонную рѣшимость *незамедлительно* удовлетворить назрѣвшимъ нуждамъ государственнымъ—передавая, напримѣръ, „предначертанные труды по пересмотру законодательства о сельскомъ состояніи" на мѣста для дальнѣйшей ихъ разработки и согласованія съ мѣстными особенностями въ губернскихъ совѣщаніяхъ при ближайшемъ участіи достойнѣйшихъ дѣятелей, довѣріемъ общественнымъ облеченныхъ". Выходъ изъ общины облегченъ для отдѣльныхъ крестьянъ и приняты мѣры къ отмѣнѣ стѣснительной для крестьянъ круговой поруки; позорное тѣлесное наказаніе, тяготѣвшее на русскихъ крестьянахъ, также уничтожено, ибо оно не соотвѣтствовало измѣнившимся общественнымъ воззрѣніямъ. Новыя условія міровой жизни вызываютъ со стороны Престола усердныя попеченія о русской промышленности и рачительныя заботы объ улучшеніи положенія многочисленнаго рабочаго люда, который въ законодательныхъ предначертаніяхъ находитъ удовлетвореніе важнѣйшихъ изъ своихъ запросовъ. Многочисленные недочеты современной русской школы привлекаютъ особое вниманіе Государя, желающаго дать подростающимъ поколѣніямъ *національное чисто русское* воспитаніе и удовлетворить ясно сознаваемую общественную потребность въ болѣе жизненной постановкѣ учебнаго дѣла. Да и вообще всякая современная нужда встрѣчаетъ въ Царѣ живой откликъ, какъ

свидѣтельствуетъ длинный рядъ правительственныхъ мѣропріятій въ различныхъ областяхъ управленія.

Всякому непредубѣжденному человѣку ясно, что дѣйствительно только сочетаніе глубокой преданности испытаннымъ устоямъ нашей жизни съ стремленіемъ дать удовлетвореніе назрѣвающимъ потребностямъ, только взаимодѣйствіе сильной государственной власти и самоуправляющихся мѣстныхъ учрежденій можетъ вывести наше отечество на торный путь дальнѣйшаго и столь необходимаго развитія и преуспѣянія. Таковы несомнѣнно благія намѣренія нашего Верховнаго Вождя, руководимаго ясными и опредѣленными воззрѣніями на задачи своей дѣятельности. Осуществленіе этихъ благородныхъ намѣреній безусловно привело бы Россію къ вожделѣнному благоденствію.

Но всѣмъ намъ понятно, что всякая политическая программа для своего осуществленія нуждается въ тысячахъ исполнителей и ея успѣхъ не зависитъ исключительно отъ воли одного, хотя бы и могущественнаго работника. Современная дѣйствительность показываетъ, что желанная удача далеко не увѣнчала широкія и благотворныя стремленія нашего Государя. Многіе ищутъ объясненія этого явленія въ бюрократическомъ гнетѣ, сковывающемъ силы, потребныя для творческой работы. Жалобы на средостѣніе, на бюрократію сдѣлались у насъ уже давно по истинѣ общимъ мѣстомъ; чиновничество уже давно служитъ „козломъ отпущенія", и на него сыплются обильнымъ градомъ всевозможныя нареканія и укоризны. Оно де является виновникомъ всѣхъ бѣдъ и за все привлекается къ отвѣту. Полно, такъ ли это? Вѣдь эта стѣна, отдѣляющая Царя отъ народа, состоитъ изъ великаго множества отдѣльныхъ кирпичей—постоянно обновляемыхъ всесильнымъ временемъ. Эта стѣна слагается изъ живыхъ людей, вышедшихъ изъ того же общества, въ немъ живущихъ, вращающихся, работающихъ. Развѣ чиновники не плоть отъ плоти, не кость отъ кости того же общества? Развѣ они не сыны той же общей матери нашей—Россіи? Если у насъ плоха, какъ говорятъ, бюрократія, то это значитъ, что само общество доставляетъ плохой матеріалъ для созданія необходимаго во всякомъ государствѣ механизма.

Откуда у насъ можетъ появиться, увѣренность что тѣ же люди при другихъ порядкахъ, сразу сдѣлаются иными, станутъ лучше, честнѣе, добросовѣстнѣе?

Дѣйствительность безжалостно разбиваетъ эти наивныя мечты, ибо и въ земскихъ и въ городскихъ управленіяхъ поя

рою замѣчаются многочисленные недочеты, происходятъ прямыя злоупотребленія и общественные интересы неоднократно приносятся въ жертву личнымъ выгодамъ. Да и при парламентскомъ строѣ оказываются возможными хищенія Панамы, подкупность депутатовъ и продажность печати, мошенничества, въ родѣ дѣла Терезы Эмберъ или графа Мирбаха; у народовъ, обладающихъ „говорильней", процвѣтаютъ, однако, тайныя и явныя сообщества, смѣющіяся надъ закономъ; вспомнимъ итальянскую Мафію, американскую Тамани Компанію, многочисленные тресты и синдикаты, безпощадно обирающіе потребителей и тратящіе сотни милліоновъ ради обезпеченія избранія соотвѣтствующихъ ихъ цѣлямъ дѣятелей на посты народныхъ представителей или носителей власти въ „конституціонныхъ государствахъ". Своеобразная „бюрократія" сохраняетъ могущество и при представительномъ правленіи, которое близорукіе или слѣпые мечтатели настойчиво выдаютъ за всеисцѣляющее лѣкарство: вѣдь большинство депутатовъ въ сущности блюдетъ собственные интересы, оттираетъ „новыхъ людей", въ теченіе многихъ лѣтъ просиживая свое депутатское кресло, подобно какимъ-либо „канцелярскимъ чиновникамъ". „Депутаты" несомнѣнно образуютъ особую группу въ массѣ населенія и отожествляютъ свои личные или классовые интересы съ интересами народа, сводятъ своекорыстные счеты, покровительствуютъ родственникамъ, берутъ взятки, плохо знаютъ живыя потребности страны, витаютъ въ мірѣ книжныхъ и бумажныхъ построеній, плодятъ запросы и проекты, отстаиваютъ централизацію...

Никто не можетъ отрицать, что бюрократія свила себѣ теплое гнѣздо и въ нашихъ городскихъ и земскихъ управленіяхъ. „Выборные люди" порою очень любятъ изображать изъ себя сановниковъ и получать многотысячные оклады, постоянно увеличиваемые; иные „избранники общества" сводятъ свою дѣятельность къ посѣщенію всѣхъ торжественныхъ обѣдовъ и празднествъ, произнесенію пышныхъ рѣчей и посуловъ, величественному пріему посѣтителей, рѣшеніямъ „по личному усмотрѣнію" и сердитому ворчанію на гласность, изобличающую ихъ промахи и бездарность. Крѣпкою стѣною земская и городская „бюрократія" ограждаетъ для присныхъ доходныя мѣста и образуетъ въ иныхъ случаяхъ чуть не замкнутую касту, съ наслѣдственной передачей прибыльныхъ должностей.

Пора же всѣмъ понять, что рядомъ съ хорошими полезными обществу чиновниками не мало найдется у насъ совер-

шенно непригодныхъ, такъ называемыхъ „общественныхъ дѣятелей!“

Трудно возложить всѣ надежды на общественную самодѣятельность, когда на западѣ, этомъ „образцѣ“ для нашихъ политикановъ, сотни тысячъ избирателей не хотятъ пользоваться своими „правами“, когда „депутаты“ пропускаютъ засѣданія и предоставляютъ вершить все кучкѣ заинтересованныхъ лицъ. У насъ тоже много кричатъ о необходимости штрафами заставить гласныхъ внимательнѣе относиться къ своимъ обязанностямъ и принимать болѣе дѣятельное участіе въ рѣшеніи земскихъ и городскихъ дѣлъ, ибо сколько разъ наши самоуправленія вовлекали своихъ довѣрителей въ невыгодныя сдѣлки, тормозили рѣшеніе неотложныхъ дѣлъ, откровенно благоволили своимъ присным! Хороша общественная потребность въ самоуправленіи, когда *надо* принудительными мѣрами обезпечивать возможность правильнаго дѣйствія выборныхъ учрежденій! Ясно, что сами по себѣ учрежденія безсильны коренным образомъ измѣнить дѣйствительность и степень ихъ пользы опредѣляется качествами отдѣльныхъ лицъ, образующихъ живой организмъ любого института. Вѣдь люди не перемѣняются, ихъ страсти и недостатки не улетучиваются, если они служатъ въ общественныхъ, а не казенныхъ учрежденіяхъ.

Въ мірѣ человѣческихъ отношеній улучшенія не происходятъ словно стихійныя перемѣны: времена года смѣняются въ природѣ правильной чредой, независимо отъ воли человѣка, наоборотъ, свободный починъ, творчество личности, самосознаніе общества опредѣляютъ превратности его судьбы. Вотъ почему въ переживаемое нами смутное время, чреватое опасностями и невзгодами, всѣ искренно желающіе столь необходимыхъ намъ улучшеній должны соединиться возлѣ Престола Самодержавнаго Государя, знаменующаго собой торжество свободной совѣсти христіанина надъ темными происками враждебныхъ силъ.

Монархъ, наслѣдникъ кесарскихъ полномочій, и есть тотъ „слуга Божій“, въ покорности коему для „воздаянія всѣмъ, дѣлающимъ злое“ (Рим. 13, 4), наставляетъ насъ Апостолъ (I Петр. 2, 13). Каждый убѣжденный христіанинъ, какъ воинъ Царя Небеснаго, обязанъ облегчать это противодѣйствіе царящему въ мірѣ злу, памятуя, что зло—явленіе міровое и независящее отъ формы правленія.

Великій поэтъ Гете сдѣлалъ очень вѣрное замѣчаніе, что единственной и глубочайшей темой исторіи міра и человѣка,

темой, которой подчинены всѣ остальныя, остается борьба между невѣріемъ и вѣрой. Борьба эта въ наши дни повсюду принимаетъ все болѣе напряженный характеръ, ибо древніе враги Христа въ современномъ обществѣ занимаютъ очень вліятельное положеніе и пользуются всякими средствами для пріобрѣтенія еще большаго могущества и натиска на христіанскія твердыни. Одной же изъ главныхъ преградъ на пути, ведущемъ плутократовъ къ міровому преобладанію, стоитъ христіанское Самодержавіе.

Здѣсь кроется ключъ къ разумѣнію событій послѣднихъ лѣтъ.

Уже цѣлые десятки годовъ идетъ упорная борьба русскихъ творческихъ началъ съ началами, чуждыми русской жизни, препятствуя общей работѣ по улучшенію народнаго благосостоянія. Непрерывная волна смутъ, покушеній, даже безчеловѣчныхъ убійствъ силится ниспровергнуть Самодержавный Престолъ и помѣшать осуществленію высокаго идеала—единенія Царя съ народомъ. Къ внутреннимъ нестроеніямъ присоединился нынѣ яростный напоръ внѣшнихъ враговъ: хитрые, храбрые японцы выступаютъ исполнителями велѣній международныхъ плутократовъ, а послѣднія событія показали воочію, что у насъ нѣтъ вѣрныхъ друзей и надежныхъ союзниковъ. Мы остались одинокими, ибо вражда къ православной Имперіи всюду дѣятельно насаждалась путемъ всяческихъ клеветъ и наглыхъ измышленій. На нашихъ глазахъ старинный недругъ—коварный Альбіонъ, бряцаетъ оружіемъ за то, что бдительность русскаго флотоводца охранила наши броненосцы отъ наглаго покушенія и тѣмъ разрушила тайные ковы противниковъ, страстно желающихъ спасти слабѣющую Японію, оказавшуюся неспособной ниспровергнуть съ разбѣга русскаго исполина. Это желаніе явственно сказывается въ стремленіи запугать русское общество угрозой новыхъ внѣшнихъ осложненій и внутреннихъ потрясеній. Опять пущены въ ходъ старыя средства: снова злые вороги стараются превратить часть русской молодежи въ союзниковъ изнемогающихъ японцевъ. Вѣдь всякая вѣсть о „непопулярности войны въ Россіи“ или „о требованіи мира“—только увеличиваетъ мужество врага и ослабляетъ мощь нашихъ воиновъ. Самыя тяжелыя, неизлѣчимыя раны наносятъ имъ печальныя вѣсти съ тыла, ибо онѣ причиняютъ глубокую душевную скорбь о Родинѣ, терзаемой внутренними смутами передъ лицомъ вооруженнаго непріятеля. Для побѣды надъ нимъ прежде всего нуженъ бодрый духъ, увѣренность въ прочности домашнихъ порядковъ, въ неколебимомъ *всенародномъ* рѣшеніи наказать дерзкую наглость

японцевъ такъ, чтобъ и другимъ неповадно было лѣзть на Россію съ боемъ. Къ сожалѣнію ради внесенія смуты и по данному вопросу въ народную среду приняты обычныя мѣры виновниками нашихъ внутреннихъ злоключеній.

Наше общество они хотятъ сбить съ правильнаго пути воплями о необходимости немедленнаго мира съ врагомъ, получившимъ уже рядъ тяжкихъ пораненій; нашу молодежь заставляютъ ходить съ флагами по улицамъ съ криками „долой войну", ибо кто повѣритъ, что русскій юноша самъ по себѣ будетъ желать позора своего Отечества и униженія передъ Японіей, равносильнаго признанію своей слабости. Нашъ народъ пытаются отвратить отъ пожертвованій на военныя нужды и въ годину войны, требующей страшнаго напряженія платежныхъ силъ, поднимаютъ вопросъ объ образованіи народнаго фонда для всеобщаго обученія, заранѣе осыпая бранью и угрозами всѣхъ, кто осмѣлится указать на несвоевременность и неосуществимость этой затѣи: всеобщее обученіе потребуетъ сотни милліоновъ, тогда какъ сборы даютъ всего лишь тысячи рублей. Побѣдивъ же Японію, можно употребить военную контрибуцію на образованіе народное и тѣмъ разрѣшить назрѣвшій вопросъ.

Но къ счастью, не такъ легко разрушить инстинктивное стремленіе простыхъ людей, неизмѣнно готовыхъ не мудрствуя лукаво, поддержать свою Родину въ борьбѣ съ врагомъ. Вотъ одинъ краснорѣчивый примѣръ изъ множества подобныхъ: наборщики харьковской губернской типографіи еще на дняхъ отказались отъ празднованія своего годового праздника (17 октября) и внесли свои трудовые гроши на общерусское дѣло, хотя рабочему человѣку такъ потребно отвлеченіе отъ будничной суеты. И это пожертвованіе происходитъ въ тѣ именно дни, когда всюду разбрасываютъ нелѣпыя воззванія и устраиваютъ уличныя демонстраціи. Люди труда, лишенные образованія, даютъ урокъ тѣмъ якобы образованнымъ юношамъ, которые обнаруживаютъ поразительное отсутствіе политическаго воспитанія и общественнаго такта. Это уродливое явленіе въ жизни студенчества требуетъ дружнаго общественнаго осужденія и чисто культурнаго противодѣйствія.

Необходимо всѣмъ воспрянуть духомъ, памятуя, что желанный миръ тѣмъ скорѣе осѣнитъ наше отечество, чѣмъ полнѣе будетъ пораженіе высокомѣрнаго противника. Это единственный выходъ, способный обезпечить намъ безопасность отъ притязаній сосѣдей и пресѣчь надоѣвшія внутреннія неурядицы. Для скорѣйшей же побѣды всѣмъ вѣрноподъ-

данным надлежитъ сплотиться вокругъ своего прирожденнаго и Богомъ вѣнчаннаго Вождя.

Первый примѣръ должны показать члены Русскаго Собранія, если они правильно понимаютъ современное положеніе дѣлъ. На насъ лежитъ сугубый и священный долгъ дать своему Государю сердечный откликъ на царственный призывъ, обращенный ко всѣмъ русскимъ людямъ. Надо рядомъ дѣлъ показать, что въ Россіи не перевелись вѣрноподданные, готовые всячески поддержать своего Самодержца и оправдать Его высокое довѣріе къ общественной самодѣятельности, направленной къ водворенію безсмертныхъ началъ христіанской гражданственности".

Послѣ рѣчи проф. Вязигина, встрѣченной дружнымъ одобреніемъ присутствовавшихъ, на каѳедру взошелъ проф. Я. А. Денисовъ и прочиталъ воодушевленное стихотвореніе Апухтина, изображающее подвиги севастопольцевъ и невольно переносящее мысль къ современному Севастополю—Портъ-Артуру.

Послѣ троекратнаго исполненія народнаго гимна Предсѣдатель Отдѣла, закрывая собраніе, предложилъ повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества выраженія неизмѣнныхъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Это предложеніе было встрѣчено со всеобщимъ сочувствіемъ и совѣтъ уполномоченъ составить соотвѣтствующее привѣтствіе.

П. Жорсовъ.

21-е Октября 1894—1904.

Десять лѣтъ надъ Русью православной
Свѣтъ любви и кротости горитъ...
Десять лѣтъ нашъ Труженикъ Державный
Добрымъ геніемъ надъ ней царитъ.
Десять лѣтъ души его сіянье
Проникаетъ въ глубь сердецъ родныхъ,
Будитъ въ нихъ святыя упованья,
Будитъ чувства благостныя въ нихъ.
Возлюбивъ всѣмъ сердцемъ Русь родную,
Съ ней одною жизнью Онъ живетъ,
Ей всю душу кроткую, благую
Онъ съ любовью жаркой отдаетъ.
Предъ лицемъ всего земного міра
Изъ Царей Онъ первый показалъ,
Что Ему святое благо мира —
Дорогой, завѣтный идеалъ...

* *
*

Но послалъ Всевышній испытанье
Миролюбцу и странѣ родной:
Мирныхъ дней прекрасное сіянье
Омрачилось грозною войной.
Царь и Русь въ великомъ единеньи,
Какъ всегда и вѣря, и любя,
Совершая подвиги терпѣнья,
Взяли крестъ тяжелый на себя.
Каплю крови каждаго солдата
Русь оплакиваетъ вмѣстѣ съ Нимъ...
Вѣритъ Русь и горячо, и свято,
Что врага мы злого побѣдимъ!

* * *

И тогда настанутъ дни иные,
И тогда, окончивъ подвигъ свой,
Въ свѣтлый путь великая Россія
Съ обновленной двинется душой...
Въ этотъ путь Державною Рукою
Свѣтлый Царь отчизну поведетъ:
Трудный бой съ неправдою и тьмою
Въ томъ пути родную землю ждетъ...
Но и въ томъ пути страна родная
Побѣдительницей будетъ вновь:
Духъ ея могучій окрыляя,
Силы дастъ ей Царская любовь

* * *

Смолкни-жъ, брани грозной непогода!
Мира свѣтлаго взойди заря!
Вспыхни въ сердцѣ русскаго народа,
Вспыхни въ сердцѣ Русскаго Царя!
И въ лучахъ зари той чудной ясной
Какъ отъ смерти вставшая любовь,
Идеалъ души Его прекрасной
Воплотится съ дивной силой вновь!..

* * *

Въ этотъ день въ молитвѣ умиленной
Всѣ родныя, русскія сердца
За Отца семьи стомилліонной
Молятъ съ вѣрой теплою Творца,
Чтобъ на радость Онъ душѣ Державной
Создалъ мира свѣтлаго алтарь,
Чтобы съ Русью счастливъ былъ нашъ славный,
Нашъ возлюбленный, нашъ кроткій Царь!

Василій Ивановъ.

ПРОГЛОТИЛЪ.

(Этюдъ съ натуры).

— Чего батьки сумуете?
— Не весело сыну!..

Т. Гр. Шевченко.

„Wir lieben die Menscheit, aber wir lieben nicht den Menschen...“

Крицлера.

Судьба поселила меня на лѣтній отдыхъ, въ небольшой уѣздный городокъ Пыльный Въ немъ имѣются женская гимназія и реальное училище, а слѣдовательно и персоналъ учителей съ директоромъ и директрисою во главѣ. Среди нихъ я неожиданно встрѣтилъ своего стараго товарища по академіи и по Риму, Ксенофонта Петровича Кирсанова. Много лѣтъ назадъ я уѣхалъ изъ Рима, а онъ еще два года долженъ былъ оставаться въ немъ, и мы разстались. И вотъ черезъ полъ вѣка, мы встрѣтились въ этомъ небольшомъ городкѣ, гдѣ онъ былъ преподавателемъ черченія и рисованія въ реальномъ училищѣ, доживая сорокъ шестой годъ своей службы. Первые дни встрѣчи нашей, какъ это и слѣдовало ожидать, прошли незамѣтно, въ воспоминаніяхъ о всемъ прошломъ, когда-то пережитомъ и перечувствованномъ. А затѣмъ, снова сблизившись другъ съ другомъ, мы занялись осмотромъ города и ознакомленіемъ съ жизнью его обывателей. Много смѣшного, достойнаго пера Салтыкова-Щедрина, пришлось мнѣ выслушать отъ своего товарища. Но не меньше, если не больше, разсказалъ онъ мнѣ и грустнаго, навѣвающаго на душу скорбь и уныніе...

Однажды вечернею порою, когда спалъ жаръ и повѣяло прохладой, Кирсановъ повелъ меня за городъ, чтобы познакомить меня съ окрестностями. Шли мы улицами, богатыми пылью, и черезъ полчаса небыстрой ходьбы, были уже за городомъ, гдѣ передъ нами на безграничное пространство открылась степь. И этимъ сухимъ моремъ, полнымъ жизни и плѣнительной дали, нельзя было не любоваться. Степь-красавица раскинулась во всѣ стороны и точно червонымъ золотомъ

блестѣла она подъ лучами заходящаго солнца, шурша своими колосьями, колыхалась и разсыпалась она отъ вечерняго вѣтерка мелкою зыбью въ разныя стороны.

— А что ты скажешь, смотря на этотъ пейзажъ?—спросилъ меня Кирсановъ, усаживаясь на кусокъ придорожнаго камня. Вотъ эта степь,—продолжалъ онъ,—примиряетъ меня со всѣми невзгодами жизни и ради нея я „*остаюсь*“ здѣсь, въ этомъ игрушечномъ городкѣ, навсегда, до могилы... Степь нельзя не любить: она лучше моря, лучше величавой рѣки и могучаго дѣвственнаго лѣса. Зыбью сребристою или сталью зеркальною манятъ моря и рѣки къ себѣ и какъ вѣроломная Сирена напѣваютъ о невѣдомыхъ земляхъ, о царствахъ, гдѣ живутъ счастье и миръ...

Сурово и сумрачно въ лѣсу... Человѣку становится не по себѣ, когда онъ войдя въ глубь лѣса, сознаетъ его безпредѣльность. Таинственность лѣса, невольно развиваетъ въ душѣ недовѣріе и къ нему и къ своимъ силамъ. А степь? Посмотри, она вся открыта, съ простодушіемъ ребенка, съ незапятнанной красотой дѣвушки!.. Степь—это та свобода, это тотъ просторъ, за которые борется человѣкъ: въ степи они для всякаго доступны и всякому свои. Вотъ за что я такъ люблю степь. Лучшаго, чѣмъ она, здѣсь ничего нѣтъ и этимъ мы можемъ закончить свою экскурсію...

Луна полная, багроваго цвѣта уже вышла изъ за горизонта и мы поднялись съ мѣста, чтобы идти домой. Но едва повернули мы назадъ, какъ я увидѣлъ незатѣйливой работы заборъ съ воротами, на аркѣ которыхъ стоялъ небольшихъ размѣровъ крестъ.

— Это что,—спросилъ я у своего товарища, указывая на ворота съ крестомъ.

— Ахъ, я и забылъ тебѣ показать еще городское кладбище. Вотъ оно. Пойдемъ, если хочешь, посмотрѣть для полноты картины нашей небольшой щели.

Мы вошли въ ворота, которыя не смотря на поздній часъ вечера, все еще стояли отпертыми, и передъ нами открылось небольшое поле, часто усѣянное крестами и могилами. Осмотрѣвшись по сторонамъ, я увидалъ, что заборъ съ воротами, служившій оградою для кладбища, былъ только съ лицевой стороны города. Остальныя три стороны были открытыми. Планировки кладбище никакой не имѣло и могилы лѣпились другъ къ другу.

— Почему такъ тѣсно размѣщены могилы?—спросилъ я у сторожа кладбища.

— Щобъ теплишъ було лежаты!—съ свойственнымъ хохлу юморомъ, отвѣтилъ мнѣ сторожъ и притворилъ за нами ворота.

Мы вошли въ глубь кладбища; здѣсь корова паслась съ своимъ теленкомъ среди могилъ, во многихъ мѣстахъ густо заросшихъ травою.

Кирсановъ довелъ меня до оградки, тоже не запертой, въ которой было пять могилъ разныхъ величинъ и три лавочки со столикомъ у каждой. Онъ сѣлъ, приглашая меня занять мѣсто.

— Ну вотъ тебѣ и кладбище нашего города. Извини, если оно не напоминаетъ тебѣ Миланское или Пизанское кладбища, гдѣ на каждомъ шагу мы съ тобою встрѣчали столько чудной работы мраморныхъ статуй! Помнишь-ли—раза три, то я, то ты, очарованные ихъ красотой рѣшались бросить писать пейзажъ и перейти къ станку ваятеля. Вспомни, если забылъ, и о томъ порядкѣ, о той отдѣлкѣ кладбищъ, какіе со всею строгостью, доходящею до педантизма, поддерживаютъ тамъ всюду, охраняя покой тѣхъ, кто послѣ тысячъ невзгодъ и ошибокъ, наконецъ обрѣлъ себѣ вѣчный покой. Сидя здѣсь,—а я часто люблю посѣщать кладбище,—я всегда вспоминаю могилу M-me Стааль. Въ глубинѣ и посрединѣ большой рощи, виденъ камень на ея могилѣ, обнесенный металлической рѣшеткой, на четырехъ углахъ которой, читаешь надпись: „Ma prier: Ne deranger pas mon repos-Staile“. Я не знаю, можно ли съ большею вѣрою отнестись лучше, нагляднѣе къ смерти, какъ къ блаженному отдыху, чѣмъ отнеслась эта сердечная женщина? Здѣсь, другъ мой, да и вообще у насъ на Руси ничего подобнаго не встрѣтишь...

— Я замѣчаю, Ксенофонтъ Петровичъ, что тебя, если не заѣла, то осилила грязная ветошь провинціи и ты, родившись идеалистомъ чистой крови, собираешься умереть пессимистомъ, безъ надеждъ на лучшее. А между тѣмъ посмотри: человѣчество все же не стоитъ, не пятится назадъ, а идетъ впередъ. За послѣднюю четверть XIX вѣка, человѣчество въ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ изумительно подвинулось впередъ. Мы съ каждымъ днемъ покоряемъ и подчиняемъ себѣ природу. Мы уже не рабы ея и хотя и не властелины ея, то равноправные ей и высшіе въ родѣ!

— Да, ты правъ!—отвѣтилъ Кирсановъ. Многіе законы, на основаніи которыхъ движутся и дѣйствуютъ стихійныя силы природы, нами узнаны и если мы не покорили и не подчинили себѣ эти стихійныя силы, то во всякомъ случаѣ мы съумѣли воспользоваться этими законами и улучшить свою

жизнь. Но какую жизнь? Жизнь внѣшнюю, матеріальную. Жизнь высшаго и властнаго животнаго, но не человѣка, задачи жизни котораго совсѣмъ иныя. Мы придумали тысячепудовые молоты, которые посредствомъ пара или электричества послушны намъ, какъ добрыя дѣти. Но мы куемъ ими не мечи на орала, а готовимъ стальныя пушки, брони для кораблей и штыки для ружей. Мы вооружаемся противъ себѣ подобныхъ и, съ радостію рукоплещемъ каждый разъ, когда наука открываетъ намъ новое взрывчатое вещество или газъ, могущій удушить въ одно мгновеніе сотни людей. Мы построили великолѣпныя и обширнѣйшія помѣщенія для всемірныхъ выставокъ; театры, музеи и акваріумы, которые заставляютъ египетскія пирамиды и дворцы Нерона перестать кичиться своимъ величіемъ и сознать превосходство надъ ними нашихъ построекъ. Мы заставили паръ, электричество и свѣтъ солнца работать на насъ, вращать колеса гигантскихъ размѣровъ, приводить въ движеніе цѣлыя фабрики и типографіи. Мы приспособили эти стихійныя силы къ передвиженію какъ насъ самихъ, такъ и тяжестей. Мы, наконецъ, беззавѣтно усиленными трудами науки, открыли и съ достаточной точностью опредѣлили, что такое человѣкъ и какое онъ занимаетъ мѣсто въ природѣ, среди всего животнаго и растительнаго міра. Среди христіанскихъ государствъ, мы уничтожили рабство и провозгласили девизъ христіанства: *„свобода, равенство и братство“*. Мы провозгласили въ широкихъ размѣрахъ идею вѣротерпимости и прекратили гоненія противъ иновѣрцевъ. И среди перечисленныхъ благъ люди родятся, мужаютъ, старѣются и умираютъ подъ тяжелымъ гнетомъ жизни, которая не сдѣлала человѣка счастливымъ, не дала ему испытать свободу и равенство на себѣ, не согрѣла его христіанскою любовью ни въ величественныхъ храмахъ, ни въ музеяхъ и дворцахъ, блещущихъ золотомъ и украшенныхъ художественными произведеніями человѣческаго генія. Страданіямъ нѣтъ конца; и среди моря удовольствій человѣкъ испытываетъ океанъ терзаній...

Да! Все это мы сдѣлали, а въ душѣ остались черствыми, жестокими и равнодушными къ участи другого человѣка. Президентъ Рузвельтъ далъ мѣсто священника одному изъ негровъ, окончившихъ курсъ въ высшей духовной коллегіи и всѣ перестали ходить въ храмъ молиться, требуя, чтобы негръ-священникъ былъ лишенъ своего мѣста. Съ негромъ американецъ не желаетъ ѣхать въ одномъ вагонѣ. Если между негромъ и бѣлымъ возникнетъ ссора, нерѣдко бѣлый убиваетъ негра и судъ обыкновенно оправдываетъ убійцу. Фабрика или

заводъ, не можетъ остановить работу машинъ ни на одинъ часъ ночи, не понеся убытка. И потому человѣкъ, приставленный къ машинамъ фабрики работаетъ не опуская рукъ. Это-ли не рабство?

Каменноугольныя шахты и нефтяныя вышки приносятъ милліоны предпринимателямъ и бросаютъ гроши за трудъ и жизнь производителямъ, которые десятками и сотнями гибнутъ отъ удушливыхъ газовъ и отъ обваловъ въ наскоро устроенныхъ шахтахъ. Несчастный, бѣдный, рабочій людъ, гонимый голодомъ и нуждою изъ отдаленныхъ мѣстъ земли, живетъ въ лачугахъ, напоминающихъ хлѣвы и загоны, и питается впроголодь, скудною пищею. Гдѣ же христіанство и любовь его къ людямъ?

Наука увѣрила насъ, что спасеніе человѣка зависитъ отъ капитала. Мы поклонились ему. Начались походы на доходы. На арену жизни выступили кооперації, ассоціаціи, кампаніи и наконецъ „*тресты*“. Капиталы полились рѣкой; начали появляться милліонеры, которые скоро были отодвинуты въ тѣнь „*милліардерами*“—новое и характерное явленіе для нашего времени. Стоило только узнать, гдѣ живетъ и что имѣетъ какое-либо племя, чтобы начать торговопромышленный, а при затрудненіяхъ и военный походъ на него, во имя сбыта товара, грудами поставляемаго производительностью машинъ и технологіи. А если территорія, на которой жилъ народъ или племя, была обильна природными богатствами, то во имя той же наживы, дѣлался насильственный захватъ и народъ, еще вчера живой и жизнерадостный, *проглатывался* безъ сожалѣнія и стыда. Такъ англичане проглотили буровъ, вмѣстѣ съ ихъ территоріей, богатой алмазами и золотомъ. А какъ бы въ оправданіе свое, эти милліардеры и наемные науськиватели утверждаютъ, прикрываясь Мальтусомъ, что смертность, вызываемая всякой войной, даже необходима, такъ какъ человѣчество слишкомъ разрослось въ своемъ количествѣ и грозитъ заполнить всю нашу планету. Жестокій эгоизмъ человѣка, стремясь обезпечить только за собою достатокъ жизни, поклонился и этому апостолу и началъ открыто проповѣдывать необходимость брака безъ дѣтей. И началось повсемѣстное открытіе притоновъ Скублинскихъ и практики докторовъ Год—овъ [1]), примѣнявшихъ свои познанія не къ облегченію страданій человѣка, а къ проглатыванію дѣтей и ихъ матерей. Теперь человѣкъ, какъ личность отдѣльно взятая, а особенно женщины, даже не вызываетъ къ себѣ сожалѣнія. Да что говорить? Вотъ мы сейчасъ

[1]) См. „Fecondité“, романъ Зола.

съ тобой сидимъ у изголовья одной изъ такихъ жертвъ!—сказалъ Кирсановъ и указалъ мнѣ могилу, которая, какъ роскошный букетъ, выдѣлялась на всемъ кладбищѣ пышно красовавшимися на ней цвѣтами, воспитанными въ теплицахъ.

Могила, на которую указалъ мнѣ мой товарищъ, давно привлекла мое любопытство своимъ свѣжимъ и живымъ букетомъ цвѣтовъ и тщательною уборкою. Не желая перебивать рѣчь словоохотливаго Ксенофонта Петровича, я не спрашивалъ его о ней и теперь былъ очень радъ выслушать его разсказъ.

— Это было три года тому назадъ!—началъ Кирсановъ. Въ женской гимназіи, восемь лѣтъ была въ числѣ моихъ ученицъ очень хорошенькая и кроткая, съ замкнутымъ характеромъ, еврейка Юзика Шмулькевичъ, единственная дочь очень богатаго коммерсанта. Училась Юзика прилежно, хотя и не всегда внимательно относилась къ заданнымъ на домъ письменнымъ работамъ. И странно, когда задавали написать ей сочиненіе на историческую тему, оно всегда выходило у нея хотя и грамотно написаннымъ, но было сухо, неинтересно, протокольно. Когда же сочиненіе было задано на какую-либо поэтическую тему: описать утро, вечеръ или ужинъ крестьянской семьи, она постоянно за такое сочиненіе получала отмѣтку не менѣе четырехъ, а нерѣдко и пять. Это была Миньона, Снѣгурочка, вся сотканная изъ чувства чистаго, безъ примѣси сомнѣній и горечи, чувства радостнаго, живого и неотразимо влекущаго къ себѣ. При этомъ, она была блондинка, что такъ рѣдко встрѣчается среди еврейскихъ семей, съ чистымъ изящно-овальнымъ лицомъ, на которомъ блестѣли тихимъ огонькомъ два голубыхъ глаза, съ правильно выточеннымъ носомъ и съ пышными, кораловыми губами, изъ-за которыхъ выглядывалъ рядъ зубовъ бѣлой кости. По всѣмъ пріемамъ и умѣнію держать себя,—это была аристократка среди еврейскаго населенія нашего городка. Когда ей минулъ семьнадцатый годъ и она перешла въ восьмой классъ, ее называли общей любимицей всей коллегіи учителей. И я не разъ засматривался на это милое созданіе, казавшееся мнѣ далекимъ отъ поклоненія богу Ярилѣ. Съ грустью отходилъ я отъ нея и думалъ и гадалъ о грядущей судьбѣ ея. И мнѣ казалось, что мужу она принесла бы крѣпкую и неизмѣнную любовь, а для дѣтей своихъ была бы разумной и доброй матерью. Но поймутъ ли ее, но оцѣнятъ ли ее мужчины-гешефтмахеры нынѣшняго времени.—Не поставятъ ли ее на ряду съ японской вазой или съ парижской лампой? И эта дѣвушка, какъ тысячи подобныхъ, среди роскошнаго убранства богатой квартиры, сдѣлавшись

женою коммерсанта, войдетъ въ общій составъ вещей и предметовъ гостинной обстановки, сдѣлается едва замѣтною, а потомъ?.. Потомъ мебель обновится, замѣнится болѣе модной, а съ нею заурядъ и она замѣнится молодой субреткой. И мнѣ становилось жаль ее...

Въ реальномъ училищѣ, среди моихъ учениковъ, былъ юноша однихъ лѣтъ съ Юзикой Шмулькевичъ, сынъ бѣдной вдовы мѣщанки, Феклы Галушки, Дорофей Галушка. Учился Дорофей Галушка очень хорошо и его завѣтная мечта была, по окончаніи курса, уѣхать въ Петербургъ и поступить въ одинъ изъ институтовъ практическихъ наукъ. Онъ рисовалъ очень хорошо, особенно удачно справлялся съ натурой и уже въ четырнадцать лѣтъ, въ наброскахъ карандашомъ, проявлялъ способность къ творчеству. Я и теперь убѣжденъ, что пойди онъ по жанровой живописи, изъ него вышелъ бы хорошій художникъ, который внесъ бы въ кружку искусства хорошую новую лепту.

Когда онъ перешелъ въ седьмой классъ и однажды показалъ мнѣ свой набросокъ карандашемъ—еврей и русскій, оба гешефтмахеры, стараются вызвать другъ къ другу довѣріе, но, какъ видно, не достигаютъ этого,—я посовѣтовалъ ему по окончаніи курса ѣхать въ академію художествъ, гдѣ онъ скоро разовьетъ свой талантъ, обѣщающій много хорошаго.

— Вы не первый даете мнѣ такой совѣтъ!—отвѣтилъ мнѣ Дорофей Галушка.—Но я не пойду въ академію художествъ.— Не стоитъ.

— Почему?—съ удивленіемъ спросилъ я его.

— По очень простой причинѣ. На этомъ поприщѣ успѣхъ сомнительный, а трудъ требуетъ большой вдумчивости. Надо жить больше сердцемъ, я этого не люблю...

— А куда же вы думаете поступить?—продолжалъ я допрашивать его.

— Хотѣлъ бы поступить въ технологическій или же въ горный институтъ!—отвѣтилъ онъ.—Если удастся, то пойду по химическому отдѣлу.

— А почему же не по механическому?—сорвалось у меня съ языка.

— Этотъ отдѣлъ легче. Да по химическому отдѣлу и мѣсто найти съ хорошимъ окладомъ жалованья можно скорѣе. Да и капиталъ нажить скорѣе. Одно пивное производство можетъ обогатить человѣка въ три—пять лѣтъ.

— Ну помогай Богъ. А все же жаль, что вы заживо хороните свой талантъ.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь. Я имъ воспользуюсь. Умѣнье рисовать такъ, какъ я рисую, даетъ мнѣ и теперь уже привилегію среди дѣвицъ и дамъ! отвѣтилъ Дорофей съ сознаніемъ своего достоинства.

Ну, подумалъ я, это дѣлецъ, неровня нѣмцу Штольцу, который посѣщалъ Обломова. Дорофей на нѣсколько пядей превзошелъ его. Я зналъ, что онъ, уже съ седьмого класса гимназіи, начиналъ ухаживать за Юзикой, которая съ охотой гуляла съ нимъ и видно было, что онъ ей нравился. Дорофей былъ весьма красивый юноша, брюнетъ съ жесткими и густыми волосами на головѣ, круглой, точно отлитой изъ металла. Сжатыя губы, густыя, сросшіяся брови, носъ съ горбиной и широкими ноздрями, короткіе лопатковидные пальцы съ узлами въ сочлененіяхъ,—все говорило о натурѣ упорной, стойкой, животной и матеріальной.

Его отношеніямъ къ Юзикѣ я не придавалъ никакого значенія потому, что онъ былъ православный, а она была еврейка, единственная дочь въ богатой семьѣ. Немыслимо было думать, чтобы ея отецъ и мать согласились сдѣлать ее православной и выдать замужъ за бѣднаго и неродовитаго русскаго. Но тѣмъ не менѣе Юзика полюбила Дорофея всею силою своей чистой и безхитростной души. Съ каждымъ днемъ, все сильнѣе и сильнѣе сказывались чувства Юзики къ Галушкѣ, и онъ понялъ, что ему нужно было сказать ей рѣшительное и рѣшающее слово: любитъ ли онъ ее настолько, чтобы жениться на ней.

И вотъ, какъ человѣкъ проникнутый до мозга костей практическимъ взглядомъ на жизнь, Дорофей взвѣшиваетъ всѣ находившіяся у него данныя, относящіяся къ рѣшенію этого вопроса, назначаетъ ей свиданіе и, вмѣсто того, чтобы отказаться отъ нея, прямо и чистосердечно сознавшись, что онъ только шутилъ съ нею, только занимался флиртомъ, онъ пускается на увертки. Между ними происходитъ такой разговоръ:

— Я тебя люблю!—говоритъ онъ ей. Но чтожъ изъ этого. И ты и я, мы несчастные страдальцы. Я православный, ты еврейка, а потому, какой же между нами можетъ состояться бракъ? Я не могу перемѣнить свою вѣру, а ты не можешь перейти въ нашу...

— Но ты меня любишь, да?—спросила Дорофея Юзика и ласково посмотрѣла ему въ глаза.

— Да, я люблю тебя!—твердымъ голосомъ отвѣтилъ Дорофей.

— Мнѣ больше ничего не надо!—радостно сказала Юзика

и въ первый разъ обняла его, подаривъ продолжительнымъ поцѣлуемъ.

Этимъ и окончилось ихъ свиданіе. Юзика тотчасъ ушла домой, Дорофей не удерживалъ ее: онъ былъ очень доволенъ собой и своей находчивостью. Ему очень нравилась Юзика; онъ даже любилъ ее; но она не отвѣчала ему своимъ положеніемъ и потому практическій, экономическій взглядъ на жизнь, говорилъ ему, что онъ долженъ ее оставить и стремиться къ своей завѣтной цѣли. А, между тѣмъ, можно ли было лучше, благороднѣй окончить начатый имъ съ нею флиртъ, какъ онъ его окончилъ? Но все же ночь онъ провелъ неспокойно и сожалѣніе о чемъ то потерянномъ гнало отъ него сонъ...

Не спала ночь и Юзика. Она нѣсколько разъ принималась писать Дорофею письмо; но фразы не складывались, мысли толпились въ ея головѣ, вытѣсняя одна другую, перо валилось изъ ея рукъ, а листокъ бумаги, какъ въ пасмурный день, окроплялся ея слезами. Юзика оставляла намѣреніе писать къ нему, поднималась съ своего мѣста и полная грусти, ходила по комнатѣ, отъ угла и до угла, какъ звѣрекъ, выросшій среди степной свободы и внезапно попавшій въ клѣтку. У нея, въ свою очередь, шла борьба и рѣшался вопросъ жизни и смерти. Она любила Дорофея безъ всякой затаенной мысли, безъ всякаго разсчета на что либо, кромѣ взаимности. Счастіе было близко, доступно, возможно, но стѣна, сложенная изъ камня древней Палестины, была высока и непоколебима какъ природная твердыня. И эта стѣна, повергала ее въ отчаяніе. На востокѣ занялась утренняя зоря и радостный лучъ восходящаго солнца, точно надеждою, освѣтилъ ея истомленное безсонною ночью лицо. Юзика подошла къ столу, на которомъ лежали перо и бумага, и сѣла писать письмо. Она была спокойна, на устахъ играла улыбка, а въ голубыхъ глазахъ свѣтилась полная рѣшимость дать вызовъ жизни и идти съ нею на борьбу. Она написала Дорофею: „Доря! Ты мнѣ сказалъ, что мы оба несчастны. Но мы оба любимъ другъ друга. Какого же еще больше нужно счастья? Такъ пойдемъ же смѣло противъ всѣхъ препятствій и завладѣемъ своимъ счастьемъ. Помоги мнѣ найти отца и мать, которые бы дали мнѣ возможность сдѣлаться христіанкой. Я рѣшила это безповоротно. Я перехожу въ вашу вѣру. Завтра увидимся тамъ-же. Твоя Юзика“. Утромъ рано, Дорофей получилъ отъ нея письмо, которое его обрадовало, и онъ быстро одѣлся и пришелъ съ нимъ ко мнѣ, такъ какъ я былъ всегда расположенъ къ нему, а онъ довѣрялъ мнѣ свои тайны.

Ничего не говоря, онъ подалъ мнѣ письмо Юзики.

— Что это?—спросилъ я его, взявъ въ руки письмо.

— Пожалуйста прочтите!—отвѣтилъ онъ.

— Ну, что же? Не правъ ли я былъ, когда говорилъ, что съ этой натурой флиртовать нельзя. Она чувствами не шутитъ. Что же ты думаешь теперь дѣлать?

— Будьте ея отцомъ и найдите для нея мать, я женюсь на ней. Вы знаете: у меня остался только по одному предмету экзаменъ и я по отмѣткамъ долженъ окончить съ отличіемъ.

— Да, да, это я знаю и даже пророчу тебѣ. А за такое прямое и смѣлое рѣшеніе позволь мнѣ поцѣловать тебя.

И мы поцѣловались. Конечно, я тутъ же рѣшилъ, что буду ея отцомъ, а сестра моя—старушка, будетъ ея матерью. Къ ней-то на хуторъ, за полторы версты отъ города, мы отправили Юзю, что-бы оградить ее отъ преслѣдованій фанатиковъ.

Крещеніе она приняла въ одной изъ нашихъ церквей, а духовнымъ отцомъ ея былъ нашъ священникъ отецъ Герасимъ. Не останавливаюсь на подробностяхъ, считаю долгомъ сказать только что Юзя показала себя героиней такой духовной силы, что я и теперь не могу вспомнить о ней безъ глубокаго уваженія.

Тотчасъ же, по окончаніи курса, Дорофей Галушка уѣхалъ къ своей матери, а отъ нея въ Петербургъ, чтобы подать прошеніе въ одинъ изъ институтовъ и, если укажетъ необходимость, держать конкурсный экзаменъ. По благополучномъ окончаніи этого важнаго дѣла, предполагалось отпраздновать свадьбу.

Жизнерадостная и веселая Юзика, по святомъ крещеніи нареченная Наталіей, съ хуторка моей сестры переѣхала жить къ своему духовному отцу, священнику Герасиму Фомичу Протасову, который совмѣстно съ женой своей принялъ ее съ радостью, окруживъ ласкою и участіемъ. Одною изъ побудительныхъ причинъ ея переѣзда въ городъ было сердечное расположеніе и любовь къ ней ея матери, которая потерявъ ее, какъ дочь единственную и любимую, едва не умерла отъ скорби.

Малка Шмульковичъ, мать Юзики-Натальи, украдкою отъ мужа и родныхъ, не переставала посѣщать свою дочь и помогала ей въ снаряженіи приданаго къ предстоящей свадьбѣ. А въ то же время она усердно хлопотала чтобъ примирить отца съ дочерью и тѣмъ обезпечить за нею хотя бы и въ далекомъ будущемъ, нажитый ими большой капиталъ, ради котораго всѣ ихъ родные вели ожесточенную интригу противъ провинившейся Юзики.

Дорофей успѣшно выдержалъ экзаменъ въ технологическій институтъ по химическому отдѣленію. Но въ нашъ городокъ Пыльный онъ не возвращался, оставаясь въ Петербургѣ и сталъ рѣдко писать письма. Наталочка не унывала и только изрѣдка останавливалась на мысли, что ея Доря, быть можетъ, болѣетъ и потому рѣдко пишетъ.

Уже былъ сентябрь въ началѣ и прошли быстро двѣ недѣли въ напрасномъ ожиданіи письма. Наташа не на шутку начинала безпокоиться и тосковать. Она даже порывалась ѣхать въ Петербургъ и начала собираться, но томительнымъ ожиданіямъ пришелъ конецъ: однажды, поздно вечеромъ было получено письмо. Наташа простилась съ отцомъ Герасимомъ и съ матушкой Анастасіей Петровной и ушла въ свою комнату, отказавшись отъ ужина.

Между тѣмъ, какъ я уже сказалъ, мать ея, Малка Моисеевна, не переставала вліять на своего мужа, а ея отца, примиряя его съ дочерью. И, наконецъ, достигла осуществленія своихъ стремленій—отецъ согласился, чтобы дочь его Юзика пришла къ нему съ повинной головой, и онъ все ей проститъ.

Отъ радости, едва дождавшись утра, Малка Моисеевна наскоро одѣтая, съ неубранной головой, почти черезъ весь городъ спѣшила въ домъ отца Герасима, чтобы передать любимой дочери о своемъ успѣхѣ и вмѣстѣ съ нею пойти въ отчій домъ за прощеніемъ и миромъ.

Было еще такъ рано, что, войдя въ домъ священника, Малка Моисеевна застала только отца Герасима вполнѣ одѣтымъ и готовымъ уйти въ церковь. Анастасія Петровна съ кухаркою ушла на базаръ, а двѣ ихъ дочери-подростки только вставали съ постели. Юзика, какъ все еще называла ее мать, спала въ своей комнатѣ и дверь была заперта. Малка Моисеевна, горя нетерпѣніемъ подѣлиться съ нею общею радостью, раза два постучалась къ ней, но отвѣта никакого не было.

Съ базара, съ корзинами нагруженными разною снѣдью, пришла матушка, а за ней пришелъ изъ церкви и отецъ Герасимъ. Но Наташа все еще не вставала и священникъ, выслушавъ радостную вѣсть, рѣшился самъ разбудить ее и началъ стучать въ ея дверь, не церемонясь. Отвѣта все не было. Явилось смутное подозрѣніе о чемъ то неладномъ, и замокъ былъ взломанъ.

Взорамъ всѣхъ представилась потрясающая картина.

Наташа лежала на своей кровати мертвою и съ выраженіемъ застывшей муки на лицѣ. Она отравилась. На столѣ

лежало письмо, полученное ею наканунѣ отъ Дорофея Галушки; а въ концѣ его, ея рукою было написано: „умоляю отца и мать простить меня!“

Что же писалъ Дорофей въ письмѣ своемъ?

Онъ разрубилъ узелъ чистаго чувства однимъ ударомъ топора. Онъ отказался отъ нея. Письмо его было очень длинно. А въ длинныхъ письмахъ всегда короткая правда. Въ письмѣ были отдѣльныя мысли, вырванныя изъ философій Гартмана, Шопенгауэра и Ницше. Въ немъ было все, кромѣ истинъ Христа. И все направлено было къ тому чтобы убѣдить несчастную Наташу, что ихъ бракъ былъ бы безуміемъ съ обѣихъ сторонъ: оба они бѣдны и были-бы обречены нуждою всю жизнь работать не для человѣчества (слышишь?!), а ради насущнаго куска хлѣба для самихъ себя. А это животный, грубый эгоизмъ. „Бѣдность“—заканчиваетъ онъ письмо—*„это зло, сильнѣе и ужаснѣе котораго я ничего не знаю на землѣ“*...

Какъ-бы то ни было, но Наташи не стало,—еще однимъ человѣкомъ съ добрымъ сердцемъ и чистою совѣстью сдѣлалось меньше на землѣ... Однимъ глоткомъ, словно акула, проглотилъ Дорофей Наташу, какъ безъ нужды и разбора, на ходу, эта рыба глотаетъ бутылку, закупоренную и брошенную въ море погибающимъ пловцомъ. И будетъ эта акула всю свою жизнь плавать по житейскому морю съ этой бутылкой. И не прочесть ей никогда, что въ бутылкѣ написано, о какой скорби повѣдано... Добрый отецъ Герасимъ со своей женой похоронили Наташу, какъ христіанку, въ своемъ фамильномъ склепѣ, а мать ея, вотъ уже третій годъ, съ ранней весны и до осени, украшаетъ дорогую ей могилу живыми цвѣтами.

Да одна ли это могила, въ которой погребены страданія и муки жертвъ жрецовъ Ваала? Недавно умеръ Крюгеръ, бывшій президентъ Трансваальской республики, и еще однимъ человѣкомъ, съ истинно христіанской душой, стало меньше на землѣ. Тутъ—неумолимо жестокій фанатизмъ; тамъ—не менѣе жестокій эгоизмъ; а въ третьемъ мѣстѣ—сила милльарда и... „дышитъ произволъ и гибнетъ человѣкъ“...

А гдѣ же „свобода?“ Гдѣ „равенство и братство?“...

Я не знаю другого времени, когда бы люди такъ боялись бѣдности, какъ боятся ея они теперь. Отъ страха предъ ней, они лишаютъ себя чести, совѣсти и даже здраваго смысла. Это болѣзнь времени, которая тяжелымъ гнетомъ ложится на все человѣчество“.

Неужели же, товарищъ, ты хочешь сказать, что наше

время лучше?—спросилъ я Ксенофонта Петровича Кирсанова.

— Нѣтъ, нѣтъ, я этого сказать не хочу! Но... въ комедіи Чехова „Вишневый садъ“, въ послѣднемъ ея дѣйствіи, когда изъ дома все вынесли, увезли, забили окна и ставни и заперли двери, изъ какого то чулана выходитъ на сцену старый слуга, сторожилъ дома.

Толкнулся онъ въ одну дверь, въ другую, все заперто, забито наглухо. И говоритъ онъ въ недоумѣніи самъ себѣ: *„все вынесли, все вывезли, а человѣка и забыли взять“*.

Да! И я хочу сказать: много хорошаго, а съ нимъ и ненужнаго было взято изъ нашего времени молодымъ поколѣніемъ, *а человѣка оно забыло взять*.

А между тѣмъ посмотри, какъ чиста и хороша природа! Посмотри, какими дарами для блага жизни одарила она людскія поколѣнія? Наука и искусство не успѣваютъ изслѣдовать и изучать все, что передъ ними вскрываетъ жизнь. И я не могу не вѣрить, что недалеко то время, когда отойдутъ въ вѣчность жажда къ захвату и жестокое равнодушіе къ судьбѣ ближняго. Забытый имя *человѣкъ* прійдетъ. А пока, грустно жить на землѣ...

В. П. Карповъ.

Изъ записной книжки русскаго монархиста.

(Продолженіе).

CIX.

Природа и источникъ русскаго царелюбія.

3 сентября 1856 года въ Москвѣ состоялся обѣдъ дѣятелей мысли и слова: ученыхъ, писателей и художниковъ. Въ заздравномъ тостѣ за Императора Александра Николаевича, провозглашенномъ Н. В. Павловымъ, было, между прочимъ, сказано:

„Благоговѣйные помыслы о предержащей власти, сохранившей и возвеличившей Россію, есть святой долгъ, налагаемый и оправдываемый самымъ пытливымъ разумомъ; но счастливо время, въ которое долгъ сливается съ желаніемъ сердца; но радостна жизнь, если не разберешь—что велитъ долгъ и что внушаетъ сердце!"

CX.

О монархизмѣ русскихъ евреевъ-талмудистовъ.

Есть ли въ религіи евреевъ-талмудистовъ почва для утвержденія ихъ въ монархическихъ убѣжденіяхъ и привязанностяхъ?

Конечно, ибо еврен-талмудисты чтутъ Ветхій Завѣтъ, слѣдовательно и псалмопѣвца Давида, и мудраго Соломона, и другихъ благочестивыхъ царей древняго Израиля.

11 октября 1903 года въ полтавскомъ молитвенномъ домѣ Ашкеназе мѣстнымъ раввиномъ Е. М. Б. Рабиновичемъ было произнесено слово, напечатанное отдѣльною брошюрою подъ заглавіемъ „Великое значеніе Монарха".

Въ этомъ словѣ, толкующемъ нѣкоторыя мѣста книги Самуила (первая книга Царствъ) и нѣкоторыхъ книгъ Талмуда (Шабата и Ксубота), развивается мысль, что Монархъ есть глава всего народнаго организма, глава всѣхъ и всего въ государствѣ.

„Отъ жизни царя зависитъ и жизнь всѣхъ его подданныхъ, покровительствуемыхъ и защищаемыхъ его величіемъ и милостью; безъ него же они, никоимъ образомъ, не могутъ существовать и благоденствовать. И мудрый Соломонъ сказалъ въ своихъ притчахъ: „въ ликованіи лица царя жизнь", т. е., когда царь ликуетъ и благоденствуетъ, тогда и жизнь для всѣхъ его подданныхъ. Слѣдовательно, когда Богъ даетъ жизнь царю, онъ не только ему, а всему его государству даетъ жизнь и счастье".

Слово г. Рабиновича заслуживаетъ вниманія, какъ одинъ изъ первыхъ опытовъ распространенія русскаго монархизма среди нашихъ евреевъ-талмудистовъ.. Русскіе евреи, входящіе въ составъ „Великой Семьи Русскихъ Императоровъ", должны и могутъ быть вѣрными подданными Его Императорскаго Величества не только за страхъ, но и за совѣсть. На раввинахъ лежитъ священная обязанность содѣйствовать политическому воспитанію ихъ единовѣрцевъ въ духѣ Русскаго Самодержавія.

CXI.

Изъ рѣчей по поводу открытія памятника Екатерины II въ Вильнѣ.

10 сентября 1904 г. на парадномъ завтракѣ у министра внутреннихъ дѣлъ, князя Святополкъ-Мирскаго, въ Вильнѣ, въ день открытія памятника Императрицѣ Екатеринѣ II, генералъ Е. В. Богдановичъ произнесъ рѣчь объ историческомъ значеніи блестящаго царствованія Великой Государыни. Эта рѣчь заканчивалась слѣдующими словами:

„Екатерина II никогда не упускала изъ виду, что бразды правленія надо держать твердою рукой, что въ дѣлахъ правленія надо строго считаться съ условіями, въ которыхъ живетъ страна.

„Когда знаменитый Вольтеръ торопилъ Екатерину поскорѣе сочинить законы для Россіи, она написала ему изъ Казани слѣдующія строки: „Вѣдь это особый цѣлый міръ, надобно его создать, сплотить, охранять; подумайте только, что мои законы должны служить и для Европы, и для Азіи; какое различіе климата, жителей, привычекъ, понятій. Я теперь вижу все своими глазами. Необходимо каждому сшить пригодное платье; легко положить общія начала, но частности, подробности, и какія подробности!".

„Скажу словами поэта: „живи, живи, Екатерина, въ безсмертной памяти народа твоего!".

„Вѣчная память Великой Екатеринѣ мудрой матери Отечества".

„Слава и многія, многія лѣта Царственному Правнуку Великой Монархини, возлюбленному Государю Нашему, Верховному Вождю русскихъ силъ, *ура*!"

Верховный Вождь русскихъ силъ—какое мѣткое выраженіе! Да, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій есть не только Верховный Вождь сухопутныхъ и морскихъ войскъ Россіи, не только ея Верховный Хозяинъ, Законодатель, Правитель и Судья, но и Верховный Вождь всѣхъ ея производительныхъ силъ, какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ, какъ умственныхъ, такъ и нравственныхъ... Таковъ духъ Русскаго Самодержавія, руководящаго судьбами всего населенія Имперіи, которое Александръ II называлъ „великою семьею русскихъ императоровъ", а высочайшій манифестъ 11-го августа 1904 г. назвалъ „великою семьею русскаго народа". Великая Семья Россійскихъ Императоровъ и русскаго народа—это то самое, что называла Екатерина II въ письмѣ къ Вольтеру „цѣлымъ міромъ". Громадная Россія съ ея громаднымъ населеніемъ составляетъ дѣйствительно не только Великую Имперію, но и какъ бы отдѣльную часть свѣта—*Русскій міръ*.

„*Верховный Вождь всѣхъ русскихъ силъ*"—такое же удачное и глубокое по мысли выраженіе, какъ и эпитетъ: „Король англійскихъ сердецъ". Такъ называетъ англійскаго короля въ романѣ Вальтера Скотта *Вудстокъ* благородный и самоотверженный роялистъ, серъ Генрихъ Лее.

Всѣ русскіе государи были воистину не только верховными вождями всѣхъ русскихъ, силъ, но и обладателями всѣхъ русскихъ сердецъ.

Нельзя не отмѣтить еще одного мѣткаго выраженія, сказаннаго въ Вильнѣ на другой день послѣ открытія памятника Ектеринѣ II.

Князь П. Д. Святополкъ-Мирскій, только что назначенный передъ тѣмъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ одной изъ своихъ рѣчей замѣтилъ:

„Я буду стоять отнынѣ у самаго источника справедливости—Государя Императора".

Въ этихъ словахъ отразилась чисто русская точка зрѣнія на Самодержавіе.

Русскіе люди всегда видѣли въ своихъ Государяхъ не только источникъ власти, но и источникъ справедливости, гармоническое сочетаніе силы и правды и вмѣстѣ съ тѣмъ его олицетвореніе.

CXII.

„Боже, Царя храни“ въ Японіи въ 1853 году.

Японцы теперь считаютъ себя военной державой, а вотъ разсказъ знаменитаго автора „Фрегата Паллады“ И. А. Гончарова о томъ впечатлѣніи которое производило на нихъ въ 1853 году наглядное символическое проявленіе русской государственной идеи:

„9-го сентября. День рожденія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича. Когда, послѣ молебна, стали садиться на шлюпки, въ эту минуту по свистку взвились къ верху по снастямъ свернутые флаги, и люди побѣжали по реямъ, лишь только русскій флагъ появился на адмиральскомъ катерѣ. Едва катеръ тронулся съ мѣста, флаги всѣхъ націй мгновенно развернулись на обоихъ судахъ и ярко запестрѣли на солнцѣ. Вмѣстѣ съ гимномъ „*Боже, Царя храни*“, грянуло троекратное *ура*. Всѣ бывшіе на шлюпкахъ японцы, человѣкъ до пятисотъ, на минуту оцѣпенѣли, потомъ, въ свою очередь, единодушно огласили воздухъ крикомъ изумленія и восторга“ (Полное собраніе сочиненій Гончарова, изд. Маркса, VI, 48).

Этотъ эпизодъ любопытенъ, какъ художественный отчетъ объ одномъ изъ первыхъ исполненій русскаго гимна въ странѣ, недавно отчужденной отъ всего міра, а теперь кичащейся своимъ прогрессомъ.

CXIII.

Монархизмъ у одного изъ героевъ г-на Скитальца.

Герой повѣсти „Сквозь строй“, испытавшій столько горя и враждебно относящійся къ богатымъ и вообще матеріально обезпеченнымъ людямъ, съ восторгомъ поетъ о Стенькѣ Разинѣ и его разбойничьей удали, слѣдовательно, не могъ бы, казалось, особенно сочувствовать монархическимъ началамъ. Но онъ былъ русскій и его мысль часто обращалась къ Царю и къ Царскому Дворцу. Авторъ въ одномъ мѣстѣ влагаетъ въ уста сына своего героя такія слова:

„Онъ (отецъ) описывалъ жизнь царя съ такимъ обиліемъ подробностей и съ такимъ видомъ, какъ будто самъ былъ развѣнчаннымъ царемъ. Онъ описывалъ царское бѣлье, царское купанье, весь день царя, его занятія и, наконецъ, спальню съ высокой золотой кроватью подъ краснымъ балдахиномъ изъ

бархата и острымъ мечемъ, который виситъ на тонкой ниточкѣ надъ головой царя"... [1])

Чѣмъ объясняется этотъ послѣдній образъ,—тѣмъ-ли, что разговоры о царѣ происходили во времена крамолы эпохи Императора Александра II, или вліяніемъ воззрѣній, съ такою силой и красотой выраженныхъ въ „Ричардѣ II" Шекспира (III, 2), въ монологѣ несчастнаго короля, восклицающаго

Смерть царствуетъ въ коронѣ королей!—

авторъ не объясняетъ. Можно допустить и то и другое предположеніе и даже оба сразу. Они не исключаютъ одинъ другого.

Можно отмѣтить еще одно проявленіе монархизма у героевъ Скитальца.

Въ разсказѣ „За тюремной стѣной" арестантъ-богатырь, ведущій ожесточенную борьбу съ острожнымъ начальствомъ произноситъ въ пылу азарта такую тираду, хвастовство которой, несмотря на всю его несообразность, чрезвычайно характерна:

— Въ тюрьму посадить хотите? Да рази это мыслимо, чтобы вольнаго человѣка лишить свободы? А? Накося, что выдумали! Ну, не на того напали! Меня вездѣ по всей Рассеѣ знаютъ! *Меня самъ великій князь знаетъ*, и прокуроръ святѣйшаго Правительствующаго Синода знаетъ! Только попробуйте посадить! Я въ московской тюрьмѣ изъ окна рѣшетку выломилъ и у васъ выломлю! Я въ Петербургѣ дворцовую стражу всю разогналъ, а не токмо, что васъ! И мнѣ за это ничего не было, только патретъ съ меня сняли, да еще денегъ на дорогу дали! Вы со мной не шутите! Отпирайте, што-ль!.. [1])

CXIV.

Задачи русской политики на Азіатскомъ Востокѣ.

„Престижъ русскаго имени и имени Бѣлаго Царя на всемъ Азіатскомъ Востокѣ былъ до сихъ поръ не только лучшею нашею защитою, но и неотразимо могучею притягательною силою для азіатскихъ народовъ. Сохранить этотъ престижъ—наша непреложная обязанность, какихъ бы жертвъ и усилій это не потребовало отъ насъ". (Новое Время, 1904 г. № 10 мая).

CXV.

Русское Самодержавіе, съ точки зрѣнія нашихъ предковъ XVII вѣка.

Какъ извѣстно, первая попытка точно опредѣлить сущность Русскаго Самодержавія была сдѣлана Петромъ I (30

[1]) Скиталецъ, *Разсказы и пѣсни*, I, изд. 4-ое, стр. 29.
[1]) Тамъ же, стр. 263—264.

марта 1716 года, Воинскій Уставъ, Артикулъ 20, Толкованіе). До Петра въ памятникахъ нашего законодательства не говорилось ни слова о значеніи Царской власти вообще. О немъ не говорилось и въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича.

„Когда русскіе послы временъ Алексѣя Михайловича, ѣздили на Западъ, они давали иногда поясненія объ этомъ предметѣ на запросы европейскихъ дипломатовъ. Такъ, въ 1673 г. маіоръ Павелъ Менезіусъ, пріѣзжавшій въ Римъ, былъ спрошенъ іезуитомъ, по порученію папы Климента X: что есть Царь? Онъ отвѣчалъ: „Что есть именуется папа и цесарь римскій, и султанъ турецкій, и шахъ персидскій, и ханъ крымскій, и монголъ индійскій, и претіакъ абиссинскій, и зерефъ арабскій, и колмакъ булгарскій, и деспотъ пелопонейскій, и калифъ вавилонскій и иные, тако же именуется по словенскому нарѣчію: царь россійскій“ [1]). Это неумѣнье опредѣлить понятіе, соединявшееся со словомъ царь, иначе, какъ посредствомъ примѣровъ, лучше всего характеризуетъ взглядъ русскихъ людей XVII вѣка на политическій бытъ своей страны. Взглядъ же самого московскаго правительства выразился въ извѣстной грамотѣ опальному князю Хворостинину, который не устоялъ въ эпоху смутъ передъ иноземнымъ вліяніемъ, присталъ къ польскимъ и латинскимъ попамъ, произносилъ и писалъ многія укоризны и хульныя слова про московскихъ людей, думая отъѣхать въ Литву (Нилъ Поповъ, *В. Н. Татищевъ и его время*, стр. 74).

Князь Хворостининъ называлъ Михаила Ѳеодоровича деспотомъ, придавая слову *деспотъ* (владыка) не буквальный, а переносный смыслъ тирана, въ какомъ оно и нынѣ употребляется. Московское же правительство не поняло, что хотѣлъ сказать либералъ XVII вѣка, и усмотрѣло въ употребляемомъ имъ выраженіи лишь „умаленіе“ Государева титула, почему и разъяснило весьма простодушно, что онъ не долженъ былъ именовать Царя, Великаго Князя и Самодержца деспотомъ, такъ какъ титулъ деспота ниже царскаго титула. Тѣмъ и кончилось это дѣло объ „оскорбленіи Величества“. Князь Хворостининъ, конечно, не отдѣлался бы такъ дешево, еслибы московскіе бояре и думные дьяки догадались, къ чему онъ клонилъ свои рѣчи.

CXVI.

Слово Царь въ соединеніи съ другими словами.

Всѣмъ извѣстны слова: Царьградъ, царь-колоколъ, царь-пушка. Въ четвертой главѣ („Царь Государь“) книги А. А.

[1]) II. дипл. сп., т. IV, стр. 1053.

Коринфскаго „Народная Русь“ объ обыкновеніи русскихъ людей соединять представленіе обо всемъ грандіозномъ съ представленіемъ о Царѣ говорится:

„Древнія грамоты не даромъ именовали русскій народъ царелюбивымъ: онъ относитъ слово „царь“ ко всему наиболѣе величественному въ природѣ, съ которою онъ связанъ, какъ со своимъ надёжею-царемъ, всею своею жизнью. Такъ, напримѣръ, огонь и вода—двѣ главныя силы могучей природы. Русскій народъ говоритъ: „царь-огонь“, „царица-водица“... Могущественнѣйшій между птицами орелъ, по народному крылатому слову—„царь-птица“, сильнѣйшій между звѣрями левъ—„царь-звѣрь“, прекраснѣйшій представитель цвѣточнаго царства розанъ—„царь-цвѣтъ“. Идетъ изъ народныхъ устъ слово и о „царь-травѣ“, и о „царь-землѣ“, и о „царь-камнѣ“. Прославленная русскими сказками всѣмъ красавицамъ красавица слыла „царь-дѣвицей“. Очевидно, это всеобъемлющее слово на такой недосягаемой высотѣ высокой стоитъ въ понятіи народа-пахаря, что ярче его нѣтъ въ народномъ словарѣ никакого прислова. Даже лучшая пѣсня слыла на Святой Руси „пѣсней *царскою*, умильною“.

Въ 74-мъ полутомѣ „Энциклопедическаго словаря“ Брокгауза-Ефрона изъ только что приведенныхъ словъ упоминается: Царь-градъ, царь-грибъ, царь-дѣвица, царь-колоколъ, царь-пушка, царь-трава.

„Царь грибъ (Sparassis ramosa, Schröt)—гименіальный грибъ изъ группы Clavariaceae, очень большихъ размѣровъ (до 40 стм.).

„Царь-трава—народное названіе многихъ травянистыхъ растеній, поражающихъ своею величиной, напр. борца (Aconitum), будяка (Carduus), татарника (Cirsium), наперстянка (Digitalis), бѣлокопытника (Petasites vulgaris) и др., или красотою цвѣтовъ, напр. башмачка (Cypripedium Macranthum) и др. орхидей, или необычайнымъ видомъ, напр. петровъ крестъ (Lathraea squamaria)“.

CXVII.

Теорія власти о. Андрея Прокоповича.

Фактъ общеизвѣстный, что наше духовенство было проводникомъ монархическихъ началъ въ сознаніе народа. Остановимся въ видѣ примѣра на „Поучительныхъ Словахъ“ „харьковскаго катедральнаго протоіерея“, Андрея Прокоповича. Эти „Слова“, напечатанныя въ Москвѣ въ 1803 году, если кому и извѣстны, да и то по одному названію, такъ развѣ

только записнымъ библіографамъ, а, между тѣмъ, они выясняютъ существо нашей формы правленія гораздо лучше, чѣмъ нѣкоторые современные намъ курсы государственнаго права. Въ книгѣ Прокоповича помѣщено всего 45 проповѣдей и въ цѣломъ рядѣ ихъ говорится о государственной власти вообще и о власти русскихъ монарховъ въ частности (№№ 8, 10, 14, 16, 17, 20, 21, 41). Для проповѣдей религіозно-политическаго содержанія Прокоповичъ пользовался обыкновенно царскими днями: днями коронованія, восшествія на престолъ, тезоименитства Высочайшихъ Особъ, обнародованія милостивыхъ манифестовъ и т. д. Первое слово политическаго содержанія было произнесено 22 сентября 1787 г, послѣднее 12 марта 1802 г. Такимъ образомъ „харьковскій каѳедральный протоіерей" около 25 лѣтъ проповѣдывалъ христіанское ученіе о власти. Онъ проповѣдывалъ его въ продолженіе трехъ царствованій. Большая часть проповѣдей была произнесена при Екатеринѣ II.

Первое слово Прокоповича было сказано—на текстъ „воздадите Кесарево Кесарю и Божіе Богу"—о томъ, что, почитая царскую власть, мы тѣмъ самымъ почитаемъ и Бога, ее утвердившаго.

Неизбѣжность государства и благодѣтельное значеніе монархическаго принципа А. Прокоповичъ доказывалъ такъ:

„Различіе склонностей и мнѣній отдѣльныхъ лицъ можетъ быть приводимо въ единство только единою волею, которая, будучи зависима отъ Бога, покоряла бы разныя воли и управляла бы умами другихъ людей. Нужна воля, которая заставляла бы всѣхъ къ одному стремиться, одного желать и въ одномъ основаніи полагать свое благополучіе".

Прокоповичъ уподоблялъ монархическій принципъ основанію и подпорамъ, на которыхъ держится все зданіе. „Уничтожь основаніе, потряси столбы, отыми подпоры,—не потрясется ли зданіе, не падетъ ли на поруганіе всякому проходящему? Загради начала источниковъ, что будетъ рѣка, какъ не играющій отрокъ? Нуженъ искусный человѣкъ, могущій привести все сіе въ надлежащій порядокъ... Верховный Міроправитель предизбираетъ для сего государя прежде рожденія его.

„Творя судъ и поддерживая порядокъ, защищая слабыхъ отъ притѣсненій сильныхъ, карая злыхъ и награждая добрыхъ, Государь, какъ орудіе Божіе, изливаетъ на государство великія благодѣянія. Вотъ почему и слѣдуетъ оказывать Помазаннику Божію почтеніе и повиновеніе".

Прокоповичъ яркими чертами изображалъ послѣдствія паденія Верховной власти. Безъ нея все должно придти въ раз-

стройство и сдѣлаться жертвою междоусобія и внѣшнихъ враговъ. Поэтому онъ и призывалъ своихъ слушателей радоваться о Царѣ своемъ и особенно часто останавливался на пользѣ, происходящей отъ правленія государей. „Слово Божіе ничему болѣе не приписываетъ бѣдствія израильскаго народа, какъ безначалію: въ тыя дни несчастья не бяше царя въ Израилѣ... Симъ самымъ ясно означилъ Духъ Святый, что несчастіе народа происходитъ отъ народа. Исторія древнихъ временъ и опыты дѣяній утверждаютъ въ справедливости сего разсужденія. Верховная Самодержавная власть есть, напротивъ того, слава и красота государствъ, страхъ и стыдъ врагамъ, защита и помощь союзникамъ, камень непоколебимый, положенный во главу блаженства общежитій".

Въ подтвержденіе сказаннаго проповѣдникъ указывалъ на заслуги Петра Великаго и Екатерины II; на ихъ заботы о безопасности Россіи, на флотъ и войско, организованные Преобразователемъ и т. д.

Сквозь риторику Прокоповича просвѣчиваетъ нелицемѣрный монархизмъ, любовь къ родинѣ. Его устарѣлый, тяжелый языкъ дѣлается сильнымъ и картиннымъ, когда проповѣдникъ говоритъ о государяхъ и ихъ призваніи. Онъ уподоблялъ Монарха Ангелу Господню, прогоняющему внутреннихъ и внѣшнихъ злодѣевъ. „Подвиги Его, устрояемые въ созиданіе блага народнаго, суть основательная причина тѣхъ преимущественныхъ названій, коими почтилъ Царя въ словѣ своемъ самъ Богъ; Онъ именуетъ Его отцемъ, пастыремъ, вождемъ, помазанникомъ возлюбленнымъ и прочими превосходными наименованіями".

Слова забытаго харьковскаго проповѣдника заслуживаютъ серьезнаго вниманія теоретиковъ Русскаго Самодержавія. Андрей Прокоповичъ отнюдь не ограничивался повтореніемъ „Правды воли Монаршей" Ѳеофана Прокоповича. Самостоятельное изученіе Священнаго Писанія и самостоятельность мысли пріятно поражаютъ въ книгѣ „каѳедральнаго протоіерея" на каждомъ шагу. Нѣкоторыя изъ его словъ, будучи переложены на современный литературный языкъ и нѣсколько упрощены, могли бы и теперь быть произносимы въ храмахъ.

Систематическое изложеніе государственнаго ученія отца Андрея Прокоповича могло бы принести немалую пользу теперешнимъ проповѣдникамъ. Нельзя не пожалѣть, поэтому, что онъ преданъ совершенному забвенію.

Заканчивая эту замѣтку о книгѣ о. А. Прокоповича, нельзя не отмѣтить, что его занималъ между прочимъ вопросъ

объ особенностяхъ Русскаго Самодержавія. Это видно изъ параллели, которую онъ проводилъ 2 октября 1793 г. между азіатскими властелинами и Екатериною II.

„О вы, азійскіе народы, какимъ удивленіемъ, какимъ изумленіемъ поражаетесь, когда, взирая на наше счастіе, представляете себѣ въ мысляхъ вашихъ, какимъ образомъ ваши государи поступаютъ! Вы и то считаете за чудо, когда единажды удостоиваетесь ихъ взора; сынове россійстіе не тако; они всегда наслаждаются лицезрѣніемъ милосерднѣйшія своея Матери, всегда слышатъ Ея сладчайшій гласъ. Не удивляйтесь! Ваши государи почитаютъ себя превыше смертныхъ; а Екатерина вторая, хотя прямо дѣлами своими уподобляется Божеству, безпрестанно помышляетъ, что Она человѣкъ, и тѣмъ великость духа и премудрость свою еще болѣе показываетъ. Ваши государи за ничто почитаютъ отнять у человѣка жизнь: но нѣтъ ничего премудрѣе и благотворнѣе, какъ смерти достойными содѣлавшихся обращать къ похвальной жизни, и уже безполезному обществу учившихся содѣлать полезными: великодушіе и милосердіе Монархини нашей все сіе производитъ“ (стр. 125—126).

CXVIII.

Императоръ Николай I въ представленіи персіянъ и слова Грибоѣдова о чести Государя и чести народной.

Въ донесеніи А. С. Грибоѣдова командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса отъ 30 іюля 1830 года изъ лагеря близъ селенія Карабабы, есть любопытное мѣсто о разговорѣ знаменитаго писателя съ наслѣдникомъ персидскаго престола Абасъ-Мирзою, проливающее свѣтъ какъ на обаяніе, внушаемое мусульманскому востоку Русскимъ Самодержавіемъ, такъ и на природу русскаго монархизма, какъ инстинкта, чувства и политическаго самосознанія.

„Я изъ нѣкоторыхъ словъ могъ замѣтить, что личный характеръ Государя Императора сильно дѣйствуетъ на него (на Абасса-Мирзу), какъ отпечатокъ твердости и постоянства въ предпріятіяхъ; такъ, онъ отзывался, по свидѣтельству-ли англичанъ, или по другимъ до него дошедшимъ свѣдѣніямъ, но повторилъ не разъ, что знаетъ о рѣшительныхъ свойствахъ великаго Императора, что свидѣтельствуютъ всѣ сыны и братья европейскихъ царей и послы, пріѣзжавшіе поздравлять его со вступленіемъ на престолъ. То же впечатлѣніе я потомъ замѣтилъ и въ прочихъ лицахъ, съ которыми имѣлъ дѣло въ пер-

сидскомъ лагерѣ; они разсказывали множество анекдотовъ,— иные справедливые, большею частью вымышленные, но представляющіе россійскаго государя въ какомъ то могущественномъ видѣ, страшномъ и для его непріятелей. Я воспользовался этимъ, чтобы обратить вниманіе Шахзаде (персидскаго царевича) на неприличность прошлогоднихъ поступковъ въ Персіи противъ князя Меньшикова.

— Какъ, съ такими понятіями о могуществѣ нашего Государя, вы рѣшились оскорбить его въ лицѣ посланника Его Величества, котораго задержали противъ самыхъ священныхъ правъ, признанныхъ всѣми государствами? Теперь, кромѣ убытковъ, нами понесенныхъ при вашемъ вторженіи въ наши области, кромѣ нарушеній границъ, оскорблена и личность самого Императора,—*а у насъ честь Государя есть честь народная!*“ [1]).

Изреченіе Грибоѣдова, напечатанное курсивомъ объясняетъ, почему во времена внѣшнихъ столкновеній наблюдается столь поражающее иностранцевъ единеніе русскаго народа съ Царемъ.

CXIX.

Высочайшій манифестъ 27 января 1904 г. о войнѣ съ Японіей.

37 и 38 статьи Основныхъ Государственныхъ Законовъ приводятъ полный титулъ Императорскаго Величества, сокращенный и краткій, не указывая случаевъ, когда употребляется каждый изъ этихъ титуловъ. Въ прежнія времена полный титулъ употреблялся во всѣхъ дипломатическихъ актахъ, внѣ Россіи исходившихъ, а титулъ краткій—въ Высочайшихъ манифестахъ, даже въ наиболѣе важныхъ, въ томъ числѣ и въ манифестѣ 19 февраля 1861 года.

Высочайшій манифестъ о войнѣ съ Японіей начинался *полнымъ* царскимъ титуломъ, и поэтому внесъ въ нашу государственную практику, въ общеніе Верховной власти съ народомъ, нѣчто новое, придавъ особую торжественность такому важному акту, какимъ было по существу своему возвѣщеніе всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ хода переговоровъ съ Японіей по корейскимъ дѣламъ и о внезапномъ нападеніи японскихъ миноносцевъ на эскадру Его Императорскаго Величества, стоявшую на внѣшнемъ рейдѣ крѣпости Портъ-Артуръ.

Нововведенію, совершенному Высочайшимъ манифестомъ 27 января 1904 года, нельзя не сочувствовать. Полный цар-

[1]) Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова подъ редакціей Шляпкина, I, 288.

ский титулъ говоритъ такъ много уму и сердцу каждаго истинно русскаго человѣка, будитъ въ немъ столько историческихъ воспоминаній, находитъ такой живой откликъ въ его національномъ самосознаніи, даетъ такое наглядное понятіе о могуществѣ Императора и Самодержца Всероссійскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о могуществѣ Россіи, оказываетъ такое прекрасное воспитательное дѣйствіе въ политическомъ смыслѣ на народъ и подрастающія поколѣнія, что можно будетъ только порадоваться, если онъ будетъ приводиться и впредь въ важнѣйшихъ Высочайшихъ манифестахъ.

Нельзя забывать, что Высочайшіе манифесты читаются въ церквахъ, и до 1904 года народъ слышалъ въ православныхъ храмахъ полный титулъ Императорскаго Величества только на царскихъ часахъ, отправляемыхъ наканунѣ праздника Рождества Христова во время навечерія.

До 1904 года народу возвѣщалась царская воля съ приведеніемъ лишь двухъ областныхъ титуловъ Императорскаго Величества, какъ Царя Польскаго и Великаго Князя Финляндскаго. Образецъ нелѣпыхъ толковъ, которые можетъ порождать краткій титулъ въ его теперешней формѣ уже былъ приведенъ (см. № 9).

Высочайшій манифестъ 27-го января 1904 года произвелъ громадное впечатлѣніе на народъ, что несомнѣнно объяснялось и полнымъ царскимъ титуломъ, которымъ онъ начинался. Народъ слушалъ съ сознаніемъ своей мощи длинный перечень земель, принадлежащихъ Императору и Самодержцу Всероссійскому. Многіе крестьяне, выслушавъ чтеніе манифеста, прежде всего замѣчали: „Какой сильный, какой богатый нашъ Царь-Батюшка! Сколько у нашего Царя-Батюшки земель“!

Вотъ какъ отзывается русскій народъ на полный титулъ Императорскаго Величества! Онъ поднимаетъ его духъ, даетъ ему чувствовать единство и нераздѣльность Имперіи. Народная школа должна осмыслить это чувство, объяснить народу каждое слово полнаго царскаго титула. Его слѣдуетъ помѣщать въ книгахъ для школьнаго чтенія съ соотвѣтственными картами и хронологическими отмѣтками о времени присоединенія къ Россіи территорій, изъ которыхъ она состоитъ.

CXX.

Монархизмъ русскаго военнаго флота.

Сотруднику одной московской газеты пришлось бесѣдовать о подвигѣ „Варяга“ и „Корейца“ съ однимъ изъ героевъ

морского боя 27-го января 1904 г. въ Чемульпо. Эта бесѣда проливаетъ свѣтъ на тѣ побужденія, которыми руководствовались капитанъ 1-го ранга Рудневъ, капитанъ 2-го ранга Бѣляевъ и экипажи обоихъ судовъ, когда шли на бой съ японской эскадрой адмирала Уріу.

„Мы, какъ и вообще вся Россія, никакъ не ожидали, что японцы начнутъ военныя дѣйствія до объявленія войны, а потому насъ поразило требованіе адмирала Уріу покинуть гавань Чемульпо въ самый непродолжительный срокъ. Стоявшій внѣ гавани, приблизительно въ 6—7 миляхъ, японскій флотъ ясно говорилъ что значитъ это требованіе, и что ожидаетъ насъ по выходѣ въ море. Несмотря на то, что Японцы собирались попрать основныя положенія международнаго права,—права священнаго для каждаго народа,—нейтральныя суда остались глухи и нѣмы.

„Мы были одни среди враговъ равнодушныхъ. Каждая минута была дорога. Надо было рѣшиться.

„И мы рѣшились!

„Рѣшеніе это явилось какъ-то само собою еще до того момента, когда было сдѣлано распоряженіе готовиться къ бою. Для каждаго изъ насъ рѣшеніе это было ясно, каждый чувствовалъ его.

„Мы Русскіе. *Мы отвѣчаемъ за честь Россіи, мы должны высоко держать наше знамя во славу Царя и Отечества. Ему, и только ему одному принадлежитъ наша жизнь, и мы должны были пожертвовать ею.* Ни о какомъ колебаніи не могло быть и рѣчи. Личные интересы, интересы семьи и любовь къ ней,—все это стушевывалось, меркло и терялось въ величіи момента.

„Принять бой на самомъ рейдѣ мы не считали себя въ правѣ, при этомъ подвергались бы опасности суда нейтральныхъ державъ.

„Раздается команда готовиться къ сраженью. Деревянныя части спѣшно удаляются. Мы готовы выступить.

„Тутъ каждый изъ насъ простился мысленно со всѣмъ, что было ему дорого, простился съ Родиной и, *благословляя ее подъ звуки нашего народнаго гимна*, двинулись мы навстрѣчу врагу.

„Трудно, даже больше, невозможно словами выразить тотъ необычайный подъемъ духа, энергіи и силъ, который мы почувствовали въ этотъ страшный моментъ. Что-то свыше влилось въ нашу душу, о себѣ мы больше не думали, предъ нами былъ нашъ *долгъ*. И долгъ этотъ каждый рѣшилъ исполнить до конца".

Въ этомъ разсказѣ прекрасно отразилось, какъ понимаетъ свои вѣрноподданническія обязанности русскіе военные моряки.

CXXI.

Монархи, поэты и отшельники.

Въ сонетѣ 1830 г. „Поэту" Пушкинъ сравнивалъ поэта съ царемъ, живущимъ въ нравственномъ одиночествѣ, недорожащимъ любовью народа, идущимъ свободною дорогою, куда влечетъ его свободный умъ и не признающимъ надъ собою другого судьи, кромѣ самого себя.

Что навело Пушкина на такое сравненіе? Что навело его на мысль сравнивать свой жребій и свое призваніе со жребіемъ и призваніемъ царя?

Очень можетъ быть, что мысль написать названное стихотвореніе явилась у Пушкина при воспоминаніи объ одной встрѣчѣ 1820 года, о которой говорится въ четвертой главѣ „Путешествія въ Арзрумъ", а именно о привѣтствіи, услышанномъ изъ устъ одного турецкаго паши, взятаго Паскевичемъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ двумя другими пашами и Сераскиромъ;

„Одинъ изъ пашей, сухощавый старичекъ, ужасный хлопотунъ, съ живостью говорилъ пашимъ генераламъ. Увидѣвъ меня во фракѣ, онъ спросилъ, кто я таковъ. П. [1]) далъ мнѣ титулъ поэта. Паша сложилъ руки на груди и поклонился мнѣ, сказавъ черезъ переводчика: „Благословенъ часъ, когда встрѣчаемъ поэта. Поэтъ—братъ дервишу. Онъ не имѣетъ ни отечества, ни благъ земныхъ, и между тѣмъ, какъ мы, бѣдные, заботимся о славѣ, о сокровищахъ, *онъ стоитъ наравнѣ съ властелинами земли и ему поклоняются.*

„Восточное привѣтствіе паши всѣмъ намъ полюбилось".

Паша уподобившій Пушкина дервишу и сравнившій дервиша съ властелиномъ земли, былъ вѣренъ стародавнимъ мусульманскимъ представленіямъ. Въ распространенной въ Персіи и на всемъ турецкомъ Востокѣ сказкѣ „Султанъ и дервишъ", приписываемой тамъ браминну Бидпаю, обнищавшій младшій сынъ одного султана говоритъ:

„Если счастье отъ меня уходитъ и недается мнѣ, то, вмѣсто того, чтобы, гоняться за призраками, брошу міръ, потому что онъ преходящій, какъ для молодыхъ, такъ равно и для старцевъ, поищу другой путь, болѣе счастливый чѣмъ

[1]) Какъ думаетъ Е. Г. Вейденбаумъ, пріятель Пушкина, декабристъ Михаилъ Ивановичъ Пущинъ (*Кавказскія помники о Пушкинѣ*. Тифлисъ. 1899 г. Изд. редакц. газеты „Кавказъ", стр. 58).

тотъ, по которому до сихъ поръ я шелъ, и только что закрывшійся предо мною; изберу уединеніе, посвящу себя Богу и сдѣлаюсь отшельникомъ—дервишемъ. Отшельничество допускаетъ сравненіе съ султанствомъ, только въ немъ нѣтъ мѣста переворотамъ!.. Дервишъ, обладающій сокровищемъ уединенія,—это пустынникъ только по имени, а въ существѣ дѣла, говоря строго, онъ властелинъ всего міра".

На Руси среди православныхъ тоже живетъ убѣжденіе, что пустынникъ-праведникъ долженъ почитаться наравнѣ съ властелиномъ міра.

Этого убѣжденія изстари держались и русскіе государи, и всѣ русскіе люди.

Въ хроникѣ Островскаго—„Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій"—самозванецъ, войдя въ Золотую палату и смотря на тронъ, говоритъ:

Сюда безъ страха входятъ
Отшельники святые только
Иль грозные московскіе цари.

Не только русскіе цари, но и русскіе императоры посѣщали затворниковъ, которыхъ чтилъ народъ, и искали въ ихъ бесѣдахъ, подобно своимъ подданнымъ, указаній, совѣтовъ и утѣшенія.

Иллюстраціей сказаннаго можетъ служить картина академика М. Л. Маймона „Императоръ Александръ I въ кельѣ Серафима Саровскаго" („Нива", 1904 г., № 11). Въ этой картинѣ воспроизведенъ одинъ изъ тѣхъ эпизодовъ, какихъ было не мало въ жизни Благословеннаго, хотя онъ, кажется, и не былъ у преподобнаго чудотворца.

CXXII.

Послѣдняя мадагаскарская царица.

Она была водворена послѣ своего низложенія въ Парижѣ, а до 1890 года, когда ея царство превратилось во французскую колонію, жила въ своей столицѣ Тананаривѣ и была предметомъ любви и почитанія подданныхъ.

То, что сообщали по этому поводу путешественники, положительно напоминаетъ царицу Селику изъ оперы Мейербера „Африканка" и не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ духомъ жестокой тиранніи, которымъ европейцы привыкли окрашивать въ своемъ воображеніи всѣ первобытныя монархіи черной расы.

Вотъ одинъ бывшій мадагаскарскій обычай, проливающій

свѣтъ на отношенія мадагаскарцевъ къ ихъ бывшей повелительницѣ:

На Мадагаскарѣ существовалъ какой-то національный праздникъ, привлекавшій въ Тананариву массу пришлаго люда съ разныхъ концовъ острова. Въ этотъ день мадагаскарская царица, съ соблюденіемъ разныхъ обрядовъ, торжественно принимала ванну. Когда она выходила изъ ванны, мадагаскарцамъ раздавалась вода, въ которой купалась ихъ государыня, и каждый изъ нихъ считалъ за счастье хлебнуть глотокъ этой воды. По убѣжденію мадагаскарцевъ она имѣла какія-то таинственныя свойства. Мадагаскарская царица была для своихъ подданныхъ существомъ высшаго порядка. Они были безпредѣльно ей преданы. Они не только любили и чтили, но даже боготворили ее.

Мадагаскарскій монархизмъ, разрушенный французскимъ завоеваніемъ, имѣлъ теократическую подкладку.

Обративъ Мадагаскаръ въ колонію, французы переселили и назначили бывшей царицѣ довольно скромную пенсію. Ея далеко не хватало на удовлетвореніе потребностей, желаній и прихотей несчастной дикарки, глаза которой разбѣгались во всѣ стороны, когда она ѣздила и ходила по улицамъ „современнаго Вавилона“.

О томъ, что больше всего поражало ex-царицу, даетъ понятіе слѣдующій эпизодъ:

Разъ какъ-то она увидѣла на выставкѣ одного магазина дамскихъ костюмовъ платье, съ верху до низу обшитое стеклярусомъ. Пріобрѣтеніе этого платья сдѣлалось любимою мечтою мадагаскарской царицы. Но оно стоило что-то около 2000 франковъ, а ей неоткуда было взять такой суммы. Республика считала излишнимъ потакать причудамъ бѣдной негритянки, у которой отняла громадный островъ въ 591960 кв. кил. съ населеніемъ въ 2½ милліона жителей. И что же? Сами парижане откликнулись на прихоть царицы. Одна парижская газета открыла подписку для пріобрѣтенія ей заманчиваго платья. Платье было куплено и поднесено отъ публики простодушной женщинѣ.

Она была въ восторгѣ.

Видно, и республиканцамъ не чуждо сочувствіе къ горестному положенію падшихъ властелиновъ.

Н. И. Чернявъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Священной памяти

Царя-Миротворца.

Среди утратъ, среди скорбей
Руси, печалію повитой,
Одна утрата всѣхъ больнѣй,
Одна не можетъ быть забытой.

И пусть прошло ужъ десять лѣтъ
Съ тѣхъ поръ, какъ смерти злая сила
Очей Державныхъ ясный свѣтъ
На зло Россіи погасила,

Царь-Миротворецъ не забытъ,
И образъ мощный, лучезарный
Неумирающій царитъ
Въ душѣ Россіи благодарной.

Онъ ростъ и мощь отчизнѣ далъ,
Земного мира стражъ могучій,
Онъ Русь возвелъ на пьедесталъ,
Разсѣвая вражьи тучи.

Любимый русскою семьей
Онъ для враговъ грозой явился,
И русскій сердцемъ и душой
По-русски мыслилъ и молился.

Ему-бы только жить, да жить
Царю-Отцу, Царю-титану!..
Нѣтъ, никогда не залѣчить
На сердцѣ русскомъ эту рану!..

Ф. Пестряковъ.

Незабвенной памяти Императора Александра III.[1]

(Къ 10-лѣтію кончины Царя-Праведника).

„Съ душой, проникнутой любовью и смиреньемъ,
Съ печатью благости и мира на челѣ,
Онъ былъ ниспосланнымъ отъ Бога воплощеньемъ
Величія, добра и правды на землѣ". [2])

20-е октября 1904 года—день, достопамятный въ исторіи нашей дорогой родины. Въ этотъ день, ровно десять лѣтъ тому назадъ, закатилось русское Красное Солнышко! Въ этотъ день на южномъ берегу Крыма тихо скончался на рукахъ Своей горячо любимой Супруги, Императрицы Маріи Ѳеодоровны, и Первенца-Сына незабвенный Царь-Праведникъ и Великій Миротворецъ, Императоръ Александръ Александровичъ.

Давно-ли мы съ умиленіемъ старались уловить Его обычную привѣтливую улыбку, Его безконечно добрый взоръ, а теперь эти чудныя минуты утрачены навсегда! Неумолимая смерть сковала на вѣки дивныя уста въ Бозѣ почившаго Государя, крѣпко закрыла Его ангельскія, голубыя очи...

„Величье, шумъ и блескъ—все смолкнетъ, все пройдетъ!
Но слава Божія безсмертна и нетлѣнна;
Царь-Праведникъ въ родныхъ преданьяхъ не умретъ".

---

[1]) Посвящается „Русскому Собранію" въ Харьковѣ, какъ покоящемуся на принципахъ русскаго національнаго самосознанія, Высокимъ проводникомъ которыхъ въ русскую жизнь былъ покойный Государь.

[2]) Изъ стихотворенія гр. А. Голенищева-Кутузова.

Покойный Государь принялъ бразды правленія при необычайно трудныхъ обстоятельствахъ. 1-го марта 1881 года совершилось безпримѣрное злодѣяніе въ лѣтописи цареубійствъ. На улицахъ столицы, преступною рукой, злодѣйски убитъ Императоръ Александръ II. Обагренный кровью, истекая отъ ранъ, на рукахъ Наслѣдника Престола умеръ Царь-Мученикъ, Освободитель многихъ милліоновъ Своихъ подданныхъ и единоплеменныхъ Россіи славянъ... Можно-ли передать словами то, что испытывалъ въ Своей душѣ Царственный Сынъ, видя предсмертныя мученія Страдальца-Родителя?... А, между тѣмъ, чрезвычайно трудная задача предстояла новому Императору: руководящія начала русской государственной жизни: православіе, самодержавіе и народность были ослаблены дѣйствіемъ людей злонамѣренныхъ, желавшихъ сѣять смуту и поддерживать броженіе умовъ среди стомилліоннаго населенія, тѣсно связаннаго любовью и преданностью Царю; кромѣ того, финансовыя затрудненія, лихничество въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ, легкое отношеніе къ исполненію законныхъ обязанностей, грозившія коалиціи въ дипломатическомъ мірѣ,—все это создавало историческія трудности для вступившаго на престолъ Государя.

„Страшно было вступленіе Его на царство, говоритъ К. П. Побѣдоносцевъ. Онъ возсѣлъ на престолъ Отцовъ Своихъ, орошенный слезами, поникнувъ головою, посреди ужаса народнаго, посреди шипящей злобы и крамолы. Но тихій свѣтъ, горѣвшій въ душѣ Его, со смиреніемъ, съ покорностью волѣ Промысла и долгу, разсѣялъ скопившіеся туманы, и Онъ воспрянулъ оживить надежды народа“.

Принимая 2-го марта 1881 года членовъ Государственнаго Совѣта и Сенатъ, Императоръ Александръ III сказалъ: „Я принимаю вѣнецъ съ *рѣшимостью*. Буду пытаться слѣдовать Отцу Моему и закончить дѣло, начатое Имъ. Если бы Всевышній и Мнѣ судилъ ту же участь, какъ и Ему, то, надѣюсь, вы будете Моему Сыну такъ же вѣрны, какъ и Моему Отцу“.

Съ высоты престола Государь ясно и твердо выразилъ, что Онъ посвятитъ всю свою жизнь попеченіямъ о благоденствіи, могуществѣ и славѣ Россіи, что всѣ помыслы Его и стремленія направлены къ благу и счастію Своего народа, что для достиженія этого блага Онъ не пожалѣетъ трудовъ. Въ то же время Своимъ манифестомъ Царь объявилъ о рѣшеніи царствовать по исконнымъ русскимъ завѣтамъ, блюдя святость *самодержавной власти*, которую Государь былъ при-

званъ „утверждать и охранять *для блага народнаго* отъ всякихъ на нее поползновеній".

Въ заключеніе манифеста указаны тѣ государственныя задачи, которыя возлагаются на русскихъ гражданъ: „Мы призываемъ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ Нашихъ служить Намъ и государству вѣрой и правдой къ искорененію гнусной крамолы, *позорящей землю русскую*,—къ утвержденію вѣры и нравственности,—къ доброму воспитанію дѣтей, къ истребленію неправды и хищенія,—къ водворенію порядка и правды въ дѣйствіи учрежденій, дарованныхъ Россіи Благодѣтелемъ ея возлюбленнымъ Нашимъ Родителемъ".

Замолкли вопли вожделѣнія ловящихъ въ мутной водѣ рыбу непрошенныхъ совѣтниковъ и во всемъ сіяніи самодовлѣющей и сознающей себя Власти предсталъ миролюбивый, истинно русскій Богатырь.

Народъ сразу, съ первыхъ же дней новаго царствованія, чутко угадалъ въ Императорѣ Александрѣ III своего *русскаго* Царя, понялъ, что Онъ дѣйствительно является воплощеніемъ его народнаго „я", и отдалъ Ему всю свою душу, всего себя.

Вступивъ на престолъ, Императоръ Александръ III возвѣстилъ иностраннымъ державамъ, что призванъ „охранять общій миръ", что „на Россіи лежитъ прежде всего забота о самой себѣ и что только долгъ защитить честь свою отъ опасности можетъ отвлечь ее отъ внутренней работы". Въ томъ-же направленіи дѣйствовалъ Онъ все свое царствованіе, и если былъ Государь, который имѣлъ право сказать: „L'empire c'est la paix" („Имперія—это миръ"), то именно Онъ.

Истинно русскій Царь, Онъ первый призвалъ русскаго крестьянина принести вѣрноподданническую присягу своему Государю. Эта первая крестьянская присяга является событіемъ весьма знаменательнымъ. Императоръ Александръ III напомнилъ этимъ актомъ, что крестьянинъ—тотъ же правоспособный гражданинъ государства.

Не забудетъ Москва лучезарный день Его Коронаціи, свѣтлый, тихій, точно день пасхальный.

Знаменательны также слова изъ рѣчи, съ которой Государь обратился къ волостнымъ старшинамъ, прибывшимъ на коронаціонныя празднества: *„Когда вы разъѣдетесь по домамъ, передайте всѣмъ Мое сердечное спасибо; слѣдуйте совѣтамъ и руководству вашихъ предводителей дворянства и не вѣрьте вздорнымъ и нелѣпымъ слухамъ и толкамъ о передѣлахъ земли, даровыхъ прирѣзкахъ и тому подобному. Эти слухи распускаются нашими врагами. Всякая собственность, точно такъ*

же какъ и ваша, должна быть неприкосновенна. Дай Богъ вамъ счастья и здоровья!" Эта рѣчь прямая, откровенная, произвела на всѣхъ глубокое впечатлѣніе.

Крестьянство пользовалось особымъ попеченіемъ правительства, какъ въ отношеніи его матеріальнаго благосостоянія, такъ и по предмету удовлетворенія духовныхъ его потребностей. Значительное пониженіе выкупныхъ платежей, отмѣна подушной подати, признаніе крестьянскихъ надѣловъ неотчуждаемыми, мѣры по организаціи переселеній, устройство Крестьянскаго Банка, преобразованіе волостныхъ судовъ, постоянное государственное попечительство въ видѣ учрежденія земскихъ начальниковъ и, наконецъ, осуществляемая уже мѣра противъ лютѣйшаго врага нашего народа—пьянства—путемъ учрежденія казенной монополіи питейной торговли, и вполнѣ разработанная, совершенно новая, организація продовольственной помощи сельскому населенію,—вотъ далеко еще не полный рядъ заботъ о крестьянскомъ благосостояніи. Но всѣ онѣ блѣднѣютъ передъ тѣмъ, что сдѣлано почившимъ Императоромъ для духовнаго совершенствованія народа: Онъ далъ намъ истинно-народную, истинно-національную школу въ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты.

Въ непосредственной связи съ этою мѣрой находится и другая—улучшеніе положенія нашего сельскаго духовенства. Это было постоянной думой блаженной памяти Императора, ревностнаго христіанина, и Онъ всегда въ теплыхъ и трогательныхъ словахъ выражалъ Свою духовную радость, когда государственныя средства позволяли сдѣлать нѣчто въ этомъ направленіи. Признавая главною основою народной жизни православную вѣру и Церковь съ ея установленіями, Государь всегда былъ исполненъ непрестаннаго вниманія и заботъ по отношенію къ дѣламъ Церкви.

Харьковскій губернаторъ въ своемъ отчетѣ заявлялъ въ 1887 году, что въ религіи народъ находитъ полное удовлетвореніе своимъ душевнымъ потребностямъ; Государь на отчетѣ помѣтилъ: „*и дай Богъ, чтобы это свято хранилось въ народѣ*"[1]). Эти незабвенныя слова въ Бозѣ почившаго Монарха-христіанина да пребудутъ вѣчно памятными въ сердцахъ нашего богобоязненнаго народа, а населенія харьковской губерніи въ особенности!

Радовали Государя донесенія объ успѣхахъ православія въ Прибалтійскомъ краѣ. Финляндскій губернаторъ въ отчетѣ за 1885 годъ заявилъ о настойчивости, энергіи и самоотверженіи православныхъ миссіонеровъ; Государь помѣтилъ: „*имъ*

[1]) Изъ отчетовъ Комит. Министровъ, изд. 1902 г.

и слава! Только этимъ путемъ и можно идти далѣе". Напротивъ, объясненія Курляндскаго губернатора въ отчетѣ 1886 г. о необходимости подготовить почву для возсоединенія латышей съ православіемъ вызвали слѣдующія слова Государя: *„все это похоже на какую-то пропаганду православія; этого положительно Я не допускаю. Движеніе въ православіе должно идти само собою, по личной иниціативѣ латышей, безъ всякаго давленія на нихъ правительства, какъ это дѣлается въ Лифляндской и Эстляндской губерніяхъ*".

Въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ Александровичъ сдѣлалъ много для возвращенія нашимъ сословіямъ ихъ былого государственнаго значенія. Въ Высочайшемъ рескриптѣ Благородному Россійскому дворянству, отъ 21 апрѣля 1885 г., вполнѣ опредѣлена роль въ народной жизни нашего высшаго служилаго класса, которому указывалось сохранить „первенствующее мѣсто въ предводительствѣ ратномъ, въ дѣлахъ мѣстнаго управленія и суда, въ безкорыстномъ попеченіи о нуждахъ народа, въ распространеніи примѣромъ своимъ правилъ вѣры и вѣрности". Рядомъ законовъ и распоряженій указаніе это осуществлялось по мѣрѣ силъ и средствъ. Учрежденіемъ земскихъ начальниковъ дворянству ввѣрялись важныя задачи по мѣстному управленію. Дворянскій Банкъ былъ основанъ съ исключительною цѣлію поднять экономическое положеніе сословія.

Наконецъ, на пользу и процвѣтаніе обоихъ основныхъ нашихъ государственныхъ классовъ, связанныхъ между собою общимъ имъ занятіемъ, сельскимъ хозяйствомъ, основано *Министерство Земледѣлія*.

Харьковскому дворянству, „во вниманіе къ затруднительному вообще положенію русскаго землевладѣнія", были даны въ 1885 г. льготы по уплатѣ долговъ, сдѣланныхъ еще до 1853 г. Харьковской конторѣ государственнаго банка, по ссудамъ подъ залогъ сельскихъ продуктовъ. При операціи этой происходили въ то время большія злоупотребленія со стороны заемщиковъ, получавшихъ ссуды подъ мнимое или неполное обезпеченіе. Уголовное преслѣдованіе противъ нихъ было, по волѣ Императора Александра II, прекращено, но гражданская отвѣтственность въ общей суммѣ до 847,000 руб. разложена на заемщиковъ, поручителей и уѣздныхъ предводителей дворянства. Къ 1885 г. уплочено было 785,000 руб., но долга еще числилось 650,000 руб. Въ 1885 г. предводители и чины земской полиціи освобождены были отъ отвѣтственности; съ поручителей сложенъ платежъ процентовъ; поручителямъ и заемщикамъ

разрѣшенъ залогъ имѣній въ дворянскомъ банкѣ, съ тѣмъ, чтобы выдаваемые закладные листы засчитывались въ погашеніе стараго долга государственному банку.

Чрезвычайно большой интересъ представляютъ помѣтки Государя на отчетахъ губернаторовъ.

Иные отчеты по впечатлѣнію, произведенному ими на заботливое о благѣ Россіи сердце Государя, можно было считать исходными пунктами нѣкоторыхъ важныхъ реформъ.

Вотъ, напримѣръ, обновленіе Сибири послѣ 300 лѣтъ ея соединенія съ имперіей было ускорено донесеніями генералъ-губернаторовъ о положеніи края. Въ 1886 г. на отчетѣ генералъ-губернатора Восточной Сибири Государь писалъ: *„ужъ сколько отчетовъ генералъ-губернаторовъ Сибири Я читалъ и долженъ съ грустью и стыдомъ сознаться, что правительство до сихъ поръ почти ничего не сдѣлало для удовлетворенія потребностей этого богатаго, но запущеннаго края! А пора, очень пора!“*

На отчетѣ главноначальствующаго на Кавказѣ по поводу дѣла объ устраненіи обезземеленія поселянъ, водворенныхъ на владѣльческихъ земляхъ, Государь помѣтилъ: *„9 лѣтъ нужно, чтобы собрать только свѣдѣнія? непростительная халатность!!!“*

Витебскій губернаторъ въ 1885 г. доносилъ, что на 100 сельскихъ аптекъ въ губерніи отпускалось на каждую всего по 30 руб. въ годъ, со включеніемъ срочныхъ припасовъ; поэтому лекарства никогда не хватало; изъ 36 сельскихъ лѣчебницъ 34 существовали только номинально; въ нихъ не полагалось больнымъ ни пищи, ни бѣлья. Объясненіе это вызвало негодующую отмѣтку Государя: *„что смотрѣлъ бывшій губернаторъ“. „Что это, въ Китаѣ или Россіи!?“*

На другихъ отчетахъ были резолюціи: *„справедливо“*, *„основательно“*, *„давно всѣмъ извѣстно“*, *„наивно“*, *„съ этимъ Я не согласенъ“*, *„похвально“*, *„утѣшительно“*, *„печально“*, *„читалъ“* и др.

С.-Петербургскій градоначальникъ въ отчетѣ за 1885 г. заявлялъ о бывшихъ 3,456 отказахъ въ пріемѣ въ городскія больницы Государь отмѣтилъ: *„Пора бы прекратить эти отказы. Для столицы это непозволительно и стыдно“*. Эта резолюція была объявлена думѣ.

Тѣмъ не менѣе городскія управленія г.г. Петербурга, Харькова, Костромы, Челябинска удостоивались милостивыхъ похвалъ Государя; но общее недовольство дѣятельностью городскихъ управленій проглядывало. На отчетъ, напримѣръ,

рязанскаго губернатора за 1884 г. была наложена резолюція: *„Прекрасная картина пресловутаго самоуправленія"*.

Благопріятные отзывы о дѣятельности введенныхъ въ 1889 году земскихъ начальниковъ вызывали Высочайшія резолюціи: *„лишь бы такъ и продолжалось"; „въ этомъ Я всегда былъ увѣренъ"; „къ счастью, изъ всѣхъ губерній слышишь то же самое"*.

При вступленіи на престолъ Императора Александра III *финансы* были въ самомъ разстроенномъ видѣ. Дефициты сдѣлались постояннымъ, ежегоднымъ явленіемъ и кредитъ русскаго государства падалъ все болѣе и болѣе. Путемъ разумной экономіи въ расходахъ было возстановлено равновѣсіе бюджета, а затѣмъ уже началось ежегодное превышеніе доходовъ надъ расходами, несмотря на увеличеніе послѣднихъ. Въ теченіе 13 лѣтъ (1881—1893 г.) государственные расходы повысились противъ 1880 г. на 36%, а доходы увеличились на 60%. Необычайное возрастаніе доходовъ, безъ напряженія платежныхъ силъ населенія, а, напротивъ, съ возложеніемъ многихъ расходовъ на состоятельные классы и на источники, не вредящіе народному хозяйству, есть весьма благопріятное явленіе и результатъ правильной финансовой системы въ минувшее царствованіе. Весьма важное значеніе получилъ въ царствованіе Императора Александра III, въ смыслѣ пресѣченія „корыстныхъ поползновеній на казенную собственность", Государственный Контроль.

Онъ первый громко, со всею русской силой, сказалъ: пора развиться *русской промышленности*, какъ залогу экономической независимости и зрѣлости и какъ средству къ достиженію возможнаго народнаго благосостоянія, просвѣщенія и всякихъ видовъ прогресса; пора направить русскія силы на покореніе обильной природы страны, вывести ее изъ эпохи земледѣльческой въ болѣе сложную—промышленную, совершенно неизбѣжную по строю развитія всего образованнаго міра.

Если бы въ настоящемъ очеркѣ изложить весь послѣдовательный рядъ мѣропріятій и предначертаній, назначенныхъ Александромъ III для подъема русской промышленности, то пришлось бы изъ года въ годъ, почти по мѣсяцамъ перечислять новые, небывалые у насъ и часто совершенно самобытные пріемы, которые Онъ находилъ, преслѣдуя основную цѣль—ростъ всѣхъ сторонъ русской промышленности, долженствующей доставить Его народу новыя средства снискивать заработки и богатѣть, пользуясь тѣмъ, что есть въ необъятной странѣ. Для огражденія народнаго труда отъ иностранной

конкуренціи былъ возвышенъ таможенный тарифъ. Покровительственная система отечественной промышленности была построена на тщательно разработанныхъ основаніяхъ и всей нашей экономической политикѣ даны опредѣленность и устойчивость.

Для распространенія торговли и промышленности построено много желѣзныхъ дорогъ. Заложенъ Великій Сибирскій путь, прошедшій по всему нашему необъятному отечеству и въ настоящую страдную пору такъ блестяще оправдавшій громаднѣйшее его значеніе въ стратегическомъ отношеніи.

Въ жизни *отечественнаго просвѣщенія* въ царствованіе Императора Александра III событіемъ является основаніе сибирскаго университета въ Томскѣ. На долю этого университета выпало счастье видѣть въ своихъ стѣнахъ нынѣ царствующаго Государя Императора, удостоившаго университетъ Своимъ посѣщеніемъ въ 1891 году, по возвращеніи изъ далекаго путешествія. Число высшихъ учебныхъ заведеній увеличилось открытіемъ въ 1885 году технологическаго института въ Харьковѣ и электротехническаго института въ Петербургѣ, коимъ, въ незабвенную память Державнаго Ихъ Основателя, даровано наименованіе *„Императора Александра III“*; кромѣ того, варшавское ветеринарное училище преобразовано въ ветеринарный институтъ. Введеніе новыхъ уставовъ университетскаго и реальныхъ училищъ, кромѣ цѣлей чисто учебныхъ, имѣло своею задачей обратить особенное вниманіе на нравственное воспитаніе учащихся, на развитіе въ нихъ религіознаго чувства и добрыхъ началъ. При Императорѣ Александрѣ III широкое вниманіе было удѣлено открытію промышленныхъ, техническихъ и ремесленныхъ училищъ. Многія ремесленныя училища, въ память покойнаго Государя, носятъ названіе „Александровскаго“, а коммерческому училищу въ Харьковѣ присвоено наименованіе: „училища Императора Александра III“.

Частныя реформы судебнаго строя, производившіяся въ теченіе всего минувшаго царствованія, не удовлетворяли цѣльному представленію почившаго Монарха объ истинныхъ задачахъ правосудія и когда у него созрѣла рѣшимость приступить къ коренному пересмотру судебныхъ уставовъ, незадолго до кончины послѣдовало знаменательное повелѣніе по этому предмету. Святымъ завѣщаніемъ звучатъ намъ незабвенныя слова, начертанныя Его царственной рукой на всеподданнѣйшемъ докладѣ министра юстиціи: „твердо увѣренъ въ необходимости всесторонняго пересмотра нашихъ Судебныхъ Уставовъ, *чтобы наконецъ дѣйствительное правосудіе царило въ Россіи.* Итакъ, съ Божіей помощію начинайте эту трудную работу“.

Гуманное отношеніе къ расколу со стороны духовнаго начальства отвѣчало взглядамъ правительства на это дѣло. Закономъ 1883 года дарованы раскольникамъ нѣкоторыя права по совершенію требъ. Правда, въ началѣ это законоположеніе было невѣрно понято и возбудило нѣкоторыя недоразумѣнія, но современемъ они были устранены.

Въ отношеніяхъ къ нашимъ окраинамъ и инородцамъ, интересамъ всего государства, *русской націи* неизмѣнно отводилось первенствующее мѣсто по отношенію къ интересамъ мѣстнымъ и частнымъ, и все, что носило на себѣ печать сепаратности, хотя бы и оставалось до времени терпимымъ, не могло разсчитывать на содѣйствіе правительства. Но при этомъ никакія существенныя права и привиллегіи провинцій, управляемыхъ на особыхъ основаніяхъ, не нарушались.

Исполненный миролюбивыхъ стремленій, заботясь о спокойномъ преуспѣяніи и развитіи Россіи, Царь видѣлъ *въ арміи* крѣпкій оплотъ, обезпечивающій достиженіе Имъ высокихъ цѣлей мира. Въ рескриптѣ своемъ, данномъ на имя военнаго министра, ген.-ад. Ванновскаго, Государь писалъ: „Отечеству нашему несомнѣнно нужна армія сильная и благоустроенная, стоящая на высотѣ современнаго развитія военнаго дѣла, но не для агрессивныхъ цѣлей, а единственно для огражденія цѣлости и государственной чести Россіи". Боевая готовность арміи стала первою заботой Государя. По его указаніямъ былъ сокращенъ нестроевой составъ, умалявшій его боевую годность, улучшены резервныя и крѣпостныя войска, преобразована кавалерія, вновь сформированы войска, устроено систематическое обученіе запасныхъ и ратниковъ, улучшены пути сообщенія, имѣющія большое значеніе въ дѣлѣ мобилизаціи, а самый мобилизаціонный механизмъ тщательно разработанъ и усовершенствованъ; военныя гимназіи преобразованы въ кадетскіе корпуса, войска снабжены лучшимъ скорострѣльнымъ ружьемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ на западной границѣ государства построенъ рядъ грозныхъ крѣпостей. Въ неустанномъ попеченіи о нуждахъ арміи, покойный Государь увеличилъ денежное содержаніе офицеровъ, облегчилъ службу солдатъ, сокративъ срокъ пребыванія ихъ подъ знаменами, и улучшилъ положеніе сверхсрочно служащихъ.

То же самое, если еще не больше, пришлось бы сказать и о флотѣ, созданномъ, можно сказать, почти заново. Въ минувшее царствованіе почти ежегодно русское общество съ радостію узнавало о появленіи новыхъ военныхъ судовъ, построенныхъ большею частію въ Россіи, изъ русскихъ матеріаловъ

и русскими рабочими. Помимо того, состоялась коренная реформа всѣхъ положеній, касающихся личнаго состава нашего флота. Вновь возродился нашъ доблестный Черноморскій флотъ, погибшій въ Крымскую кампанію,—и возродился въ такомъ видѣ и въ такой силѣ, какихъ тутъ прежде никогда еще не бывало; наконецъ, заложенъ Либавскій портъ.

По-истинѣ высокое мужество покойнаго Императора, проявившееся какъ во время войны, такъ и во время мира, необыкновенная прямота Его души, полная правды и добра, и неизмѣнно милостивое обращеніе беззавѣтно привлекли къ Нему солдатское сердце и вызвали горячую любовь всей арміи, видѣвшей въ Верховномъ своемъ Представителѣ воплощеніе воина-богатыря, Царя добродѣтельнаго и милостиваго.

Политическое наслѣдіе, доставшееся Императору Александру III при вступленіи на престолъ, было весьма незавидное. Война съ Турціей, стоившая Россіи огромныхъ жертвъ, привела къ Берлинскому конгрессу, который уничтожилъ почти всѣ ея результаты. Когда окончился срокъ союзнаго договора съ Германіей и Австріей, Бисмаркъ всѣми мѣрами сталъ добиваться его продленія. Съ этою цѣлью имъ были устроены личныя свиданія трехъ Монарховъ, а въ видѣ угрозы опубликованъ секретный договоръ Германіи съ Австріей. Но все это оказалось безполезнымъ. Союзъ былъ возобновленъ, но безъ участія Россіи; ея мѣсто заняла Италія.

Со времени освобожденія отъ германскаго вліянія и отъ дружбы съ двуличными нѣмцами для Россіи начинается новая эра въ ея внѣшней политикѣ. Россія оказалась свободною въ своихъ дѣйствіяхъ, ее не связывали никакія обязательства, но она оказалась одинокой и для нея явилась трудная задача: дѣйствовать съ крайней осторожностью, чтобы, безъ ущерба для собственнаго достоинства, не вызвать какихъ либо новыхъ осложненій. Императоръ Александръ III хорошо сознавалъ трудность одинокаго положенія Россіи, но Онъ со славою вышелъ изъ этого испытанія.

Впервые новая политическая программа была примѣнена въ Болгаріи, гдѣ, подъ вліяніемъ враговъ славянства, князь Александръ Баттенбергскій дѣйствовалъ съ открытою враждою противъ Россіи. Въ непререкаемыхъ выраженіяхъ Императоръ Александръ III объявилъ Свое порицаніе руководителямъ Болгаріи, отозвалъ русскихъ офицеровъ изъ рядовъ болгарскаго войска, вычеркнулъ изъ списковъ русской арміи ослушника Своей воли и врага Россіи, принца Александра Баттенбергскаго, но воздержался отъ активнаго вмѣшательства въ дѣла

освобожденной Россіею страны, полагая, что послѣднія не стоятъ жизни одного русскаго солдата.

Въ 1885 году начались недоразумѣнія съ Англіей по афганскому вопросу, но они, впрочемъ, скоро уладились послѣ маленькой, но рѣшительной побѣды, одержанной въ 1885 г. генераломъ Комаровымъ надъ афганцами при рѣкѣ Кушкѣ. Вслѣдствіе угрозъ Англіи, Императоръ рѣшительно и торжественно заявилъ, что Россія не потерпитъ посягательства на свободу своихъ дѣйствій и дерзкаго вмѣшательства въ свои дѣла.

Между тѣмъ французская республика на Западѣ стояла такъ же одиноко, какъ и Россійская Имперія на Востокѣ. Вполнѣ естественно, что взоры обоихъ народовъ обратились другъ къ другу и они пожелали вступить въ тѣсный союзъ. Это было столько же дѣломъ политики, сколько и результатомъ влеченія обоихъ народовъ другъ къ другу и ихъ взаимной сердечной симпатіи. Всю ихъ теплоту, безъ сомнѣнія, чувствовали всѣ тѣ русскіе люди, которымъ посчастливилось быть въ памятные дни въ Кронштадтѣ и въ Петербургѣ. Въ эти дни возносилось надъ всѣмъ міромъ имя Государя, прямодушнаго, крѣпкаго Своей волей, Своимъ народомъ, который, во имя мира и любви, дружески пожималъ руку французскому народу. Всему свѣту покойный Государь показалъ, *что такое значитъ Россія!* Онъ показалъ, что сила и мощь не въ безчисленныхъ легіонахъ ея военной силы, что не поглотитъ и не поработитъ можетъ она Европу, но что, напротивъ, полна она нравственной силы даровать человѣчеству миръ и благоденствіе. Онъ показалъ, что кровь и желѣзо, объявленныя на Западѣ принципомъ жизни народовъ, противны духу русскому; что Россія, въ лицѣ своего Царя, требуетъ бытія историческихъ народовъ, требуетъ свободы ихъ гражданства, свободы духовной жизни, успѣховъ просвѣщенія и цивилизаціи. Русь почуяла въ немъ своего родного, *національнаго* Царя, а Европа преклонилась передъ нимъ, какъ передъ Царемъ-Миротворцемъ, спасителемъ ея просвѣщенія и культуры.

Въ то же время, Онъ охранялъ интересы Россіи, какъ истый величественный богатырь! Каждое слово Его, каждое дѣло Его были олицетвореніемъ и воплощеніемъ достоинства и мощи нашего, дорогого отечества, достоинства никогда и ни въ чемъ не отступавшаго съ почвы законности и безукоризненнѣйшей правды и справедливости.

Онъ идеально олицетворялъ Собою Самодержавную власть того Самодержца Всероссійскаго, котораго душа народная чтитъ, какъ Божьяго Помазанника, въ коемъ нѣтъ лицепріятія

и неправды. Онъ былъ *Царь правды*! Онъ поддерживалъ огромное цѣлое родной земли, сохранилъ тотъ принципъ русскаго единства, который многовѣковая исторія собрала, какъ въ фокусѣ, въ словѣ *Царь!* Только смыкаясь вокругъ природнаго Государя своего, Избранника Божьяго Промысла, народныя толпы превращаются въ великую націю.

Онъ никогда не боялся Европы и ея запугиваній и умѣлъ на англійскую ноту по поводу Кушкинскаго дѣла отвѣтить не нотою же, а награжденіемъ ген. Комарова, постоявшаго за честь и русское достоинство.

Имя Александра III окружено блистательною легендою. Разсказываютъ, что когда, однажды, министръ иностранныхъ дѣлъ, проводникъ остзейской политики, Гирсъ рѣшился прибыть въ финляндскія шхеры и нарушить единственный въ году кратковременный отдыхъ Царя-Труженика запросомъ о томъ, что будетъ повелѣно отвѣтить по какому то вопросу, отвѣта на который „ожидаетъ Европа", то Александръ III отвѣтилъ, будто бы: „*Когда Русскій Царь ловитъ рыбу,—Европа можетъ подождать*". Легенда эта стоитъ исторіи, такъ ярко она выражаетъ волю и высокую мудрость Государя. Москвичи долго ее помнили.

Онъ высоко поднялъ и высоко держалъ знамя русской народности. Девизъ: „Россія—для русскихъ" занялъ подобающее ему мѣсто. Сліяніе всѣхъ народностей и націй въ одно русское государство, гдѣ люди стали бы говорить однимъ языкомъ и чтить одного Царя и законы—вотъ народный идеалъ царствованія Императора Александра III. И этотъ побѣдоносный подъемъ всего *русскаго* въ Россіи зависѣлъ не столько отъ времени, не столько отъ общаго прогресса въ русскомъ сознаніи, сколько главнѣйшимъ образомъ отъ *личности Его самого*, „изъ перерусскихъ *русскаго человѣка!*"

Всматриваясь въ образъ почившаго Монарха, Европа вѣрно угадала, что наша нравственная сила въ *духѣ народа нашего*, что наша культурная мощь—въ созидаемой этимъ духомъ народнымъ своеобразной русской культурѣ. Въ образѣ покойнаго Государя для Европы какъ бы отразился весь духовный складъ русскаго народа. Онъ былъ русскій человѣкъ отъ головы до ногъ. Въ заслугу Ему ставятъ именно то, что, по сознанію самихъ лучшихъ европейскихъ людей, уже совершенно расшатано въ Европѣ и мало тамъ цѣнится: Его религіозность, преданность Церкви, Его кротость, Его семейныя добродѣтели, Его царственную мудрость. „Теперь, когда въ модѣ фальшивый космополитизмъ", пишетъ одинъ французскій

авторъ, „Александръ III былъ русскимъ—духомъ и тѣломъ". Другая французская газета говоритъ, что въ Европѣ нѣтъ уже такихъ людей какъ почившій Государь, что они тамъ невозможны: „въ Европѣ все продажно, все шатко. Тамъ главный девизъ: beati possidentes. Александръ III возгласилъ другой, христіанскій принципъ: beati pacifici". Тамъ же читаемъ, что Александръ III „составлялъ противоположность современному традиціонно-вульгарному идеалу". Во Франціи восхищались тѣмъ, что „Александръ III былъ истиннымъ *Самодержцемъ*, *національнымъ* Государемъ".

Замѣчательна была у покойнаго Государя любовь ко всему *русскому*. Съ этою любовью, впрочемъ, тѣсно соединялся даже внѣшній образъ Царя-Миротворца. Эти добрые голубые глаза со свѣтлымъ открытымъ взоромъ, это пріятное лицо, украшенное свѣтлою русскою бородою, этотъ мощный богатырскій ростъ; наконецъ, этотъ введенный имъ въ армію покрой мундира, въ видѣ русскаго казакина, русскаго кушака, шапки и высокихъ сапогъ; все это дивно соотвѣтствовало народному представленію о Государѣ всея Руси. И подъ этимъ, чисто національнымъ, костюмомъ билось истинно русское сердце. Почившій Государь любилъ старинные отечественные обычаи, слѣдилъ за успѣхами русской науки и живописи, а также еще болѣе сочувствовалъ русской музыкѣ.

„Наука отведетъ Императору Александру III, говорилъ проф. В. О. Ключевскій въ своей рѣчи въ 1894 году, подобающее мѣсто не только въ исторіи Россіи и всей Европы, но и въ русской исторіографіи, скажетъ, что Онъ одержалъ побѣду въ области, гдѣ всего труднѣе достигаются побѣды, побѣдилъ предразсудокъ народовъ и этимъ содѣйствовалъ ихъ сближенію, покорилъ общественную совѣсть во имя мира и правды, увеличилъ количество добра въ нравственномъ оборотѣ человѣчества, ободрилъ и приподнялъ русскую историческую мысль, *русское національное сознаніе* и сдѣлалъ все это такъ тихо и молчаливо, что только теперь, когда Его уже нѣтъ, Европа поняла, чѣмъ Онъ былъ для нея".

Въ исторіи русской литературы навсегда останется памятнымъ рескриптъ, данный Императоромъ Александромъ III, когда Онъ былъ еще Наслѣдникомъ, на имя И. И. Лажечникова въ 1869 году: „Я всегда былъ того мнѣнія, что писатель, оживляющій исторію своего народа поэтическими представленіями ея событій и дѣятелей въ духѣ любви къ родному краю, способствуетъ къ *оживленію народнаго самосознанія* и оказываетъ немаловажную услугу не только литературѣ, но и

цѣлому обществу". Несомнѣнно, что любовь къ отечественной исторіи развилась у почившаго Государя, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ С. М. Соловьева, читавшаго Ему лекціи въ 1865—66 годахъ. Общеніе Царственнаго Ученика съ авторомъ „Исторіи Россіи" не прекращалось до смерти послѣдняго, и „всегда памятные уроки и наставленія" нашли благодарнѣйшую почву и только укрѣпили задатки тѣхъ природныхъ душевныхъ качествъ, обаяніе которыхъ было неотразимо и покорило весь міръ.

Памятными также останутся слова покойнаго Государя, съ которыми онъ обратился въ грамотѣ при пожалованіи ордена къ академику Буслаеву въ 1888 году; вотъ эти слова: „Вы неизмѣнно оставались вѣрными возвышенному идеалу наставника, который не только сообщаетъ знанія потомству, но и укореняетъ въ нихъ *любовь къ родинѣ, уваженіе къ завѣтамъ ея исторіи, вѣрность и преданность Престолу*".

Когда же скончался М. Н. Катковъ, Государь удостоилъ вдову покойнаго слѣдующей телеграммы: „Вмѣстѣ со всѣми истинно русскими людьми глубоко скорблю о вашей и Нашей утратѣ. Сильное слово покойнаго мужа вашего, одушевленное горячею любовью къ отечеству—возбуждало русское чувство и укрѣпляло здравую мысль въ смутныя времена. *Россія не забудетъ его заслуги*, и всѣ соединяются съ вами въ единодушной молитвѣ объ упокоеніи души его".

Весьма большой интересъ представляетъ въ переживаемые нами дни осады Портъ-Артура, вполнѣ сравнимой съ „славнымъ севастопольскимъ сидѣньемъ", взглядъ покойнаго Императора на военную исторію вообще. Эти взгляды изложены въ „Возваніи" о достопамятной для исторіи осадѣ Севастополя: „Распространеніе въ войскахъ знанія великихъ подвиговъ военной доблести, съ цѣлью сроднить съ ними каждаго солдата, есть важнѣйшая сторона военнаго образованія войска. Чѣмъ свѣжѣе память этихъ страницъ исторіи и этихъ подвиговъ военной доблести, тѣмъ яснѣе рисуются образы великихъ людей и славныхъ дѣлъ каждаго историческаго событія, тѣмъ сильнѣе, слѣдовательно, могутъ они быть двигателями нравственнаго вліянія. Однимъ изъ подобныхъ событій позднѣйшаго времени для насъ, русскихъ, представляется безспорно Севастопольская защита. Смыслъ ея славы есть картина цѣлой эпохи, въ теченіе которой *патріотизмъ каждаго изъ тысячъ севастопольскихъ защитниковъ является какъ несокрушимое убѣжденіе и глубокое чувство, какъ источникъ яснаго, твердаго и благороднаго сознанія своего долга*".

Какія чудныя слова! Вспомнимъ многострадальныхъ героевъ Портъ-Артура, вѣрныхъ своему долгу!

Связующимъ звеномъ между царствованіемъ прошедшимъ и настоящимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ незабвеннымъ въ лѣтописяхъ отечественнаго искусства событіемъ является устройство въ С.-Петербургѣ, по Высочайшему повелѣнію, русскаго музея имени „Императора Александра III“. Мысль о такомъ музеѣ была завѣтною мечтою покойнаго Государя. Съ своею чуткою ко всему изящному и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко-русскою душою, Онъ не могъ не видѣть, какой пробѣлъ существуетъ въ сѣверной столицѣ, не имѣвшей такого хранилища, гдѣ бы въ объединенномъ видѣ было представлено родное искусство.

Въ Высочайшемъ указѣ Правительствующему Сенату объ учрежденіи музея, между прочимъ, сказано, что необходимость основанія музея „Незабвенный Родитель Нашъ предуказалъ *въ мудрой заботливости о развитіи и процвѣтаніи отечественнаго искусства*“.

Въ память покойнаго Государя основано „Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія“. Въ средѣ лицъ, сочувствовавшихъ этому дѣлу, была составлена особая „записка“, въ которой, между прочимъ, было выражено, что для славы Александра III и для торжества Его Государственной идеи нужно, чтобы русскій народъ созналъ величіе усопшаго Царя не только сердцемъ, но и разумомъ; нужно, чтобы Его вѣра, Его надежда, Его взгляды—проникли во всѣ слои русскаго общества и *преимущественно въ молодое поколѣніе*, на которое Россія возлагаетъ свои лучшія надежды. По мнѣнію составителей „записки“, которое, безъ сомнѣнія, раздѣляютъ всѣ истинно русскіе люди, „замѣчаемыя въ нѣкоторой части нашей молодежи стремленія къ анти-русскимъ идеаламъ и происходящее отъ нихъ въ средѣ ея умственное броженіе могутъ быть побѣждены не властью и матеріальной силой, а истиннымъ знаніемъ, всестороннимъ изученіемъ русской исторіи, русскаго права, русскаго народнаго быта, освѣщенныхъ свѣтомъ *основныхъ принциповъ царствованія Императора Александра III*“. Отъ всей души привѣтствуемъ эти правдивыя и симпатичныя мысли лучшихъ русскихъ людей!

Заслуживаетъ также большого вниманія характеристика Императора Александра III авторами „записки“, какъ Царя сознававшаго и показавшаго, чѣмъ можетъ и должна быть „сильная внутреннимъ единствомъ и озаренная свѣтомъ просвѣщенія *Самодержавная и Православная Россія*“, если она останется вѣрна кореннымъ основамъ своего духа, если она

не дастъ себя увлечь въ сторону отъ своего историческаго пути, если она не сотворитъ себѣ кумира въ идеалахъ чужой образованности, не поклонится и не послужитъ имъ.

Императоръ Александръ III былъ большимъ любителемъ и знатокомъ музыки. Въ 1872 году, по его желанію, былъ основанъ хоръ любителей духовой музыки, называвшійся „хоромъ Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича", въ которомъ Онъ принималъ участіе въ продолженіе 9 лѣтъ до восшествія на престолъ. По личной иниціативѣ Государя, былъ учрежденъ придворный оркестръ, впослѣдствіи были организованы оркестры во многихъ учебныхъ заведеніяхъ (въ корпусахъ, въ гимназіяхъ, а также на заводахъ).

Въ области театра крупнымъ фактомъ является благоволеніе Государя къ проекту народнаго театра, составленному покойнымъ драматургомъ А. Н. Островскимъ. Къ сожалѣнію, кончина послѣдняго помѣшала осуществленію идеи о русскомъ національномъ театрѣ.

Благодаря покровительству Императора, русская музыка и русскій театръ стали на должную высоту и пользовались большимъ успѣхомъ не только въ Россіи, но и заграницей.

Какъ *человѣкъ*, въ Бозѣ почившій Государь отличался спокойнымъ умомъ, прямотою мысли и не могъ терпѣть лжи. Еще съ юныхъ лѣтъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ проф. Н. Ѳ. Здекауэръ, Императоръ Александръ III, будучи „въ высшей степени правдивъ, честенъ, ненавидѣлъ всякую ложь до отвращенія, не любилъ лести". Императоръ любилъ самостоятельно обдумывать каждое дѣло, серьезно и спокойно, и избѣгалъ посредниковъ, а потому не любилъ случайныхъ докладчиковъ: „для чего будетъ объяснять Мнѣ дѣло, говорилъ Онъ, человѣкъ, который знаетъ его менѣе, чѣмъ Я?" Желая быть близ' кимъ къ истинѣ, Государь неоднократно строго подтверждалъ чтобы всѣ письма и прошенія, адресуемыя на Его Имя, непремѣнно доставлялись Ему въ собственныя руки.

Твердость характера покойнаго Государя подтверждается многими фактами. Онъ проявлялъ равную строгость ко всѣмъ, не исключая даже и лицъ Царствующаго Дома.

Обстоятельства, при которыхъ Императоръ Александръ III вступилъ на тронъ, не могли забыться Имъ. Во время неудачнаго покушенія нигилистовъ (13 марта 1886 г.) Императоръ проявилъ самое абсолютное хладнокровіе. Это былъ день ежегодной панихиды по Государѣ Александрѣ Николаевичѣ въ Петропавловскомъ соборѣ, гдѣ присутствовала вся Царская Семья. Уже только на обратномъ пути, на станціи желѣзной

дороги, Императоръ получилъ увѣдомленіе о томъ, что могъ подвергнуться опасности, подобной той, которая пресѣкла дни жизни Его Августѣйшаго Родителя. Ничего не сообщая никому, Онъ продолжалъ путь въ Гатчину, спокойно и даже весело разговаривая въ вагонѣ, какъ будто ничего и не произошло. Лишь отпустивъ дѣтей во дворецъ и отправившись одинъ съ Императрицей черезъ паркъ, Онъ сообщилъ Ей ужасную новость. Не обладая стальными нервами Своего Супруга, Императрица была потрясена. Не мудрено было бы и мужчинѣ почувствовать нѣкоторое безпокойство, узнавъ, что онъ только что перешагнулъ черезъ направленную противъ него западню. Но ничего подобнаго не было у Императора. Онъ просто и спокойно сказалъ только: „Я готовъ; Свой долгъ Я исполню, а тамъ будь, что будетъ".

Съ любовью къ родному, русскому, неразрывно соединялась простота Его вседневной жизни. Не любя внѣшняго блеска, ненужной роскоши, Государь жилъ въ небольшихъ уютныхъ комнатахъ, убранныхъ скромно и просто, но особенною простотой отличались поѣздки въ, такъ называемыя, финляндскія шхеры. Здѣсь, въ тѣсномъ кругу Семьи и близкихъ, Монархъ являлся добродушнымъ русскимъ человѣкомъ, привлекая къ Себѣ всѣхъ Своимъ характеромъ и самыми простыми занятіями: со старыми рыбаками удилъ рыбу, съ Августѣйшими Дѣтьми, на какомъ нибудь островѣ, собиралъ ягоды и цвѣты, заходилъ въ крестьянскую хижину и выпивалъ тамъ кружку молока среди самаго простого разговора съ хозяевами...

Нерѣдко, въ концѣ лѣта, покойный Государь ѣздилъ отдыхать къ Своему Тестю, королю Даніи Христіану. Тамъ Онъ набиралъ Себѣ силъ для новыхъ царственныхъ трудовъ, отдыхая отъ дѣлъ въ кругу Семьи и родныхъ. И Онъ любилъ жить тамъ, какъ простой человѣкъ, любилъ, чтобы не узнавали Его, русскаго Царя. Разсказываютъ про такой случай. Однажды Государь былъ застигнутъ на прогулкѣ сильнымъ дождемъ; одѣтъ Онъ былъ въ статскомъ платьѣ; экипажа у Него не было, а до дворца было далеко; въ это время проѣзжалъ мужичекъ-датчанинъ. Царь попросилъ подвезти Его. Сѣли они рядомъ и поѣхали. Доѣхавъ до дворцоваго парка, крестьянинъ остановился, сказавъ, что далѣе ѣхать нельзя. „Да, вѣдь, Я Императоръ", сказалъ ему Государь; но крестьянинъ, думая, что его спутникъ шутитъ, возразилъ, смѣясь: „Врать-то и я умѣю: ты императоръ, такъ на вотъ, я—король Даніи Христіанъ". Такъ и не поѣхалъ черезъ паркъ. На другой день, когда Царь прислалъ ему крупную сумму денегъ,—

крестьянинъ обомлѣлъ отъ страха, что такъ дерзко говорилъ съ Русскимъ Царемъ.

Въ Копенгагенѣ маленькіе принцы любили толпой окружать своего „Дядю Сашу“, который добродушно участвовалъ въ ихъ играхъ. Тутъ со всѣхъ сторонъ только и слышится: „Дядя Саша, Дядя Саша“! Веселая толпа, однажды, вздумала такого рода игру: „Дядя Саша“ долженъ былъ стать неподвижно, а дѣти всей толпой устремлялись на Него, чтобы хотя немного сдвинуть Его съ мѣста. Но напрасно! Могучій „Дядя Саша“ стоялъ, какъ скала, и ни разу не сошелъ съ занятой Имъ позиціи.

Въ прекрасномъ образѣ кроткой Спутницы жизни покойнаго Царя Императрицы Маріи Ѳеодоровны воплотился образъ лучшей русской Матери, Супруги и Хозяйки. Она умѣла въ простотѣ и тишинѣ Своего семейнаго круга создать тихое, безмятежное счастіе, въ теплыхъ лучахъ котораго почерпалъ бодрость на Свое царственное труженичество безвременно скончавшійся Государь.

Къ дѣламъ милости Царь-Праведникъ относился съ большою сердечностью. Онъ утѣшалъ вдовъ, устраивалъ и обезпечивалъ жизнь сиротъ, посѣщалъ больныхъ. Когда же насталъ голодъ, Императоръ Александръ III, скорбя сердцемъ о бѣдствіи Своего народа, для спасенія его, жертвовалъ собственныя деньги.

Своею глубочайшею вѣрой и преданностью Церкви Благочестивѣйшій Государь былъ истиннымъ образцомъ христіанской вѣры для своихъ подданныхъ. Извѣстно, какъ неупустительно посѣщалъ Онъ Свою домовую церковь, Самъ, лично, по русскому благочестивому обычаю, ставилъ свѣчи передъ иконами и смиренно преклонялся передъ ними...

Вмѣстѣ съ народомъ Своимъ Онъ вѣровалъ, что центръ тяжести жизни не здѣсь, на землѣ, а тамъ,—въ жизни новой, безконечной... Вотъ почему все, что Онъ дѣлалъ, Онъ дѣлалъ для той, для будущей жизни... Отсюда Его—величавое спокойствіе, Его увѣренность и спокойная твердость: Онъ зналъ, что дѣлаетъ не Свое дѣло, а Божіе. И Онъ положилъ жизнь Свою за народъ, данный Ему Богомъ, спасая Свою душу. Онъ, смиренный сердцемъ, не радовался власти, а принялъ ее, Свою Самодержавную Власть, какъ тяжкій крестъ, который Провидѣніе предназначило Ему нести. Онъ выразилъ это въ Манифестѣ о вступленіи Своемъ на престолъ. Онъ сказалъ всему народу Своему, что принимаетъ Царскую власть, какъ бремя и какъ подвигъ, къ которому призываетъ Его Про-

видѣніе. И Онъ несъ этотъ крестъ до конца, пока не изнемогъ подъ его тяжестью. Онъ былъ *православный христіанинъ*, истинный сынъ Церкви—и въ этомъ Его сила, въ этомъ обаяніе и гармоничность Его нравственнаго образа, которому приносятъ дань удивленія, благоговѣйнаго уваженія и любви всѣ народы.

Припомнимъ событіе, случившееся 17 октября 1888 года, *„чудо милости Божіей“*, какъ призналъ это Благочестивѣйшій Царь. Отъ царскаго поѣзда уцѣлѣли лишь паровозы, да три задніе вагона; все смѣшалось: люди, куски дерева, рельсы, багажъ, тѣла убитыхъ. Первымъ порывомъ Государя было перекреститься. Слеза благодарности къ Богу скатилась изъ глазъ Его... Государь обнялся съ Императрицей. Въ то время, какъ Государь, несмотря на боль въ ногѣ, часто спускался и подымался на откосъ, распоряжаясь работами по извлеченію изъ обломковъ разбитаго поѣзда раненыхъ, Государыня Императрица вся отдалась присущему Ей чувству безграничнаго, милосерднаго состраданія къ пострадавшимъ, и, какъ и Государь, забывая Себя, подавала вмѣстѣ съ Сыномъ, нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ, помощь и утѣшеніе раненымъ.

Хотя Царь-Миротворецъ былъ и мощнаго тѣлосложенія, но государственные Его труды, которые были превыше силъ человѣческихъ, надорвали Его драгоцѣнное здоровье... и Царь заболѣлъ! Проф. Захарьинъ совѣтовалъ Государю „не утомлять Себя занятіями, давать Себѣ болѣе времени для сна и избѣгать простуды“, но для Царя-Труженика, посвятившаго всѣ Свои заботы и помыслы величію и благосостоянію Россіи, отдыхъ казался немыслимымъ. Императоръ Александръ III захворалъ въ январѣ мѣсяцѣ. Въ августѣ врачи нашли у покойнаго воспаленіе почекъ въ полномъ его развитіи. На выздоровленіе Его уже не было никакой надежды. А, между тѣмъ, Императоръ обозрѣлъ войска Красносельскаго лагеря и впослѣдствіи собирался пріѣхать на большіе Смоленскіе маневры. Лично я видѣлъ Государя 3 августа 1894 года въ Красномъ Селѣ. Незабвенный Державный Вождь русской арміи значительно похудѣлъ и страшно пожелтѣлъ. Я поразился этою значительною перемѣной. Но голосъ Государя и Его ласковая улыбка, по прежнему, очаровывали всѣхъ. Кто тогда изъ насъ думалъ, что „конецъ“ уже такъ близокъ впереди?...

Въ концѣ сентября Царская Семья переселилась въ Ливадію. Въ первые дни Августѣйшій Больной чувствовалъ себя хорошо, но вслѣдъ затѣмъ появилось ослабленіе дѣятельности

сердца, потеря сна и опухлость ногъ. Врачи встревожились. Настали дни тяжелой тревоги и сильнаго опасенія! Врачи предложили перевести Дорогого Больного на островъ Корфу, но Государь отвѣтилъ на это рѣшительнымъ отказомъ. Такъ горячо любилъ Монархъ свою страну, что даже забота о здоровьи не могла заставить Его примириться съ временною разлукой со Своимъ народомъ.

Между тѣмъ, силы Августѣйшаго Больного ежедневно таяли, но Государь старался казаться бодрымъ и не ложился въ постель. 2-го октяря Онъ съ Государыней Императрицей и Великой Княжкою Ольгой Александровной ѣздилъ на водопадъ „Учанъ-Су". Государь привѣтливо отвѣчалъ на поклоны встрѣчныхъ.

Несмотря на упадокъ силъ, Его Величество не пожелалъ отказать въ пріемѣ Харьковскому профессору Грубе (нынѣ уже скончавшемуся), который явился благодарить за вниманіе, оказанное Государемъ Императоромъ во время болѣзни, постигшей профессора. Единственно Государю Императору престарѣлый профессоръ былъ обязанъ своимъ спасеніемъ отъ смерти, и понятно было его желаніе лично выразить Царю-Праведнику свою душевную признательность. Профессоръ Грубе, какъ извѣстно, заразился трупнымъ ядомъ, и опухоль охватила уже всю руку до плеча. Единственное спасеніе заключалось въ операціи, но операція оказывалась невозможною, потому что сердце больного работало слабо. Спасенія, казалось, не было никакого, и въ квартирѣ профессора уже собрались харьковскіе профессора, врачи и студенты-медики ожидая кончины любимаго профессора. Въ эту минуту, какъ разъ, была доставлена телеграмма министра Императорскаго Двора, графа Воронцова-Дашкова, въ которой графъ, по порученію Государя Императора, спрашивалъ о состояніи здоровья профессора Грубе. Этотъ знакъ Монаршей милости въ такой степени обрадовалъ больного профессора, что сердце его начало усиленно работать. Этимъ моментомъ воспользовались врачи и произвели, такъ сказать въ послѣдюю минуту, необходимую операцію, которая и спасла больному жизнь. Государь спросилъ профессора, была ли ему польза отъ пребыванія въ Ялтѣ. Профессоръ отвѣтилъ, что въ іюлѣ было очень жарко, но польза все таки была. На это Государь сказалъ: „а Я здѣсь 10 дней, и Мнѣ каждый день все хуже".

Между тѣмъ всѣ русскіе люди изнемогали отъ постоянной тревоги за драгоцѣнную жизнь обожаемаго Государя. Съ какимъ жгучимъ безпокойствомъ перечитывали они печальныя

бюллетени о ходѣ царской болѣзни. Безчисленные храмы земли русской переполнились молящимися, чаявшими, что Всемогущій Богъ отвратитъ всенародное несчастіе. Съ горячей мольбой просили всѣ Бога спасти Царя-Миротворца. Ловили всякій слухъ, допрашивали каждаго пріѣзжаго съ юга, гадали, спорили и даже самый малый лучъ надежды принимали съ увѣренностью, что Государь будетъ жить. Трогательными молитвами всѣ жаждали сохранить лучшаго Сына своей родины, величайшаго изъ Монарховъ, любившаго Свою Россію больше, чѣмъ кто-либо, познавшаго въ Своемъ народѣ несокрушимую мощь и съумѣвшаго дать Россіи величайшій ростъ, который смутилъ нашихъ недруговъ, заставилъ смириться и преклониться передъ Государемъ, чувствовавшимъ Своимъ благороднымъ сердцемъ, что лучшій удѣлъ въ жизни государствъ и народовъ—это миръ, правда и справедливость!

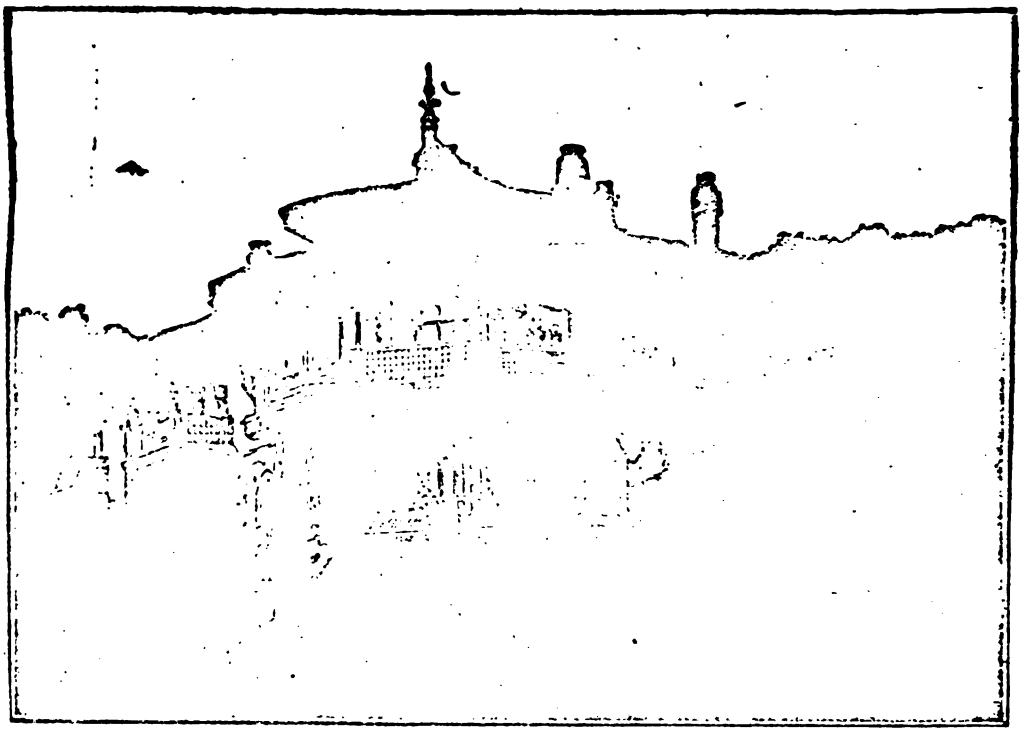
9 октября Государь, пригласивъ къ Себѣ духовника, протопресвитера Янышева, объявилъ ему свое сердечное пожеланіе пріобщиться Св. Таинъ. О возможности близкой своей кончины Онъ „весьма опредѣленно" говорилъ о. Янышеву. Совершившееся таинство было несказаннымъ утѣшеніемъ и успокоеніемъ для Благочестиваго Государя. 10-го числа Государь пригласилъ къ себѣ о. Іоанна Кронштадтскаго. *„Прошу молиться за Меня"*—сказалъ Августѣйшій Страдалецъ—*„Я очень недомогаю"*. Перейдя въ другую комнату, Государь сталъ на колѣни. Его Величество молился съ чувствомъ, склонивъ голову и углубившись въ Себя. 17 октября, по желанію Государя, о. Іоаннъ причастилъ Высокаго Больного Св. Таинъ. Благоговѣйно принялъ Онъ изъ чаши Св. Тайнъ, слеза умиленія скатилась на Его грудь.

Въ слѣдующіе дни Августѣйшему Больному становилось все хуже и хуже. Но возлюбленный Монархъ, несмотря на болѣзнь Свою, не оставлялъ заботъ о дѣлахъ правленія. Наканунѣ дня кончины Государь еще подписывалъ поднесенные Ему доклады. Въ ночь на 20 октября Государыня Императрица, по настоянію Государя, прилегла отдохнуть только на два часа. Проснувшись, она увидѣла, что Государь безпокоится. Не разъ Онъ просилъ Ее посмотрѣть въ окно—не разсвѣтаетъ-ли?. Государю помогли надѣть Его тужурку и пересѣсть въ кресло, гдѣ онъ и оставался до кончины.

Въ послѣднія минуты Своей жизни Онъ думалъ о Россіи и шелъ къ столу, чтобы заниматься! Только ближайшимъ извѣстно, что Государь писалъ за столомъ. Дыханіе становилось все труднѣе, и все чаще приходилось прибѣгать къ помощи

кислорода. Въ 7 часовъ утра Августѣйшій Страдалецъ попросилъ къ Себѣ Наслѣдника Цесаревича, нынѣ Благополучно царствующаго Государя Императора, и около часа бесѣдовалъ съ Нимъ наединѣ, послѣ чего повелѣлъ пригласить другихъ Дѣтей Своихъ, а также и о. Іоанна. Государыня Императрица вышла въ сосѣднюю комнату, но тутъ же пришелъ нынѣ благополучно царствующій Государь сказать, что Отецъ зоветъ Ее. Войдя, Она нашла Государя въ слезахъ и Онъ сказалъ Ей: „*Чувствую свой конецъ*“! На это Императрица воскликнула: „*Ради Бога, не говори этого, Ты будешь здоровъ*“!—„*Нѣтъ*“—произнесъ Царственный Страдалецъ—„*это тянется слишкомъ долго, чувствую, что кончина близка*“! Императрица, видя что дыханіе затруднено и что Государь слабѣетъ, пригласила Великаго Князя Владиміра Александровича. Государь сидѣлъ въ креслахъ, Императрица и всѣ вокругъ Него стояли на колѣняхъ. Онъ внятно сказалъ: „*Я желалъ бы помолиться*“! Пришелъ о. Янышевъ и сталъ молиться; немного спустя Государь сказалъ: „*хочу причаститься*“. Съ великимъ умиленіемъ пріобщился Государь Св. Тайнъ, произнеся вслухъ, яснымъ для всѣхъ голосомъ, молитву передъ причастіемъ. Почти до послѣдняго воздыханія Незабвенный Страдалецъ находился въ полномъ сознаніи и ослабѣвающимъ голосомъ разговаривалъ съ окружающими, находя для каждаго ласковое слово. Затѣмъ Государь пожелалъ видѣть отца Іоанна, который, помазавъ ноги и животъ Болящаго елеемъ изъ лампадки отъ чудотворной иконы, возложилъ свои руки, по желанію Государя, на Его голову и долго не отнималъ ихъ. Государь, находясь въ полномъ сознаніи, просилъ отца Іоанна отдохнуть, но отецъ Іоаннъ сказалъ, что не чувствуетъ усталости и спросилъ Его: „Не тяжело-ли Вашему Величеству, что я держу долго руки на главѣ Вашей?“ Но Царь сказалъ ему: „*Напротивъ, мнѣ очень легко, когда вы ихъ держите*“; потомъ Царь продолжалъ: „*васъ любитъ русскій народъ*“. „Да“, отвѣтилъ отецъ Іоаннъ, „Вашъ народъ любитъ меня“. „*Любитъ*“, сказалъ Государь,—„*потому, что онъ знаетъ, кто вы и что вы*“. Затѣмъ Государь просилъ о. Іоанна пойти отдохнуть, чтобы снова придти. Императрица все время стояла на колѣняхъ съ лѣвой стороны Государя, держа его руки, которыя начали холодѣть. Государь часто въ теченіе послѣднихъ часовъ своей драгоцѣнной жизни цѣловалъ Императрицу; подъ конецъ же сказалъ: „*не въ силахъ даже поцѣловать Тебя*“, при чемъ дышалъ съ большимъ трудомъ. Августѣйшія дѣти также стояли на колѣняхъ. Здѣсь же находилась и Высоконареченная Невѣста, нынѣ Го-

сударыня Императрица Александра Ѳеодоровна. Государь все просилъ ихъ сѣсть, говоря, что они устанутъ. Великій Князь Михаилъ Александровичъ гладилъ руку незабвеннаго Отца, Который, съ нѣжностью глядя на него, сказалъ: „*душка*", но тутъ же простоналъ: „*тяжело мнѣ, тяжело*"! Не задолго передъ кончиной о. Іоаннъ снова пришелъ и снова молился. Біеніе сердца Государя замедлилось, дыханіе становилось все рѣже и рѣже... О. Іоаннъ продолжалъ молиться... Въ 2¹/₄ часа пополудни Государь тихо, почти незамѣтно, предалъ духъ... Чистая душа Царя-Праведника, повинуясь волѣ Всемогущаго



Малый дворецъ въ Ливадіи, въ которомъ скончался Императоръ Александръ III.

Бога, отлетѣла туда, гдѣ нѣтъ печалей, горестей и воздыханій! Она покорно и безтрепетно покинула изможденное тѣло Царственнаго Страдальца, отошедшаго въ вѣчность съ поразительнымъ спокойствіемъ, крѣпкаго своею чистою совѣстью, могучаго своею непоколебимою вѣрою въ Бога и въ будущую жизнь. Вся Семья Царская, безмолвно, съ покорностью волѣ Всевышняго, преклонила колѣни. Отецъ Іоаннъ снялъ руки съ головы Его, на которой выступилъ холодный потъ. Лѣвая рука Почившаго покоилась на колѣнѣ, правая находилась въ рукахъ Государыни, которая не покидала своего мѣста, пока съ почившимъ прощались Августѣйшіе Родные и всѣ другіе.

Печать смерти лежала на чертахъ усопшаго, но онѣ были спокойны и свѣтлы. Знакомыя черты эти сохранились вполнѣ, и каждый человѣкъ, кто наклонялся надъ Нимъ съ молитвой для послѣдняго цѣлованія, видѣлъ и думалъ, насколько еще молодъ былъ Царь, насколько милостиво было выраженіе Его лица, которое безвременно и безжалостно охлаждено было смертью.

Долго не забудетъ Петербургъ, а съ нимъ и вся Россія скорбный день 20-го октября 1894 г. Въ началѣ пятаго часа съ быстротою молніи разнесся слухъ о кончинѣ... Толпы народа на улицахъ стали прибывать „Слышали?.. „Государь скончался"... „Неужели? правда-ли? Господи, помилуй! отврати ударъ! сжалься надъ Россіей!" Люди осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ. Тамъ и сямъ въ толпахъ народа слышались плачъ и рыданія. Роковой слухъ подтвердился ровно въ 7 ч. вечера. На улицахъ появились полицейскіе со скорбной телеграммой.

„Государь Императоръ Александръ III въ 2 часа 15 мин. по полудни сего 20-го октября тихо въ Бозѣ почилъ".

Народъ какъ бы окаменѣлъ... Нѣкоторые падали на колѣни... Слышно было: „Господи, упокой душу Его въ селеніяхъ праведныхъ! Царство небесное Батюшкѣ, Царю-Миротворцу, Царю-Ангелу!" Торговыя заведенія закрылись ранѣе обыкновеннаго. Народъ двинулся къ храмамъ и часовнямъ. Среди слезъ и рыданій стали совершаться непрерывныя панихиды объ упокоеніи чистой души Усопшаго.

Такъ скорбѣли и молились въ одномъ городѣ. Сколько же слезъ пролили 120 милліоновъ подданныхъ, во всѣхъ городахъ, во всѣхъ селеніяхъ родной земли! Сколько печали, сколько молитвъ! Молились люди всѣхъ вѣръ: православные, католики, лютеране, евреи, магометане... Молились вездѣ, во всѣхъ храмахъ, часовняхъ, присутственныхъ мѣстахъ, въ казармахъ, въ школахъ, въ богадѣльняхъ...

Всѣ знаютъ о томъ впечатлѣніи, о тѣхъ симпатіяхъ, которыя широкою волною зашумѣли во всѣхъ концахъ Европы и въ особенности во Франціи, когда пришли туда извѣстія объ опасной болѣзни Государя. Вѣчно занятое многообразными близкими вопросами, общественное мнѣніе вдругъ поняло, какая опасность надвигается и какой это удивительно честный человѣкъ, какой это Царь спокойный, искренній, любящій правду и ненавидящій ложь, и какъ многое отъ него зависѣло въ этой Европѣ, полной культуры, богатства, художества, всякихъ чудесъ, но и полной затаенной вражды и ненависти. Всѣ любящіе миръ почувствовали, что теряютъ самаго могущественнаго друга мира. Гдѣ-то тамъ на Сѣверѣ, въ снѣгахъ, въ ска-

зочной, угрюмой Россіи сидѣлъ этотъ Богатырь и думалъ свою ежедневную честную думу и дѣлалъ свое ежедневное, тяжелое, отвѣтственное дѣло Монарха. Чѣмъ-то сердечнымъ, скромнымъ и таинственно-трогательнымъ Онъ былъ окруженъ въ своей семьѣ, въ своемъ рабочемъ кабинетѣ. Гдѣ-то раздавались воинственныя рѣчи, угрозы, шумѣли витіи, думая потрясать міръ, лились льстивыя рѣчи, заискиванія извнѣ, но Онъ продолжалъ свою упорную работу, чуя собственнымъ сердцемъ то, что есть самое важное въ жизни и старался, чтобъ это самое важное торжествовало. И это самое важное было—*миръ* и *правда*.

Невыразимая скорбь народа сопровождала гробъ Великаго Монарха всюду на громадномъ пути отъ Ливадіи до Петербурга, къ мѣсту послѣдняго Его упокоенія въ Петропавловскомъ соборѣ; она сказалась моремъ слезъ, оросившихъ этотъ великій погребальный путь, она возносила пламенныя молитвы о душѣ Почившаго; она устилала путь Его цвѣтами; она одѣвала все и всѣхъ въ безпримѣрный трауръ... Но она была неразрывно соединена съ любовью къ Царственному Сыну, Который не покидалъ Отцовскаго изголовья, несъ Его гробъ, слѣдовалъ за нимъ.

28-го октября въ 6-мъ часу вечера Императорскій поѣздъ подошелъ къ Боркамъ и Спасову Скиту и остановился на памятномъ мѣстѣ крушенія 17-го октября 1888 года у такъ называемой Царской платформы, покрытой глубокимъ трауромъ и освѣщенной факелами. Всего за три мѣсяца передъ этимъ здѣсь торжественно развѣвались флаги при освященіи Храма Христа Спасителя, устроеннаго въ память чудеснаго спасенія Царской Семьи. Чувства свѣтлой радости и ликованія, съ какими такъ недавно встрѣчала обитель обожаемаго Монарха, теперь смѣнились безграничною печалью... Грандіозный храмъ, воздвигнутый среди степи русскимъ народомъ, въ вѣковѣчную память и въ благодарность Богу за чудесное спасеніе любимаго Монарха, горько оплакиваемаго присутствовавшими, задушевное пѣніе панихиды двумя хорами (архіерейскимъ и студенческимъ), масса народа, стоявшая внизу на площадкѣ у вратъ храма съ тысячью горящихъ свѣчей въ темнотѣ холодной, тихой ночи,—все это представляло невыразимо-умилительную, но въ тоже время высоко-торжественную, величественную картину, которая никогда не забудется видѣвшими ее...

Въ 8 часовъ вечера Императорскій поѣздъ прибылъ въ Харьковъ. Опять многотысячныя толпы народа, цвѣты, слезы, крестныя знаменія. На подъѣздѣ вокзала стояли депутаціи

учрежденій и всѣхъ сословій съ вѣнками. Началась панихида. Хоръ юношей-студентовъ взываетъ о надгробномъ рыданіи...

Москва встрѣтила драгоцѣнный прахъ Царя-Миротворца, какъ одинъ человѣкъ, колѣнопреклоненная, молящаяся..

На Высочайшемъ выходѣ во дворцѣ, гдѣ собрались высокопоставленныя лица Москвы, Государь Императоръ остановился и произнесъ слѣдующія неизгладимыя слова:

„Тяжко и больно быть теперь въ Москвѣ, которую такъ искренне любилъ Мой Незабвенный Батюшка; но Императрица и Я находимъ сердечное утѣшеніе въ молитвахъ и тѣхъ слезахъ, которыя вся Россія проливаетъ въ эти дни испытанія. Да поможетъ Мнѣ Господь служить Нашей горячо любимой Родинѣ такъ же, какъ служилъ Мой покойный Отецъ, и вести ее по указанному Имъ свѣтлому лучезарному пути“.

Затѣмъ Государь Императоръ съ Августѣйшею Матерью и Высоконареченной Невѣстой прослѣдовалъ на Красное Крыльцо и поклонился по древнему обычаю, собравшемуся народу.

На всемъ пути изъ Ливадіи до Петербурга Государь, по примѣру древнихъ русскихъ царей, приказалъ устраивать на царскій счетъ поминальныя трапезы для многихъ десятковъ тысячъ бѣднаго люда и, по русскому обычаю, подавать имъ заупокойную чашу въ память Почившаго.

Трудно передать словами всю печальную торжественность отпѣванія Тѣла въ Бозѣ Почившаго Императора; лица всѣхъ присутствовавшихъ выражали глубокое, потрясающее впечатлѣніе, подъ которымъ они тогда находились. По окончаніи отпѣванія и обряда послѣдняго цѣлованія Государь Императоръ съ Членами Императорской Фамиліи изволили поднять гробъ и при печальномъ пѣніи „Святый Боже“ понесли его къ могилѣ, устроенной въ томъ же соборѣ. Когда гробъ со священными останками былъ принятъ для опущенія въ могилу, то кругомъ собора раздались точно перекаты грома: то войска отдавали послѣднюю честь своему Незабвенному Державному Вождю.

„Душа народная слилась съ Его душой, писалъ К. П. Побѣдоносцевъ, и, утративъ Его, сама растерялась. Чувство это живо и по нынѣ. Кто хочетъ уловить его, и ощутить его, и слиться съ нимъ,—пусть идетъ въ Петропавловскій соборъ, на эту орошенную слезами могилу, и увидитъ, какъ и нынѣ, и завтра наполняетъ его торжественно, съ утра до вечера, тихою молитвою безконечная толпа народная, стекающаяся къ этой могилѣ со всѣхъ концовъ Россіи“.

Если болѣзнь покойнаго Государя Императора повергла въ глубокую тревогу не только весь русскій народъ, но и весь

христіанскій міръ, если—не только друзья, но и недруги наши—своими молитвами и благожеланіями силились продлить жизнь Царственнаго Страдальца, то, что чувствовало и пережило сердце Его Сына и Матери-Царицы въ октябрьскіе дни страданій въ Бозѣ Почившаго Государя! Когда же всѣ безпримѣрныя усилія спасти жизнь Великаго Монарха остались напрасными, когда смерть смежила Его ясныя очи, когда весь міръ съ поразительнымъ единодушіемъ сталъ облекаться въ глубокій трауръ, раздался вопль сыновняго сердца Молодаго Царя: *„Горя Нашего не выразить словами... Но его поймет каждое русское сердце“*. Эти слова, обращенныя къ народу, который такъ искренно, такъ горячо любилъ своего Почившаго Государя, въ Свою очередь любившаго Россію всею силой Своей истинно русской души, потрясли все существо русскихъ людей и въ одно мгновенье создали незримое духовное единеніе съ Молодымъ Государемъ, единеніе не только безпредѣльной Ему преданности, но единеніе безкавѣтной любви, самой сильной и горячей, единеніе, слившее душу народа съ душой его новаго Монарха.

Да пребудетъ же миръ праху Государя, Который высоко держалъ знамя великаго и миролюбиваго русскаго народа, Который былъ искреннимъ христіаниномъ, Который возвысилъ значеніе Своей родины и любилъ ее превыше всего! Миръ праху Государя, Который высокимъ Своимъ примѣромъ, Своею безупречною семейною жизнью, чистою какъ кристаллъ, поднялъ нравственный характеръ человѣка и любовь къ правдѣ и искренности! Благодарная родина вѣчно будетъ помнить въ Немъ своего добраго, мудраго, любящаго и миролюбиваго Государя и своего возлюбленнаго Сына, Который отдалъ ей всю Свою жизнь и служилъ ей до самопожертвованія, до послѣдняго біенія Своего благороднаго сердца!

„Людская слава—дымъ и жизнь земная бренна;
Величье, шумъ и блескъ—все смолкнетъ, все пройдетъ!
Но слава Божія безсмертна и не тлѣнна;
Царь-Праведникъ въ родныхъ преданьяхъ не умретъ“.

Сергій фонъ-Дитмаръ.

По поводу студенческихъ безпорядковъ.

Всѣмъ хорошо извѣстно, что „университетскіе безпорядки“ съ 60 годовъ превратились въ средство борьбы съ существующимъ въ Россіи государственнымъ и общественнымъ строемъ. Длинная цѣпь „сходокъ“, „демонстрацій“, „манифестацій“, „забастовокъ“ тянется до нашихъ дней отъ „эпохи великихъ реформъ“. Правильное теченіе академической жизни давно нарушено и мирныя занятія наукой всегда находятся въ опасности быть прерванными нелѣпыми выходками „не учащейся молодежи“. „Политика“ широкой волной вторглась въ учебныя заведенія и незрѣлое, неопытное юношество вмѣсто исполненія своихъ прямыхъ обязанностей притязаетъ на рѣшеніе общегосударственныхъ вопросовъ первостепенной важности. На нашихъ глазахъ, какъ бы по данному заранѣе приказанію, въ различныхъ мѣстахъ выставляются одинаковыя „требованія“, ставятся тожественныя „условія“. Послѣднія газеты сообщаютъ о демонстраціяхъ въ рядѣ университетскихъ городовъ, причемъ всюду раздавались крики „долой войну!“, всюду заявлялось, что „балтійская эскадра должна быть возвращена“. Остальныя „требованія“ столь же краснорѣчиво доказываютъ, что наша молодежь попала въ цѣпкія руки *враговъ Россіи*, получаетъ отъ нихъ поддержку и руководство и легкомысленно служитъ ихъ орудіемъ. Безъ содѣйствія со стороны молодежь всѣхъ высшихъ и отчасти даже среднихъ учебныхъ заведеній не могла бы ни устраивать „съѣздовъ делегатовъ“, ни покрывать значительные расходы на ихъ поѣздки, на разсылку и изданіе прокламацій, на устройство безпорядковъ, на быстрое полученіе свѣдѣній о возникающихъ гдѣ-либо волненіяхъ и даже о мѣрахъ, подготовляемыхъ для ихъ пресѣченія. Никто не можетъ отрицать, что врагамъ русскаго дѣла удалось создать планомѣрную организацію, при помощи которой они мѣшаютъ правильному теченію общественной жизни Россіи и создаютъ затрудненія осуществле-

нію тѣхъ мѣръ, кои задуманы нашимъ правительствомъ съ цѣлью произвести широкія преобразованія на испытанномъ вѣками основаніи. Уничтожить это основаніе—вотъ завѣтная цѣль недруговъ русскаго народа и они ловко пользуются простосердечіемъ и наивностью русскихъ юношей, выбирая именно ихъ для совершенія гнусныхъ политическихъ убійствъ, для произведенія безпорядковъ, подачи петицій и т. п. Коварный разсчетъ очевиденъ: съ одной стороны скрывается иностранная и инородческая подкладка движеній, съ другой, получается основаніе кричать на весь міръ, что недовольство охватило всѣ слои *русскаго* общества, которое и выдѣляетъ де „передовыхъ борцовъ“ въ лицѣ „отзывчивой на высшіе запросы молодежи“. Хитроумные рыбаки ловко закидываютъ удочку съ лакомой приманкой, а неопытныя рыбки попадаются на крючекъ или цѣлыми стаями заплываютъ въ сѣти пышныхъ воззваній и громкихъ словъ.

Нѣтъ, однако, никакихъ основаній утверждать, что *вся* молодежь оказывается столь недальновидной и легкомысленной, что не понимаетъ настоящаго положенія вещей: обыкновенно въ волненіяхъ принимаетъ дѣятельнсе участіе лишь фанатизованное и сравнительно незначительное меньшинство студентовъ, примыкающихъ, такъ или иначе, къ различнымъ „тайнымъ организаціямъ“. Огромное большинство совершенно уклоняется отъ участія въ сходкахъ и демонстраціяхъ и тѣмъ самымъ даетъ вѣское основаніе утверждать, что все самостоятельно мыслящее, дѣйствительно развитое и передовое юношество не сочувствуетъ превращенію высшихъ учебныхъ заведеній въ „парламенты“ или очаги революціонной пропаганды. Каждый честный, дѣйствительно „зрѣлый“ и *сознающій* свои обязанности передъ семьей, обществомъ и родиной, юноша понимаетъ, что годы пребыванія въ высшемъ учебномъ заведеніи являются невозвратимою порою подготовки для добросовѣстнаго выполненія долга гражданина въ теченіе всей дальнѣйшей жизни. Кто упуститъ это драгоцѣннѣйшее время, кто растратитъ на безплодную болтовню и политиканство свои силы и способности, тотъ оказывается очень поверхностнымъ дѣятелемъ, ибо надо научиться самому прежде, чѣмъ учить другихъ. Повторять съ точностью попугая затверженныя на вѣру слова, твердить постоянно одно и тоже—это первый признакъ весьма слабаго ума и полнаго отсутствія воли и характера. Дряблые люди, не смѣющіе *свое* сужденіе имѣть, боятся показаться смѣшными и отсталыми, а потому и считаютъ излишнимъ углубляться въ науку, работать надъ выковкой са-

мостоятельныхъ убѣжденій: гораздо легче слѣдовать готовымъ прописямъ, благо онѣ одобрены „либеральными вожаками и мнѣніемъ „просвѣщенной Европы". Такъ развивается духовное холопство, такъ создается любопытное преклоненіе передъ тѣми, кто десятки лѣтъ стоитъ на славномъ посту, пережевывая одну и ту же жвачку. Новыя научныя теченія, новыя и цѣнныя наблюденія надъ современностью, измѣнившіяся міровыя условія—все это отметается, подвергается запрету, ибо эти „общепризнанные столпы либерализма" даже гордятся тѣмъ, что „ничему не научились и ничего не забыли". Понятно, что слѣпые вожди могутъ только завести въ яму, которая столько уже лѣтъ наполняется тѣлами неопытныхъ и довѣрчивыхъ жертвъ! Кто изъ нихъ уцѣлѣетъ отъ гибели, тотъ обыкновенно остается искалѣченнымъ на всю жизнь, вѣчнымъ рабомъ, притязающимъ быть господиномъ.

Давно уже истинно русскіе люди обращали со скорбью вниманіе общества на такое печальное явленіе и старались помѣшать его распространенію [1]). Но зло ширилось и крѣпло, ибо наша школа поставлена неправильно и лишена твердыхъ національныхъ основъ, которыя единственно могутъ спасти наши подростающія поколѣнія отъ пагубной заразы космополитическими и атеистическими идеалами.

Въ послѣднее время, однако, появились отрадные признаки, сулящіе наступленіе лучшихъ дней. Кровожадный Молохъ вызвалъ сознательное противодѣйствіе въ средѣ тѣхъ, кто доселѣ доставлялъ ему лишенныя своей воли жертвы. Русское студенчество встряхнулось и стало оказывать [2]) противодѣйствіе попыткамъ фанатиковъ, стремящихся исказить прямое назначеніе университетовъ. Слишкомъ ужъ назойливо и нагло не желающіе учиться юнцы, руководимые „сѣдыми юношами", силятся обмануть общество и представить *себя* выразителями настроенія *всего* студенчества, осмѣливаются самозванно „предъявлять требованія" „отъ имени *всѣхъ* товарищей", обыкновенно совершенно даже неосвѣдомленныхъ о замыслахъ и рѣшеніяхъ вожаковъ. Естественно, что они прилагаютъ всяческія старанія, чтобы сохранить ускользающую почву и пускаютъ въ дѣло возмутительныя клеветы и самыя гнусныя измышленія съ цѣлью предотвратить неизбѣжную гибель своего обаянія. Отсюда проистекаетъ упорная борьба между сторонниками порядка и проповѣдниками переворотовъ. Изъ стѣнъ

[1]) См., между прочимъ, поучительную книгу Гилярова-Платонова „Университетскій вопросъ" (статьи за 1868—1884 г.). Петербургъ. 1908.

[2]) См. Мирный Трудъ № 7 „О настроеніи русской молодежи".

университетовъ и институтовъ эта борьба вышла на улицу, какъ показываетъ демонстрація 25 октября, описанная въ рядѣ газетныхъ сообщеній: въ этотъ день изъ Петербургскаго университета вышли двѣ группы студентовъ и направились по разнымъ сторонамъ Невскаго проспекта. Когда одна группа начинала пѣть „что то на мотивъ Марсельезы", другая отвѣчала пѣніемъ народнаго гимна. Слѣдовательно, призывъ къ революціи нашелъ немедленное противодѣйствіе: часть студентовъ безбоязненно заявляла о своей вѣрности „Православному Царю", а потому говорить: „все студенчество за насъ"— стало неудобнымъ. Конечно, поведеніе „Денницы", которой принадлежитъ честь устройства контръ-демонстраціи, заслуживаетъ полнаго одобренія со стороны всѣхъ истинно-русскихъ людей. Она дала „революціонерамъ" превосходный урокъ и показала, что нападеніе на устои русскаго бытія встрѣтитъ и впредь достойный отпоръ. Постоянныя оскорбленія и надругательства надъ священнѣйшими убѣжденіями, нелѣпыя выходки и смѣшныя притязанія, наглыя нападенія должны были вызвать сплоченную защиту, которая прекрасно справилась со своей задачей: лгуны были изобличены и посрамлены передъ всею столицею, а затѣмъ и передъ всѣмъ міромъ, ибо вѣсть о неудавшейся демонстраціи, предпринятой отъ имени якобы *всего* студенчества, и смѣломъ поведеніи „Денницы" пронеслась всюду, вызывая отрадное успокоеніе и надежду, что повсемѣстно революціонная пропаганда будетъ обезсилена самодѣятельностью русской молодежи. По нашимъ свѣдѣніямъ, дѣйствительно всюду замѣчается пламенное желаніе положить окончательно предѣлъ позорящимъ Россію выходкамъ кучки политикановъ и бывали уже случаи, когда „зрители" не оставались безучастными и слишкомъ явственно показывали, на чьей сторонѣ лежитъ ихъ сочувствіе, причемъ демонстрантамъ приходилось плохо отъ проявленія „народнаго мнѣнія".

Харьковъ не оказывается исключеніемъ и въ стѣнахъ его высшихъ учебныхъ заведеній уже давно ведется оживленная антинаціональная и революціонная пропаганда. Противовѣсомъ ей служитъ дѣятельность такъ называемыхъ „русскихъ студентовъ", которые впервые обратили на себя общественное вниманіе поднесеніемъ иконы св. Серафима генералу М. М. Бородкину во время открытія Харьковскаго Отдѣла Русскаго Собранія [1]). Затѣмъ „русскіе студенты" появляются снова въ тѣ вѣчно памятные дни, когда Харьковъ переживалъ высокій

[1]) См. Мирный Трудъ № 1. „Праздникъ русскаго самосознанія".

подъемъ чистыхъ чувствъ преданности Царю и Россіи, вызванный объявленіемъ войны и ночнымъ нападеніемъ союзницы всѣхъ атеистовъ—Японіи: Государь Императоръ соизволилъ начертать на телеграммѣ Начальника Харьковской губерніи: *Искренно тронутъ чувствами русскихъ студентовъ и жителей Харькова*".

Эта историческая телеграмма гласила:

„Сегодня днемъ толпа народа преимущественно изъ студентовъ, отслуживъ молебенъ въ Покровскомъ монастырѣ, пришла во дворъ губернаторскаго дома и, пропѣвъ народный гимнъ, просила послать телеграмму: Ваше Императорское Величество, Всемилостивѣйшій Государь! Помолившись о ниспосланіи Всевышнимъ здоровья Вашему Величеству, русскіе студенты въ Харьковѣ вмѣстѣ съ его жителями повергаютъ къ стопамъ Вашего Величества выраженіе безпредѣльныхъ вѣрноподданническихъ чувствъ и готовности всегда отдать свою жизнь за славу и честь дорогой Родины и за своего обожаемаго Монарха".

Само собой понятно, что враги русскаго дѣла должны были приложить особыя старанія, чтобъ избавиться отъ противодѣйствія „русскихъ студентовъ" и представить ихъ подонками студенческой среды. Ядъ клеветы и желчь злобныхъ измышленій послужили для этой цѣли и безъ всякихъ доказательствъ на „русскихъ студентовъ" возвели рядъ обвиненій въ шпіонствѣ и доносахъ, приписавъ имъ прекращеніе лекцій одного молодого профессора, успѣвшаго всего лишь одинъ разъ поговорить съ каѳедры. Плодомъ усилій клеветниковъ было обостреніе отношеній между студентами, доведшее до печальныхъ проявленій крайней напряженности страстей, создавшихъ даже поводъ къ судебному разбирательству.

Наконецъ, о „русскихъ студентахъ" мы еще разъ услышали въ рѣчи г. Министра Народнаго Просвѣщенія, обращенной къ профессорамъ Харьковскаго университета.

Эта рѣчь воспроизведена съ нѣкоторыми отличіями въ мѣстныхъ газетахъ, но ея общій смыслъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, ибо руководящая мысль выражена съ полной опредѣленностью и, только при нежеланіи понимать, ея ясныя выраженія могутъ быть истолковываемы въ превратномъ видѣ.

Приводимъ рѣчь г. Министра въ наиболѣе близкомъ къ подлиннику видѣ:

„Господа! обратился онъ къ профессорамъ, очень радъ познакомиться съ вами и привѣтствовать васъ. Харьковскій университетъ, впрочемъ, уже знакомъ мнѣ. Многихъ я знаю лично, другихъ знаю по ихъ трудамъ. Нѣкоторыя имена глу-

боко запали въ моемъ сердцѣ и въ немъ окружены яркимъ и красивымъ ореоломъ свѣточа науки. Но, господа, именно добрыя чувства заставляютъ меня подѣлиться съ вами и горестями, которыя испытываю и не одинъ я за послѣднее время. Онѣ относятся, конечно, не къ одному харьковскому университету, но все-таки и къ нему не менѣе, чѣмъ къ другимъ. Дѣло въ томъ, что среди учащагося юношества, студентовъ, появились два разряда—такъ называемые *русскіе* студенты и стало быть по противоположности *не русскіе* студенты. Это грустное явленіе мнѣ, какъ истинно-русскому человѣку, кажется не только *непонятнымъ*, но положительно страннымъ. Вамъ, представителямъ чистаго знанія, извѣстно, что наука интернаціональна, но школа должна быть у насъ строго національной, русской. Иностранныя государства подаютъ намъ въ этомъ отношеніи живой примѣръ. Національная школа должна разсматриваться, какъ государственная систета и всѣ отношенія къ ней должны опредѣляться именно этой государственной точкой зрѣнія. Я обращаюсь, господа, къ вамъ, дѣятелямъ народнаго просвѣщенія, въ которыхъ такъ нуждается наша родина, и съ увѣренностью ожидаю, что вы поможете мнѣ въ этомъ дѣлѣ. На вашу долю выпали благія просвѣтительныя задачи, но прошу васъ помнить, что всѣ мы прежде всего служимъ русскому государству и въ силу этого должны прежде всего заботиться о его благѣ! Еще разъ привѣтствую васъ, господа!"

Какъ „истинно русскій человѣкъ" и поборникъ національной школы, г. Министръ желаетъ, такимъ образомъ, чтобъ воспитанники Харьковскаго университета, какъ и *всѣхъ* русскихъ учебныхъ заведеній, чувствовали себя сынами великой матери Россіи и подданными обширнаго *русскаго государства*, служба которому должна стоять на первомъ мѣстѣ, ибо всѣмъ надлежитъ „прежде всего заботиться о его благѣ". Грустное и странное явленіе, т. е. существованіе въ русскомъ университетѣ „*не русскихъ студентовъ*", должно исчезнуть, такъ какъ на деньги русскаго народа и подъ покровительствомъ русскаго правительства должна существовать строго національная, *русская школа*. Психологически непонятно, какъ могутъ изъ русскихъ университетовъ выходить украйнофилы, поклонники Великой Арменіи или проповѣдники возстановленія Польши отъ моря до моря, или возобновленія древняго сіонскаго царства.

Какъ учрежденіе государственное, университетъ работаетъ надъ претвореніемъ въ русскихъ гражданъ сыновъ различныхъ племенъ, принадлежащихъ къ „великой семьѣ русскаго на-

рода", пріобщаетъ ихъ къ русской культурѣ и широко открываетъ передъ ними двери государственной службы и общественной дѣятельности. Научныя знанія, являясь международнымъ достояніемъ, служатъ, однако, во всѣхъ иностранныхъ государствахъ прежде всего ихъ насущнымъ потребностямъ. Напримѣръ, нѣмецкая наука, пользующаяся заслуженной міровой славой, сыграла, однако, великую роль въ дѣлѣ созданія Германской имперіи и нѣмецкая школа является настоящимъ питомникомъ здравыхъ національныхъ идеаловъ.

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія указалъ въ своей рѣчи не только на болѣзнь, которою страдаетъ, подобно другимъ, и Харьковскій университетъ, но и на средство къ ея исцѣленію, какимъ является—живое содѣйствіе профессоровъ національзаціи русской школы и ихъ служеніе русскому государству. Разъ устранится причина, исчезнетъ и слѣдствіе: если русскій университетъ сдѣлается разсадникомъ чисто русскихъ идеаловъ, если все студенчество сольется въ одномъ стремленіи къ усвоенію научныхъ истинъ ради послѣдующей службы Святой Руси, то всѣ студенты окажутся русскими, а потому и нынѣшнее раздѣленіе молодежи на враждующія стороны отойдетъ въ область печальнаго прошлаго.

Главнымъ и необходимымъ условіемъ желаннаго умиротворенія нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, несомнѣнно, является дружная совмѣстная работа профессоровъ надъ выясненіемъ своимъ слушателямъ важности національнаго начала и умѣлое руководство пытливыми запросами молодежи, удовлетворяемыми во всеоружіи точнаго знанія. Наставники собственнымъ примѣромъ должны поселить въ сердцахъ юношей сознаніе, что первый долгъ гражданина—повиноваться законамъ своего отечества, что истинно просвѣщенный человѣкъ обязанъ знать и уважать прошлое своего народа и посильно служить его славѣ и величію, а не стремиться къ насильственнымъ переворотамъ. „Непомнящіе родства отщепенцы", возмнившіе себя космополитами, проявляютъ лишь несказанную наивность и не могутъ опереться на чисто научныя основанія—вотъ выводъ, который также способенъ направить молодежь на правильный путь. Но движеніе въ этомъ направленіи, чтобъ быть успѣшнымъ, обязательно должно имѣть опору въ усиліяхъ не отдѣльныхъ лицъ, а всего ученаго и учебнаго состава.

Къ сожалѣнію, это единеніе остается очень далекимъ отъ осуществленія и невольно припоминаются слова Гиляров-Платонова: „Не забудемъ, что бѣда у насъ именно въ томъ,

что все расползлось, студенты по себѣ, начальство по себѣ, профессора по себѣ. Министерство издаетъ правила, начальство принимаетъ съ ужимками, а профессора, хотя и содержимые на государственный счетъ, даже съ усмѣшкою и первые обратятся съ недоброжелательною критикою начальственныхъ распоряженій къ тѣмъ же студентамъ. Это шпіоны въ собственномъ лагерѣ и избавиться ихъ можно только круговою отвѣтственностью; за безпорядки студентовъ должны отвѣчать не одни студенты, но начальство и профессора, каждый въ своей мѣрѣ". Столь горькія строки написаны въ 1881 году, въ пору небывалаго шатанія умовъ и явнаго забвенія своего долга многими. Неужели же и въ наши дни такое явленіе можетъ повторяться въ профессорской средѣ, состоящей изъ мужей совѣта и науки? Гоннимъ прочь подобныя сомнѣнія, ибо умудренное страшнымъ событіемъ 1 марта русское общество въ наиболѣе мыслящей своей части несомнѣнно прониклось сознаніемъ своей великой отвѣтственности предъ Родиной за взякое „неосторожное" слово, за всякое „попустительство", за малодушное молчаніе въ годину смутъ и неурядицъ. Но въ одномъ Гиляровъ безусловно правъ: для оздоровленія университеты должны представлять единое цѣлое, связанное общей отвѣтственностью.

Эта круговая порука должна привести г.г. профессоровъ къ попыткамъ возвышать свой голосъ для успокоенія взволнованныхъ умовъ и прилагать всѣ старанія къ прекращенію ложныхъ слуховъ и обвиненій, равно какъ къ устраненію безпорядковъ, погубившихъ уже столько молодыхъ жизней, которыя иначе были бы посвящены честному служенію нашему великому отечеству.

А. Каутъ.

ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ [1].

Происходящія на нашихъ глазахъ событія наглядно свидѣтельствуютъ, что русско-японская война оказывается не только вооруженнымъ столкновеніемъ двухъ государствъ, но и борьбою двухъ противоположныхъ міросозерцаній, двухъ исключающихъ другъ друга культуръ. Отсюда проистекаетъ всемірно историческое значеніе переживаемаго нами времени, когда явственно происходитъ всеобщее раздѣленіе сочувствія между воюющими сторонами, какъ носительницами опредѣленныхъ началъ. Одни считаютъ своимъ долгомъ всячески помогать чуждой по языку и крови Японіи, потому что она кажется имъ поборницей „настоящаго прогресса", т. е. матеріальнаго и „научнаго" развитія безъ вѣры въ Бога, безъ служенія высокимъ нравственнымъ, надмірнымъ идеаламъ. Другіе, наоборотъ, признаютъ въ Россіи передового борца за христіанскую гражданственность, за преобладаніе арійской расы, за вѣковѣчные евангельскіе завѣты. Любопытно, что раздѣленіе, охватывающее въ наши дни, съ поразительной силой, весь культурный міръ, происходитъ не на почвѣ національныхъ чувствъ, не является плодомъ ненависти или сочувствія народныхъ массъ: оно проникаетъ въ самыя нѣдра всѣхъ государствъ и народовъ и всюду дробитъ симпатіи по вѣрованіямъ, по опредѣленію цѣли и смысла нашего земного существованія: во Франціи и въ Германіи, напримѣръ, равно какъ и повсемѣстно, мы имѣемъ ожесточенныхъ враговъ и преданныхъ союзниковъ: всюду нашими недругами являются жрецы международнаго Ваала—плутократы и ихъ исчадіе—соціалисты и анархисты; даже въ нашей родной странѣ мы найдемъ подтвержденія высказанному положенію, ибо противъ окончательнаго разгрома Японіи высказываются, производя умственную смуту, непримиримые противники нашихъ національныхъ устоевъ.

---

[1]) См. Мирный Трудъ № 2—3.

Само собой понятно, что первое мѣсто между нашими недругами занимаютъ именно тѣ государства, въ которыхъ плутократія достигла почти открытаго преобладанія, т. е. Англія и Сѣверо-Американскіе Штаты—гдѣ сила биржевиковъ и милліардеровъ тяготѣетъ надъ общественнымъ мнѣніемъ при помощи подкупленной печати: Рузвельтъ, еврей по крови, неоднократно уже позволялъ себѣ поднимать вопросы, касающіеся внутреннихъ дѣлъ Россіи, и во время войны явственно оказывалъ нравственную поддержку Японіи, выдвигая, напримѣръ, предложенія о созывѣ конференціи для обсужденія способовъ посредничества между воюющими сторонами. Американскіе банкиры снабжаютъ наемниковъ плутократіи—японцевъ, золотомъ, а торговцы обезпечиваютъ ее снарядами, оружіемъ, припасами. Съ еще большей развязностью дѣйствуетъ Англія, подготовившая въ Вей-хай-веѣ воровское нападеніе на Портъ-Артуръ, замѣняющая вышедшіе изъ строя японскіе броненосцы новыми, мѣшающая нашимъ лихимъ крейсерамъ перехватывать контрабанду, помѣщающая въ своихъ повременныхъ изданіяхъ возмутительныя клеветы на наше Отечество и его доблестныхъ воиновъ, словомъ не брезгующая ничѣмъ, лишь бы создать намъ внѣшнія и внутреннія затрудненія.

Однако непреклонная твердость нашего правительства неутомимо подготовляетъ для всѣхъ очевидное крушеніе Японіи, самонадѣянно взявшей на себя превышающую ея силы задачу. Вотъ почему ея друзья должны проявить особую дѣятельность и приложить всяческія старанія, дабы помѣшать неизбѣжному торжеству Россіи.

Наглядным доказательствомъ этой дружественной услуги является покушеніе на вторую тихоокеанскую эскадру, которая покинула, наконецъ, русскіе берега и устремилась въ далекое и опасное плаваніе: сопровождаемый благословеніями и молитвами всей вѣрующей Россіи, 1 октября вышелъ изъ Либавы на Дальній Востокъ могучій отрядъ русскаго флота подъ начальствомъ храбраго и осмотрительнаго, рѣшительнаго и мужественнаго З. П. Рожественскаго. Такимъ образомъ совершилось, наконецъ, событіе, которое ожидали съ такими надеждами и такимъ нетерпѣніемъ всѣ русскіе люди, съ такимъ недовѣріемъ и трепетомъ отвергали японцы и ихъ друзья. Еще до выхода эскадры проникли слухи, что на нее подготовляются коварныя покушенія въ нейтральныхъ водахъ; еще лѣтомъ въ финляндскихъ шхерахъ и шведскихъ фіордахъ показывались подозрительныя суда, а японскіе шпіоны сновали по верфямъ и портамъ, собирая разныя свѣдѣнія объ эскадрѣ

и изыскивая средства для нанесенія ей тяжкихъ поврежденій. Весьма вѣроятно, что они пользовались совѣтами и указаніями тѣхъ, кто подготовлялъ вооруженное возстаніе въ странѣ, являющейся „неразрывною частью Россійской Имперіи“. Хорошо освѣдомленный врагъ въ ночь на 9 октября предпринялъ дерзкое нападеніе на нашъ флотъ, едва вышедшій въ Нѣмецкое море: подъ покровомъ темноты, замѣшавшись въ среду рыбачьихъ судовъ, двѣ миноноски, вмѣстѣ съ нѣсколькими пароходами, ихъ сопровождавшими и перерѣзавшими курсъ нашей эскадры, хотѣли минными выстрѣлами вывести изъ строя „Князя Суворова“: этотъ эскадренный броненосецъ шелъ подъ флагомъ адмирала Рожественскаго, знанія и храбрость котораго сулятъ японцамъ разгромъ въ морскомъ бою. Надо было отдѣлаться отъ этого пугала и, если не удастся пустить его ко дну, то постараться запутать въ международное осложненіе. Хитроумный планъ обрушился на головы злоумышленниковъ, вынужденныхъ спасаться бѣгствомъ отъ сильнаго огня, открытаго русскими, когда передъ ними выяснилось задуманное покушеніе. Одинъ изъ миноносцевъ тѣмъ не менѣе исчезъ въ морской пучинѣ. Отъ нашихъ снарядовъ пострадало и нѣсколько рыбачьихъ судовъ и это обстоятельство послужило основаніемъ для страшнаго шума, поднятаго англійскими газетами, для воинственныхъ и наглыхъ рѣчей, произнесенныхъ министрами Великобританіи. Наша эскадра была объявлена „международной язвой“, ея возвращеніе назадъ выставлялось необходимымъ условіемъ, а адмиралъ Рожественскій долженъ былъ понести немедленное наказаніе за свой „непростительный“ образъ дѣйствій. Мобилизація огромнаго англійскаго флота, приказъ его судамъ слѣдить за нашей эскадрой, неистовые вопли и воинственный задоръ печати едва не довели до исполненія пламеннаго желанія Японіи и вооруженнаго столкновенія между Россіей и Великобританіей. Но, не взирая на громкіе посулы англійскихъ сановниковъ, нашъ флотъ не прервалъ своего слѣдованія на помощь портъ-артурскимъ храбрецамъ и, раздѣлившись на два отряда, подвигается къ завѣтной цѣли. Предусмотрительность русскаго правительства нашла выходъ изъ запутаннаго положенія, предложивъ разсмотрѣть „инциндентъ въ Нѣмецкомъ морѣ“ международной коммиссіи на началахъ, выработанныхъ гаагской конференціей. Океанъ лживыхъ слуховъ и злонамѣренныхъ измышленій былъ вылитъ японофилами на читателей, но истина стала раскрываться даже для англичанъ и ихъ воинственный задоръ былъ охлажденъ спокойной стойкостью, обнаруженной

русскимъ обществомъ, которое, за весьма немногими печальными исключеніями, безъ боязни и страха отнеслось къ англійскимъ угрозамъ. Конечно, нашу эскадру ждутъ въ будущемъ новые ковы и новыя засады, но бдительность русскаго адмирала оправдала тѣ надежды, какія возлагаютъ на него моряки. Прибытіе такого зоркаго и смѣлаго вождя въ воды Дальняго Востока съ эскадрой, которая будетъ получать постоянно подкрѣпленія во время своего передвиженія, сулитъ наступленіе давно желаннаго перелома войны. Усиленный крейсерами и миноносками флотъ адмирала Рожественскаго, появившись въ Японскомъ морѣ, склонитъ чашу вѣсовъ въ нашу пользу, а многострадальные артурцы, едва раздастся громъ выстрѣловъ подходящей подмоги, почувствуютъ близость заслуженнаго освобожденія. По всѣмъ даннымъ можно ожидать скорѣе появленія новыхъ русскихъ судовъ подъ Портъ-Артуромъ, чѣмъ проникновенія нашихъ сухопутныхъ силъ въ Квантунскій полуостровъ. Но и на сушѣ все сулитъ близкое наступленіе поворота войны. Правда, ожиданія наши сбылись: на приказъ о наступленіи, обнародованный генераломъ Куропаткинымъ, японцы, дѣйствительно, отвѣтили новымъ наступленіемъ, которое не привело, однако, къ рѣшительному исходу.

Всматриваясь пристальнѣе въ знаменитый приказъ отъ 19 сентября, невольно начинаешь думать, что онъ былъ внушенъ тонкимъ психологическимъ разсчетомъ: намъ было невыгодно допускать накопленіе японскихъ силъ, но у насъ не хватало мощи для ихъ окончательнаго разгрома. И вотъ производится газетный шумъ: вопреки всѣмъ военнымъ обычаямъ, громогласно заявляется, что мы переходимъ въ наступленіе, ибо настала пора „заставить японцевъ повиноваться нашей волѣ“. Кто же станетъ предупреждать своего противника о подготовляемомъ нападеніи? Зная, однако, непомѣрное самолюбіе и національное самомнѣніе японцевъ, можно было смѣло разсчитывать, что послѣ такого приказа японцы полѣзутъ на русскія позиціи съ удвоенной яростью, а стало быть понесутъ и новый ущербъ въ людяхъ и снарядахъ, ослабляющій ихъ боеспособность. Если бы имѣлся въ виду дѣйствительно переходъ въ *рѣшительное* наступленіе, ударъ былъ бы нанесенъ со стороны лѣваго японскаго крыла, а не праваго, укрѣпленнаго работами людей и мѣстными условіями. Однако, наступленіе наше было необходимо, чтобы врагъ повѣрилъ объявленнымъ нами планамъ и накинулся бы на насъ, съ цѣлью показать, всему міру, что починъ не ускользнулъ изъ его рукъ. И вотъ 26 сентября, послѣ ряда предварительныхъ схватокъ, разы-

грывается бой у Янтайских копей. Отрядъ кавалеріи подъ начальствомъ прославившагося своей доблестью генерала Мищенко занимаетъ деревню Баньюпуза, а передовые отряды проникаютъ за рѣку Шилихе, въ то время какъ генералъ Ренненкампфъ заходитъ почти въ тылъ японцамъ, чтобъ дѣйствовать на ихъ сообщенія. Но уже 27 сентября Ойяма въ свою очередь начинаетъ наступать и, опираясь на превосходство своихъ силъ, отбрасываетъ наши передовыя части обратно за р. Шилихе. Послѣдующіе дни представляютъ собой величественное состязаніе противниковъ въ безстрашной храбрости и беззавѣтной готовности пожертвовать всѣмъ ради торжества родного оружія. Упорный натискъ японцевъ встрѣтилъ достойное сопротивленіе со стороны русскихъ, но и наше обходное движеніе было задержано стойкостью непріятеля, незнакомствомъ съ мѣстностью и разбросанностью нашихъ отрядовъ.

28 сентября корпуса барона Бильдерлинга и генерала Случевскаго были атакованы арміей Оку и оттѣснены назадъ, а 29 былъ прорванъ даже центръ нашего праваго фланга, причемъ 16 орудій попали въ руки непріятелей. Геройская контръ-атака полковника Ванновскаго дала намъ лишь временный успѣхъ и не вернула утраченнаго, ибо ночное нападеніе японцевъ окончательно закрѣпило за ними вновь захваченную позицію. Хотя новый напоръ противника на нашъ правый флангъ и былъ отраженъ на слѣдующій день, но къ вечеру выяснилась необходимость отвода войскъ съ передовыхъ позицій. Отступленіе праваго крыла повело за собой очищеніе переваловъ, занятыхъ съ тяжелыми потерями на лѣвомъ. Ночное дѣло подъ Покровъ и бой 1 октября побудили нашъ центръ отойти на одну линію съ правымъ флангомъ, ибо, несмотря на нѣсколько отбитыхъ атакъ, японцамъ удалось прорвать ряды нашихъ войскъ у деревни Шахепу. На другой день послѣдовало новое отчаянное нападеніе на наше правое крыло съ цѣлью сбить его съ позиціи и совершить опасное для насъ обходное движеніе. Отразивъ японцевъ, русскіе пытаются продвинуться впередъ, чтобъ отобрать деревню Линшинпу, но, въ свою очередь, терпятъ неудачу. Положеніе еще болѣе осложняется благодаря ночной атакѣ японцевъ подъ 3 октября, когда нашъ отрядъ, оборонявшій ключъ къ позиціи, такъ называемую „сопку съ деревомъ“, вынужденъ былъ отойти за рѣку Шахе, что отдавало въ руки японцевъ крѣпкій опорный пунктъ и позволяло имъ вести новое нападеніе на нашу армію, въ тылу которой протекала рѣка Хунь-хе. Стало быть, линія отступленія прерывалась естественной пре-

градой и въ случаѣ неудачи представляла крайнее неудобство. Надо было напречь всѣ силы, чтобъ остановить напоръ. Свѣжія войска, введенныя въ дѣло генераломъ Куропаткинымъ, измѣнили рѣзко картину боя и успѣхъ перешелъ на нашу сторону: послѣ десятичасового обстрѣла захваченной японцами сопки въ ночной темнотѣ былъ нанесенъ имъ рѣшительный ударъ: пять доблестныхъ полковъ, соперничая въ самоотверженіи и храбрости, устремились на вражескіе окопы; безъ выстрѣла подходили они подъ жестокимъ огнемъ къ траншеямъ и ужасной штыковой работой открывали себѣ путь къ дальнѣйшему наступленію. Отчаянное сопротивленіе непріятеля было сломлено только къ утру, когда въ нашихъ рукахъ оказалось 11 японскихъ орудій и 1 пулеметъ; заваленная трупами сопка, командующая надъ прилегающей мѣстностью и служившая цѣлью боя, была занята нашими войсками и подъ именемъ „путиловской" составила нашъ оплотъ на лѣвомъ берегу р. Шахе. Такъ былъ увѣковѣченъ славный подвигъ полковника Путилова, умѣнью и храбрости котораго мы обязаны достигнутымъ боевымъ успѣхомъ.

Японцы не замедлили напречь новыя усилія, чтобъ помѣшать русскимъ прочно утвердиться на „путиловской" сопкѣ, но всѣ ихъ нападенія были отбиты, а наши войска, перейдя въ частичное наступленіе, заняли рядъ новыхъ позицій и съ боя овладѣли еще нѣсколькими непріятельскими орудіями. Всего нами было захвачено 14 пушекъ, въ томъ числѣ 9 полевыхъ и 6 горныхъ.

Послѣ этихъ успѣховъ японцы, обезсилѣвъ отъ крайняго напряженія, вынуждены были отказаться отъ наступленія и великая битва превратилась въ рядъ мелкихъ передовыхъ схватокъ, продолжающихся и по сіе время. Обѣ стороны понесли огромныя потери убитыми и ранеными, но осязательнаго, для всѣхъ очевиднаго исхода это столкновеніе не имѣло: наступленіе русскихъ было отражено японцами, а войска микадо были отброшены нашей арміей. Противники не получивъ полнаго перевѣса, зарылись въ землю, укрѣпляя свои позиціи и подготовляя упорную оборону. Но есть иная точка зрѣнія, съ которой и надлежитъ смотрѣть на происшедшія событія: до описаннаго боя мы отступали и починъ всецѣло находился въ рукахъ японцевъ, теперь ихъ бѣшеный напоръ остановленъ и нами удержаны занятыя позиціи; въ предшествовавшихъ сраженіяхъ мы неоднократно были вынуждены бросать свою артиллерію, теперь и японцы потеряли значительное количество пушекъ. Правда, дожди, отсутствіе дорогъ, неудобная

мѣстность не позволили развернуться съ полнымъ блескомъ нашей удалой конницѣ; но теперь она вмѣстѣ съ охотниками непрерывно тревожитъ непріятеля и поддерживаетъ въ немъ опасенія за близкое будущее. Несомнѣнно, непріятель стремился овладѣть Мукденомъ, очевидно, что ради достиженія этой завѣтной цѣли онъ употребилъ отчаянныя усилія, но все таки былъ вынужденъ повиноваться остановившей его волѣ нашего полководца. Стало быть, генералъ Куропаткинъ, въ общемъ, выполнилъ свое обѣщаніе.

Будущіе историки войны получатъ возможность приподнять завѣсу, скрывающую многое отъ взоровъ современниковъ, но и намъ можно уже сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній: генералъ Куропаткинъ оказался совершенно правъ, когда хотѣлъ перейти въ наступленіе только съ такими силами, какія дѣлали ударъ неотвратимымъ; онъ понималъ, лучше другихъ, превосходныя боевыя качества врага и принималъ во вниманіе условія горной мѣстности, тогда какъ составители „плановъ наступленія“ гладко писали на бумагѣ и „забыли про овраги, а по нимъ ходить“; совокупность обстоятельствъ требовала сосредоточенія обширнѣйшихъ полномочій въ однихъ рукахъ, а на мѣстѣ дѣйствій были два штаба, имѣвшіе свои представленія о необходимыхъ мѣропріятіяхъ.

Исходъ новаго кроваваго боя вызвалъ, поэтому, очень крупныя измѣненія въ командованіи нашими войсками на Дальнемъ Востокѣ: г. Намѣстникъ получилъ удовлетвореніе своихъ настойчивыхъ просьбъ, сложилъ съ себя званіе главнокомандующаго, расформировалъ свой штабъ и даже выѣхалъ въ Петербургъ.

Къ великой радости всей Россіи и ея друзей генералъ Куропаткинъ получилъ обширнѣйшія полномочія и званіе главнокомандующаго *тремя* (вмѣсто одной!) арміями, дѣйствующими въ Манджуріи. Герой китайской войны, генералъ Линевичъ, встрѣченный всеобщимъ восторгомъ, поставленъ во главѣ первой изъ нихъ, тогда какъ генералы Гриппенбергъ и Каульбарсъ назначены начальниками двухъ остальныхъ. Произошли перемѣны и въ составѣ командировъ отдѣльныхъ корпусовъ, причемъ испытанные и сильные духомъ люди получили отвѣтственныя назначенія. Изъ Россіи двинуты новыя крупныя подкрѣпленія, снова объявлена частичная мобилизація, которая не только покроетъ неизбѣжную убыль въ рядахъ дѣйствующей арміи, но и дастъ намъ столь необходимыя грозныя силы для движенія къ Портъ-Артуру и освобожденія засѣвшихъ въ немъ чудо-богатырей

Если Богъ благословитъ наши старанія, то въ декабрѣ—январѣ до чуткаго уха нашихъ беззавѣтныхъ героевъ донесутся давно и напряженно желанные звуки выстрѣловъ изъ родныхъ орудій какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ. Нечеловѣческія усилія и безпримѣрное мужество Портъ-Артурцевъ находятъ поклонниковъ даже въ средѣ нашихъ враговъ, тѣмъ большее волненіе испытываетъ всякій русскій человѣкъ, читая хотя отрывочныя и скудныя вѣсти объ ихъ почти сказочныхъ подвигахъ. Изъ за плотнаго кольца, облегшаго нашу геройскую дружину, лишь изрѣдка проникаютъ въ Россію точныя свѣдѣнія, а бахвальство японцевъ, трубящихъ объ одержанныхъ успѣхахъ и близкомъ паденіи осажденной крѣпости, назойливо терзаетъ напряженные нервы. Клятвенныя обязательства поднести Микадо въ торжественный для японцевъ день 21-го октября подарокъ въ видѣ взятаго Портъ-Артура волновали многихъ, а многочисленные японофилы исподволь распускали вѣсти объ отчаянномъ положеніи русской твердыни, болѣзняхъ, недостаткѣ здоровой воды, свѣжихъ припасовъ и боевыхъ снарядовъ, твердили, что страшная убыль низвела число защитниковъ всего лишь до 5000 человѣкъ. И не смотря на все это, тѣмъ же газетамъ пришлось объявить, что вмѣсто обѣщанной вѣсти о паденіи Артура пришло увѣдомленіе объ отраженіи ряда самыхъ упорныхъ штурмовъ, подготовленныхъ долговременнымъ огнемъ изъ множества осадныхъ орудій. Микадо, не получившій подарка въ день рожденія, проявилъ внезапно самыя человѣколюбивыя чувства, заявивъ, что не хотѣлъ омрачать гибелью тысячъ храбрецовъ годовщину своего появленія на свѣтъ. Но кого можетъ обмануть подобная наивная уловка, когда не только въ Японіи, но даже въ Чифу дѣлались приготовленія для празднованія взятія Портъ-Артура именно къ 21 октябрю. До поздней ночи ожидали японскія консульства исполненія клятвенныхъ обѣщаній и съ затаенной злобой стали твердить о невѣроятномъ мягкосердечіи своего повелителя, вызвавшаго столь кровопролитную войну.

Вообще теперь у японцевъ явственно и довольно часто проглядываетъ печальное сознаніе, что они затѣяли войну, превышающую ихъ наличныя средства и силы. Японія теперь не прочь заключить миръ, принять дружескія услуги для посредничества и увѣрить всѣхъ въ своемъ безпримѣрномъ безкорыстіи. Спрашивается, для чего же ей понадобилось истратить сотни милліоновъ на подготовленія къ нападенію на Россію, если, дѣйствительно, только „мирное преуспѣяніе

Ниппона" оказывается вожделѣннымъ идеаломъ японскихъ государственныхъ людей? Существованію Японіи не грозило никакой опасности, русское правительство обнаружило изумительную уступчивость и полную готовность вступить въ соглашеніе съ правительствомъ Микадо. Дипломаты были увѣрены, что благодаря миролюбію нашего Государя опасность вооруженнаго столкновенія миновала, несмотря на разрывъ переговоровъ, но Японія сознательно отрѣзала себѣ мирный путь воровскимъ нападеніемъ на Варяга и Корейца и подлымъ покушеніемъ на Портъ-Артурскую эскадру. Жребій брошенъ, мечъ вынутъ изъ ноженъ и поднявшій его долженъ потерпѣть заслуженное наказаніе. Разбойникъ, многократно нарушившій международное право, долженъ быть укрощенъ и обезвреженъ: этого требуетъ міровая безопасность и благо всего человѣчества, которое подвергается и нынѣ опасности быть объятымъ пламенемъ всемірной войны.

Казалось бы всѣ искренніе друзья мира должны сочувствовать намъ и облегчить Россіи ея національную задачу— обузданіе языческой наглости и устраненіе грознаго призрака панмонголизма и преобладанія въ Азіи желтой расы. На дѣлѣ мы видимъ совершенно иное: даже въ Россіи находятся легкомысленные старцы, въ родѣ г. Петрункевича, которые все таки упорно желаютъ намъ „второго Седана", вѣроятно для учрежденія Коммуны въ Петербургѣ; въ разныхъ городахъ выступаютъ безусые революціонеры и „учащіеся соціалъ-демократы" съ пошлыми, лживыми и всѣмъ надоѣвшими воззваніями, какъ будто весь русскій народъ оглупѣлъ до такой степени, что не понимаетъ дѣйствительной цѣнности ихъ лицемѣрнаго соболѣзнованія о жертвахъ, погубленныхъ войной, и можетъ вѣрить клеветническимъ измышленіямъ, направленныхъ противъ пробужденія здороваго, русскаго самосознанія. Всякій безпристрастный наблюдатель прекрасно видитъ, кто сѣетъ смуту, кто мѣшаетъ запаснымъ выполнять ихъ долгъ, кто устраиваетъ уличныя демонстраціи и, трусливо прячась въ свои норы, подставляетъ наивныхъ простецовъ подъ выстрѣлы войскъ, призываемыхъ для усмиренія безпорядковъ и прекращенія безчинствъ. Ни одинъ честный человѣкъ не станетъ подъ личиной печальника о благѣ всей страны и насажденіи въ ней „правового порядка" выполнять роль союзника Японіи, ибо только ей выгодна внутренняя смута въ Россіи: разбойникъ, видя, что ему не удается проникнуть въ домъ, мужественно защищаемый хозяиномъ, посылаетъ подручныхъ

поджигателей, чтобъ спастись отъ увѣсистыхъ кулаковъ, занесенныхъ уже надъ его головою.

Все мыслящее русское общество должно покарать открытымъ презрѣніемъ этихъ японскихъ прислужниковъ и заклеймить именемъ врага отечества всѣхъ тѣхъ, кто такъ усердно и такъ нагло проявляетъ свою преступную дѣятельность. Съ огнемъ шутить нельзя и кое гдѣ уже вспыхиваютъ искры народнаго негодованія противъ непрошенныхъ благодѣтелей. Русь должна объединиться для разгрома дерзкаго непріятеля и творческой работы надъ исцѣленіемъ своихъ домашнихъ болѣзней. Назойливымъ же совѣтчикамъ можно сказать только: „врачу, исцѣлися самъ“, ибо всѣмъ видно, до чего довели „единственно цѣлебныя лѣкарства“ всю западную Европу.

26 октября. *Н. Черниковъ.*

БИБЛІОГРАФІЯ.

Мончаловскій О. А. „Главныя основы русской народности". Львовъ 1904 и „Участіе малоросовъ въ общерусской литературѣ". Изданіе Общества „Галицко-Русская Матица". Львовъ. 1904.

За послѣднее время передъ каждымъ безпристрастнымъ наблюдателемъ совершенно выяснился двоякій походъ на общерусскую культуру: съ одной стороны русской молодежи внушается стремленіе къ отказу отъ національной идеи ради превращенія въ „общечеловѣковъ", съ другой разбрасываются сѣмена областныхъ сепаратизмовъ, пробуждается духъ исключительности и обособленія у различныхъ мелкихъ племенъ и народцевъ, съ цѣлью ослабить ихъ связь съ Россіей: русскій человѣкъ не смѣетъ быть націоналистомъ, тогда какъ, напримѣръ, малороссъ, обязанъ работать надъ выработкой особаго „украинскаго языка" и „украинской культуры". Съ особой силой это навязывается сынамъ многострадальной Галиціи, отторгнутой отъ общерусскаго отечества рядомъ неблагопріятныхъ историческихъ условій. Но здравомыслящіе люди и борцы за общерусское дѣло не перевелись и въ этомъ несчастномъ краѣ. Къ числу наиболѣе выдающихся поборниковъ идеи единства и взаимодѣйствія различныхъ сыновъ великой семьи русскаго народа принадлежитъ О. А. Мончаловскій, выпустившій недавно двѣ очень интересныя книжки: „Главныя основы русской народности" и „Участіе малороссовъ въ общерусской литературѣ". Въ первой изъ нихъ указывается вся нелѣпость попытокъ замѣнить русскій культурный языкъ—украинскимъ и разоблачается опасность т. н. „либерализма", который силится подмѣнить народность космополитизмомъ, вѣротерпимость—индиферентизмомъ, религію—наукой". Авторъ совершенно справедливо замѣчаетъ: „мы, русскіе галичане, любимъ и должны любить наше галицко-русское нарѣчіе и радо употребляемъ его въ домашнемъ обиходѣ; мы любимъ и должны любить украину, какъ недѣлимую часть русской земли и великаго русскаго національнаго организма. Но подобно тому какъ мы, любя несовершенный лепетъ нашихъ дѣтей, не можемъ и не должны заступить имъ выразі-

тельной и совершенной рѣчи взрослыхъ людей, такъ само не можемъ и не должны заступить „украинскимъ“ или какимъ бы то ни было инымъ нарѣчіемъ русскаго языка—совершеннаго, полнаго, богатаго и культурнаго русскаго языка, способнаго выразить всѣ человѣческія мысли и пояснить и представить всѣ области знанія культурнаго человѣчества“.

„Любя украину, какъ часть русской земли и русскаго организма, мы, однако, не можемъ и не должны ставить ее выше всей Руси, т. е. ставить часть выше цѣлаго“. Къ счастью важность изученія русскаго языка и нелѣпость притязаній замѣнить его искусственно придуманнымъ жаргономъ сознается прекрасно въ Галиціи, какъ показываютъ „постановленія съѣздовъ мужей довѣрія русско-народной партіи“ и „требованія русскихъ студентовъ, представителей студенческихъ Обществъ: „Другъ“ въ Львовѣ, „Карпатъ“ въ Черновицахъ и „Буковина“ въ Вѣнѣ, высказанныя ими на съѣздѣ славянскихъ студентовъ въ Прагѣ“.

Вторая книжка тѣсно примыкаетъ къ первой и показываетъ, насколько неосновательно „сепаратисты“ утверждаютъ, что русскій литературный языкъ и общерусская литература чужды южноруссамъ, обязаннымъ создать особый украинскій языкъ и особую украинскую русскую литературу. Въ видѣ доказательствъ приводятся указанія на то, что зародышъ просвѣщенія и русской словесности появился впервые въ Кіевѣ въ Южной Руси, на подготовку реформы Петра Великаго кіевскими учеными, которые выступали и его сподвижниками, на длинный списокъ южнороссовъ, сочиненія которыхъ обогатили общерусскую литературу новѣйшаго времени не только въ области изящной словесности, но и науки. „Эти имена свидѣтельствуютъ, что богатый и культурный русскій языкъ и величавое зданіе русской литературы, науки и культуры воздвигнуто общими силами великороссовъ и малороссовъ, а потому составляютъ законное и неотъемлемое ихъ общее достояніе“. Этотъ выводъ, совершенно правильный и хорошо обоснованный, слѣдовало бы усвоить тѣмъ смутьянамъ, которые считаютъ „москалей“—„чужинцями“ и стараются вырыть пропасть между сѣверной и южной отраслью единаго русскаго народа. Эти стремленія вредятъ прежде всего подростающимъ поколѣніямъ и простому народу, которыхъ учатъ совершенно чуждому имъ, „изобрѣтенному ненавистью украинскому языку, на которомъ нѣтъ ни одного произведенія, составляющаго вкладъ въ міровую сокровищницу, тогда какъ богатая оригинальная и переводная русская литература остается для нихъ

книгой за семью печатями. Плодомъ является крайняя узость, нетерпимость, слабое развитіе и великое самомнѣніе воспитанниковъ украинофиловъ. Они забыли, что „на поприщѣ ума нельзя намъ отступать“ и своими стараніями только задерживаютъ поступательное движеніе своихъ соотечественниковъ, которые могутъ сдѣлаться образованными и мыслящими людьми, только зная русскій языкъ.

П. Хорсовъ.

Кузминъ. „Война въ мнѣніяхъ передовыхъ людей“. С.-Петербургъ 1904.

Кровавыя событія на Дальнемъ Востокѣ привлекли съ особой силой общественное вниманіе къ жгучимъ вопросамъ, необходима ли война, каково оправданіе ея существованія и т. п. Составителю разсматриваемой книги пришла въ голову счастливая мысль дать читателямъ сводъ самыхъ противоположныхъ мнѣній о войнѣ, расположивъ ихъ въ извѣстномъ порядкѣ по содержанію, но не по времени жизни или „профессіямъ“ тѣхъ лицъ, чьи отзывы помѣщены въ книгѣ. Это имѣетъ даже извѣстное преимущество, такъ какъ позволяетъ быстро навести желательную справку. Помѣщенный въ концѣ книги списокъ использованныхъ сочиненій и указатель ихъ авторовъ съ обозначеніемъ времени ихъ жизни и характера дѣятельности служитъ цѣннымъ добавленіемъ. Само собою разумѣется, что война останавливала на себѣ мысль людей всѣхъ эпохъ и невозможно дать исчерпывающій сводъ высказанныхъ по ея поводу сужденій. Естественны, поэтому, въ книгѣ г. Кузмина пробѣлы, неизбѣжны возраженія, почему то или иное лицо попало въ число „передовыхъ людей“, тогда какъ другіе не причислены къ ихъ сонму. Но, во всякомъ случаѣ, трудъ г. Кузмина даетъ читателю достаточный запасъ для размышленій и вводитъ въ кругъ крайне противоположныхъ приговоровъ: война то является „преступленіемъ“, „насиліемъ“, „грабежомъ“; „жестокой необходимостью“, „организованнымъ грабежомъ“, то признается „закономъ міра“, „школой возрожденія человѣческихъ добродѣтелей“, „божественнымъ учрежденіемъ“, „естественнымъ состояніемъ“ и т. п. Эти противорѣчія наглядно показываютъ, что общепринятой оцѣнки война еще не нашла, да едва ли когда либо и найдетъ, такъ какъ человѣчество всегда будетъ судить съ различныхъ точекъ зрѣнія, тѣмъ болѣе что „вѣчный миръ возможенъ только на кладбищѣ“.

Н. Чернявъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1905 годъ

на ЕЖЕДНЕВНУЮ безъ предварительной цензуры ГАЗЕТУ

„ДЕНЬ“.

Предпринятая издателемъ весьма распространеннаго журнала „Родная Рѣчь“ А. А. Петровичемъ совмѣстно съ редакторомъ того же журнала Ф. Н. Бергомъ ежедневная газета подъ названіемъ „ДЕНЬ“ въ недалекомъ будущемъ начнетъ издаваться въ Москвѣ по программѣ большихъ столичныхъ газетъ безъ предварительной цензуры. Имена редактора и издателя хорошо извѣстны читающей публикѣ по журналу „Родная рѣчь“, пріобрѣвшему огромную извѣстность среди русской публики своимъ патріотическимъ направленіемъ. Предпринимая теперь изданіе ежедневной газеты, какъ редакторъ, такъ и издатель приложатъ все стараніе къ тому, чтобы пріобрѣтенныя ими репутація и довѣріе читателей еще болѣе упрочились.

Газета „ДЕНЬ“ будетъ представлять собой наиболѣе полную, обо всемъ освѣдомленную, серьезную, дешевую ежедневную газету, предназначенную главнымъ образомъ для провинціальныхъ читателей.

Значеніе для всей Россіи и центральное мѣстоположеніе Москвы наиболѣе соотвѣтствуютъ цѣлесообразности именно такой газеты. **Московская газета получается въ провинціи на цѣлыя сутки ранѣе петербургскихъ.** О важности такого преимущества излишне говорить.

Газета „ДЕНЬ“ будетъ выходить ежедневно, не исключая и дней послѣпраздничныхъ, въ годъ свыше 360 №№.

Кромѣ ежедневной газеты, подписчики будутъ получать еженедѣльно

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИВАВЛЕНІЕ.

Составъ сотрудниковъ въ газетѣ „ДЕНЬ“, какъ и въ журналѣ „Родная Рѣчь“, будетъ исключительно изъ русскихъ писателей и публицистовъ, въ настоящее время уже изъявившихъ согласіе. При давнишнихъ и прочныхъ литературныхъ отношеніяхъ редактора Ф. Н. Берга, къ этому представляется широкая возможность. **Постояннымъ и спеціальнымъ нашимъ корреспондентомъ на театрѣ военныхъ дѣйствій будетъ** состоящій при штабѣ Главнокомандующаго манчжурской арміей, дѣйств. ст. сов. докт. **М. Н. Гвозденовичъ.** Заграничные корреспонденты есть во всѣхъ европейскихъ столицахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГАЗЕТУ „ДЕНЬ“

съ доставкой въ Москвѣ и пересылкой во всѣ города и мѣстности Россіи НА ГОДЪ съ 1-го января . . . . . 4 р.

на ½ года 2 рубля, на три мѣсяца 1 рубль.

ПОДПИСКУ ПРОСИМЪ АДРЕСОВАТЬ ВЪ КОНТОРУ ГАЗЕТЫ „ДЕНЬ“,

Москва, Петровка, Кузнецкій переулокъ, домъ СОКОЛЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВЫЙ

библіографическій журналъ

„НОВОСТИ БОГОСЛОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ"

на 1904 годъ.

Журналъ будетъ выходить шесть разъ въ годъ по слѣдующей программѣ:

1. Систематическій списокъ заглавій русскихъ новыхъ книгъ и содержащихся въ русскихъ повременныхъ изданіяхъ статей, рецензій, замѣтокъ и т. п. по всѣмъ богословскимъ, философскимъ, филологическимъ и историческимъ дисциплинамъ, входящимъ въ программы духовныхъ семинарій и академій, съ именными указателями къ этому списку: въ случаѣ неясности заглавій послѣднія поясняются выраженіями, заимствованными изъ статей и оглавленій книгъ, безъ критическихъ замѣчаній. Книги и статьи будутъ распредѣляться въ журналѣ по слѣдующимъ частнымъ отдѣламъ: 1. Священное Писаніе. 2. Патристика. 3. Основное Богословіе и Апологетика. 4. Догматическое Богословіе. 5. Сравнительное Богословіе. Исторія и Обличеніе русскаго раскола и сектанства 6. Нравственное Богословіе и Назидательное чтеніе. 7 Литургика. 8. Гомилетика. 9 Пастырское Богословіе и Пастырская практика. 10. Церковное право и право вообще. 11. Философія. 12. Психологія. 13. Педагогика. Состояніе школьнаго дѣла. 14. Литература иностранная и русская; филологія и библіографія. 15. Библейская исторія съ библейской археологіей. 16. Церковная исторія съ церковной археологіей. 17 Всеобщая исторія. 18. Исторія русской церкви. 19. Исторія Россіи. 20. Справочныя книги.

2. Почтовый ящикъ, который будетъ давать отвѣты на запросы исключительно касающіеся входящей въ отдѣлъ первый программы журнала литературы, т. е. будетъ давать указанія литературы по интересующимъ вопросамъ, мѣста пріобрѣтенія и цѣны нужныхъ книгъ, нахожденія нужныхъ статей въ томъ или другомъ журналѣ и т. п. Правомъ полученія отвѣтовъ на запросы пользуются исключительно подписчики журнала.

3. Объявленія о книгахъ и журналахъ, а также и другія объявленія торговаго характера и т. п. О всѣхъ присланныхъ въ редакцію журнала книгахъ въ двухъ номерахъ журнала печатаются объявленія безплатно.

4. Въ качествѣ приложенія къ журналу въ 1904 г. будутъ даны: а) Систематич. указатель къ „Православному Обозрѣнію" за 1887—1891 гг. и б) Каталогъ указателей къ русскимъ періодическимъ изданіямъ.

Подписная цѣна за годъ съ пересылкой и доставкой 2 руб.. безъ доставки на мѣстѣ 1 руб. 75 коп.

Для своевременнаго занесенія въ журналъ точныхъ заглавій необходима присылка въ редакцію вновь выходящихъ книгъ и журналовъ.

Адресъ редакціи: Сергіевъ Посадъ. Моск. губ. Редакція журнала „Новости Богословской Литературы".

Редакторъ—Издатель Библіотекарь Московской Духовной Академіи М. Поповъ.

год первый „МИРНЫЙ ТРУДЪ“ год первый

Повременное научно-литературное изданіе.

Въ „Мирномъ Трудѣ“ за первый годъ были помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи: *проф. А. С. Вязигина* Отъ редакціи. „Два слова о культѣ новизны“, „Ѳ. И. Фортинскій“, „Итоги перваго года“. *Клеменса Юноши* повѣсть „Черное болото“. *А. Игнатьева* „Былинка“. *Проф. И. В. Нетушила* „Этика въ дисциплинѣ“, „Миѳологическія теоріи“. *М. Кайсарова* „Шутка“ разсказъ. *Киплинга* „Вильгельмъ завоеватель“. *В. Харціева* „Ученіе А. А. Потебни о народности и національномъ“ *Проф. С. Соловьева* „В. Гюго“ и „Послѣдній Миннезингеръ“. *Ладислава-Струпежницкаго* „Цвиковскій бѣсенокъ“. *П. Каменскаго* „Въ поискахъ христіанъ на Западѣ“. *Н. Горинскаго* „Происхожденіе нѣкоторыхъ особенностей національнаго характера англичанъ“. *К. Бичъ-Лубенскаго* „Дядя изъ Калькутты“ святочный разсказъ. *О. Петрова* „О средней школѣ“. *А. Каута*. Рядъ замѣтокъ. Беллетристическія новости. Обозрѣніе журналовъ. Дѣятельность Обществъ. Библіографія.

Въ виду многочисленныхъ просьбъ, редакція „Мирнаго Труда“ доводитъ до свѣдѣнія г.г. новыхъ подписчиковъ, что для нихъ полный экземпляръ за первый годъ уступается

за три рубля съ пересылкой.

Такая-же уступка дѣлается г.г. студентамъ, учителямъ, военнымъ, священникамъ, рабочимъ и книгохранилищамъ.

Подробное оглавленіе и статья „Итоги перваго года“ высылаются за **ОДНУ** семикопѣечную марку.

Принимается подписка на „МИРНЫЙ ТРУДЪ“ въ 1905 году (третій годъ изданія) 6 руб. съ перес. за 10 книгъ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

НА 1905 ГОДЪ

Въ ученыхъ запискахъ помѣщаются:

I. **Въ отдѣлѣ наукъ:** ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. **Въ отдѣлѣ критики и библіографіи:** профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. **Университетская лѣтопись:** извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣніе преподаванія, распредѣленіе лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. **Приложенія:** университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *А. Александровъ*.

8—1

Открыта подписка на 1905 годъ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ

журналъ общества счетоводовъ

„ПРАКТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ",

издающійся по слѣдующей программѣ.

1. Счетоводная жизнь. Сцены и разсказы изъ нея.

2. Научный отдѣлъ: счетоводство, финансы, контроль, коммерческія науки, мораль и законы нравственности, экономія, статистика.

3. Обзоръ смѣтъ, отчетовъ земскихъ и городскихъ учрежденій-товариществъ, компаній и обществъ на паяхъ, акціяхъ, взаимнаго кредита и т. п.

4. Судебный отдѣлъ, безъ права обсужденія рѣшеній. Судебно, счетоводная экспертиза.

5. Библіографія: новыя книги и рецензіи на изданія, соотвѣтствующія программѣ изданія.

6. Справочный отдѣлъ: практическія свѣдѣнія, а также рекламы и объявленія. Хроника, по спеціальности журнала.

При журналѣ выдаются подписчикамъ особыя приложенія, состоящія изъ учебниковъ, руководствъ, пособій и сочиненій по счетоводству.

Цѣль органа обсуждать практическіе вопросы и задачи и все достойное подражанія, примѣненія, введенія въ жизнь.

Научный отдѣлъ посвященъ финансамъ, счетоводству, контролю, коммерческимъ наукамъ, статистикѣ, экономіи, морали и законамъ нравственности.

Въ судебномъ отдѣлѣ помѣщаются отчеты о выдающихся дѣлахъ, затѣмъ дается разборъ отчетовъ, преимущественно образцовыхъ, достойныхъ подражанія, и, наконецъ, имѣются отдѣлы: библіографическій, справочный и объявленій.

Вся чистая прибыль отъ изданія журнала обращается во вспомогательный капиталъ Общества для выдачи безвозвратныхъ пособій нуждающимся Членамъ Общества.

Подписная цѣна: на годъ 6 руб., полгода 3 руб, 2 мѣс. 1 руб.

Съ подпиской адресоваться въ редакцію журнала: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., № 43; МОСКВА, Б. Тверская, № 18, д. Ѳ. Езерскаго.

Редакторъ *Ѳ. В. Езерскій.* Издатель *Общество Счетоводовъ.*

8—1

Открыта подписка на 1905 г. на журналъ

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ".

Издаваемый при С.-Петербургской духовной академіи ежемѣсячный журналъ „Христіанское Чтеніе", старѣйшій изъ всѣхъ русскихъ духовныхъ журналовъ, вступая въ 1905 году въ 85-й годъ изданія, по прежнему будетъ давать статьи богословскія, философскія и историческія, принадлежащія преимущественно профессорамъ академіи и имѣющія, кромѣ научнаго, значеніе для рѣшенія вопросовъ современной церковно-общественной жизни, а также обзоръ духовныхъ и свѣтскихъ журналовъ и отзывы о болѣе крупныхъ произведеніяхъ богословской и исторической литературы. Выходя въ количествѣ 12 книжекъ, каждая отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ, Христіанское Чтеніе" даетъ въ годъ до 132 печатныхъ листовъ (болѣе 2000 стр.), составляющихъ два тома (по двѣ части въ каждомъ) научно-богословскихъ статей въ доступномъ изложеніи и, кромѣ того, одинъ томъ журналовъ Академическаго Совѣта, печатаемыхъ въ приложеніяхъ къ журналу съ особымъ счетомъ страницъ.

Подписная цѣна 5 руб., съ приложеніемъ одиннадцатаго тома твореній Златоуста 6 руб. 50 коп., въ изящномъ переплетѣ 7 руб. Подписчики н 1905 годъ, желающіе имѣть и первые 10 томовъ твореній Златоуста, уплачиваютъ за каждый томъ по два рубля.

Еженедѣльнымъ журналовъ С.-Петербургской духовной академіи служитъ „Церковный Вѣстникъ", органъ церковно-общественной жизни въ Россіи и за границей. Цѣна 5 руб. съ 11-мъ томомъ Златоуста 6 руб. 50 коп., въ переплетѣ 7 руб. Выписывающія оба журнала вмѣстѣ уплачиваютъ 8 руб., съ 11-мъ томомъ Златоуста 9 руб. Цѣна каждаго тома Златоуста въ отдѣльной продажѣ 3 рубля.

Редакторъ профессоръ *Петръ Смирновъ*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
на 1905 годъ (сорокъ шестой)

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ".

Цѣна за годовое изданіе 7 руб., за границу 8 руб. Журналъ выходитъ ежемѣсячно книгами отъ 10 до 12 листовъ.

Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ Духовной Академіи, по предметамъ общезанимательныя и по изложенію доступныя большинству читателей, а также переводы твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые, въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ „Библіотека твореній свв. отцовъ и учителей церкви Западныхъ".

Указомъ Св Синода отъ 3/29 февраля 1884 г. подписка какъ на „Труды", такъ и на „Библіотеку твореній свв. отцевъ и учителей церкви Западныхъ" рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

ПРИ ПОЧАЕВО-УСПЕНСКОЙ ЛАВРѢ
издается журналъ для назидательнаго чтенія

Почаевскій Листокъ

ВЪ ГОДЪ ВЫХОДИТЪ

52 номера Почаевскаго листка **52**
52 номера приложеній къ нему **52**

Кромѣ того подписавшимся на Почаевскій Листокъ за 1905 годъ безплатно будетъ высланъ за первое полугодіе **молитвословъ** крупной гражданской печати въ 8 долю листа, въ 380 страницъ, а за второе полугодіе **крестная пѣснь** (написанное стихами повѣствованіе о страданіяхъ Спасителя), съ приложеніемъ нотъ для пѣнія.

Въ Почаевскомъ Листкѣ и приложеніяхъ къ нему будутъ помѣщаться: поученія, сказанія, житія святыхъ, назидательныя повѣсти, извѣстія о выдающихся церковныхъ и государственныхъ событіяхъ, описанія жизни и службъ въ Почаевской Лаврѣ, отвѣты на запросы подписчиковъ Желающіе получать въ теченіи 1905 года Почаевскій Листокъ съ приложеніями къ нему еженедѣльно—благоволятъ выслать 1 руб. 50 коп., ежемѣсячно (по 4 номера за одинъ разъ)—только 1 р. **по адресу:** Почаевъ Волынской губ., Редакція Почаевскаго Листка.

За 1 р. будетъ выслано все то, что и за 1 р. 50 к., разница только въ пересылкѣ: еженедѣльно или ежемѣсячно.

Пробные номера высылаются безплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1905 годъ на

„ХАРЬКОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ“

газету политическую, общественную и литературную

ИЗДАНІЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ.

Постоянныя рубрики газеты слѣдующія: 1) Телеграммы: Торгово-Телеграфнаго и Россійскаго агентствъ. 2) Статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики 3) Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію мѣстныхъ и общихъ вопросовъ. 4) Послѣднія извѣстія (мѣропріятія, слухи, проекты и т п.). 5) Мѣстныя извѣстія (городскія и изъ уѣздовъ). 6) Мнѣнія печати (столичной и провинціальной). 7) Корреспонденціи. 8) Новости науки, литературы и искусства. 9) Театръ и музыка. 10) Внутреннія извѣстія. 11) Внѣшнія извѣстія. 12) Судебный отдѣлъ. 13) Фельетонъ 14) Библіографическія замѣтки. 15) Смѣсь. 16) Справочный отдѣлъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	1 м.	2 м.	3 м.	4 м.	5 м.	6 м.	7 м.	8 м.	9 м.	10 м.	11 м.	12 м.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Съ пересылкою . . .	1 20	2 10	3 —	4 —	5 —	5 75	6 20	7 —	8 —	9 —	9 50	10 —
Съ доставкою . .	1 —	2 —	2 50	3 50	4 —	5 —	5 50	6 50	7 —	8 —	8 50	9 25
Безъ достав. и пересылки.	— 80	1 50	2 25	3 —	3 75	4 50	5 25	6 —	6 50	7 50	8 —	8 25

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ книжн. магазинахъ „Новаго Времени“ и въ Харьковѣ, въ конторѣ „Харьк. Губ. Вѣд.“, Петровскій пер. № 17.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка.

10—6

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1905 годъ,

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ,

„Южный Край"

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ

Выходитъ ежедневно безъ предварительной цензуры.

Редакція ежедневно получаетъ извѣстія изъ столицъ и провинцій отъ собственныхъ корреспондентовъ.

Корреспонденціи изъ Франціи, Англіи, Германіи, Австро-Венгріи, Италіи, Турціи, Швейцаріи, Персіи, Малой Азіи и другихъ странъ.

Въ „Южномъ Краѣ" помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ

Подписная цѣна на 1905 года:

Съ доставкою въ Харьковѣ:

На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
10 —	9 50	9 —	8 25	7 50	6 75	6 —	5 25	4 50	3 40	2 40	1 20.

Съ пересылкою иногороднимъ:

11 —	10 50	10 —	9 20	8 50	7 80	7 —	6 —	5 —	—	3 —	1 50.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ конторой. Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край" на Сумской ул., въ домѣ А. А. Іозефовича, № 13.

„Южный Край" печатается на ротаціонной машинѣ Маринони, полученной изъ Парижа которая даетъ до 20,000 оттисковъ въ часъ.

Редакторы: А. А. Іозефовичъ.
Н. Н. Окуловъ.

6281.046

Издатель А. А. Іозефовичъ.

44 092 939 925